

Нежинский государственный университет
имени Николая Гоголя

Г. В. Самойленко

**НЕЖИНСКИЙ
СПИСОК ВТОРОГО ТОМА
"МЕРТВЫХ ДУШ" Н.ГОГОЛЯ**

Нежин
2012

УДК 821.161.09 Гоголь
ББК 91.9.83.3(4Рос)+83.3(4Рос)
С17

Рекомендовано Ученым советом
Нежинского государственного университета
имени Николая Гоголя
(НГУ им. Н. Гоголя)
Протокол № 8 от 19.04.2012 г.

Рецензенты:

Михед П. В. – профессор, доктор филологических наук;
Киченко А. С. – профессор, доктор филологических наук;
Кирилюк З. В. – профессор, доктор филологических наук

Самойленко Г. В.

С17 Нежинский список второго тома "Мертвых душ"
Н.Гоголя / Г. В. Самойленко. – Нежин : НГУ им. Н. Гоголя,
2012. – 360 с.
ISBN 978-617-527-048-6

В книге впервые раскрыта история списков второго тома "Мертвых душ"
Н.Гоголя и напечатан текст нежинского списка с текстологическим его
сопоставлением с академическими списками, опубликованными в Полном
собрании сочинений писателя.

УДК 821.161.09 Гоголь
ББК 91.9.83.3(4Рос)+83.3(4Рос)

ISBN 978-617-527-048-6 © Г. В. Самойленко, 2012
© НДУ им. Н. Гоголя, 2012

РАЗДЕЛ I
Списки второго тома
"Мертвых душ"
Н.Гоголя как научное явление

История написания второго тома "Мертвых душ", его публикация, а также художественная специфика поэмы нашли отражение в работах исследователей русской литературы и творчества Гоголя как XIX, так и XX веков, в частности в трудах И.Виноградова, В.Воропаева, А.Гольденберга, С.Гончарова, Е.Дмитриевой, Ю.Манна, Н.Сквиры, Е.Смирновой-Чикиной, М.Храпченко и других. К этим работам примыкает и наша публикация "Хроника написания второго тома "Мертвых душ" Н.Гоголя" (2012). Однако до последнего времени списки второго тома "Мертвых душ", которые распространялись после смерти писателя, не получили еще необходимого освещения, хотя они и представляют интерес как научное явление.

Списки и подделки любого художественного произведения и второго тома Н.Гоголя "Мертвых душ", в частности, можно рассматривать как текстологический материал или связывать их с литературной эвристикой, а также как литературоведческое явление, которое анализируется в тесной взаимосвязи с историей литературы, при этом осмысляются идеологические, историко-общественные, а также историко-литературные вопросы. И таким образом выясняется, что же ставило перед Гоголем-писателем в период написания им второго тома поэмы само историческое время и что хотели видеть почитатели его таланта в так долго ожидаемом ими произведении.

Обратимся к истории создания списков "Мертвых душ" Гоголя, к тем именам, которые были причастны к этому процессу.

В 1852 г. Гоголь заболел, все его мысли были о скорой кончине. И он готовился к ней. Незадолго до смерти Гоголя к нему заглянул граф А.П.Толстой, в доме которого жил писатель, и автор "Мертвых душ" попросил графа: "Пожалуйста, возьми эти тетради и спрячь их. На меня находят часы, когда все это хочется сжечь. Но мне самому было бы жаль. Тут, кажется, есть кое-что хорошее". Граф Толстой из ложной деликатности не согласился... он знал, что Гоголь предается мрачным мыслям о смерти и т.п., и ему не хотелось исполнением просьбы его как бы подтвердить его ипохондрические опасения.

Спустя три дня граф опять пришел к Гоголю и застал его грустным. "А вот, сказал ему Гоголь, – ведь лукавый меня таки попутал: я сжег "Мертвые души". Он не раз говорил, что ему представлялось какое-то видение. Дня за три до кончины он был уверен в своей скорой смерти" [1, с. 750].

Действительно, в ночь с 23 на 24 февраля 1852 г. Гоголь сжег рукопись второго тома "Мертвых душ". Он сожалел об этом поступке, но ничего уже нельзя было сделать. Рукопись сгорела. А через 10 дней 4 марта 1852 г. умер и Н.Гоголь.

После смерти писателя проф. С.П.Шевырев, пересматривая бумаги Гоголя, обнаружил 5 глав второго тома "Мертвых душ", а также отдельные отрывки различных вариантов. Все они ныне хранятся в Российской государственной библиотеке в Москве.

Размышляя об этой критической ситуации сожжения, возникает вопрос: "А был ли вообще второй том?" Что сжег Гоголь, неизвестно. Читал он лишь первые главы. Думается, что если бы полный текст поэмы был в наличии, то Гоголь не выдержал бы и кому-нибудь из знакомых все же показал или прочитал. Можно допустить, что уничтоженные тетради – это были всего лишь первые главы, переписанные начисто и, как утверждают многие ученые и заявляет сам писатель, сожжены они были действительно случайно.

Но существуют самые различные легенды о втором томе "Мертвых душ". Е.Смирнова-Чикина считает, что рукопись второго тома была спрятана реакционерами, которые окружали писателя, ибо она была написана после критики В.Белинского в "прогрессивном духе" [2].

Норвежский литературовед Гейр Хетсо выдвинул иную версию сокрытия рукописи. Он считает, что действительно сам Гоголь способствовал тому, чтобы она была на время спрятана у близких ему людей: у митрополита Филарета, у наследника престола Александра Николаевича, у Толстого, который после смерти писателя имел доступ к бумагам писателя. Литературовед возлагает надежду на то, что рукопись еще найдется, что она жива и что ее еще обнаружат [3].

Известный русский литературовед А.Терц в связи с этим писал: "Читаешь все это, слышишь, и закрадывается в сердце мечта, что этого не может быть, чтобы "Мертвые души", как он их замыслил, не были бы написаны до конца. Они должны были, непременно должны осуществиться! Они хранятся где-нибудь в сейфе, до времени, до последнего дня Суда. Только никто об этом не знает... Иначе – все напрасно. Иначе – ужас, плач и скрежет зубовой. И весь мир – только злая, безумная карикатура. Не Гоголю – нам с вами" [4].

И сегодня слышны подобные голоса. Д.Бак утверждает, что второй том "Мертвых душ" "имеет настолько мощную энергетику, настолько понятно, какой замысел он в себе нес, что можно сказать, – он существует... возможно, что мы когда-нибудь найдем другие его фрагменты, которые могут лежать в архивах" [5].

В другой статье говорится: "Гоголь к концу 1851 г. закончил второй том "Мертвых душ", по мнению автора и его слушателей, – шедевр. В феврале 1852 г., чувствуя приближение своей смерти, Гоголь сжег ненужные черновики и бумаги. После его смерти рукопись второго тома "Мертвых душ" попала к графу А.Толстому и по сей день пребывает где-то в целости и сохранности" [6]. Подобных заявлений немало в современной периодике. Но все эти версии остаются лишь желанием и воображением самих исследователей творчества Гоголя. Хотя появление отдельных списков глав второго тома "Мертвых душ" в последнее время дает право на существование подобных легенд.

Действительно, сразу же после смерти писателя граф А.П.Толстой изъял некоторые его бумаги, ибо среди опечатанных полицией они не значатся.

Как сообщает Е.М.Феоктистов в письме к И.С.Тургеневу от 8 марта (25 февраля), в день похорон Гоголя говорили, что у графа Толстого "оставался запечатанный пакет, который откроют через 6 недель" [7]. Была какая-то надежда, что именно в нем находился текст "Мертвых душ".

28 апреля 1852 г., после 6 недель со дня смерти писателя, произошло вскрытие бумаг Гоголя. В этом участвовали известный историк литературы, поэт, профессор Московского университета Степан Шевырев, хозяин дома, где жил Гоголь, известный государственный деятель России граф Александр Толстой и московский гражданский губернатор, сын поэта и драматурга В.В.Капниста Иван Капнист. Это были близкие Гоголю люди.

С.Шевырев в письме к М.Погодину сообщал: "Граф Толстой был у меня вчера и сказал, что гражданский губернатор желает сделать вскрытие бумаг Гоголя как можно тише, а потому пригласил только меня, что и будет сделано сегодня, в понедельник. Вот почему гр.Т(олстой) не дал знать тебе" [8].

Эта засекреченность, как утверждает Ю.Манн, была связана с тем, чтобы бумаги Гоголя не попали "в руки председателя столичного цензурного комитета и попечителя учебного округа М.Н.Мушина-Пушкина, известного своим недоброжелательством к Гоголю,

а это повлекло бы за собою проволочки и осложнения. Так в конце концов и получилось..." [9].

Проф. С.Шевырев об этой акции писал М.Погодину 2 мая 1852 г.: "Бумаги открыли. Нашли объяснение на литургию и 4 главы черновых 2-го тома "Мертвых душ". Подробнее при свидании" [10].

Эту же ситуацию раскрыл в нескольких письмах и А.Толстой. Так, в письме к своей сестре С.П.Апраксиной он сообщал: "Я был да и теперь все еще занят печальными обязанностями, которые на меня возложены. Даже сегодня, в этот самый момент, у меня находятся губернатор Капнист и Шевырев. Вчера мы сломали печати, чтобы пересмотреть то, что осталось от его бумаг. Это тяжелое и утомительное занятие, которое продлится еще несколько дней. Мы нашли несколько избежавших уничтожения тетрадей, но все неполно, перечеркнуто, разорвано и потребуются терпенье Шевырева, чтобы извлечь из них пользу. Это будет:

1) 4 главы второго тома "Мертвых душ".

2) Объяснение "Литургии", которое, как я знаю, он никому кроме меня не читал и которое предполагал издать без имени автора (неполностью)...

Это все-таки лучше, чем ничего. Молодежь сможет увидеть, что было серьезного и христианского в том Гоголе, которого она знала только как сатирика и фрондера... Как бы то ни было, я Вас связываю обещанием никому, кроме Оболенского подробностей об этом деле не рассказывать. Моя жена сообщила об этом в двух словах графиням Виельгорским" [11].

Членами комиссии был составлен "Список бумаг, оставшихся после покойного Гоголя", в котором обозначено: "Черновые тетради 2-го тома "Мертвых душ": 1-я глава от 1-й до 35 страницы, 2-я глава от 37 до 48 страницы, 3-я глава от 47 страницы по 75-ю, 4-я глава от 77 по 99-ю. Еще глава, не обозначенная номером" [12].

Этот документ подтверждает Иван Аксаков в письме к неизвестному лицу: "... Действительно найдены самые черновые рукописи 4-х первых глав 2-го тома, да еще какой-то главы, никому не читанной... объяснение обедни, завещания, слово к друзьям, этот лоскуток, – кажется, найдены в портфеле; очевидно, что он сохранил их с намерением, но главы из "Мертвых душ" нашлись завалившимися в шкафу за книгами. При распечатании бумаг были Капнист, Толстой и Шевырев; разбор взял на себя Шевырев, который исполняет это дело добросовестно" [13].

А.Толстой в письме к своей сестре С.П.Апраксиной сообщал о том, что обнаружены также письма различных адресатов к Гоголю, среди них и самого А.Толстого, а также его сестры. "Я не могу покинуть эти дела, этот последний долг, который я обязан отдать покойному, дела, которыми я буду заниматься сегодня и еще несколько дней. Я не знаю достаточно Шевырева, чтобы доверить ему это дело без меня и оставить его одного хозяином этих бумаг, тем более, что я нахожу и извлекаю мои письма и также ваши, мой дорогой друг. Это сжимает мне сердце видеть наиболее интимные мысли, сообщенные покойному, отданными без защиты мне, Шевыреву, а позднее и другим, может быть, и т.д. Когда все будет приведено в порядок, мы отошлем все матери покойного, а перед этим я помещу бумаги, которые будут запечатаны мною, у Капниста, который проявляет истинный интерес ко всей семье" [14].

Проф. С.Шевырев изучил все бумаги Гоголя, которые находились в портфеле писателя, а также в его конторке. Д.Оболенский вспоминал: "Шевырев занимался в Москве разбором бумаг покойного Гоголя. В числе их оказалось несколько оконченных глав второго тома "Мертвых душ", а также отрывков из второй, а может быть даже и третьей части. Рукописи эти, очевидно, были черновые, с таким множеством помарок, что разобрать их было делом весьма трудным" [15]. Действительно, Гоголь постоянно работал над текстом. М.Максимовичу он говорил: "Беспрестанно поправляю... и всякий раз, когда начну читать, то сквозь написанные строки читаю еще ненаписанные. Только вот с первой главы туман сошел" [16].

Сам С.Шевырев в письме к К.С.Сербиновичу рассказывал о трудностях работы над рукописными документами Гоголя: "Все это требует разбора, редакции, переписки. Могу сделать это только я сам. Жду свободных совершенно минут для этого дела" [17]. С.Шевырев провел большую текстологическую работу над черновиками 5-ти глав второго тома "Мертвых душ". 4 главы были размещены в 4 тетрадях, состоящих "из перегнутых пополам листов плотной шероховатой, без водяных знаков, белой бумаги" [18, т. VII, с. 393]. Каждая тетрадь состояла из восьми вложенных друг в друга листов. Некоторые из них в процессе переработки текста были заменены Гоголем другими с уже исправленным текстом. Текст каждой из тетрадей состоит из нескольких слоев. Первый слой является беловым самой первой редакции, куда вносил автор изменения и исправления. С.Шевырев расшифровал главы. Как вы-

явилось "впоследствии, бывший некогда беловым текст в четырех первых тетрадах был покрыт несколькими слоями заменяющих друг друга приписок. Поверх основного текста различаются последовательно: 1) ранний карандашный слой исправлений, причем некоторые из них отброшены автором, многие же обведены черными чернилами; 2) слой, вписанный теми же чернилами мелким и четким почерком; 3) исправления карандашом, большинство которых обведено разными чернилами; 4) слой, вписанный теми же чернилами; 5) поздний карандашный слой в виде четких и мелких приписок на полях. Хронологическая последовательность исправлений в ряде случаев видна наглядно" [18, т. VII, с. 395]. Все эти слои С.Шевырев расчленил. Был определен основной текст. Перед ученым возникло немало сложных вопросов: что это за текст, т.е. его история, к какому времени написания относится основной текст и его варианты. Необходимо было произвести дисхроническое, историческое осмысленное прочтение глав, определить, какой из списков можно признать каноническим.

Возник вопрос, как поступить с этими главами? С.Т.Аксаков, ссылаясь на Гоголя, который незадолго до смерти сказал, что "он не будет печатать второго тома, что в нем все никуда не годится", был против их обнародования. И в письме к С.Шевыреву он утверждал: "Как же печатать после этого, черновую, впоследствии, может быть, совершенно измененную рукопись? Мы нарушим последнюю волю или художника или христианина..." [19].

И все же в 1855 г. Н.Трушковский выпустил книгу "Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В.Гоголя. Второй том (5 глав)" по тексту, подготовленному С.Шевыревым с примечаниями.

В предисловии к публикации Н.Трушковский замечал, что сочинение Гоголя дошло до нас в "черновых давнишних тетрадах, нечаянным образом уцелевши от сожжения".

Здесь же он также указывал на сложность расшифровки глав рукописи: "Начало первой главы: описание деревни Тентетникова (как и вообще все описанные местности), затем воспитание Тентетникова в школе, поступление его на службу, поправлено и переделано сколько раз, что даже трудно решить, что именно следует выбрать..."

Вторая глава прервана в самом интересном месте, когда следует примирение генерала с Тентетниковым и разговор их о

1812 году; да и в самом разговоре генерала с Чичиковым, по рассказам слышавших чтение самого автора, недостает многого" [20]. И так кратко Н.Трушковский характеризует каждую главу.

Уже этот текст первой публикации второго тома привлек к себе внимание критики, среди них были А.Писемский, Н.Некрасов, Н.Чернышевский и др. Последний откликнулся и на издание 1857 г. П.Кулиша, отметив, что помещение отрывков "Мертвых душ" в двух редакциях является интересным для их сравнения [21]. Однако Н.Чернышевский не останавливается на этом, а сосредотачивает свое внимание на письмах Гоголя, помещенных в одном из томов Сочинений, так как второй том "Мертвых душ" он проанализировал в 1855 г. в "Очерках гоголевского периода русской литературы". Он писал: "Напечатанные ныне пять глав второго тома "Мертвых душ" уцелели только в черновой рукописи, и, без сомнения, в окончательной редакции имели совершенно не тот вид, в каком теперь мы читаем их – известно, что Гоголь работал туго, медленно и только после множества поправок и переделок успевал придать истинную форму своим произведениям. Это обстоятельство, значительно затрудняющее при решении вопроса: "ниже или выше первого тома "Мертвых душ" в художественном отношении было бы их продолжение, окончательно обработанное автором", не может еще заставить нас совершенно отказаться от суждения о том, потерял или сохранил Гоголь всю громадность своего таланта в эпоху нового настроения, выразившегося "Перепискою с друзьями". Но общий приговор о всем черновом эскизе, сохранившемся от второго тома, делается невозможным потому, что этот отрывок сам, в свою очередь, есть собрание множества отрывков, написанных в различное время под влиянием различных настроений мысли, и, кажется, написанных по различным общим планам сочинения, наскоро перечерканных без пополнения вычеркнутых мест, – отрывков, разделенных пробелами, часто более значительными, нежели самые отрывки, наконец, потому, что многие из сохранившихся страниц были, как видно, отброшены самим Гоголем, как неудачные, и заменены другими, написанными совершенно вновь, из которых иные – быть может, в свою очередь также отброшенные – дошли до нас, другие – и, вероятно, большее число – погибли. Все это заставляет нас рассматривать каждый отрывок порознь и производить суждение не о "пяти главах" "Мертвых душ", как цельном, хотя и черновом эскизе, а только о различной степени достоинств различных страниц, не связанных ни единством плана, ни един-

ством настроения, ни одинаковостью довольства ими в авторе, ни даже единством эпохи их сочинения" [21, с. 190].

Н.Чернышевский отказывает главам второго тома "Мертвых душ" в ценности. Он заявляет: "Многие страницы второго тома "Мертвых душ" недостойны ни его ума, ни его таланта, ни особенно его характера" [21, с. 192]. Такую оценку произведения Гоголя трудно ныне принять. Хотя нельзя не согласиться с критиком о необходимости очень внимательного отношения к главам при их анализе и трактовке как образов, так и самого текста этой части поэмы.

П.Кулиш, который решил издать "Собрание сочинений Гоголя" с включением в него текста второго тома поэмы, сделал уточнение, заявив, что тетрадей, заключающих в себе продолжение "Мертвых душ", нельзя назвать черновыми, в собственном смысле слова. Они были тщательно списаны самим Гоголем с предшествовавшей им черновой рукописи и потом уже испещрены множеством разновременных поправок. В некоторых местах переделаны целые листы и страницы (рукопись – на почтовой бумаге листового формата), в других прибавлены новые или изменены старые строки, фразы и слова; одне поправки сделаны при переписке текста, другие – по готовой уже рукописи; одне – одновременно, другие – в несколько приемов и разными чернилами: черными, бледными, рыжими, а местами и карандашом" [22]. На основании этого П.Кулиш делает вывод, что Гоголь неоднократно и много раз принимался исправлять и переделывать свое сочинение. А поэтому издатель решил представить читателю текст "в двояком виде: сперва так, как он был переписан набело рукою Гоголя", т.е. в первоначальном виде, "а потом (сколько было возможно) в том виде, в каком Гоголь желал представить его публике" [22, с. 258], т.е. в исправленном виде. Так появились в 1857 г. в 4 томе "Собрания сочинений Гоголя. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма. Том второй" в двух списках. Каждый из них был снабжен примечаниями: в первом списке С.Шевырева об отсутствующих эпизодах в тексте, во втором – даны варианты тех или других слов, фраз, например, к словам "распостирая развесистые ветви" дан вариант – "расставляя широко распростертые ветви". В примечаниях были опубликованы дополнения к тексту, сделанные Гоголем сбоку, снизу, перед текстом, между строк, после него, другими чернилами и т.п.

В последующих изданиях сочинений Гоголя второй том "Мертвых душ" (1862, 1867 гг. и других) повторялся в том виде, в каком появился в первом издании П.Кулиша.

Таким образом, к 1853 г. существовало две, созданных на основе гоголевского списка, рукописи, а также список С.Шевырева, который умножался среди читателей в 1853–1855 гг. путем его переписывания. Сколько таких списков было сделано, трудно ныне сказать.

Вопрос о хронологии создания Гоголем текста глав "Мертвых душ" начал изучаться значительно позже. Так, Н.С.Тихонравов, готовя примечания к 10-му изданию "Сочинений Н.Гоголя" (т. 3, с. 586), замечал: все сохранившиеся главы написаны в 1841–1842 годах, т.е. до отъезда Гоголя за границу. Авторы примечаний к академическому Полному собранию сочинений Гоголя в 14 томах [18, т. VII, с. 399] относят появление этих четырех глав к периоду конца 40-х гг. "Есть, таким образом, все основания признать, что первоначальный текст сохранившихся первых четырех тетрадей, – заявляют они, – представляет собой уцелевший фрагмент той самой редакции второго тома, которая создана была Гоголем в Москве и впервые была им прочитана летом 1849 г. у Смирновой. Эта редакция по счету была второй, если считать первой редакцию, сожженную в 1845 г." (т. VII, с. 416).

Составители полного собрания сочинений Гоголя в 17 томах (2009) И.Виноградов и В.Воропаев считают, что первые четыре главы "представляют собой текст, переписанный Гоголем в период с марта по начало июля 1849 г. с недошедшей до нас в полном объеме рукописи, которая была привезена им в апреле 1848 г. из-за границы. Этими автографами начальных глав Гоголь пользовался вплоть до весны 1850 г., внося в них исправления по ходу работы порой в результате периодически устраиваемых публичных чтений, а оставил не позднее осени 1851 г. (в 1851 г. Гоголь уже работал над поэмой по новому списку, до нас не дошедшему)" [18а, т. V, с. 627].

Пятая глава, которая не связана с четырьмя первыми, по утверждению ученых академического издания, принадлежит к ранней редакции, сожженной в 1845 г., и написана в 1844 г. Новые же слои в ней появились позже, сентябрь 1844 – июнь 1850 гг.

И.Виноградов и В.Воропаев относят автограф заключительной главы к заграничному периоду – осени 1847 – зиме 1847/1848 гг., ибо автограф отличается от рукописей первых четырех глав бумагой другого производства и формата и различным характером правок. Они считают, что эта глава "представляет собой фрагмент

(окончание) той не дошедшей до нас в полном объеме рукописи, которая была привезена Гоголем из-за границы и стала перерабатываться сразу по приезде в Россию. Спустя год в результате переработки начальные главы переписаны (часть этой работы – сохранившиеся четыре главы), а в заключительной появился слой исправлений (датируется 1849–1850 гг.) [18а, т. V, с. 627].

Таким образом, эти исследователи приближают написание текста заключительной главы к основной работе Гоголя – концу 40-х гг.; и в этом их можно поддержать.

Как бы там ни было, сохранившаяся рукопись второго тома "Мертвых душ" с различными слоями текста дала возможность С.Шевыреву, а немного позже и П.Кулишу расслоить текст и создать две редакции: раннюю (с первоначального слоя) и позднюю (с основными поправками), существуют также "Наброски к несохранившимся главам".

С.Шевырев не только прочитал главы второго тома, собственноручно переписал их, попытался восстановить весь текст, используя различные источники, в частности свои воспоминания о прочитанных ему Гоголем главах "Мертвых душ", но и по памяти восстановил текст отсутствовавших эпизодов в беловом списке поэмы. Когда работа академика над разбором рукописных материалов Гоголя была завершена, последовало распоряжение Марии Ивановны, матери писателя, о передаче прав на издание произведений своему внуку, сыну старшей дочери Марии Васильевны Николаю Павловичу Трушковскому. Началась подготовка текста к его изданию, но цензурный комитет не давал разрешения на публикацию текста, и Мария Ивановна Гоголь-Яновская при непосредственном участии С.Шевырева обратилась с просьбой к царю Николаю I разрешить печатание произведений ее сына. С подобной просьбой обратился также к императору через шефа жандармов А.Ф.Орлова и С.Шевырев. Оба письма были отправлены великому князю Константину Николаевичу, который взял на себя инициативу передать через шефа жандармов письмо Марии Ивановны царю. О просьбе матери Гоголя было доложено Николаю I, который не соизволил решать вопрос, указав, что это дело цензуры. Печатание произведений Гоголя, в том числе и второго тома "Мертвых душ", задерживалось. И лишь после смерти Николая I новый царь Александр II разрешил этот вопрос. 26 мая 1855 года последовало и положительное решение цензурного комитета.

Пока почти два года проходила цензурная волокита, рукопись второго тома распространялась в списках в Петербурге, Москве и других городах.

Активным пропагандистом содержания списка второго тома "Мертвых душ" в Петербурге был князь Дмитрий Оболенский, который был знаком с Гоголем, начиная с 1848 г., виделся с ним в июле 1849 г. в Калуге, где слушал текст глав второго тома у А.Смирновой, а также прочитанных Гоголем специально ему и А.Россет осенью 1851 г.

Д.Оболенский считал своим долгом распространять то, что знал сам, используя для этого копию списка глав второго тома "Мертвых душ", сделанную С.Шевыревым Великому князю Константину Николаевичу. Наследник престола ведал Военно-морским ведомством России, в котором служил Д.Оболенский и был хорошо знаком с Великим князем. "По этому списку, – вспоминал Д.Оболенский, – я читал у разных лиц в Петербурге, и, между прочим, многие из петербургских литераторов в первый раз услышали это новое произведение Гоголя" [23].

Чаще всего Д.Оболенский читал главы второго тома "Мертвых душ" Гоголя в салоне известного государственного деятеля Николая Алексеевича Милютина, который был близок к кругу славянофилов, в частности к И.Аксакову и Ю.Самарину, а также к Великому князю Константину Николаевичу.

В салоне Н.А.Милютина бывали его родные братья генерал-фельдмаршал, военный и общественный деятель Дмитрий Алексеевич и экономист, историк, статист Владимир Алексеевич Милютины. Дмитрий Алексеевич был также близок к салону Великого князя Константина Николаевича. Оба брата входили в круг журнала "Современник". В салоне Н.А.Милютина могли быть и другие близкие к его окружению представители общественности.

Читал Д.Оболенский список второго тома "Мертвых душ" также в салоне несостоявшегося литератора, талантливой поэта-дилетанта Александра Николаевича Карамзина, сына известного историка и писателя Н.И.Карамзина, который был женат на княжне Наталье Васильевне Оболенской [23а]. Известный литератор, цензор, академик А.В.Никитенко восторженно откликнулся о чтении глав второго тома "Мертвых душ" в доме А.Н.Карамзина. В своем "Дневнике" от 9 февраля 1853 г. он сделал такую запись: "Обедал у Карамзина. После обеда читаны были неизданные главы "Мертвых

душ". Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати. Эти пять часов были истинным наслаждением. Читал, и очень хорошо, князь Оболенский" [24].

Библиограф и хранитель рукописей Публичной библиотеки в С.-Петербурге Афанасий Федорович Бычков, очень активная личность в изучении архивных материалов, который слушал тест "Мертвых душ", просил М.Погодина прислать ему список второго тома [25].

С подобной просьбой обращался к А.В.Анненкову, известному литератору, который жил в Петербурге, 29 января 1853 г. писатель И.Тургенев: "Вы не слышали отрывков из 2-й части "Мертвых душ"? До меня только доходят слухи о ней. Если Вам это удалось, поделитесь со мной Вашим впечатлением" [26].

В Москве с рукописью С.Шевырева второго тома "Мертвых душ" могли познакомиться М.Погодин, а также его жизнеописатель Н.П.Барсуков, члены семьи Аксаковых и другие заинтересованные лица.

Круг слушателей и переписчиков был значительно большим, чем нам удалось выявить.

Списков второго тома "Мертвых душ", составленных различными переписчиками в начале 50-х гг. XIX в., сохранилось около 30 (а может быть, и больше, ибо поиск продолжается).

В комментарии ко второму тому "Мертвых душ" академического Полного собрания сочинений Гоголя (т. VII, 1951 г.) в отношении списков гоголевской рукописи сказано: "В Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, в Московском университете и в Институте украинской литературы Академии наук УССР в Киеве имеется шесть рукописных списков с несохранившегося экземпляра копии, сделанной С.П.Шевыревым с автографа. Между текстом сохранившегося подлинника и рукописными копиями, а также первопечатным текстом имеются разночтения. Однако эти разночтения по своему характеру не могут свидетельствовать о том, что в распоряжении С.П.Шевырева имелся еще какой-либо, не дошедший до нас первоисточник. Разночтения... бесспорно объясняются комбинированием слоев рукописи, неправильным прочтением ряда мест, а также типичными ошибками переписчика" (т. VII, с. 424).

Однако авторы комментариев не учли, что списки второго тома "Мертвых душ" хранятся также и в иных архивах, в том числе и в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (ранее – ЦГАЛИ) в фонде №139, оп. 1 "Рукописи

произведений Н.В.Гоголя. Автографы" [27]. Так, за единицей хранения №5 значится список "Мертвые души". Поэма, ч. II, гл. 1–5". В конце 4-й главы в скобках излагается продолжение текста поэмы со слов С.Шевырева. 5-я глава обрывается словами Чичикова, обращенные к Селифану: "Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозья..." Однако в академическом тексте после этих слов следует еще текст на с. 123–127. Таким образом, этот список – тетрадь в переплете на 191 страницах, принадлежавший Владимиру Херсонскому и обозначенный датой 26 декабря 1853 г., – является неполным.

Неполным является и список (ед. хр. 8), в котором значится текст 5 глав поэмы в трех тетрадях. Глава первая заканчивается словами: "... заставляли его по несколько часов стоять вороной..." За этой фразой в академическом издании идет еще текст на с. 32–36.

Вторая глава начинается словами: "... графскому эконому уже залезли, так сказать, в горло..." и до конца. Этих слов нет во II главе последней редакции академического издания, но они имеются в варианте ранней редакции (примечание 8 к с. 165). Было: "Старику-то они уж и надоели" – заменено: "Старику-то графскому эконому уж они засели, так сказать, в горло". Кроме этого, здесь же находим и другие изменения.

Третья глава начинается словами "Если полковник Кошкарев..." и до конца главы. В последней редакции академического издания, в ранней редакции текст начинается другими словами.

5 глава начиналась словами "В городе между тем началась другая ярмарка..." Эти слова в несколько измененном виде находим в последней редакции в середине первой страницы текста.

Таким образом, этот список несколько отличается от предыдущего.

Списки глав второго тома "Мертвых душ", которые хранятся в РГАЛИ [ЦГАЛИ], датируются 1853–1855 гг., они разные и за количеством страниц. Так, список, принадлежащий Петру Владимировичу Бахметьеву (ед. хр. 6), подан в одной тетради на 229 с., а тетрадь (ед. хр. 7) – на 166 с. и т.п. Из 10 списков, хранящихся в архиве (ед. хр. 5–14), все содержат 1–5 главы, кроме одного списка (ед. хр. 7), где даны только первые четыре главы [28].

Списки второго тома "Мертвых душ" хранятся также в Российской государственной библиотеке в Москве (Ленинка) [29], а также в Институте литературы (Пушкинский Дом) Академии наук России [30], в Государственной публичной библиотеке имени М.Е.Салты-

кова-Щедрина, в Институте мировой литературы имени А.М.Горького АН России.

Два списка находятся в Институте рукописи Национальной библиотеки имени В.Вернадского НАН Украины (ф. 324). Один из них представляет текст второго тома "Мертвых душ" (л. 2–187), переписанный рукой А.В.Верховской. На первой странице стоит год – 1853. Эта рукопись переплетена вместе с рукописным текстом комедии А.Грибоедова "Горе от ума" в твердом книжном переплете. Рукопись написана мелким убористым ровным почерком на листах размером ½ листа А4.

Другой – текст "Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти: "Мертвые души" (т. II пять глав) и "Авторская исповедь", воспроизведен рукой Степана Самохина и еще одного необозначенного переписчика, обрамленный в картонном переплете с кожаным корешком. В реестре рукописи обозначена дата – 1850-е гг. На некоторых листках имеются правки карандашом. Эти два списка поступили в библиотеку из Нежинского педагогического института им. Н.Гоголя.

В 1984 г. в фондах библиотеки Симферопольского государственного университета им. В.Вернадского был разыскан список второго тома "Мертвых душ" (58 страниц) [31]. В нем точь-в-точь повторены все пропуски оригинала и пояснения, сделанные к ним. Бесспорны орфография и начертания букв, характерные для того времени.

В период празднования 200-летия со дня рождения Н.Гоголя Интернет сообщил, что бизнесменом Флориды Тимуром Абдуллаевым был разыскан список второго тома "Мертвых душ" (163 листа – 315 страниц), который ранее находился у коллекционеров, в частности актера Смирнова-Сокольского и других, а потом попал к Вилорику Авербаху, вдова которого и передала ему рукопись как дальнему родственнику. Рукописный текст "Мертвых душ" обрамлен картонным переплетом с кожаным корешком, украшенным золотым тиснением. Как указывает Т.Абдуллаев, "в этой рукописи установлены лексические и стилистические разночтения с академическим изданием второго тома "Мертвых душ", что вышло в России и СССР, и это свидетельствует о том, что она сделана не с печатного издания" [32].

Как свидетельствует эксперт Российской национальной библиотеки им. М.Салтыкова-Щедрина, "рукопись есть писарской копией с исправленной редакции поэмы". Эта рукопись дважды проходила

экспертизу в России: в 1998 и 2001 гг. А в 2003 г. ее историческую ценность подтвердили специалисты аукционного дома "Кристис".

И совсем недавно, в 2008 г., автором этих строк был обнаружен еще один список в Нежине [33]. Его доклад об этой находке был оглашен на Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя, которая проходила 5–10 октября 2009 г. в Москве и Санкт-Петербурге. Во время бурного обсуждения сообщения "Ю.В.Манн призвал докладчика как можно быстрее опубликовать свою находку, а С.А.Фомичев добавил, что редколлегия "Русской литературы" готова предоставить для этой публикации любой ближайший номер журнала". "В ходе обсуждения Е.Е.Дмитриева, ответственный редактор второго тома "Мертвых душ", напомнила о существовании около 30 списков глав второго тома" [34].

В большинстве своем эти списки были обрамлены в темный переплет, с тисненым названием золотистыми или красными буквами.

Все эти списки также могут быть объектом отдельного, специального изучения. И в этом случае исследователь обратит внимание на полноту текста поэмы в списке по сравнению с академическим вариантом "Мертвых душ", а также на его точность. Это потребует от исследователя углубленного сопоставительного текстологического анализа известных отрывков (редакций и вариантов) поэмы, а также воспоминаний современников о главах "Мертвых душ", особенно тех, кто слушал главы в прочтении Гоголя. Такая работа поможет определить ценность каждого из списков и выделить из них наиболее полный текст. Предварительное изучение текстов списков дало нам право утверждать, что нежинский список является наиболее полным, так как включает в себя текст не только ранней редакции, но также фрагменты поздней и существующих вариантов.

Кроме этого, частично раскрыт и вопрос о переписчиках, заказчиках глав, читателях. В процессе знакомства со списками, которые выявлены в различных хранилищах, удалось установить, что их переписчиками и владельцами были Владимир Херсонский, который сделал неполный текст в декабре 1853 г., Петр Владимирович Бахметьев, муж писательницы-прозаика Александры Николаевны, которая в 40–60-е гг. жила в Москве, здесь же в 1849 г. вышла замуж за Петра Владимировича и была близка к славянофилам, в частности, к А.С.Хомякову и Ю.Ф.Самарину и др., дружила с семьей

Аксаковых. Таким образом, список второго тома "Мертвых душ" мог быть сдублирован со списка С.П.Шевырева.

Осталось выяснить, кто такие Владимир Херсонский, А.В.Верховская, Степан Самохин, как один из списков второго тома "Мертвых душ" попал в коллекцию автографов известного актера и собирателя книг и ценнейших изданий Николая Павловича Смирнова-Сокальского и т.п.

Известны также списки второго тома "Мертвых душ" у литератора Сидоровича (1910 г.), который пытался продать их московскому букинисту и антиквару Павлу Шибанову, который за полгода до этого скупил семейный архив Гоголя в Киеве за 5000 руб. [35].

Рассматривая списки, следует учитывать и интерес читателя к ним и то, что он ожидал получить от знакомства с произведением Гоголя. Известно, что не все читатели были удовлетворены содержанием услышанного или прочитанного. И здесь сыграли свою роль не столько их вкусовые качества, сколько общественно-социальные взгляды читателя. Проникая в их реакцию на произведение Гоголя, важно не только выявить и понять эти отношения разных читателей со своими особыми вкусами, интересами, потребностями, но и раскрыть читательский протезизм, т.е. стремление углубиться в коммуникативный процесс, в котором активную творческую роль принадлежит воспринимающей произведение публике [36].

Все это следует учитывать, например, при рассмотрении списка, появившегося в 1872 г. в январском номере журнала "Русская старина" под названием "Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В.Гоголя. Новые отрывки и варьянты". Он интересен тем, что дает возможность познакомиться не только с читателем второго тома "Мертвых душ", увлеченного новым произведением Гоголя, но и стремящегося вмешаться в творческую концепцию писателя.

В предисловии к публикации сказано: "Представляемые нами отрывки составляют частью варьянты, частью дополнения тех списков первых глав второго тома "Мертвых душ", которые до сих пор найдены и изданы. Отрывки эти сохранились в рукописи, принадлежавшей другу и товарищу Гоголя по воспитанию в Нежинском лицее Николаю Яковлевичу Прокоповичу (ум. в 1857 г.). Рукопись (в 4-ю долю) подарена была Прокоповичем на память его сослуживцу по преподаванию в 1-м кадетском корпусе полковнику Н.Ф.Я-му. Полковник, живя впоследствии в губернском городе Могилеве, познакомился с директором училищ Могилевской

губернии – Михаилом Богоявленским и, по его просьбе, охотно позволил снять точную копию с своего манускрипта. Эту копию М.М.Богоявленский, – ныне директор С.-Петербургского коммерческого училища, – весьма обязательно предоставил нам напечатать на страницах "Русской Старины" [37].

Эти "неизвестные" главы второго тома "Мертвых душ" Гоголя были тепло встречены читателями и литераторами. Редакция журнала отмечала, что в них "Искрится неподражаемый, умерший с Гоголем юмор, поразительная меткость выражения и художественное воспроизведение лиц, местностей, всего, до чего только касалась кисть гениального мастера" [38].

Редакция считала, что эти главы "интересны уже потому, что они знакомят нас с процессом творчества бессмертного художника" (Там же). Поэтому провела сопоставительную работу, сравнив эти главы с опубликованными Н.Трушковским и П.Кулишем текстами. Таким образом была установлена разница между ними:

"1) Совершенно новые эпизоды: в рассказе о службе Тентетникова, именно столкновение с начальником отделения Леницыным и арест Тентетникова.

2) Рассказ дяди Тентетникова, действительного статского советника, о графе Сидоре Андреевиче и его с ним обращении.

3) Речь Тентетникова к крестьянам и крестьянкам по приезду в деревню, и рассуждение мужиков и баб о барине.

4) За исключением этих трех эпизодов о жизни Тентетникова в деревне передан в рукописи против печатного значительно короче, причем во многих словах и целых оборотах встречаются разности против соответствующих мест в изданиях.

5) Во II главе – в рукописи совершенно новые места: размышления Бетрищева о службе и о "подлецах", которые ее продолжают; замечание его о Михайловском-Данилевском и др.

6) Сватовство Чичикова у генерала Бетрищева его дочери Улиньки за Тентетникова.

7) Обед Чичикова у Бетрищева.

8) Возвращение Чичикова к Тентетникову: рассказ его о визите к Бетрищеву, о сватовстве, об истории генералов. Тентетников принимает на себя роль историографа и едет с Чичиковым к Бетрищеву. Примирение.

9) В прочих местах II главы рукопись представляет разности против изданий в отдельных словах и выражениях.

10) В III главе рукопись имеет ненапечатанные подробности о предобеденной закуске у Петуха, и сон Чичикова; прочие затем места этой главы отличаются от изданий 1855, 1857 и следующих годов только некоторыми словами и выражениями, но эти различия, хотя и маловажные, встречаются во многих местах" [38].

Восприятие этих глав у читателей и литераторов, журналистов было не однозначным. Одни восторгались текстом, другие с насто-роженностью отнеслись к нему. Так, М.Катков, издатель журнала "Русский вестник", писал в заметке "Новые отрывки" из "Мертвых душ": "... лучшие места... – это сватовство Чичикова и рассказ о нем Тентетникову. В них виден прежний Гоголь, Гоголь первой части "Мертвых душ". Чичиков в деле сватовства, со своими блестящими импровизациями в пользу Тентетникова, которого он возводит в историографы генералов, прелестен. Те же эпизоды, которые входят в биографию Тентетникова: ссоры его с начальником, проезд в деревню и проч. – очень слабы и бледны. Придуманно может быть и не дурно, но ничего не вышло" [39].

Подобные отклики были опубликованы и в других журналах: "Вестнике Европы" (1872, кн. 7, июль) – статья В.П.Чижова. "Последние годы Гоголя (по поводу "Новых отрывков и вариантов" ко 2-му тому "Мертвых душ" в "Русской старине" 1872, январь)"; А.Н.Пыпина "Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов" (Там же, 1873, апрель, с. 471–547) и другие.

Настороженность некоторых читателей по отношению к публикации в "Русской старине" имела, как выяснилось позже, свое основание. Николай Феликсович Ястржембский, инженер путей сообщения, полковник в отставке, профессор механики, литератор, посылая в журнал свои "Воспоминания", в сопроводительном письме к ним от 31 октября 1872 г. намекнул на то, "А что если эти отрывки подделка? А в этом я почти не сомневаюсь". Редактор журнала попросил разъяснения. И Н.Ф.Ястржембский откровенно признался, что "варианты эти написаны мною тринадцать лет тому назад; никогда не предназначались к печати и написаны по особому случаю" [40].

В письме в редакцию "Русской старины" (от 22 февраля 1873 г.) Н.Ф.Ястржембский рассказал также о том, как появилась рукопись глав II тома "Мертвых душ". Оказывается, что Н.Я.Прокопович снял для него копию списка 2-й части поэмы, который в сороковые годы ходил по рукам. В 1859 г. в отместку заспорившему с ним о Гоголе и

его произведениях М.М.Богоявленскому Н.Ф.Ястржембский переписал имевшуюся у него рукопись и "наскоро сделал известные... вставки. Я счел неудобным тогда же сознаться перед М.М.[Богоявленским] в мистификации, которую он мог бы найти обидною для себя. Я позволил ему снять копию с моей рукописи, взяв с него слово, что рукопись никогда не будет напечатана" [41]. Но М.М.Богоявленский не сдержал обещания и, как видим, рукопись появилась в журнале.

Редакция журнала "Русская старина" обратила внимание на то, что в списке подделки, присланном Н.Ф.Ястржембским для подтверждения своего заявления, было немного помарок и поправок, и заявила: "Таким образом, чтобы устроить свою шутку, г. Ястржембский, судя по внешнему виду доставленной им рукописи, должен был предварительно составить те изменения и дополнения, какие им признаны нужными, и потом своею рукою не только написать все 74 страницы тетради в лист, но и "разрешить" таковую работу г. Богоявленскому. Как ни мало вероятно представилась нам подобная шутка-monstre, тем не менее мы готовы уже были исполнить заявленное нам г. Ястржембским желание" [42].

Но М.М.Богоявленский, узнав о заявлении Н.Ф.Ястржембского, прислал в редакцию его письмо к нему от 14 февраля 1861 г., в котором сообщалось: "Напечатание вариантов "Мертвых душ" представляю вашему усмотрению, но прошу вас при издании, не упоминать обо мне. Хотя я и получил этот список от покойного Прокоповича в сороковых годах, но не вполне уверен, что это сочинение самого Гоголя, а вводить публику в заблуждение было бы грешно" [43].

Н.Ф.Ястржембский прислал еще одно письмо в редакцию, в котором объяснял свой поступок тем, что он очень любил Гоголя, восхищался первым томом "Мертвых душ", "страшно негодовал за Гоголя за его "Переписку с друзьями" и за вторую часть "Мертвых душ". Под влиянием известного письма Белинского, я часто обдумывал, как бы следовало переделать вторую часть "Мертвых душ", чтобы она сделалась достойным продолжением первой. Еще до прискорбной мистификации с М.М.[Богоявленским] у меня были наброски вставок и переделок второй части, и я воспользовался ими, когда предстала надобность испытать, до какой степени М.М. изучил любимого им и мною автора. Мне не стоило большого труда переделать три первые главы второй части, и я это сделал в

течение нескольких дней. Имей я тогда больше времени, я переделал бы и остальные главы. Я вставил известный в свое время всему Петербургу анекдот о графе Сидоре Андреевиче, случившийся в 1854 г., то есть после кончины Гоголя. Я заставил генерала Бетрищева сказать о Михайловском-Данилевском то, что вместе со многими слышал в Витебске за обедом, в 1856 году, от одного генерала, участвовавшего в Отечественной войне и тоже как-то забытого..., я записал завтрак у Петра Петровича Петуха со сцены, которой, вместе с другими, был свидетелем здесь, в Могилеве, у одного барина-собарита, любившего плотно поесть и угостить и хваставшегося тем, что он не знает, что такое скука; я дополнил недосказанное у Гоголя примирение Тентетникова с Бетрищевым и сватовство Чичикова. Одним словом, я, а не кто другой, написал варианты, напечатанные в "Русской старине" [44].

Редакция журнала попала в конфузное положение. И несмотря на подделку, нельзя было отрицать художественное мастерство ее автора. В печати разгорелась дискуссия. Ее раскрыл акад. В.В.Виноградов в своей книге "О языке художественной литературы" [45].

Известный писатель исторического жанра Г.П.Данилевский призвал литераторов к "тщательному расследованию рукописей отрывков" и "сверке их со всеми материалами, оставшимися после смерти великого писателя". Такая работа "не замедлит, вероятно, пролить истинный свет на это, по малой мере, странное явление. Но пока перед публикой, как перед древним Соломоном, стоят две матери "оспариваемого дитяти", и одна из них, не боясь того, что своим заявлением предаст его на заклятие, хладнокровно говорит: "дитя мое!" Но г. Богоявленского, кажется, можно успокоить: "второго Гоголя он не открывал, а публиковал отрывки настоящего, не самозванного Гоголя" [46].

Несмотря на то, что Н.Ф.Ястржембский в больше чем 10 письмах в редакцию настаивал на своей подделке, Г.П.Данилевский заявлял: "... пока тщательная и строгая литературная экспертиза даст об этом свое заключение, не я, вероятно, один останусь убежденным в том, что вряд ли кто, кроме Гоголя, мог написать страницы, подобные тем, в которых изображаются столкновения Тентетникова с его начальником Леницыным; арест Тентетникова; размышление Бетрищева о службе вообще; сон Чичикова о Петухе; сватовство Чичиковым – для Тентетникова – дочери Бетрищева; речь Тентетникова перед его крестьянами и проч. и проч." [47].

Корреспондент журнала "Вестник Европы" Д. в заметке "Подделка Гоголя" высказывал иную точку зрения. Он предполагал, что опубликованные "новые варианты" не столько подделка Н.Ф.Ястржембского, сколько плагиат из Гоголя (по списку Прокоповича).

В.Чижовым высказывалась мысль, что публикация в "Русской старине" – это третий вариант второго тома "Мертвых душ", последний этап работы Гоголя над произведением [48].

Д.Оболенский в своих воспоминаниях, которые появились в 1873 г. в журнале "Русская старина", о первой публикации посмертного сочинения утверждал: "В последующих изданиях г. Кулиша приведены варианты, уцелевшие в черновых рукописях, переданных графом Толстым Шевыреву; и можно утвердительно сказать, что, кроме этих рукописей, ни у кого и никогда не могло быть строки из второго тома "Мертвых душ", – ибо невозможно допустить, чтобы сам Гоголь решился выпускать из своих рук сокровище, над которым постоянно дрожал, опасаясь, чтобы оно не сделалось известным прежде окончательной отделки..." [31].

Не вдаваясь в детальный анализ дискуссии об опубликованных "новых отрывках и вариантах" в "Русской старине" и признании Н.Ф.Ястржембского в их подделке, все же следует прислушаться к голосу Г.Данилевского о необходимости изучить оставшиеся рукописи Гоголя. И здесь, очевидно, следует говорить не столько о гоголевских рукописных оригиналах, они единственны, сколько о различных списках глав второго тома, которые были сделаны в 50-е гг. XIX в. и дошли до нашего времени.

Потеря окончательного варианта второго тома "Мертвых душ" во время ночного их сожжения Гоголем натолкнула читателей творчества писателя на создание различного рода подделок, на написание новых списков. Цель этих сочинений была связана как с изменением общественно-политических взглядов писателя после выхода "Выбранных мест" в сторону их демократизации, так и воссозданием потерянного текста, пополнение его эпизодами, которые, по воспоминаниям современников, были в нем, но не сохранились в оставшихся после смерти Гоголя главах. Эту мысль подтверждает и Н.Ястржембский, который, имея копию рукописи второго тома "Мертвых душ", сделанную еще в 40-х гг. и принадлежавшую Н.Я.Прокоповичу, после известного письма В.Белинского "часто обдумывал, как бы следовало представлять вторую часть "Мертвых душ", чтоб она могла сделаться достойным продолжением первой. Обдумывая, я пытался, – заявляет далее Н.Ястржембский, –

переделать имевшуюся у меня рукопись, исключая из нее те места, которые отзывались "Перепискою с друзьями", и делал вставки и дополнения к недосказанному Гоголем" [49].

Как видим, Н.Ястржембский преследовал цель не столько дать более полный текст гоголевской поэмы, сколько изменить концепцию самого произведения путем введения несуществующих, а им придуманных фрагментов и вариантов. Изменяется и дополняется известный гоголевский текст выдуманными фрагментами в противовес тем изменениям, которые произошли в сознании Гоголя после первого тома "Мертвых душ" (1842) и нашли художественное воплощение в "Выбранных местах из переписки с друзьями" (1847). Автор подделок, следуя концепции второго тома, отвергал социальную направленность "Выбранных мест..." Подделки шли в русле первого тома "Мертвых душ". Поэтому вариант текста Н.Ястржембского для исследователей представляет интерес как историко-литературное явление, которое требует историко-культурного комментария, учета того, что хотел внести автор подделки в гоголевский текст, уровня ее создания, целевую установку автора вставных эпизодов, взявшего на себя миссию критика гоголевского текста.

Кроме списков-подделок, известны также продолжения второго тома поэмы Гоголя. В 1857 г. в Киеве вышла книга "Мертвые души". Окончание поэмы Н.В.Гоголя "Похождения Чичикова". Их автором был известный украинский актер, антрепренер, драматург Андрей Егорович Ващенко-Захарченко (1815–?), который имел свою труппу, с которой выступал в различных местах Украины, а также в Курске, Орле и других городах России. Для пополнения репертуара своего театра он сочинял водевили, сценки, инсценировал "Вечера на хуторе близ Диканьки". Практиковался он и в прозе, написал продолжение "Мертвых душ" и "Мемуары о дядюшках и тетушках" (ч. 1–4, М., 1860) Н.Гоголя.

В предисловии к "Мертвым душам" А.Ващенко-Захарченко писал: "Павел Иванович Чичиков, узнав о смерти Н. В. Гоголя и о том, что его поэма "Мертвые души" осталась неоконченною, вздохнул тяжело и, дав рукам и голове приличное обстоятельству положение, с свойственною ему одному манерою сказал: "Похождения мои – произведение колоссальное касательно нашего обширного отечества, мануфактур, торговли, нравов и обычаев. Окончить его с успехом мог один только Гоголь. Родственники генерала Бетрищева просили меня письменно уговорить вас окончить "Мертвые души". Из

моих рассказов вам легко будет писать, а как я вдвое старше вас, то вы, верно, будете видеть, чем кончится мое земное поприще. Исполните же просьбу генерала Бетрищева и его родных" [50].

В основу своего произведения А.Ващенко-Захарченко положил сохранившийся гоголевский текст. Автор использует продолжения и гоголевские художественные приемы характеристики образов, пейзажных зарисовок. Он не отходит от общей гоголевской концепции изображения положительных героев и проявления ими положительных качеств. Это особенно заметно в жизнеописании главного героя поэмы Чичикова. Проезжая из одной усадьбы в другую, Чичиков думает о том, как помочь народу: "Вот бы кстати были тут такие рельсы; пусть бы пыхтел и свистел по ним паровозище. На станциях учредить бы великолепие, зеркала, Гамбсы, портер и Вестфалию... Все бы народонаселение с шумом понеслось с одного конца России в другой, повезло бы свои продукты для сбыта истребителям. Цены на хлеб уравнились бы, мануфактуры и фабрики защеголяли бы своими произведениями..." [51].

В произведении А.Ващенко-Захарченко в центре внимания остается Чичиков, а поэтому автор сосредоточил внимание на его путешествии, на круге его знакомых. Воспроизводится целая галерея новых помещиков, родственников генерала Бетрищева: Радион Ползиков, Петр Брухин, Неонила Тюленева, князь Скреборабов, Степан Веретельников и др. И эту поездку Чичиков использует не только как известитель о помолвке Улиньки с Тентетниковым, но и для приобретения им мертвых душ.

Опираясь на фразу второго тома "Мертвых душ": "На всяком шагу соблазны и искушения... враги и губители, и похитители" (т. VII, с. 108), А.Ващенко-Захарченко в своем тексте раскрывает на примере Чичикова и других помещиков губительные эти качества социального времени. Автор продолжения подчеркивает, что там, где прикасается творческая мысль Чичикова, там изменяется и окружающий мир. И в противовес описанной в нищете деревни Хлобуева, которую приобрел Чичиков, видим иную, резко противоположную картину: "Избы крестьян были опрятны и удобны. Везде выказывалось довольство и мужички как-то особенно радостно глядели на свет Божий. Благословляли они имя такого помещика и желали не на словах, а в мыслях: много лет ему здравствовать" [52].

Таким образом, А.Ващенко-Захарченко, следуя за композицией первого тома и наполняя текст произведения новыми героями, общается к тому новому подходу, который заложен Гоголем во вто-

ром томе "Мертвых душ" в соответствии с "Выбранными местами...", где намечается концепция писателя насытить своих героев положительными качествами, показать их преображение. Чичикова уже больше не интересуют мертвые души, он покупает деревню, женится, беспокоится о детях и умирает, совершив ряд хороших поступков.

Реминисценции, интертекстуальность текста, перекличка трактовок образов, описаний интерьера и других деталей гоголевских приемов постоянно заметна у А.Ващенко-Захарченко. Это продолжение ничего нового не вносит в трактовку образной системы гоголевской поэмы, а выполняет лишь одну функцию: пофантазировать как с дальнейшей судьбой гоголевских персонажей, так и дополнить ее галерею новыми героями наподобие тех, которые встречаются в первом томе. Хотя, как справедливо замечает Н.Сквира, А.Ващенко-Захарченко почти нигде не затрагивает и не завершает тех линий, которые намечены в гоголевском тексте второго тома: "Тентетников-Уленька, Хлобуев и его семья, судьба Муразова, Костанжолло, генерал-губернатора и других" [53].

Опус А.Ващенко-Захарченко может рассматриваться лишь в социально-культурном контексте, хотя Н.Чернышевский упрекнул автора в более конъюнктурном, амбициозном плане: "Что за подделка, являющая так нагло? – пишет критик. – Что это за г. Ващенко-Захарченко, так дерзко заимствующий для своего издания заглавие книги и имя Гоголя, чтобы доставить сбыт своему никуда негодному товару?" [54].

Опыту А.Ващенко-Захарченко в XX в. следует любитель творчества Гоголя и "Мертвых душ" Юрий Арамович Авакян, историк, литератор, этнограф, который в 1994 г. в Москве издал значительным объемом в 396 страниц книгу под названием "Мертвые души". Том второй. Рукопись, возвращенная из пламени", в которой заново написаны 7 глав и дописаны фрагменты второй, четвертой и заключительной 11 главы. Автором сделана попытка воссоздать текст 11 глав поэмы [55]. К этой публикации следует относиться как к литературной мистификации, представляющей интерес исследователей не столько в текстологическом, сколько в историко-эстетическом плане.

Давний интерес Ю.Авакяна ко второму тому "Мертвых душ", воспоминаниям соотечественников Гоголя, связанным с написанием и чтением поэмы, его пребывание в Швейцарии, где бывал в свое время автор "Мертвых душ", подтолкнуло автора продолжения к довольно быстрому сочинению нового текста поэмы, который бы

соответствовал гоголевскому произведению. За основу нового варианта поэмы было взято 11 глав первого тома "Мертвых душ", и этим автор поэмы-продолжения подтверждал наличие и во втором томе такого же количества глав, воспроизводящих жизнь помещиц-чиновничьего мира в сатирико-юмористическом плане.

Автор стремится сохранить стиль Гоголя, а также его язык. Очень внимателен Ю.Авакян и к сохранившимся фрагментам гоголевского текста, к логической взаимосвязи глав произведения. Вслед за Гоголем от главы к главе Ю.Авакян вписывает в свой текст пропавшие фрагменты, дополняет его новыми вставками и на основании воспоминаний современников Гоголя воссоздает сожженный текст.

И все же Ю.Авакян не был точен и внимателен к тем сведениям, о которых сообщали в своих воспоминаниях современники Гоголя. Не учел автор нового текста варианты и отрывки "Мертвых душ", которые даны в Полном собрании сочинений Гоголя.

Как А.Ващенко-Захарченко, так и Ю.Авакян вводит в свой текст новых персонажей, действующих в соответствующих жизненных ситуациях, однако они не вносят ничего нового в общий смысловой контекст второго тома "Мертвых душ" Гоголя и лишь подтверждают намерение автора расширить сатирический мир гоголевского текста.

Очертив основные проблемы, связанные со списками второго тома "Мертвых душ", можно сделать вывод: все списки необходимо рассматривать в контексте историко-культурных проблем, ибо они дают возможность представить не только сам процесс работы Гоголя над произведением, но и помогают раскрыть предпубликационную атмосферу второго тома "Мертвых душ", увидеть заинтересованного читателя, который не только стремится познакомиться с новым произведением писателя, но и вносит свои коррективы в текст, руководствуясь благими намерениями сохранить за Гоголем роль сатирика и разоблачителя крепостнического строя, хотя писатель уже имел другие, более благородные намерения. Поэтому и эта сторона творческой биографии Гоголя не обойдена в позднейших вариантах-дописках "Мертвых душ". Встречаются тексты, которые соответствуют новому взгляду автора поэмы – поискам положительных персонажей в русском обществе крепостнической России, превращению Чичикова и ему подобных персонажей в положительно изменившихся субъектов, нашедших смысл жизни в труде и благоденствии.

Анализ различных списков, появившихся в предпубликационный период, дал возможность выявить не только те, которые соответствуют гоголевским замыслам, но и те, которые отличаются от первых, обнаружить наиболее полные, вобравшие в себя сохранившиеся варианты и отрывки, то есть представить более полный гоголевский текст по сравнению с тем, что опубликован в Полном собрании сочинений. Более того, внимательный поиск списков второго тома "Мертвых душ", сделанных по рукописях Гоголя, привел к обнаружению текстов-подделок, текстов-дописываний, создатели которых имели разные целевые установки, с одной стороны, усилить антикрепостническую направленность поэмы, и с другой, поднять эстетическую значимость персонажей, показать их возможность измениться в положительную сторону. Однако, как бы там ни было, и исследователям, и читателям необходимо стремиться глубже проникнуть в гоголевский текст, который дает возможность им познать именно того Гоголя, который сформировался в последний период своего жизненного пути. К этому он шел через многие испытания, так и не добившись окончательного результата. 12 лет работы Гоголя над вторым томом "Мертвых душ" – это не только опыт творческой работы, но и безуспешный поиск того идеала, который хотел найти писатель в жизни русского общества в начале 50-х гг.

Литература и послания

1. Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н.В.Гоголя / А. Т. Тарасенков // Гоголь в воспоминаниях современников. – М. : ГИХЛ, 1952. – С. 750.
2. Смирнова-Чикина Е. Легенда о Гоголе. К истории II тома "Мертвых душ" / Е. Смирнова-Чикина // Октябрь. – 1959. – № 4. – С. 187.
3. Хетсо Гейр. Что случилось со вторым томом "Мертвых душ"? / Гейр Хетсо // Вопросы литературы. – 1990. – № 7. – С. 128–139.
4. Терц А. В тени Гоголя / А. Терц. – М., 1992. – С. 47.
5. Бак Д. Тайна второго тома "Мертвых душ" Николая Гоголя [Текст] / Д. Бак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rian.ru/gogol_analysis/20090323/165770211/html/. – Заглавие с экрана.
6. "Мертвые души". Материалы из Википедии.
7. Литературное наследство. – М. : Изд. АН СССР, 1952. Т. 58 : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – 1952. – С. 743.

8. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым в 1851–1860 годах. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.

9. Манн Ю. В. В поисках живой души: "Мертвые души". Писатель – критика – читатель / Ю. В. Манн. – М. : Книга, 1984. – С. 353.

10. Там же. – С. 354.

11. Смирнова-Чикина Е. Указ. источник / Е. Смирнова-Чикина. – С. 191.

12. Русская старина. – 1896. – Кн. V. – С. 180.

13. Там же.

14. Смирнова-Чикина Е. Указ. источник / Е. Смирнова-Чикина. – С. 192.

15. Оболенский Д. А. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания / Д. А. Оболенский // Гоголь в воспоминаниях современников. – М. : ГИХЛ, 1952. – С. 554.

16. Николай М. [Кулиш П.] Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. – СПб., 1854. – С. 185.

17. Русская старина. – 1904. – Февраль. – С. 430.

18. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений / Н. В. Гоголь. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1937–1952. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

Т. I–XIV. – 1937–1952.

18а. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; К., 2009.

19. Русский архив. – 1878. – Кн. 2. – С. 54.

20. Трушковский Н. П. От издателя. 20 июля 1855 / Н. П. Трушковский // Русская старина. – 1872. – Январь. – С. 87.

21. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников. – М., 1959. – С. 202–225.

22. Кулиш П. От издателя / П. Кулиш // Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма. Второй том. В первоначальном виде. Сочинения и письма Гоголя. – [М., 1857].

Т. IV. – 1857. – С. 257.

23. Оболенский Д. Указ. источник / Д. Оболенский. – С. 554–555.

23а. Аронсон М. Литературные кружки и салоны / М. Аронсон, С. Рейсер. – Л., 1929. – С. 162–170.

24. Никитенко А. Дневник / А. Никитенко. – М. : Гослитиздат, 1955.

Т. 1. – 1955. – С. 415.

25. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1888–1910.

Кн. 12. – С. 260–261.

26. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. : в 28 т. / И. С. Тургенев. – М. ; Л., 1961.

Т. II : Письма. – 1961. – С. 116.

27. Центральный государственный литературный архив СССР. Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). Опись документальных материалов личного фонда № 139 / под ред. канд. филол. наук И. И. Прокофьева. Крайние даты документальных материалов. 1773–1931 гг. – М., 1951. – С. 2, 9.

28. Там же.

29. Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей / под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Конишной. – М., 1949. – С. 55–56.

30. Городецкий Б. П. Описание автографов Н.В.Гоголя в собрании Института литературы Академии наук СССР / Б. П. Городецкий // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1933.

Т. 1. – 1933. – С. 432–474.

31. Казарин В. П. Страницы сожженного тома / В. П. Казарин // Известия советов народных депутатов СССР. – 1984. – № 93, 2 апр. – С. 6.

32. 315 страниц рукописи второго тома "Мертвых душ" Гоголя представлены в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.newsgalanet/?Cat=108rig=327798>. – Заглавие с экрана ;

Выкупить "Мертвые души" [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.versii.com/news/176936/>. – Заглавие с экрана.

33. Самойленко Г. В. Новонайденный список второго тома "Мертвых душ" Гоголя / Г. В. Самойленко // Самойленко Г. В. Творча спадщина М.Гоголя на перетині епох. – Ніжин, 2009. – С. 118–139 ; Юбилейная международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя : тезисы. – М. : ИМЛИРАН, 2009. – С. 98–101 ; Феномен Гоголя : материалы Юбилейной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. – СПб. : Петрополис, 2011. – С. 559–572.

34. Кузовкина Татьяна. Каким явился Гоголь через двести лет. Юбилейная международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя / Татьяна Кузовкина // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С. 406.

35. Сквиря Н. М. "Кроме доселе напечатанного, ничего не существует из моих произведений..." / Н. М. Сквиря // Література та культура Полісся. – Ніжин, 2011. – Вип. 62. – С. 21.

36. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 138.

37. Русская старина. – 1872. – Январь. – С. 88.

38. Там само. – С. 88–89.

39. Русский вестник. – 1872. – Январь. – Т. 97. – С. 410.

40. Подделка под Гоголя (литературный курьез) // Русская старина. – 1873. – Август. – С. 245.

41. Там же. – С. 246–247.

42. Там же. – С. 247.

43. Там же. – С. 247.

44. Там же. – С. 250.

45. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Изд. АН СССР, 1959. – С. 354–398.

46. С.-Петербургские ведомости. – 1873. – № 210. – С. 2.

47. Чижов В. П. Последние годы жизни Гоголя / В. П. Чижов // Вестник Европы. – 1872. – Кн. 7. – С. 445.

48. Оболенский Д. А. Указанный источник / Д. А. Оболенский. – С. 556.

49. Ястржембский Николай. Изложение дела о варьянтах "Мертвых душ", напечатанных в январской книжке "Русской старины" за 1872 год / Николай Ястржембский // Голос. – 1873. – № 278. – С. 2.

50. Ващенко-Захарченко А. "Мертвые души". Окончание поэмы Н.В.Гоголя. "Похождения Чичикова" / А. Ващенко-Захарченко. – К., 1857. – С. 3.

51. Там же. – С. 10.

52. Там же. – С. 322.

53. Сквиря Н. М. "Кроме доселе напечатанного, ничего не существует из моих произведений..." / Н. М. Сквиря // Література та культура Полісся / відп. ред. Г. В. Самойленко. – Ніжин, 2011. – Вип. 62. – С. 21.

54. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Н. Г. Чернышевский. – М., 1948.

Т. IV : Статьи и рецензии 1856–1857. – 1948. – С. 665–670.

55. Авякян Ю. А. "Мертвые души". Том второй. Рукопись, возвращенная из пламени / Ю. А. Авякян. – М., 1997. – 396 с.

28 окт.

От болших трудностей добравши и
еще лучше скажут датчане до Одеск
привлеченной доты сопровождал меня во всю
дорогу. Дорога шибко мила, ^{одна} было пидели
и тащил, придерживая ^{одной} рукой ролубашу
ище дверца колеса и другою разотвечивал

РАЗДЕЛ II

Нежинский список второго тома "Мертвых душ"

Второй том и в это время убожил.
еще болше в том ие пидели доты
раз принятого правила: выдмать до
15 ~~всего~~ а с 15. ^{то} идотт каинотт и не
вотмечет в дорогу. От 15 ^{всего} ридитт
вс дотт притмечет. Саш и похотмаш
идоттотт пиделат дотт то саш уме и в
костянии похотмаш раз испортмешу
дорогу. еще иллоту вотт скажутт пидели

Глава 1

Раз или две изображают бедность да
бедность, да совершенство нашей жизни,
выкапывал людей из грязи, из отдален-
ных закоулков государства? Это же ду-
лато, если ужь таковы свойства соими-
тели; и забывая собственным невер-
женством, ужь, и не знает он изобра-
жато ни кого другого, как только бед-
ность, да совершенство нашей жизни, вы-
капывал людей из грязи, из отдален-
ных закоулков государства? И вот-
также попали мы в грязь, так же на-
ткнулись на закоулок.

Да то какая грязь и какой зако-
улок!

Как бы испанский валъ какой то
бесконечной крепости с нарамишками
и бойницами, или извивался на тыся-
чу слезокань вереть, горния возвышенія
Вашколатно возносились они надъ беско-
нечными претранетвами равнинъ,

Зачем же изображать бедность, да бедность, да совершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что ж делать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболев собственным несовершенством, уже и не может он изображать ничего другого, как только бедность, да совершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства. И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок.

Зато какая глушь и какой закоулок!

Как бы исполинский вал какой-то бесконечной крепости, с наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишком верст горные возвышения. Великолепно возносились они над бесконечными пространствами равнин, то отломами, в виде отвесных стен, известковато-глинистого свойства, исчерченных проточинами и рытвинами, то миловидно круглившися зеленою выпуклостью, покрытой, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных деревьев, то, наконец, темными кущами леса, каким-то чудом еще уцелевшим от топора. Река то, верная своим берегам, давала вместе с ними колена и повороты, то отлучалась прочь в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь перед солнцем, скрыться в рощи берез, осин и ольх и выбежать оттуда в торжестве, в сопровождении мостов, мельниц и плотин, как бы гонявшихся за нею на всяком повороте.

В одном месте крутой бок возвышений убирался гуще в зеленые кудри деревьев. Север и юг растительного царства собрались сюда вместе. Дуб, ель, лесная груша, клен, вишняк и терновник, чилига и рябина, опутанная хмелем, то помогая друг другу в росте, то заглушая друг друга, карабкались по всей горе, от низу до верху. Вверху же, у самого ее темени, примешивались к их зеленым верхушкам красные крышки господских строений, коньки и гребни сзади скрывшихся изб, верхняя надстройка господского дома с резным балконом и большим полукруглым окном. И над всем этим собранием деревьев и крыш старинная церковь возносила свои пять позлащенных играющих верхушек. На всех ее главах стояли золотые прорезные кресты, утвержденные золотыми же прорезными цепями, так что издали, казалось, висело на воздухе ничем не подерживаемое, сверкавши горячими червонцами золото. И всё это в опрокинутом виде, верхушками, крышками, крестами вниз, отражалось в реке. Здесь безобразно-дуплистые ивы, одни стоя у берегов,

другие совсем в воде, опустив туда ветви и листья, опутанные склизкой бодягой плававшего в воде вместе с желтыми кувшинчиками, точно как-будто рассматривали это чудное изображение.

Вид был очень хорош, но вид сверху вниз, с надстройки дома на отдаленье, был еще лучше. Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. От изумления у него захватывало в груди дух, и он только вскрикивал: "Господи, как здесь просторно!" Без конца, без пределов открывались пространства: за лугами, усеянными рощами и водяными мельницами, в несколько зеленых поясов зеленели леса. За лесами сквозь воздух, уже начинавший становиться мглистым, желтели пески, и вновь леса, уже синели, как море или туман, далеко разливавшийся; и вновь пески еще бледней, но всё еще желтевшие. На отдаленном же небосклоне лежали гребнем меловидные горы, блиставшие белизною даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце. По ослепительной белизне их у подошв местами мелькали как бы дымившиеся туманно-сизые пятна. Это были отдаленные деревни. Но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая при солнечном освещении искра золотой церковной маковки давала знать, что тут было людное большое селенье. Всё это облечено было в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски воздушных певцов, падавшие в пространствах. Словом гость, стоявший на балконе, даже и после какого-нибудь двухчасового созерцания не мог ничего другого выговорить, как только: "Господи, как здесь просторно!"

Кто ж был жилец и владетель этой деревни, к которой, как к неприступной крепости, нельзя было и подъехать отсюда, а нужно было подъезжать с другой стороны, где врассыпку дубы встречали приветливо гостя, распростирая ветви, как дружеские объятья, и провожая его к лицу того самого дома, которого верхушку видели мы сзади и который стоял теперь весь налицо, имея по одну сторону ряд изб, выказывавших коньки и резные гребни, а по другую — церковь, блиставшую и золотыми прорезными узорами висевших в воздухе. Какому счастливцу принадлежал этот закоулок?

Помещику Тремалаханского уезда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому тридцатитрехлетнему счастливцу, притом еще и неженатому человеку.

Кто ж он, что ж он, каких качеств, каких свойств человек? У соседей, читательницы, у соседей следует расспросить. Сосед, принадлежавший к фамилии ловких, уже ныне вовсе исчезающих, отставных штаб-офицеров брандеров, изъяснялся о нем выражением: "Естественнейший скотина!" Генерал, проживавший в десяти верстах, говорил: "Молодой человек неглупый, но много забрал себе в голову. Я мог быть ему полезным, потому что у меня не без связей и в Петербурге, и даже при..." Генерал речи не оканчивал. Капитан-исправник давал такой оборот ответу: "Да ведь чинишка на нем дрянь, а вот я завтра же к нему за недоимкой!" Мужик его деревни на вопрос о том, какой у них барин? ничего не отвечал. Стало быть мнение о нем было скорей неблагоприятно.

Беспристрастно же сказать: он не был дурной человек, он просто был коптитель неба. Так как уже не мало есть на белом свете людей, которые коптят небо, то почему ж и Тентетникову не коптить его?

Впрочем, вот на выдержку день из его жизни, совершенно похожий на все другие, и пусть из него судит читатель сам, какой у него был характер и как его жизнь соответствовала окружавшим его красотам.

Полутру просыпался он очень поздно и, приподнявшись, долго сидел на своей кровати, протирая глаза. И так как глаза, на беду были маленькие, то протиранье их производилось необыкновенно долго, и во всё это время у дверей стоял человек Михайло с рукомойником и полотенцем. Стоял этот бедный Михайло час, другой, отправлялся потом на кухню, потом вновь приходил, барин всё еще протирал глаза и сидел на кровати. Наконец, подымался он с постели, умывался, надевал халат и выходил в гостиную затем, чтобы пить чай, кофе, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлеба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы бессовестно. Два часа просиживал он за чаем и этого мало: он брал еще холодную чашку и с ней подвигался к окну, обращенному на двор; у окна же происходила всякий день следующая сцена.

Прежде всего ревел Григорий, дворовый человек в качестве буфетчика, относившийся к Перфильевне ключнице почти в сих выражениях: "Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебе бы, гнусной бабе молчать да и только!" "А не хочешь ли вот этого?" выкрикивала ничтожность, показывая кукиш. Баба, жесткая

в поступках, несмотря на то, что охотница была до изюму, постилы и всяких сластей, бывших у нее под замком. – "Ведь ты и с приказчиком сцепишься, мелочь ты анбарная!" ревел Григорий. – "Да и приказчик вор таковой же, как и ты. Думаешь, барин не знает вас, ведь он здесь, ведь он всё слышит".

"Где барин?"

"Да вот он глядит у окна; он всё видит".

И точно, барин сидел у окна и всё видел.

К довершению содома кричал кричмя дворовый ребятишка, получивший от матери затрещину; визжал борзой кобель, присев задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, выглянувши из кухни, повар. Словом, всё голосило и верещало невыносимо. Барин всё видел и слышал. И только тогда, когда это делалось до такой степени несносно, что мешало даже ему ничем не заниматься, высылал он сказать, чтобы шумели потише. За два часа до обеда уходил он к себе в кабинет затем, чтобы заняться сурьезно сочинением, долженствовавшим обнять всю Россию со всех точек, с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность, словом, всё так и в том виде, как любит задавать себе современный человек. Но колоссальное предприятие ограничивалось покуда одним обдумыванием: изгрызалось перо, являлись на бумаге рисунки, и потом всё это отодвигалось на сторону, бралась наместо того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда. Книга эта читалась вместе с супом, соусом, жарким и даже с пирожным, так что иные блюда оттого стыли, а другие принимались вовсе нетронутыми. Затем следовала трубка с кофе, игра в шахматы с самим собою. Что же делалось потом до самого ужина, право уже и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось.

И так проводил время один-одинешенек в целом мире, молодой тридцатидвухлетний человек, сидел сиднем в халате и без галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось растворять окна затем, чтобы забрать свежего воздуха в комнату, и прекрасный вид деревни, которым не мог равнодушно любоваться никакой посетитель, точно не существовал для самого хозяина. Из этого может читатель видеть, что Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которые на Руси не переводятся, которым прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которых теперь, право, не знаю, как назвать.

Родятся ли уже сами собою такие характеры, или образуются потом, как порождение обстоятельств, вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания и детства.

Казалось, всё клонилось к тому, чтобы вышло из него что-то путное. Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полузадумчивого свойства, полуболезненный, попал он в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, воспитатель диво несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как знал он свойства человека Русского! Как знал он детей! Как умел двигать их! Не было шалуна, который, сделавши шалость, не пришел к нему сам и не повинился во всем. Этого мало. Шалун уходил от него не повесивши нос, но подняв его с полной готовностью загладить поступок. В самом упреке Александра Петровича было ободряющее, что-то говорившее: подымайся выше, несмотря на то, что ты упал. Честолюбие он называл силою толкающею вперед способности человека, и потому особенно старался возбудить его. Он обыкновенно говорил: "Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою". И точно, шалости исчезали сами собою. Насмешкам и презрению товарищей подвергался тот, кто не стремился быть лучше. Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем. "Это уж слишком", – говорили многие: "умники выйдут люди заносчивые". – "Нет, это не слишком", говорил он; "неспособных я не держу долго; с них довольно одного курса, а для умных у меня другой. Малейшее движение их помышлений было ему известно. С виду как будто бы он и не глядел, но как сокрытый глаз из недоступной сени, следил он все склонности и способности их, и потому многих резвостей он не удерживал, видя в них начало развития свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.

Как любили его все мальчики! Не бывает так сильна привязанность детей к своим родителям. Нет! даже в безумные годы увлечений не бывает так сильна неугасимая страсть, как сильна была любовь к нему. До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего воспитателя, уже давно бывшего в могиле, закрывал глаза и лил по нем слезы.

Множество всяких сведений и предметов он считал излишним и мешающим самобытному развитию ума. Безмысленно глупых гимнастических коверканий, которые завели французы, у него не было, а наместо их ручные ремесла для занятия в саду, укрепляющее тело. Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенькой курс. Но зато способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И последний класс, который был у него для одних избранных, вовсе не походил на те, какие бывают в других заведениях. Тут только он требовал от воспитанника всего того, чего иные неблагоразумно требуют от детей того высшего ума, который умеет не посмеяться, но вынести всякую насмешку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти из себя, не мстить ни в каком случае и пребывать в гордом покое невозмущенной души. Всё, что способно образовать из человека твердого мужа, тут употреблено было в действие, и он сам делал с ними беспрепятственные пробы. О, как он знал науку жизни!

Учителей у него не было много. Большую часть наук читал он сам. Враг педантских терминов, напыщенных воззрений и взглядов, он умел передать самую душу науки, так что и малолетнему было видно, на что она ему нужна. Из наук были избраны только те, которые способны образовать из человека гражданина земли своей. Много лекций посвящалось рассказам о том, что юношу ожидает впереди. И весь горизонт его поприща умел он очертить так, что юноша, еще находясь на лавке, мыслями и душой жил уже там на службе. Все огорчения и преграды, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушения и соблазны, ему предстоящие, соберет он пред ним во всей наготе, не скрывая ничего. Всё было ему известно, точно как бы перебивал он сам во всех званиях, должностях. Оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед! это словцо, знакомое русскому человеку, производящее такие чудеса над чуткой природой. Но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где больше препятствий, где нужно было показать большую силу души.

Немногие выходили из этого курса; но зато это немногие были крепыши, обкуренные порохом люди. В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, гораздо их умнейшие, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили всё или

же, осовев и обленившись, очутились в руках взяточников и плутов, те же не пошатнулись, но зная жизнь и человека, и утвержденные мудростью, возимели сильное влияние даже на дурных людей.

Как поразил этот чудный наставник еще в отрочестве Андрея Ивановича! Пылкое сердце честолюбивого мальчика долго билось при одной мысли, что он попадет на высший курс, и шестнадцати лет Тентетников уже был на нем и сам тому не верил. Но в это самое время случилось несчастье. Необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало его в сладкий трепет, заболел и скоропостижно умер. О, какой это был для него удар! Какая страшная потеря! Всё переменялось в училище. На место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович, человек усердный, но неспособный. Стал требовать от детей того, чего можно требовать только от взрослых. В свободной их развязности почудилось ему что-то необузданное строго наказывал за каждую шалость, но завелись шалости потаенные. Всё было в струнку днем, шло попарно, а по ночам кутежи.

С науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, с новыми взглядами, новыми углами и точками воззрений. Забросали слушателей множеством новых терминов и слов. Показали они в изложении своем и логическую связь, и исследования за новыми открытиями и горячку собственного увлечения; но увы! не было только жизни в самой науке. Мертвечиной отозвалась она в устах их. В два года узнать нельзя было заведения.

Андрей Иванович был нрава тихого. Его не могли увлечь ни в ночную оргию с товарищами, ни кощунство их над святыней. Нет, душа его и сквозь сон слышала небесное свое происхождение. Его не могли увлечь. Но он повесил нос. Честолюбие уже было возбуждено, а деятельности и поприща ему не было. Лучше б было и не возбуждать его. Он слушал горячившихся на кафедрах профессоров и вспоминал прежнего наставника, который, не горячась, умел говорить понятно. Каких предметов и каких курсов он не слушал? И медицину, химию, и философию прав, и всеобщую историю человечества в таком огромном виде, что профессор в три года успел только прочесть введение, да развитие общин каких-то немецких городов и Бог знает, чего он не слушал! Но всё это оставалось в голове его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, он чувствовал, что не так должно

преподаваться, а как? не знал. И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и так ему бывало грустно, что не знал он, куда деваться от тоски.

Но молодость счастлива тем, что у нея есть будущее. По мере того, как приближалось время к выпуску, сердце его билось. Он говорил себе: "Ведь это еще не жизнь; это только приготовление к жизни, настоящая жизнь на службе. Там подвиги". И не взглянувши на прекрасный уголок, так поражающий всякого гостя-посетителя, не поклонившись праху своих родителей, по обычаю всех честолюбцев, понесся он в Петербург, куда, как известно, стремится ото всех сторон России наша пылкая молодежь – служить, выслуживаться или же просто схватывать вершки бесцветного, холодного, как лед, общественного обманчивого образования. Честолюбивое стремление Андрея Ивановича осадил, однако, с самого начала его дядя, действительный статский советник Онуфрий Иванович.

С большим трудом и с помощью дядиных протекций, он определился в какой-то департамент. Где не бывает наслаждений? Живут они же в Петербурге, где, несмотря на сумрачную его наружность, трещит по улицам сердитый, тридцатиградусный мороз; взвизгивает исчадь севера, ведьма-вьюга, замечая тротуары, слепя глаза, пудря меховые воротники, усы людей и морды мохнатых скотов, но приветливо, сквозь летающие перекрестно охлопья снега, светит вверху окошко где-нибудь в четвертом этаже в уютной комнатке, при скромных стеариновых свечах, под шумок самовара, ведется согревающий сердце и душу разговор, читается светлая страница вдохновенного русского поэта, какими наградил бог свою Россию, и так возвышенно-пылко трепещет молодое сердце юноши, как не водится в других землях, и под полуденным роскошным небом.

Скоро Тентетников свыкнулся с службою, но только она сделалась у него не первым делом и целью, как он полагал было вначале, но чем-то вторым. Она служила ему распределением времени, заставив его более дорожить остававшимися минутами. Дядя, действительный статский советник, уже начинал было думать, что в племяннике будет прок, как вдруг племянник подгадил. В числе друзей Андрея Ивановича, которых у него было довольно, попалось два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедли-

востей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые по началу, но беспорядочные сами в своих действиях, требуя к себе снисхождения и в то же время исполненные нетерпимости к другим, они подействовали на него сильно и пылкой речью, и образом благородного негодования против общества. Разбудивши в нем нервы и дух раздражительности, они заставили замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимания. Федор Федорович Леницын, начальник одного из отделений, помещавшихся в великолепных залах, вдруг ему не понравился. Он стал отыскивать в нем бездну недостатков. Ему показалось, что Леницын в разговорах с высшими весь превращался в какой-то приторный сахар, и в уксус, когда обращался к нему подчиненный; будто, по примеру всех мелких людей, брал он на замечание тех, которые не являлись к нему с поздравлением в праздники, теснил тех, которые имена не находил у швейцара на листе, и, вследствие этого же, почувствовал к нему отвращение нервическое. Какой-то злой дух толкал его сделать что-нибудь неприятное Федору Федоровичу. Он на то наискивался с каким-то особым наслаждением и в том успел. Раз поговорил он с ним до того крупно, что ему объявлено было от начальства, либо просить извинения, либо выходить в отставку. Дядя, действительный статский советник, приехал к нему перепуганный и умоляющий: "Ради самого Христа, помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь! Оставляя так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался не такой, как хочется, начальник. Помилуй, что ты! Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался, образумься, отринь гордость, самолюбие, поезжай и объяснись с ним".

"Не в том дело, дядюшка", сказал племянник. "Мне не трудно попросить у него извинения. Я виноват, он начальник, и не следовало так говорить с ним. Но дело вот в чем, у меня есть другая служба: триста душ крестьян, имение в расстройстве, управляющий дурак. Государству утраты немного, если вместо меня сядет в канцелярию другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человек не заплатят податей. Что вы подумаете? Звание помещик разве не служба? Если я позабочусь о сохранении, сбережении и улучшении участи вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых, работающих подданных, чем моя служба будет хуже службы какого-либо начальника отделения Леницына?"

Действительный статский советник остался с открытым ртом от изумления. Такого потока слов он не ожидал. Немного подумавши, начал он было в таком роде: "Но всё же таки... но как же таки... как же запропастить себя в деревню? Какое же общество может быть между мужичьем? Здесь все-таки на улице навстречу генерал, князь. Пройдешь и сам мимо какого-нибудь... там... ну, и газовое освещение, промышленная Европа; а ведь там все, что ни попадет, это или мужик, или баба. За что ж так себя осуждать на невежество на всю жизнь свою?" Так говорил дядя. Сам же он во всю жизнь свою не ходил по другой улице, кроме той, которая вела к месту его службы, где не было никаких публичных красивых зданий, не замечал никого из встречаемых, был ли он генерал или князь, в глаза не знал прихотей, какие дразнят в столицах людей падких на невоздержание, и от роду не бывал в театре. Все это он говорил единственно затем, чтобы затереть честолюбие и подействовать на воображение молодого человека. В этом однако же не успел. Тентетников стоял на своем упрямо.

Деревня представлялась ему каким-то привольным приютом, воспоительностью дум и помышлений, единственным поприщем полезной деятельности. Уж он откопал и новейшие книги по части сельского хозяйства. Недели через две после этого разговора, был он уже в окрестности тех мест, где пронеслось его детство, недалеко от того прекрасного уголка, которым не мог налюбоваться никакой гость и посетитель. В душе его стали просыпаться прежние, давно не выходившие внарожу впечатления. Он уже многие места позабыл вовсе и смотрел любопытно, как новичек, на прекрасные виды. И вот, неизвестно отчего, забилося у него сердце; когда же дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглохнувшего леса и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трехсотлетние дубы трем человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осокором, перераставшим вершину тополя, и когда на вопрос: "чей лес?" ему сказали: "Тентетникова"; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиновых рощ, молодых и старых [пропуск в тексте], в виду тянувшихся вдали возвышений, и двумя мостами перемежала в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос "чи луга и подъемные места?" отвечали ему: "Тентетникова"; когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, с одной стороны мимо не снятых хлебов, пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных

им мест, которые все вдруг показались в сокращенном отдалении, и когда, постепенно, входила и вошла потом дорога под тень широких развилыстых деревьев, разместившихся врассыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали разные избы мужиков и красные крыши господских строений и блеснули золотые верхи, когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куда он приехал, ощущения и мысли безпрестанно накопившиеся, исторгнувшись, наконец, в громогласных словах: "Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я закабалил себя в кропатели мертвых бумаг. Учившись, воспитавшись, просветясь, сделав запас сведений, нужных для распространения добра между подобными себе, для улучшения целой волости, для исполнения многообразных обязанностей помещика, являющегося и судьей, и распорядителем, и блюстителем порядка, я мог вверить это место невеже-управителю?" И еще раз дал себе название дурака Андрея Иванович Тентетников.

А между тем в деревне ожидало его другое зрелище. Узнав о приезде барина, мужики и бабы собрались к крыльцу: как сороки, кички, повойники, зипуны, бороды всех родов заступом, лопатой и клином, рыжая, русья и белья как серебро покрыли весь двор. Мужики загремели: "Кормилец, дождались мы тебя!" Бабы заголосоли: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подальше даже подрались от усердия пробраться. Дряхлая старушонка похожая на сушенную грушу прошмыгнула промеж ног других подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: да какой же ты жиденский! Изморила тебя окаянная немчура". "Пошла ты баба", закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином". Ишь куды полезла корявая! Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог несмеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был в душе своей.

"Столько любви! и за что? – думал он себе. – За то, что я никогда не занимался ими!" И дал он себе обет разделять с ними и труды, и занятия, употребить все, чтобы помочь им сделаться тем, чем они должны быть, чем назначила им быть добрая, внутри их же самих заключенная природа, чтобы не даром была любовь их к нему, чтобы он точно был кормильцем их.

И стал он хозяйничать и распоряжаться не на шутку. На месте увидел тотчас, что приказчик был баба и дурак, со всеми качествами дрянного приказчика, т.е. вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал не бельмеса в уборке

хлеба и посевах, а в прибавление ко всему подогревал мужиков в покушении на жизнь свою. Дурака-управителя он выгнал, а на место его выбрал другого, бойкого. Оставил мелочи, обратил внимание на главные части: уменьшил барщину, убавил дни работы на помещика и прибавил времени мужику. Сам стал входить во всё, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани и при ставке барок и плоскодонок. Да он, вишь ты, востроногий!" – стали говорить мужики и даже обленившиеся начали почесываться в затылках, так что ленивые начинали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужик сметлив, он понял скоро, что барин хоть и прыток, и есть у него охота взяться за многое, но как именно, каким образом взяться, этого еще не слышит; говорит грамотей, но и не вдолбешь. Вышло то, что барин и мужик как-то не то, чтобы совершенно не поняли друг друга, но просто не спелись вместе, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тентетников стал замечать, что на господской земле всё выходило как-то хуже, чем на мужичьей. Сеялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Он сам присутствовал и приказал выдать даже по чапорухе водки за усердные труды. У мужиков уже давно колосилась рожь, высыпался овес, кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку, пятак колоса еще не завязывалась. Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы. Попробовал было укорить, но получил такой ответ: "Как можно, барин, чтобы мы о господской, то есть, выгоде не радели! Сами изволили видеть, как старались, когда пахали и сеяли, – по чапорухе водки приказали подать". Что было на это возражать? "Да отчего ж теперь вышло скверно?" допрашивал барин. – "Кто его знает, видно, червь подъяел снизу. Да и место, вишь ты, какое: совсем дождей не было". Но барин видел, что у мужиков червь не подъядал снизу, да и дождь шел как-то странно, полосую: мужику угодил, а на барскую ниву хоть бы каплю выронил. Еще трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуясь на тягость барщины. Странное дело. Он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, наполовину сбавил других работ, думал, что бабы обратят это время на домашнее хозяйство, обошьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было. Праздность, драка, сплетни и всякие ссоры завелись между прекрасным полом такие, что мужья то и дело приходили к нему с такими словами: "Барин,

уйми беса-бабу. Точно чорт какой! житья нет от ней". Хотел он было, скрепя сердце, приняться за строгость. Но как быть строгим? Баба приходила такой бабой, так развизгивалась, такая была хвора, таких гадких наворачивала на себя тряпок; уж откуда она их набирала Бог ее весть. "Ступай, ступай себе только с глаз моих! Бог с тобой!" говорил бедный Тентетников, и вслед за тем видел, как больная, вышед за ворота, схватывалась с соседкой за какую-нибудь репу и так и так отламывала ей бока, как не сумеет и здоровый мужик. Вздумал он было попробовать какую-то школу между ними завести, но от этого вышла такая чепуха, что он и голову повесил; лучше было и не задумывать.

В делах судейских и разбирательствах оказались ровно ни к чему все эти юридические тонкости, на которые навели его профессора-философы. И та сторона врет, и другая врет, и чорт их разберет. Он видел, что нужнее тут было юридических тонкостей и философских книг простое познание человека; и видел он, что в нем чего-то недостает, а чего? Бог весть! И случилось обстоятельство, так часто случающееся: ни мужик не узнал барина, ни барин мужика; и мужик стал к барину дурной стороной, и барин к мужику; и рвение помещика охладело. При работах он уже присутствовал без внимания, и все равно ему было, шумели ли косы легким шумом на покосах, метались ли стога, клались ли клади. Вблизи ли находилось сельское дело, его глаза глядели дальше, вдали ль производилась работа, они отыскивали предметы поближе, или смотрели в сторону на какой-нибудь извив реки, по берегам которой ходил краснополосый, красноногий мартын, разумеется птица, а не человек. Они смотрели любопытством, как он, поймав у берега рыбу, держал ее поперечь в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать? и глядя в то же время пристально вдоль реки, где в отдалении белелся другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Или же бросив обоих мартынов с извивом реки, зажмутив вовсе глаза и приподняв голову кверху, к пространствам воздушным, предоставлял он обонянью внимать запах полей, и слуху поражаться голосами воздушного певучего населения, когда оно отовсюду, от небес и от земли, соединяется в один звучногласный хор, не попереча друг другу. Бьет перепел во ржи, дергает в траве дергун, урчат и чирикают перелетающие коноплянки, по невидимой воздушной лестнице сыплются трели жаворонков и звонами труб отдаленное

турликанье журавлей, строящих треугольники свои в небесах, и откликается вся в звуки превратившаяся окрестность.

Творец! как еще прекрасен твой мир в глуши, в деревушке, вдали от больших дорог и городов. Но и то стало наскучать. Скоро он и вовсе перестал ходить в поля, засел в комнаты, отказался принимать даже с докладами приказчика. Прежде из соседей завернет к нему бывало отставной гусар-поручик, прокуренный насквозь трубочный куряка, или резкого направления недоучившийся мудрости из современных брошюр и газет. Но и это стало ему надоедать. Разговоры их начали казаться ему как-то поверхностными, и европейски открытое обращение, с потрепкой по колену и прочия. Он решился раззнакомиться со всеми и произвел это даже довольно резко. Именно, когда наиприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всем, представитель уже ныне отходящих полковников-брандеров и с тем вместе передовой начинавшегося нового образа мыслей, Варвар Николаевич Вишнепокровов приехал к нему затем, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философии, и литературы, и морали, и даже состояния финансов в Англии, он выслал сказать, что его нет дома, и в то же время имел неосторожность показаться перед окошком. Гость и хозяин встретились взорами, один, разумеется, проворчал сквозь зубы: "скотина!", другой послал ему с досады тоже что-то вроде свиньи. Тем и кончились сношения. С тех пор не заезжал к нему никто. Он этому был рад и предался обдумыванью большого сочинения о России. Как обдумывалось это сочинение, читатель уж видел. Нельзя сказать однако же, чтобы не было минут, в которые как будто пробуждался он ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему в печати знакомое имя прежнего товарища, уже преуспевавшего на видном поприще государственной службы, или приносившего посильную дань наукам и делу всемирному, тайная тихая грусть подступала ему под сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездействие свое прорывалась неволью. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. С необыкновенной силою воскресало перед ним школьное минувшее время и представлялся вдруг, как живой, Александр Петрович, и градом лились из глаз его слезы.

Что значили эти слезы? Обнаруживала ли ими болеющая душа скорбную тайну своей болезни, что не успел образоваться и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек, что, не испытанный из млада в борьбе с неудачами, не достигнул он до

высокого состоянья возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что, растопившись подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки, что слишком для него рано умер необыкновенный наставник, что нет теперь никого во всем свете, кто бы его воздвигнул шатаемые вечными колебаниями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнул душе пробуждающим криком это бодрящее слово: *вперед!* которого жаждет повсюду на всех ступенях стоящий, всех сословий и званий и промыслов русской человек!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то похожее на любовь. В соседстве, в десяти верстах от его деревни, проживал генерал, отзывавшийся, как мы уже видели, не весьма благосклонно о Тентетникове. Генерал жил генералом, хлебосольствовал, любил, чтобы соседи приезжали изъявлять ему почтение, сам визитов не платил, говорил хрипло, читал книги и имел дочь, существо дотоле невиданное. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве. Отцу было некогда, впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее. Это что-то было живое, как сама жизнь. Никак нельзя было сказать, какая страна полонила на ней свой отпечаток, потому что подобного профиля и очертанья лица трудно было где-нибудь отыскать, разве только на античных камнях. Как в ребенке, вросшем на свободе, в ней было всё своенравно. Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с своим отцом, он бы подумал, что это было капризнейшее создание, но гнев ее вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой-нибудь несправедливости, или дурном поступке с кем бы то ни было. Но никогда не споривала она за себя самоё и не оправдывала себя – и гнев ее вдруг исчезнул бы, если бы она увидела в несчастье того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подаении, она бросала, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты. Она разорвала бы на себе платье для перевязки страдальцу, если бы он был ранен. Было в ней что-то стремительное; когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось вслед за мыслию, выражение разговора, движение рук; самые складки платья как бы стремились в ту же сторону и, казалось, что она сама вот улетит вслед за собственными словами; ничего не было в ней утаенного; ни перед кем не побоялась бы она

обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной, походка была до того бестрепетно-свободна, что всё ей невольно уступало дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и несмел; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова и терялся, а добрый даже застенчивый мог разговориться с нею, как никогда в жизни своей ни с кем, и с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее и как бы эти самые черты ее ему где-то уже виделись, что случилось это во дни какого-то незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, веселым вечером, при радостных играх детской толпы. И надолго после того становился ему скучным разумный возраст человека. Точно то же случилось и с Тентетниковым, ему показалось с первого дня знакомства, что он был знаком с нею вечно. Неизъяснимое новое чувство вошло ему в душу, скучная жизнь его на мгновение озарилась, халат на время был оставлен. Не так долго копался он на кровати, не так долго стоял Михайло с рушником в руках, растворились окна в комнатах, и часто владетель картинного поместья долго ходил по темным излучинам своего сада, ему уже чуждого и останавливался по часам пред пленительными видами на отдаленье.

Генерал принимал сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно, но сойтись они между собою не могли. Разговоры их оканчивались спором и каким-то неприятным ощущением с обеих сторон, потому что генерал не любил противуречия и возражения; а Тентетников с своей стороны, был тоже человек щекотливый. Разумеется, что ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них держался, покуда не приехали к генералу родственницы, графиня Бордирева и княжна Юзякина, отставные фрейлины прежнего двора, но удержавшие и доныне кое-какие связи в Петербурге, вследствие чего генерал перед ними немножко подличал. С самого их приезда Тентетникову показалось, что генерал стал к нему холоднее, не замечал его, или обращался с ним как с лицом бессловесным; говорил к нему как-то пренебрежительно: *"Любезнейший, послушай, братец и один раз сказал ему даже ты*. Это, наконец, взорвало его и скрепя сердце и стиснув зубы, он, однако же, имел присутствие духа сказать необыкновенно учтивым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и всё внутри его кипело:

"Я благодарю вас, генерал, за расположение. Словом *ты* вы меня вызываете на тесную дружбу, обязывая и меня говорить вам *ты*, но различие в годах препятствует такому фамильярному обращению". Генерал смутился. Собирая слова и мысли, стал он говорить, хотя несколько несвязно, что слово *ты* было им сказано не в том смысле, что старику иной раз позволительно сказать молодому человеку *ты* (о чине своем он не упомянул ни слова), разумеется, с этих пор знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было перед ним блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали еще сумрачнее. Всё поворотило на жизнь, которую читатель видел в начале главы, на лежанье и бездействие. В доме завелись гадость и беспорядок: половая щетка оставалась по целому дню посреди комнаты вместе с сором, панталоны заходили даже в гостиную, – на щеголеватом столе перед диваном лежали засаленные подтяжки, точно как угощение гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашние куры. Взявши перо, бессмысленно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки, или же записывал: Милостивый Государь! С восклицательным знаком, всеми почерками. Но иногда, всё забывалось, перо чертило само собой, без ведома хозяина, маленькую головку с тонкими чертами, с быстрым пронзительным взглядом и приподнятой прядью волос, и в изумлении видел хозяин, как выходил портрет той, с которой портрета кажется, не мог бы никак писать даже ни один художник. И еще грустнее становилось, и веря тому, что нет на земле счастья, оставался он еще более после того скучным и безответным.

Таково было состояние души Андрея Ивановича Тентетникова. Однажды, когда он обычным порядком подходил к окну с трубкой и чашкой в руках но, к изумлению своему, не слышал ни Григория, ни Перфильевны. Поваренок и поломойка бежали отворять ворота. В воротах показались кони, точь-в-точь, как лепят иль рисуют их на триумфальных воротах: морда налево, морда направо, морда на середине. Свыше их на козлах кучер и лакей в широком сюртуке, опоясавший себя носовым платком. За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов. Когда экипаж изворотился перед крыльцом, оказалось, что был он не что иное, как рессорная легкая бричка. Господин необыкновенно приличной наружности соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека.

Вошедши в комнату, гость раскланялся с тою же невероятною ловкостью, сохраняя почтительное положение головы несколько на бок. В коротких, но определительных словах изъяснил, что уже издавна ездит он по России, побуждаемый и потребностями и любознательностью; что государство наше изобилует предметами замечательными, не говоря уже о изобилии промыслов и разнообразии почв; что он увлекся картинным местоположением его деревни; что, несмотря, однако же, на местоположение, он не дерзнул бы беспокоить его неуместным заездом своим, если бы не случилось, по поводу весенних разлитий и дурных дорог, внезапной изломки в экипаже его, требующей помощи со стороны кузнецов и мастеров; что при всем том, однако же, если бы даже и ничего не случилось в его бричке, он бы не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать ему личное свое почтение.

Окончив речь, гость с обворожительною приятностию подшаркнул ногой, обутой в щегольский лаковый полусапог, застегнутый на перломутровые пуговицы, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостию резинового мячика.

Успокоившийся Андрей Иванович заключил, что это должен быть затем, чтобы собирать какие-нибудь растения или, предметы ископаемые. Тот же час изъяснил он ему всякую готовность споспешествовать во всем; предложил своих мастеров, колесников и кузнецов; просил расположиться, как в собственном доме; усадил его в большие вольтеровские <кресла> и приготовился слушать его рассказ по части естественных наук.

Гость, однако же, коснулся больше событий внутреннего мира, заговорил о превратностях судьбы, уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вероломными ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много мест и должностей, что даже самая жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов, и много еще рассказал, такого он, из чего можно было увидеть, что скорее практический человек. В заключение же речи высморкался он в белый батистовый платок так громко, как Андрей Иванович еще и не слыхивал. Подчас попадаетея в оркестре такая пройдоха-труба, когда схватит, покажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе, точно такой же звук раздался в пробужденных покоях дремавшего дома, и немедленно за ним воспоследовало благоухание одеколона, невидимо распространное ловко встряхнутым батистовым платком.

Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков. Он немножко постарел; как видно, не без бурь и тревог было для него это время; казалось, как бы и самый фрак на нем немножко не изветоши, и бричка, и кучер, и слуга, и лошади, и упряжь как бы поистерлись и поизносились, казалось, и самые финансы даже не были в завидном состоянии; но выражение лица, приличие, обхождение остались те же. Даже как бы еще приятнее стал он в поступках и оборотах, еще ловче подвертывал под ножку, когда садился в кресла. Еще более было мягкости в выговоре речей, осторожной умеренности в словах и выражениях, более умения держать себя и более такту во всем. Белее и чище снегов были на нем воротнички и манишка, и, несмотря на то, что был он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, – хоть бы сей час же на именинный обед. Щеки и подбородок выбриты были так, что один слепой мог не полюбоваться приятною выпуклостью круглоты их.

В доме тот же час произошло преобразование. Половина его, дотеле пребывавшая в слепоте, с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась. Всё начало размещаться в осветившихся комнатах, и вскоре всё приняло такой вид: комната, определенная быть спальней, вместила в себе вещи, необходимые для ночного туалета; комната, определенная быть кабинетом... Но прежде необходимо знать, что в этой комнате было три стола: один письменный, пред диваном, другой ломберный между окнами перед зеркалом, третий угольный, в углу, между дверью в спальню и дверью в необитаемый сад, служившей теперь передней с инвалидную мебелью. На этом угольном столе поместилось вынутое платье, а именно: панталоны под фрак, панталоны новые, панталоны серенькие, два бархатных жилета и два атласных, сертук. Всё это разместилось один на другом пирамидкой и прикрылось сверху шелковым новым носовым платком; в другом углу, между дверью и окном, выстроились рядом сапоги: одни не совсем новые, другие совсем новые, лакированные полусапожки и спальные; они также стыдливо занавесились шелковым носовым платком так, как бы их там вовсе не было. На письменном столе перед диваном тотчас же в большом порядке разместились: шкатулка, портфель, банка с одеколоном, сургуч, зубные щетки, новый календарь, календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье поместилось в комоде, уже находившемся в спальне; белье же, которое

следовало прачке, завязано было в узел и подсунуто под кровать. Чемодан по опростаньи его, был тоже подсунут под кровать. Сабля, ездившая по дорогам для внушения страха вора, повешена была тоже в спальне на гвозде, недалеко от кровати. Всё приняло вид чистоты и опрятности необыкновенной. Нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздух как-то облагородился: утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белья не занашивает, в баню ходит и вытирает себя мокрой губкой по воскресным дням; в переднем зале покушался было утвердиться на время запах служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемещен был на кухню, как оно и следовало.

В первые дни Андрей Иванович опасался за свою независимость, чтобы как-нибудь гость не связал его, не стеснил какими-нибудь изменениями в образе жизни и не разрушился бы порядок дня его, так удачно заведенный, но опасения были напрасны. Павел Иванович наш показал необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему, одобрил философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обещает столетнюю жизнь. Об уединении выразился весьма счастливо, именно, что оно питает великие мысли в человеке. Взглянув на библиотеку и отозвавшись с похвалой о книгах вообще, заметил, что они спасают от праздности человека. Выронил слов немного, но с весом. В поступках его было все кстати. Во-время являлся, во-время уходил. Не затруднял хозяина распросами в часы неразговорчивости его. С удовольствием играл с ним в шахматы, с удовольствием молчал. В то время, когда один пускал кудреватými облаками трубочный дым, другой, не куря трубки, придумывал, однако же, соответственное тому занятие: вынимал, например, из кармана серебряную с чернию табакерку и, утвердив ее между двух пальцев левой руки, оборачивал ее быстро пальцем правой, на подобие того, как земная сфера обращается около своей оси, или же так по ней барабанил пальцем, насвистывая какое-нибудь ни то ни се. Словом, он не мешал хозяину. "Я в первый раз вижу человека, с которым можно жить", говорил про себя Тентетников: "Вообще этого искусства у нас мало. Между нами есть довольно людей и умных, и образованных, и добрых, но людей постоянно приятных, постоянно ровного характера, людей, с которыми можно бы прожить век и не поссориться, я не знаю, много ли у нас можно отыскать таких людей? Вот первый человек, которого я вижу", так отзывался Тентетников о своем госте.

Чичиков, с своей стороны, был очень рад, что поселился на время у такого смиренного и смиренного хозяина. Цыганская жизнь ему надоела. Приотдохнуть, хотя на месяц, в прекрасной деревне, в виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и в геморoidalном отношении. Трудно было найти лучший уголок для отдохновения. Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду. По свежему изумруду первой зелени желтел одуванчик. Лилово-розовый анемон наклонял нежную головку. Рои мошек показались на болотах; за ними вдогон бегал уже водяной паук, на озера и разлившиеся реки прилетали утки и всякая водяная птица. Прилет стадами начинался еще прежде. Вдруг проснулась земля, леса зазвучали. Что яркости в зелени! что свежести в воздухе! что птичьего крику в садах! Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пела, как бы на свадьбе. Чичиков ходил много. Прогулкам и гуляньям был раздол повсюду. Чичиков ходил много. То направлял он прогулку свою по плоской вершине возвышений, в виду расстилавшихся внизу долин, по которым повсюду еще оставались небольшие озера от разлития воды, и островами темнели на них еще безлистные леса; то вступал в лесные овраги, где начинали густо убираться деревья, отягченные птичьими гнездами каркающих ворон, перекрестным летаньям помрачивших небо. По просохнувшей земле Чичиков отправлялся к пристани, откуда с горохом, ячменем и пшеницей отчаливали первые суда. Между тем, как с оглушительным шумом неслась весенняя вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходил наблюдать первые весенние работы и глядел, как свежая орань черной полосой проходила по зелени, и как ловкий сеятель, постукивая рукою о сито, висевшее у него на груди, горстью разбрасывал семена ровно, не передавши ни зернышка на ту или другую сторону. Чичиков побывал везде, говорил и толковал с приказчиком, и с мужиком, и с мельником. Узнал всё, обо всем, и что и как, и каким образом идет хозяйство, и каких урожаев можно ожидать, и насколько продается хлеба, и что отбирают осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве и где купил корову и чем кормит свинью, словом все. Узнал и то, сколько померло мужиков, – оказалось немного: как умный человек, заметил их вдруг, что не завидно идет хозяйство у Андрея Ивановича. Повсюду упущения, нерадения, воровство, не мало и пьянства. И мысленно он говорил сам себе: "Какая же однако скотина Тентетников! запустил такое имение, которое могло

бы приносить пятьдесят тысяч годового дохода!" и не будучи в силах удержать справедливого негодования, повторял он: "решительная скотина".

Не раз, посреди таких прогулок, приходило ему на мысль сделаться когда-нибудь самому, т.е., не теперь, но после, когда обделается главное дело и будут средства в руках, – сделаться самому мирным владельцем подобного поместья. Тут, разумеется, представлялась ему сейчас и молодая хозяйка, свежая, белолицая бабенка, может быть даже из купеческого сословия, впрочем однако же образованная и воспитанная, которая бы даже знала и музыку, хотя конечно музыка и не главное, – но почему же, если уже так заведено, зачем же идти противу общего мнения? Представлялось ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилию Чичиковых: резвунчик мальчишка и красавица дочка, или же два даже мальчугана, две и даже три девочки, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то, что прошел по земле какой-нибудь тенью или призраком, чтобы не было стыдно и перед отечеством. Представлялось ему и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление: статский советник, например, чин почетный и уважительный. И мало ли что во время прогулок приходит на ум человеку, что уносит его так часто от скучной настоящей минуты, тербит, дразнит, шевелит воображение и бывает ему любо даже тогда, когда он уверен сам, что это никогда не сбудется.

Людам Павла Ивановича деревня также понравилась. Они так же, как и он, обжились в ней. Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и надувались друг перед другом нестерпимо. Петрушка пустил Григорью пыль в глаза тем, что он бывал в Костроме, Ярославле, Нижнем и даже в Москве; Григорий же осадил его сразу Петербургом, в котором Петрушка не был. Последний хотел было подняться на дальности расстояний тех мест, в которых он бывал, но Григорий назвал ему такое место, какого ни на какой карте нельзя было отыскать, и насчитал тридцать тысяч с лишком верст, так что служитель Павла Ивановича осовел, разинул рот и был поднят на смех тут же всей деревней. Дело, однако ж, кончилось между ими самой тесной дружбой. В конце деревни Лысый Пимон, дядя всех крестьян, держал кабак, которому имя было Акулька. В этом заведении видели их все часы дня. Там стали они свои, или то, что называют в народе кабацкие заседатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хоро-воды. Породистые стройные девки, каких уже трудно теперь найти в больших деревнях, заставляли его по нескольким часам стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех щеки репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса. Когда, взявшись обеими руками за белые руки, медленно двигался он с ними в хороводе, или же выходил на них стеной, в ряду других парней, и, выходя также стеной навстречу им, громко выпевали усмехаясь горластые девки: "Бояре, покажите жениха!" И подчас рдеющий вечер, и тихо померкала вокруг окольность, и раздававшийся далеко за рекой грустным назад возвращался отголосок. Селифан не знал и сам тогда, что с ним делалось. Во сне и наяву, утром и в сумерки, всё мерещилось ему потом, что в обеих руках его белые руки, и движется он в хороводе.

Коням Чичикова понравилось тоже новое жилище и коренной, и пристяжной каурой масти, называемой заседателем, и самый чубарый, о котором выражался Селифан: "подлец лошадь", о котором нашли пребыванье у Тентетникова совсем не скучным, овес отличным, а расположение конюшен необыкновенно удобным. У всякого стойло, хотя и отгороженное, но через перегородки можно было видеть и других лошадей; так что, если бы пришла кому-нибудь из них, даже самому дальнему, блажь вдруг заржать, можно было ему ответить тем же и тот же час.

Словом, все обжились, как дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павел Иванович объезжал пространную Россию, до мертвых душ, то насчет этого предмета он сделался очень деликатен. Если бы даже пришлось вести дело с дураками круглыми, он бы не вдруг его начал. Но Тентетников, как бы то ни было, читает книги, философствует, старается изъяснить себе всякие причины всего, зачем и почему? Нет, лучше поискать нельзя ли с другого конца. Так думал он. Раздобарывая почасту с дворовыми людьми, он, между прочим, от них разведдал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу, что у генерала барышня, что барин было к барышне, да барышня тоже к барину... но потом вдруг за что-то не поладили и разошлись. Он заметил и сам, что Андрей Иванович карандашом и пером всё рисовал какие-то головки, одна на другую похожие. Один раз, после обеда, обра-

чивая по обыкновению пальцем серебряную табакерку вокруг ее оси, сказал он так: "У вас всё есть, Андрей Иванович, одного только не достает".

"Чего?" спросил тот, выпуская кудреватый дым.

"Подруги жизни", сказал Чичиков.

Ничего не сказал Андрей Иванович. Тем разговор и кончился.

Чичиков не смутился, выбрал другое время уже перед ужином и разговаривая о том и о сем, сказал вдруг: "А право, Андрей Иванович, вам бы очень не мешало жениться".

Хоть бы слово сказал на это Тентетников, точно как бы и самая речь об этом была ему неприятна.

Чичиков не смутился. В третий раз выбрал он время уже после ужина и сказал так: "А все-таки, как ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию".

Слова ли Чичикова были на этот раз так убедительны, или же расположение духа в этот день у него особенно настроено к откровенности, он вздохнул, сказал, пустивши кверху трубочный дым: "На всё нужно родиться счастливецом, Павел Иванович", и тут же передал гостью всё, как было, всю историю знакомства с генералом и разрыва.

Когда услышал Чичиков, от слова до слова всё дело и увидел, что из-за одного слова *ты* произошла такая история, он оторопел, с минуту смотрел пристально в глаза Тентетникову и не знал, как решить: действительно ли он круглый дурак, или только с придурью.

"Андрей Иванович! помилуйте", сказал он наконец, взявши его за обе руки: "какое ж оскорбление? что ж тут оскорбительного в слове *ты*?"

"В самом слове нет ничего оскорбительного", сказал Тентетников: "но в смысле слова, но в голосе, с которым сказано оно, заключается оскорбление. Ты – это значит: "Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нет никого лучше; а приехала какая-нибудь княжна Юзякина, ты знай свое место, стой у порога". Вот что это значит! Говоря это, смиренный и кроткий Андрей Иванович засверкал глазами, в голосе его послышалось раздражение оскорбленного чувства.

"Да хоть бы даже и в этом смысле, что ж тут такого?" сказал Чичиков.

"Как? сказал Тентетников смотря пристально в глаза Чичикову, Вы хотите, чтобы я продолжал бывать у него после такого поступка?"

"Да какой же это поступок! Это даже не поступок!" сказал Чичиков.

"Как не поступок?" спросил в изумлении Тентетников.

"Это не поступок, Андрей Иванович, это просто генеральская привычка, а не поступок: они всем говорят *ты*. Да впрочем, почему ж этого и не позволить заслуженному, почетному человеку?.."

"Другое дело", сказал Тентетников. "Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне *ты*, и принял бы даже почтительно".

"Он совсем дурак", подумал про себя Чичиков: "оборвышу позволить, а генералу не позволить!" "Хорошо!" сказал он вслух: "положим, он вас оскорбил, за что вы и поквитались с ним: он вам и вы ему. Но ссориться, раставаться навсегда из пустяка, это уж извините... помилуйте, на что же это похоже? Если избрана цель тут нужно идти на пролом. Глядеть на то, что человек плюется! Человек всегда плюется: он так уж создан. Да вы не отыщете теперь во всем свете такого, который бы не плевался".

Тентетников, совершенно был озадачен этими словами, оторопел, глядел в глаза Павлу Ивановичу и думал про себя: престранный, однако же человек этот Чичиков.

"Какой, однако же, чудака этот Тентетников!" думал, между тем, Чичиков.

"Андрей Иванович! я буду с вами говорить как брат с братом. Вы человек неопытный. Позвольте мне обделать дело. Я могу съездить к его превосходительству и объяснить, что случилось это с вашей стороны по недоразумению, по молодости и незнанию людей и света".

"Подличать перед ним я не намерен", сказал, оскорбившись, Тентетников: "да и вас не могу на это уполномочить".

"Подличать я не способен", сказал, оскорбившись, Чичиков. "Провиниться в каком другом проступке, по человечеству могу еще, но в подлости никогда, Извините, Андрей Иванович, за мое доброе желание, я не ожидал, чтобы слова принимали вы в таком обидном смысле". Всё это было сказано с чувством достоинства.

"Я виноват, простите!", сказал торопливо тронутый Тентетников, схватив его за обе руки. "Я не думал вас оскорбить. Клянусь,

ваше доброе участие мне дорого. Но оставим этот разговор. Не будем больше никогда об этом говорить".

"В таком случае, я все таки поеду к генералу".

"Зачем?" спросил Тентетников, смотря с недовольством ему в глаза.

"Засвидетельствовать почтение".

"Станный человек этот Чичиков" подумал Тентетников.

"Станный человек этот Тентетников" подумал Чичиков.

"Завтра же, Андрей Иванович, около десяти часов утра к нему и поеду. По-моему, чем скорее засвидетельствовать почтение человеку, тем лучше. Так как бричка моя еще не пришла в надлежащее положение, то позвольте взять у вас коляску. Я бы завтра же, этак около 10 часов утра к нему бы и съездил".

"Помилуйте, что за просьба? Вы полный господин: и экипаж, и всё в вашем распоряжении".

После такого разговора они простились и разошлись спать, не без размышления о странностях друг друга.

Чудная, однако же, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочил он в коляску с легкостью почти военного человека, одетый в новый фрак, белый галстук и жилет, и покатился свидетельствовать почтение генералу. Тентетников пришел в такое волнение духа, какого давно не испытывал. Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущение нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погруженного в беспечную лень байбака. То садился он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу, то хотел мыслить. Безуспешное хотенье! Мысль не лезла к нему в голову. То старался ни о чем не мыслить. Безуспешное старание! Отрывки чего-то похожего на мысли, концы и хвостики мыслей лезли и отовсюду наклеивались к нему в голову... "Странное состояние!.." сказал он и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дубравку, в конце которой еще курилась не успевшая улечься пыль поднятая коляской. Но, оставим Тентетникова и последуем за Чичиковым.

Глава 2

Добрые кони в полчаса со небольшими пропеши Вишикова через десяти верстное пространство, сначала дубравно, потом липовыми, начинавшими вешнать посреди савошкй грани, потом горной окраиной, сь которой пошмнутно открывались виды на отдаленные, потом широкого шоссе его липы, едва начинавших распускаться, внесли его в середину самой деревни.

Тут шоссе шло своротила направо, и превратяся в улицу тополей, огороженную снизу плетенными коробками, уперлась во глухие сквозные ворота, сквозь который шедший кудряво богатый, розной фрактоно Генеральского дома, опирающийся

Добрые кони в полчаса с небольшим пронесли Чичикова через десятиверстное пространство: сначала дубравую, потом хлебами, начинавшими зеленеть посреди свежей орани, потом горной окраиной, с которой поминутно открывались виды на отдаленья, потом широкою аллею лип, едва начинавших распускаться, внесли его в середину самой деревни. Тут аллея лип своротила направо и, превратясь в улицу тополей, огороженных снизу плетеными коробками, уперлась в чугунные сквозные ворота, сквозь которые глядел кудряво богатый, резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на восемь коринфских колонн. Повсюду несло масляной краской, всё обновлявшей и ничему не дававшей состариться. Двор чистотой подобен паркету. Подкатив к подъезду, Чичиков с подчтением соскочил на крыльцо, приказал о себе доложить генералу и был введен к нему прямо в кабинет. Генерал поразил его величественной наружностью. Он был в атласном стеганом халате великолепно пурпурового цвета. Открытый взгляд, лицо мужественное, усы и большие бакенбарды с проседью, стрижка на затылке низкая, под гребенку, шея сзади толстая, называемая в три этажа, или в три складки с трещиной поперек; словом, это был один из тех картинных генералов, которыми так богат был знаменитый 12-й год. Генерал Бетрищев заключал в себе при куче достоинств и кучу недостатков; то и другое, как водится в русском человеке, было набросано у него в каком-то картинном беспорядке. В решительные минуты – великодушие, храбрость, ум, беспримерная щедрость во всем и в примесь к этому капризы, честолюбие и мелкая личная щекотливость, без которой не обходится ни один русский, когда он сидит без дела и не требуется от него решительности. Он не любил всех, которые опередили его по службе, и выражался о них едко, в колких эпиграммах. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом, и способностями, и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, и, как нарочно, тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отмщение язвил он его при всяком случае, порочил всякое распоряжение и видел во всех мерах и действиях его верх неразумия. В нем было всё как-то странно, начиная с просвещения, которого он был поборником и ревнителем; он любил блеск, любил похвастать умом, знал то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не

знает. Воспитанный полуиностранным воспитаньем, он хотел сыграть в то же время роль русского барина. И не мудрено, что с такой неровностию в характере с такими крупными, яркими противоположностями, он должен был неминуемо встретить по службе множество неприятностей, вследствие которых и вышел в отставку, обвиняя во всем какую-то враждебную партию и не имея великодушия обвинить в чем-либо себя самого. В отставке сохранил он ту же картинную, величавую осанку. В сертуке ли, во фраке ли, в халате ли он был всё тот же. От голоса до малейшего телодвижения, в нем всё было властительное, повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то, по крайней мере, робость.

Чичиков почувствовал то и другое: и уважение, и робость. Наклоня почтительно голову набок и расставив руки на отлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками, он изумительно ловко нагнулся всем корпусом и сказал: "Счел долгом представиться вашему превосходительству. Питая уваженье к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счел долгом представиться лично вашему превосходительству".

Генералу, как видно, понравился такой приступ. Сделавши весьма благосклонное движение головою, он сказал: "Весьма рад познакомиться. Милости просим садиться. Вы где служили?"

"Поприще службы моей", сказал Чичиков, садясь в кресла не посередине, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресел: "началось в казенной палате, Ваше превосходительство. Дальнейшее же течение оной совершал по разным местам: был и в надворном суде, и в комиссии строения, и в таможне. Жизнь мою можно уподобить как бы судну между волн, Ваше превосходительство. Терпением можно сказать, повит, спеленан и, будучи, так сказать, сам одно олицетворенное терпение... А что было от врагов, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, самая, даже кисть не сумеет того передать, так что на склоне жизни своей ищю только уголка, где бы провесть остаток дней. Приостановился же покуда у близкого соседа вашего превосходительства..."

"У кого это?"

"У Тентетникова, ваше превосходительство".

Генерал поморщился.

"Он, ваше превосходительство, весьма раскаивается в том, что не оказал должного уваженья..."

"К чему?"

"К заслугам вашего превосходительства. Не находит слов. Говорит: "Если бы я только мог перед его превосходительством чем-нибудь... потому что точно", говорит, "умею ценить мужей, спасавших отечество", говорит.

"Помилуйте, что ж он? Да ведь я не сержусь!" сказал смягчившийся генерал. "В душе моей я искренно полюбил его и уверен, что со временем он будет преполезный человек".

"Совершенно справедливо изволили выразить, ваше превосходительство, истинно преполезный человек, может быть и с даром слова и владеет пером".

"Но пишет он, я чай, пустяки, какие-нибудь стишки?"

"Нет, ваше превосходительство, не пустяки... Он что-то дельное пишет... историю, ваше превосходительство".

"Историю? О чем историю?"

"Историю..." тут Чичиков остановился. И оттого ли, что перед ним сидел генерал, или просто, чтобы придать более важности предмету, прибавил: "историю о генералах, ваше превосходительство".

"Как о генералах? о каких генералах?"

"Вообще о генералах, ваше превосходительство, в общности, то есть, говоря собственно, об отечественных генералах".

Чичиков совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнул сам и мысленно сказал себе: "Господи, что за вздор такой несу".

"Извините, я не очень понимаю... что ж это выходит, историю какого-нибудь времени, или отдельные биографии? и притом всех ли, или только участвовавших в 12-м году?"

"Точно так, ваше превосходительство, участвовавших в 12-м году". Проговоривши это, он подумал в себе: "хоть убей, не понимаю".

"Так что ж он приедет. Я бы мог собрать ему весьма много любопытных материалов".

"Робеет, ваше превосходительство".

"Какой вздор! Из-за какого-нибудь пустого слова... Да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, к нему сам готов приехать".

"Он к тому не допустит, он сам приедет", сказал Чичиков, оправяся совершенно, ободрившись и подумавши "Экая оказия, как генералы пришли кстати, а ведь язык взболтнул сдуру".

В кабинете послышался шорох. Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половине ее, ухватившись рукой за медную ручку замка, явилась живая

фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, она бы так не поразила внезапностью своего явления! Видно было, что она вошла с тем, чтобы что-то сказать, но увидела незнакомого человека. С нею вместе казалось влетел солнечный луч, и как будто рассмеялся нахмурившийся кабинет генерала. Пряма и легка, как стрелка, она как бы возвышалась над всем своим полом. Но это было обольщение. Она была вовсе не высокого роста. Происходило это <от> необыкновенно согласного соотношения между собою всех частей ее тела. Платье сидело на ней так, что, казалось, лучшие швеи совещались между собою, как бы получше убрать ее. Но это было также обольщение. Оделась она как-будто сама собой: в двух-трех местах схватила игла кое-как неизрезанный кусок одноцветной ткани, и он уже собрался и расположился вокруг нее в таких сборках и складках, что ваятель сей час уже перенес бы их на мрамор. А все барышни, одетые по моде, казались бы перед нею.

"Рекомендую вам мою баловницу!" сказал генерал, обратясь к Чичикову. "Однако ж фамилии вашей, имени и отчества до сих пор не знаю".

"Должно ли знать имя и отчество человека, не ознаменовавшего себя доблестями?" сказал скромно Чичиков, наклонивши голову.

"Всё же однако ж нужно знать..."

"Павел Иванович, ваше превосходительство", сказал Чичиков, поклонившись с ловкостью почти военного человека и отпрыгнувши назад с легкостью резинога мячика.

"Улинька!" сказал генерал, обратясь к дочери: "Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость: сосед наш Тентетников совсем не такой глупый человек, как мы полагали. Он занимается довольно важным делом: историей генералов двенадцатого года".

"Да кто же думал, что он глупый человек?" проговорила она быстро. "Разве один только Вишнепокровов, которому ты веришь, который пустой и низкой человек".

"Зачем же низкий? Он пустоват, это правда", сказал генерал.

"Он подловат и гадковат, не только что пустоват, подхватила живинько Улинька. Кто так обидел своих братьев и выгнал из дому родную сестру, тот гадкой человек".

"Да ведь это рассказывают только".

"Таких вещей рассказывать не будут напрасно. Я не понимаю, отец, как с добрейшей душой, какая у тебя, и с таким редким

сердцем ты будешь принимать человека, который как небо от земли от тебя и о котором сам знаешь, что он дурен".

"Вот этак, вы видите", сказал генерал, усмехаясь, Чичикову: "вот этак мы всегда с ней спорим, и, оборотясь к дочери, продолжал:

"Душа моя! ведь мне же не прогнать его?"

"Зачем прогонять? Но зачем показывать ему такое внимание".

Здесь Чичиков почел долгом свернуть и от себя словцо.

"Все требуют к себе любви, сударыня", сказал Чичиков. "Что ж делать? И скотинка любит, чтобы ее погладили. Сквозь хлев просунет для этого морду и говорит: на, погладь!"

Генерал рассмеялся. "Именно просунет морду: на погладь... Ха, ха, ха! У него не только что рыло, но весь в саже, а ведь тоже требует, как говорится, поощренья... Ха, ха, ха!" И туловище генерала стало колебаться от смеха. Плечи, носившие некогда густые эполеты, тряслись, точно как бы носили и поныне густые эполеты.

Чичиков разрешился тоже междометием смеха, но из уважения к генералу, пустил его на букву э хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его так же стало колебаться от смеха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густых эполет.

"Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения трудился, ха, ха, ха!" А изволили, Ваше превосходительство слышать когда-нибудь о том, что такое полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит? – сказал Чичиков, обратись к генералу с улыбкой уже несколько плутоватой.

Нет не слышал!

Симпатический анекдот, Ваше превосходительство. В имении, Ваше превосходительство, у князя Гунзаковского, которого без сомнения Ваше превосходительство изволите знать.

Не знаю.

Был управитель, Ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут и прочаго, имел он надобность приезжать в город, водиться с судейскими ну и... сами изволите знать подмазывать их (Чичиков, прищуря глаз, выразил в лице своем как подмазываются судейские). Впрочем и они угощали его, так что один раз, обедая у них, он говорил: "... что же, господа, когда-нибудь и ко мне, в имение к князю!" Те говорят приедем. В непродолжительном времени, Ваше превосходительство, случи-

лось выехать суду на следствие по делу приключившемуся во владениях графа Трехметьева, которого, Ваше превосходительство, без сомнения тоже изволите знать.

Не знаю.

Самого то следствия они не сделали, а заворотили всем судом к графскому эконому, да три дня и три ночи, не переводя духу и прокозыряли в карты. Самовар и пунш, Ваше превосходительство со стола не сходят. Старику то графскому эконому уж они засели так сказать в горле (Чичиков показал себе на горло). Чтобы как-нибудь от них отделаться он и говорит: Вы бы господу заехали к князьему управляющему, немцу, он недалеко отсюда и вас ждет. А и в самом деле говорят он же нас и звал. И все это как было заспаное, не бритое, на телеги да к немцу... А немец Ваше превосходительство только что женился. Женился на институтке молоденькой, сублиной (Чичиков выразил в лице своем сублиность). Находясь так сказать в медовом месяце, сидят они в роде двух ангельчиков за чаем. Вдруг отворяются двери и ввалилось сонмище.

Воображаю, хороши, сказал генерал, смеясь. Немца так поразило, Ваше превосходительство, что потерялся совсем. Подходит к ним и говорит: что вам угодно? А говорят они, так во ты как! Перемена декораций, другой оборот, другая речь: "За делом: сколько вина выкуривается при имении? Покажите книги. Тот туда-сюда, эй понятых. Взяли, связали да в город. Да полтора года и просидел немец в тюрьме.

Вот на! сказал генерал.

Улинька сплеснула руками.

Жена, Ваше превосходительство хлопотать; но что ж может какая-нибудь неискушенная, так сказать, горнилом опыта, молодая женщина? Спасибо что случились добрые люди, которые научили пойти на мировую. Отделался немец Ваше превосходительство, двумя тысячами да угостительным обедом. Да уже за обедом, когда все уже того... и он также, говоря просто налимонились, они и говорят ему, вот видишь: погнушался нами! Ты все бы хотел видеть выбритых. Нет, ты полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит.

Генерал расхохотался.

Болезненное чувство выразилось на благородном, милом лице девушки. "Ах, папа, я не понимаю, как ты можешь смеяться, на меня эти бесчестные поступки наводят уныние и ничего более.

Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презрением, я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, я думаю, думаю..." И чуть сама не заплакала.

"Только, пожалуйста, не гневайся на нас", сказал генерал. "Мы тут ни в чем не виноваты. Не правда ли?" продолжал, обращаясь к Чичикову, "поцелуй меня и уходи к себе. Я сейчас стану одеваться к обеду. Ведь ты, сказал он, посмотрев Чичикову в глаза: надеюсь, обедаешь у меня?"

"Если только, ваше превосходительство..."

"Без чинов, что тут? Я ведь еще, слава богу, могу накормить, – щи есть".

Бросив ловко обе руки на отлет, Чичиков признательно и почтительно наклонил голову книзу, так что на время скрылись от его взоров все предметы в комнате, и остались видны ему только одни носки своих собственных полусапожек; когда же, пробыв несколько времени в таком почтительном расположении, приподнял он снова голову вверх, он уже не увидал Улиньки. Она исчезнула. Наместо ее предстал, в густых усах и бакенбардах, великан-камердинер, с серебрянной лоханкой и рукомойником в руках.

"Ты мне позволишь одеться при себе?"

"Не только одеваться, но можете совершать при мне всё, что угодно вашему превосходительству".

Спустя с одной руки халат и засуча рукава рубашки на богатырских руках, генерал стал умываться, брызгаясь и фыркая как утка. Вода с мылом летела во все стороны. "Как бишь? сказал он, вытирая со всех сторон свою шею... полюби нас беленькими?.. Черненькими, Ваше превосходительство... Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит. Очень, очень хорошо!"

"Любят, любят, точно любят поощрение продолжал генерал. "Погладь, погладь его! А ведь без поощрения так и красть не станет. "Ха, ха, ха!.."

Чичиков был в духе неопisanном. Вдруг налетело на него вдохновение. "Генерал весельчак и добряк – попробоваться!" подумал и, увидев, что камердинер с лоханкой вышел, вскрикнул: "Ваше превосходительство, так как вы уже так добры ко всем и внимательны, имею к вам крайнюю просьбу".

"Какую?"

Чичиков осмотрелся вокруг и продолжал: "Есть у меня, ваше превосходительство, дряхлый старичишка дядя. У него триста душ и, кроме меня, наследников никого; сам управлять именем, по дряхлости, не может, а мне не передает тоже, и какой странный приводит резон: "Я", говорит, "племянника не знаю, может быть, он мот. Пусть он докажет мне, что он надежный человек, пусть приобретет прежде сам собой триста душ; тогда я отдам ему и свои триста душ".

"Да что ж он, выходит, совсем дурак?" спросил генерал.

"Дурак бы еще пусть – это при нем бы и оставалось. Но положение-то мое, ваше превосходительство, у старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дети, того и гляди, всё перейдет им".

"Выжил глупый старик из ума и больше ничего", сказал генерал. "Только я не вижу, чем тут я могу пособить", говорил он, смотря с изумлением на Чичикова.

"Я придумал вот что. Если вы всех мертвых душ вашей деревни, передадите мне, ваше превосходительство, в таком виде, как бы они были живые, с совершением купчей крепости, я бы тогда эту крепость представил старику, и он, как не вертись, а наследство бы мне отдал".

Тут генерал разразился таким смехом, каким вряд ли смеялся когда человек. Как был, так и повалился он в кресла. Голову забросил назад и чуть не захлебнулся. Весь дом встревожился. Предстал камердинер, дочь прибежала в испуге.

"Отец, что с тобой случилось?" говорила она в страхе и недоумении и смотря ему в глаза.

Но генерал долго не мог издать никакого звука.

"Ничего, мой друг, ступай к себе; мы сейчас явимся обедать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!"

И несколько раз из задыхавшейся груди вырывался с новой силою генеральский хохот, раздаваясь от передней до последней комнаты.

Чичиков был в беспокойстве.

"Дядя-то, дядя в каких дураках будет. Ха, ха, ха! Мертвых вместо живых получит. Ха, ха, ха!"

"Эк его, щекотливый какой на нервы, думал про себя Чичиков".

"Ха, ха, ха!" продолжал генерал. "Экой осел. Ведь придет же в ум требовать: "пусть прежде сам собой из ничего достанет триста душ, так тогда дам ему триста душ". Ведь он осел".

"Осел, ваше превосходительство".

"Ну, да и твоя то штука попотчевать старика мертвыми душами! Ха, ха, ха! Я бы бог знает что дал, чтобы посмотреть, как ты поднесешь на них купчую крепость. Ну, что он, каков? Он из себя, очень стар?"

"Лет восемьдесят".

"Однако же движется, бодр? Ведь он должен же быть крепок, потому что при нем ведь живет ключница?"

"Какая уж крепость! ваше превосходительство!"

"Экой дурак! Ведь он дурак!"

"Дурак, ваше превосходительство.

"Однако ж, выезжает, бывает в обществах, с виду бодр? держится еще на ногах?"

"Держится, но с трудом".

"Экой дурак! Но крепок однако ж? Есть еще зубы?"

"Два зуба всего, ваше превосходительство".

"Экой осел! Ты, братец, не сердись, хоть он тебе и дядя, а ведь он осел!"

"Осел, ваше превосходительство, хоть и родственник и тяжело сознаваться в этом, но что ж делать!"

Чичикову вовсе не тяжело было сознаться, потому что вряд ли был когда-либо у него какой дядя.

"Так уж, ваше превосходительство, отпустите мне..."

"Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с житьем! Возьми себе всё кладбище! Ха, ха, ха! Старик-то, старик-то! Ха, ха, ха! В каких дураках будет дядя! Ха, ха, ха, ха?.."

И генеральский смех пошел отдаваться по генеральским покоям.

Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым, обед у генерала и беседа их двенадцатом годе, помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери, беседа помолвленных в саду, Чичиков отправляется по поручению генерала Бетрищева к родственникам его для извещения о помолвке дочери, едет к одному из этих родственников полковнику Кошкареву".

Глава 3

Если Столюгов Кошкареев только сумасшедший, то это не дурно, говоришь Тыльковец, огутившись опять среди откаротных полей и пространств, когда все свелось и только остались адские небесные своды, да облака сь стороны. Тыль Семидан, разнузданный и жаромеленый — как дурочка в Столюгову Кошкарееву?

— А, Павел Иванович, ирониче выдает, так сь аномалия очана келееки — так или никогда было — А Петрушка разгравивает ч утерд. —

— Вот и дурак! на Петрушину сначала непонимаетея. Петрушка брешет, Петрушка на язык. Петрушка гай и теперь пьветь.

Тыль Семидан
Тыль Семидан

— Вотд тутт неслухотт канав! сначала Петрушка, пошударатеев и ижедд иевога. Опротт того, что естеев сь горл взятт иуоши, иерега болеме мтт.

— А то оградит емажи иерега и еч рота небрант! хараеи! очань дурмил! уик вотт, молим екаатт, удивилл красотат. Езропу Сааеав очна Кичинова помядмил свои над Богу душ и надурмил канав адна

"Если полковник Кошкарев точно сумасшедший, то это недурно", говорил Чичиков, очутившись опять среди открытых полей и пространств, когда всё исчезло и только остался один небесный свод, да облака в стороне.

"Ты, Селифан, расспросил ли хорошенько, как дорога к полковнику Кошкареву?"

"Я, Павел Иванович, извольте видеть, так всё хлопотал около коляски, так мне некогда было; а Петрушка расспрашивал у кучера".

"Вот и дурак! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно; Петрушка глуп; Петрушка, чай, и теперь пьян".

"Ведь тут не мудрость какая!" сказал Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. "Окроме того, что, спустясь с горы, взять лугом, ничего больше нет".

"А ты, окроме сивухи, ничего и в рот не брал? Хорош! очень хорош! Уж вот, можно сказать, удивил красотой Европу!" Сказав это, Чичиков погладил свой подбородок и подумал: "Какая, однако ж, разница между просвещенным гражданином и грубой лакейской физиогномией".

Коляска стала между тем спускаться. Открылись опять луга и пространства, усеянные осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругих пружинах, продолжал бережно спускаться незаметным косогором покойный экипаж и, наконец, понесся лугами, мимо мельниц, то с легким громом по мостам, то с небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы один бугорок или кочка дали себя почувствовать бокам. Утешенье, а не коляска. Быстро пролетали мимо их тонкия ольхи и серебристые тополи, ударяя ветвями сидевших на козлах Селифана и Петрушку. С последнего ежеминутно сбрасывали они картуз. Суровый служитель соскакивал с козел, бранил глупое дерево и хозяина, который насадил его, но привязать картуза или даже придержать рукою всё не хотел, надеясь, что это в последний раз и что дальше не случится. К деревьям этим мирно присоединились сосна, береза, ель. Лес затемнел и готовился превратиться в ночь. Но вдруг отовсюду промеж ветвей лыней сверкнули проблески света, как бы сияющие зеркала, деревья заредели, и вот перед ними озеро. Водная равнина версты четыре в поперечнике, на супротивном берегу, над озером, высыпана серыми бревенчатыми избами деревня, крики раздавались в воде. Человек двадцать, по пояс, по плечи и по горло в воде, тянули к супротивному

берегу невод. Случилась оказия. Вместе с рыбою запутался какой-то круглый человек, такой же меры в вышину, как и в толщину, точный арбуз или боченок. Он был в отчаянном положении и кричал во всю глотку: "Телепень Денис, передавай Козьме! Козьма, бери конец у Дениса. Не напирай так, Фома Большой. Ступай туды, где Фома Меньшой. Черти, говорю вам, оборвете сети!" Арбуз, как видно, боялся не за себя: потонуть, по причине толщины, он не мог, и, как бы ни кувырнулся, желая нырнуть, вода бы его всё выносила его наверх; и если бы село к нему на спину еще двое, он бы, как упрямый пузырь, остался с ними на верхушке воды, слегка только покряхтывая над ними да пуская носом болдыри. Но он боялся крепко, чтобы не оборвался невод и не ушла рыба, и потому, сверх прочего, тащили и его накинутыми веревками несколько человек, стоявших на берегу.

"Должен быть барин, полковник Кошкарев", сказал Селифан.

"Почему?"

"Оттого, что тело у него, изволите видеть, побелей, чем у других, и дородство почтительное, как у барина".

Барина, запутанного в сети, притянули между тем уже значительно к берегу. Почувствовав, что может достать до земли ногами, он стал на ноги, и в это время увидел спускавшуюся с плотины коляску и в ней сидящего Чичикова.

"Обедали?" закричал барин, выходя с пойманною рыбою на берег, весь опутанный в сеть, как в летнее время дамская ручка в сквозную перчатку, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же, на манер Венеры Мидицейской.

"Нет", сказал Чичиков, приподымая картуз и продолжая раскланиваться с коляски.

"Ну так благодарите же бога!"

"– А что?" спросил Чичиков с любопытством держа над главою картуз.

"– А вот что! Брось Фома Меньшой сеть да приподыми осетра из лохани! Телепень, Кузьма, ступай помоги!"

Двое рыбаков приподняли из лоханки голову какого-то чудовища. "Вот какой князь из реки зашел", кричал круглый барин.

"Поезжайте во двор, а я за вами. Кучер, возьми дорогу пониже через огород побегите! Телепень Фома Большой, снять перегородку. Он вас проводит, а я сейчас".

Длинноногий, босой Фома Большой, как был, в одной рубашке, побежал вперед коляски через всю деревню, где у всякой избы

развешены были бредни и сети; все мужики были рыбаки. Потом вынул из какого-то огорода перегородку, и огородами выехала коляска на площадь, близ деревянной церкви. За церковью, подалее видны были крыши господских строений.

"Чудак вот этот Кошкарев", думал про себя Чичиков.

"А вот и я здесь", раздался голос сбоку. Чичиков оглянулся. Барин уже ехал возле него, одетый, на нем был травяно-зеленый нанковый сюртух, желтые штаны и шея без галстука, на манер купидона, боком сидел он на дрожках, занявши их все собою. Чичиков хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез. Дрожки показались снова на том месте, где вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: "Фома Большой да Фома Меньшой, Кузьма да Денис. Когда же подъехал он к крыльцу дома, к величайшему изумлению его, толстый барин был уже на крыльце и принял его в свои объятия. Как он успел так слетать – было непостижимо. Они поцеловались по старому русскому обычаю троекратно навкрест. Барин был старого покроя.

"Я привез вам поклон от его превосходительства", сказал Чичиков.

"От какого превосходительства?"

"От родственника вашего, от генерала Александра Дмитриевича".

"Кто это Александр Дмитриевич?"

"Генерал Бетрищев", отвечал Чичиков с некоторым изумленьем.

"Незнаком".

Чичиков пришел еще в большее изумление...

"Как же это?.. Я надеюсь, по крайней мере, что имею удовольствие говорить с полковником Кошкаревым?"

"Нет, не надейтесь. Вы приехали слава Богу не к нему, а ко мне. Петр Петрович Петух! Петух Петр Петрович", подхватил хозяин.

Чичиков остолбенел. "Как же?" он сказал оборотясь к Селифану и Петрушке, которые оба разинули рот и выпучили глаза, один сидя на козлах, другой стоя у дворец коляски. "Как же вы, дураки? Ведь вам сказано к полковнику Кошкареву а ведь это Петр Петрович Петух".

"Ребята сделали отлично! Ступай же на кухню, там вам дадут по чарке водки", сказал Петр Петрович Петух. "Откладывайте коней и ступайте сей час в людскую".

"Я совещусь, такая неожиданная ошибка..." говорил Чичиков.

"Не ошибка", – живо говорил Петр Петрович Петух, – "не ошибка. Вы прежде попробуйте, каков обед, да потом скажете: ошибка ли это? Покорнейше прошу", сказал он, взявши Чичикова под руку и вводя его во внутренние покои. Из покоев вышли им навстречу двое юношей, в летних сюртуках, точно ивовые хлыстики; целым аршином выгнало их вверх выше отцовского роста.

"Сыновья мои, гимназисты, приехали на праздники. Николаша, ты побудь с гостем; а ты, Алексаша, ступай за мною".

Сказав это, хозяин исчез.

Чичиков занялся с Николашей; Николаша, кажется, был будущий человек-дрянце. Он рассказал с первых же разов Чичикову, что в губернской гимназии нет никакой выгоды учиться, что они с братом хотят ехать в Петербург, потому <что> провинция не стоит того, чтобы в ней жить.

"Понимаю", подумал Чичиков: "кончится дело кондитерскими да бульварами..." – "А что", спросил он вслух: "в каком состоянии именье вашего батюшки?"

"Заложено", сказал это сам батюшка, очутившись в гостиной, "заложено".

"Плохо", подумал Чичиков. "Этак скоро не останется ни одного имения. Нужно торопиться". "Напрасно же", сказал он с видом соболезнования, "поспешили заложить".

"Нет, ничего", сказал Петух. "Говорят, выгодно, ведь заклады-вают, как же отставать от других. Притом же всё жили здесь: дай-ка попробую прожить в Москве. Вот сыновья тоже уговаривают, хотят просвещения столичного".

"Дурак, дурак!" думал Чичиков: "промотает всё, да и детей сделает мотками. Именьице порядочное. Поглядишь и мужикам хорошо, и им недурно; а как просветятся там у ресторанов да по театрам, всё пойдет к черту. Жил бы себе, кулебяка, в деревне".

"А ведь я знаю, что вы думаете", сказал Петух.

"Что?" спросил Чичиков, смутившись.

"Вы думаете: "Дурак, дурак этот Петух, зазвал обедать, а обеда до сих пор нет"; Будет готов, почтенный. Не успеет стриженная девка косы заплесть, как он поспеет".

"Батюшка! Платон Михалыч едет!" сказал Алексаша, глядя в окно.

"Верхом на гнедой лошади", подхватил Николаша, нагибаясь к окну Ты думаешь Алексаша наш вороной хуже его.

"Хуже не хуже, но выступна не такая".

"Где, где?" прокричал Петух, подступив.

"Кто это Платон <Михайлович>?" спросил Чичиков у Алексаши.

"Сосед наш, Платон Михайлович Платонов, прекрасный человек", отвечал Алексаша.

Между тем вошел в комнату, красавец, стройного роста, глаза темные, волосы светлорусые и блестящие сами, завивались в кудри на голове его. Гремя медным ошейником, мордатый пес, собака-страшилище, именем Ярд, вошел вослед за ним.

"Обедали?" спросил хозяин.

"Обедал".

"Что ж вы, смеяться что ли надо мной приехали? Что мне в вас после обеда?"

Гость, усмехнувшись, сказал: "Утешу вас тем, что ничего не ел за обедом, вовсе нет аппетита".

"А каков был улов! Если бы видели. Какой осетрище пожаловал и какие карасищи".

"Даже досадно вас слушать. Отчего вы всегда так веселы?"

"Да отчего же скучать, помилуйте!" сказал хозяин.

"Как отчего скучать? оттого, что скучно".

"Мало едите, вот и всё. Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку. Прежде никто не скучал".

"Да полно хвастать! Будто уж вы никогда не скучали?"

"Никогда! Да и не знаю, даже и времени нет для скуки. Поутру проснешься, тут сейчас повар, нужно заказывать обед, тут чай, тут приказчик, там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, опять повар, нужно заказывать ужин... Когда же скучать!"

Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумил необыкновенной красотой своей, стройным, картинным ростом, свежестию неистраченной юности, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волнение и беспокойство не дерзнули прикоснуться к чертам его и положить на нем морщину, но с тем вместе и не оживили лицо его. Оно оставалось как-то сонно, несмотря на ироническую усмешку, временами его оживлявшую.

"Я также позволите заметить", сказал Чичиков, "не могу понять, как при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если

недостаток денег, или враги есть иногда такие, которые готовы покуситься даже на самую жизнь..."

"Поверьте", прервал красавец гость: "что для разнообразия я бы желал иногда иметь какую-нибудь тревогу. Ну, хоть бы кто рассердил меня, а то и того нет, скучно, да и только".

"Может быть, недостаточность земли по имению или малое количество душ?"

"Ничуть. У нас с братом земли на десять тысяч десятин и при них более тысячи человек крестьян".

"Странно, не понимаю. Но, может быть, неурожаи, болезни много вымерло мужеска пола людей".

"Напротив, всё в наилучшем порядке, и брат мой отличнейший хозяин".

"И при этом скучать! не понимаю", сказал Чичиков и пожал плечами.

"А вот мы скуку сейчас прогоним", сказал хозяин. "Бежи, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы поскорее прислал нам растогайчиков. Да где ж ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуску?"

Но дверь растворилась. Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подноса и графинов установилось ожерелье тарелок со всякой подстрекающей снедью. Слуги поворачивались расторопно, беспрестанно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло. Ротозей Емельян и вор Антошка расправлялись отлично. Названия эти были им даны так для поощрения. Барин был вовсе не охотник браниться, он был добряк. Но уж русский человек как то без бранного слова не может обойтись. Оно ему нужно как рюмка водки для сварения в желудке... – Что же делать? Такая натура, ничего пресного она не любит.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: "Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете". У кого два, подваливал ему третий, приговаривая: "Бог любит троицу". Съедал гость три, он ему: "Где ж бывает телега о трех колесах? На четыре у него была тоже поговорка, на пять – тоже. Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: "Ну, теперь ничего не приберет

хозяин". Не тут-то было. Не говоря ни слова, хозяин положил ему на тарелку хребтовую кость телянка, жареного на вертеле, с почками да и какого телянка.

"Два года воспитывал на молоке", сказал хозяин: "ухаживал, как за сыном".

"Не могу", сказал Чичиков.

"Вы попробуйте да потом скажите: не могу".

"Не взойдет, нет места".

"Да ведь и в церкви не было места. Взшел городничий – нашлось. А была такая давка, что и яблоку не было места упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий".

Попробовал Чичиков действительно кусок был в роде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить.

"Ну, как такому человеку ехать в Петербург или Москву? С таким хлебосольством он там в три года проживется в пух". Так думал Чичиков, но не знал того, что теперь это усовершенствова-лось, что и без хлебосольства можно было спустить все спустить не в три года, а в три месяца. С винами была также история.

Хозяин то и дело подливал да подливал; чего ж не допивали гости, давал допивать Алексаше с Николашей, которые так и хлопали рюмка за рюмкой, а встали из-за стола как бы ни в чем не бывало, точно выпили по стакану воды. На перед уже было видно на какую часть человеческих познаний обратят они внимание по приезде в столицу. С гостями было не то: на силу перетащились они на балкон и на силу поместились в креслах. Хозяин, как сел в свое какое-то четырехместное, так тут же и заснул. Тучная его собственность, превратилась в кузнецкий мех, стала издавать через открытый рот и носовые продушины, такие звуки, какие редко приходят в голову и нового сочинителя, каких не бывает и в новой музыке. Тут было все: и барабан, и флейта, и какой-то отрывистый гул, точно собачий лай.

"Эк его насвистывает!" сказал Платонов.

Чичиков засмеялся.

"Разумеется, если этак пообедать, как тут придти скуке. Тут он придет, не правда ли?"

"Да. Но я, однако же, вы меня извините, не могу понять, как можно скучать. Против скуки есть так много средств".

"Какие же?"

"Да мало ли для молодого человека? Танцевать, играть на каком-нибудь инструменте, а не то жениться".

"На ком?"

"Да будто в округности нет хороших и богатых невест?"

"Да нет".

"Ну поискать в других местах, поездить". И богатая мысль сверкнула вдруг в голове Чичикова. "Да вот прекрасное средство" сказал он, глядя в глаза Платонову.

"Какое?"

"Путешествие".

"Куда ж ехать?"

"Да если вам свободно, так поедем со мной", сказал Чичиков и подумал про себя, глядя на Платонова: "А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополам, а починку коляски отнести вовсе на его счет".

"А вы куда едете?"

"Покамест еду не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель просил навестить родственников... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя: ибо видеть свет, коловращенье людей, кто что не говори, есть как бы живая книга, вторая наука", сказал это Чичиков между тем, как помышлял, "Право, было бы хорошо. Можно даже и все издержки на его счет; даже и отправиться на его лошадях, а мои бы покормились у него в деревне".

"Что же? Почему ж не проездиться?" думал между тем Платонов. "Дома же мне делать нечего, хозяйство и без того на руках у брата; стало быть, расстройства никакого. Почему ж в самом деле не проездиться?" – "А согласны ли вы", сказал он вслух: "погостить у брата денька два? Иначе он меня не отпустит".

"С большим удовольствием. Хоть три".

"Ну, так по рукам! Едем!" сказал, оживясь, Платонов.

Они хлопнули по рукам.

"Куда! куда?" вскрикнул хозяин, проснувшись и выпуча на них глаза. "Нет, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а Вашего жеребца, Платон Михайлович, угнали отсюда за пятнадцать верст. Нет, вот вы сегодня переночуете, а завтра после раннего обеда и поезжайте себе".

Что было делать с Петухом? Платонов ничего на это не сказал, зная, что Петух держался своих обычаев крепко.

Нужно было остаться. Зато награждены они были удивительным весенним вечером. Хозяин устроил гулянье на реке. Двенадцать гребцов, в двадцать четыре весла, с песнями, понесли их по гладкому хребту зеркального озера. Из озера они понеслись в реку, беспредельную, с пологими берегами на обе стороны, подходя беспрестанно под канаты протянутые поперек реки для ловли. Хотя бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись пред ними, один за другим, виды, и роща за рощей тешили взоры разнообразным размещением дерев. Гребцы, хвативши разом в двадцать четыре весла, подымали вдруг все весла вверх и катер, сам собой, как легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла начинальные запевы песни, пятеро подхватывали, шестеро выносили, разливалась она, беспредельная, как Русь. Сам Петух, востепенувшись, пригаркивал, поддавал, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русский. Один только Платонов думал: "Ну что хорошего в этой заунывной песне? От нее еще большая тоска находит на душу".

Возвращались назад уже сумерками. Впотьмах ударяли весла по водам, уже не отражавшим небо. В темноте пристали они к берегу, по которому разложены были огни и на треногах варили рыбаки уху из животрепещущих ершей. Всё уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль от них уже улеглась, и пастухи, пригнавшие их, стояли у ворот, ожидая крынки молока и приглашения к ухе. В сумерках слышался тихий говор людской, бреханье собак, где-то отдавалось из чужих деревень. Месяц подымался, и начали озаряться потемневшие окрестности, и всё озарилось. Чудна картина. Но некому было ее любоваться. Николаша и Алексаша, все это время думали о Москве, о кондитерских, о театрах, о которых натолковал им заезжий из столицы студент. Отец их думал о том, как бы окормить своих гостей. Платонов зевал. Всех живей оказался Чичиков. "Эх право, заведу когда-нибудь деревеньку". И стали ему представляться и бабенка, и Чиченки.

А за ужином опять объелись. Когда вошел Павел Иванович в отведенную комнату для спанья и, ложась в постель, пощупал животик свой: "Барабан!" сказал: "никакой городничий не взойдет!" Надобно же было воспротивиться такому стечению обстоятельств,

что за стеной находился кабинет хозяина. Стена была тонкая, и слышно всё, что там ни говорилось. Хозяин заказывал повару, под видом раннего завтрака, на завтрашний день решительный обед. И как заказывал! У мертвого бы родился аппетит, и губами подсасывал и причвывал. Да подпарь да дай взопреть хорошенько. А повар приговаривал тоненькой фистулой "слушаюсь! Малина-с и так".

"Да кулебяку сделай на четыре угла", говорил он с присасываньем и забирая к себе дух. "В один угол положи ты мне щеки осетра да визиги, в другой гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да еще чего знаешь там этакого, какого-нибудь там того..." "Слушаюсь малина будет и так". Да чтобы она с одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподну-то, пропеки ее так, чтобы всю ее прососало, проняло бы так, чтобы она вся, знаешь, этак рас – того, не то, чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту как снег какой, так чтобы и не услышал". Говоря это, Петух присмактывал губами.

"Чорт побери, не даст спать", думал Чичиков и закутал голову в одеяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одеяло было слышно:

"А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да сметочков, да груздочков, да там, знаешь, репушки, да морковки, да бобков, там чего-нибудь этакого, знаешь, того разного, чтобы гарбюру, всякого побольше. Да сделай мне свиной сычуг, положи ледку, чтобы он вздохнул хорошенько".

Много еще Петух заказывал блюд. Пропал совершенно сон сказал Чичиков повернувшись на одну сторону; закутал голову в подушки и закутал себя всего одеялом, чтобы не слышать ничего, но и сквозь одеяло и подушки раздавались беспрестанно. "Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько". Заснул Чичиков уже на каком-то индюке.

На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом. Жеребец был отправлен с конюхом Петуха. Они сели в коляску. Мордатый пес лениво пошел за коляской: он тоже объелся.

"Это уже слишком", сказал Чичиков, когда выехали они со двора.

"А не скучает, вот что досадно", сказал Платонов.

"Было бы у меня, как у тебя, 70 тысяч в год доходу", подумал Чичиков: "да я бы скуку и на глаза к себе не пустил. *Вон откупщик Муразов, – легко сказать, – 10 миллионов... Экой куш*".

"Вот, вам ничего заехать в одну деревню, отсюда верст десять? спросил Платонов. Мне бы хотелось проститься с сестрой и с зятем".

"С большим удовольствием", сказал Чичиков.

"Если вы охотник до хозяйства", сказал Платонов, "то вам будет с ним интересно познакомиться. Уж лучше хозяина вы не сыщете. Он в десять лет развел свое имение до того, что вместо 30 получает теперь двести тысяч доходу".

"Ах, да это, конечно, предпочтенный человек. Это преинтересно будет с таким человеком познакомиться. А как по фамилии?"

"Костанжогло".

"А имя и отчество, позвольте узнать?"

"Константин Федорович".

"Константин Федорович Костанжогло, очень интересно познакомиться. Поучительно узнать такого человека".

Платонов принял на себя руководить Селифана, что было нужно, потому что тот едва держался на козлах. Петрушка два раза сторчаком слетел с коляски, так что необходимо было, наконец, привязать его веревкой к козлам. "Экая скотина!" повторял только Чичиков.

"Вот, поглядите-ка, начинаются его земли", сказал Платонов: "совсем другой вид".

И в самом деле, через всё поле сеянный лес – ровные деревья, как стрелки,; за ними другой, повыше, тоже молодь; за этим старый. И три раза проехали, как сквозь ворота стен, сквозь леса. "Это всё у него выросло каких-нибудь лет в восемь, в десять, что у другого и в двадцать не вырастет", сказал Платонов.

"Как же это он сделал?", спросил Чичиков

"Ну расспросите у него. Это землевед такой! У него ничего нет даром. Мало того, что он почву знает, какое соседство для чего нужно, возле какого хлеба какое дерево. Все у него три, четыре должности разом отправляет. Лес то нужен сам по себе, а у него и полям нужен, затем чтобы в таком то месте влаги лишь прибавить, настолько-то унавозить падающим листом, настолько-то дать тени. Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая. Жаль, что я сам мало эти вещи знаю, не умею рассказать, а у него такие штуки, что его называют колдуном. Много, много у него увидите, а все однако же скучно.

"В самом деле, это изумительный муж", подумал Чичиков. "Весьма прискорбно, что молодой человек поверхностен и не умеет рассказать" с нетерпением ожидаю увидеть.

Наконец показалась деревня. Как бы город какой, высыпалась она множеством изб на трех возвышениях, увенчанных тремя церквями, да переграждались повсюду исполинскими строениями и кладями. "Да", подумал Чичиков: "видно, что живет хозяин-туз". Избы всё крепкие; улицы все прямые; стояла ли где телега – телега была крепкая и новешенькая; мужик попадался с каким-то умным выражением лица; рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином. Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется, в песне, серебро лопатой. Не было тут английских парков и газонов, беседок и мостов со всякими затеями; но, по-старинному, шел проспект амбаров и рабочих домов вплоть до самого дому, чтобы всё было видно барину, что ни делается вокруг него; и в довершение на крыше дома возвышался большой фонарь обозревавший на пятнадцать верст кругом всю окольность не для красоты или видов, но для наблюдения за работающим в отдаленных полях. У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, на них не было фраков, но хозяйские чекмены синего домашнего сукна, перехваченные голубыми поясами.

Хозяйка дома выбежала сама на крыльцо. Свежа она была, как кровь с молоком; хороша, как божий день; походила, как две капли, на Платонова, с тою разницею только, что не была вяла как он, но разговорчива и весела.

"Здравствуй, брат! Ну, как же я рада, что ты приехал! А Константина нет дома; но он скоро будет".

"Где ж он?"

"У него есть дело на деревне с какими-то покупателями", говорила она, вводя гостей в комнату.

Чичиков с любопытством рассматривал жилище этого необыкновенного человека, который имел 200 тысяч дохода. Он думая по нем отгадать свойства самого хозяина, как по оставленной раковине об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей. Но нельзя было вывести никакого заключения. Комнаты все просты, даже пусты: ни портверов, ни картин, ни бронз, ни цветов, ни этажерок с фарфором, ни даже книг. Словом, всё показывало, что главная жизнь существа, здесь обитавшего, проходила вовсе не в четырех стенах комнаты, но в поле, и что самые мысли его не обдумывались заблаговременно сибаритским образом у огня, пред камином, в покойных креслах, но на месте где приходили в голову там же и притворялись в дело. В комнатах мог только заметить Чичиков

следы женского домоводства. На столах и стульях были наставлены чистые липовые доски и на них расставлены были лепестки каких-то цветов, приготовленных к сушке.

"Что у тебя, сестра, за дрянь какая наставлена?" сказал Платонов.

"Какая дрянь!", сказала хозяйка: "лучшее средство от лихорадки. Мы вылечили им в прошлый год всех мужиков. А это для настоек; а это для варенья. Вы всё смеетесь над вареньями да над соленьями, а потом, когда едите, сами же похваливаете".

Платонов подошел к фортепьянам и стал разбирать ноты.

"Господи, что за старина!" сказал он. "Ну, не стыдно ли тебе, сестра?"

"Ну, уж извини, брат: музыкой мне и подавно некогда заниматься. У меня осьмилетняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернантке затем только, чтобы самой иметь свободное время для музыки. Нет, извини, брат, этого-то я не сделаю".

"Какая ты, право, стала скучная, сестра", сказал брат и подошел к окну.

"А вот он! идет, идет!" сказал Платонов. Чичиков тоже устремился к окну. К крыльцу подходил лет 40 человек, живой, смуглой наружности. О наряде своем он не думал. По обеим сторонам его, сняв шапки, шли два человека нижнего сословия, о чем-то с ним толкуя. Один простой мужик, другой какой-то заезжий кулак и пройдоха, в синей сибирке. Так как остановились они все около крыльца, то и разговор их был слышен в комнатах.

"Вы вот что сделайте, говорил Костянтин мужику, вы откупитесь у вашего барина. Я вам, пожалуй, дам взаймы; вы после мне заработаете".

"Нет, что уж откупаться. Возьмите нас. Уж у вас всякому уму выучишься. А ведь теперь беда та, что никак не убережешь. Целовальники такие завели настойки, что с одной рюмки так станет забирать в животе, что воды ведро бы выпил. Не успеешь опомниться, как всё испустишь. Много соблазну. Лукавый, миром ворочает. Ей богу! Всё заводят, чтобы сбить с толку людей: и стали заводить и табак, и такие зелья, что ж делать, Константин Федорович, человек перед богом, человек не удержится".

"Послушай: да ведь вот в чем дело. Ведь у меня все-таки неволя. Правда, что с первого разу вы получите и корову, и ло-

шадь; да ведь дело в том, что я так требую с мужиков, как никто. У меня работа – первое; мне или себе, но уж не дам никому залежаться. Я и сам работаю как вол, и мужики у меня, потому что испытал, брат, все дрянь лезет в голову оттого, что не работаешь. Так вы об этом все подумайте миром и потолкуйте между собою".

"Да мы-с толковали уже об этом, Константин Федорович. Уж это не старики говорят. Мужик у вас богат: ведь это недаром; и священники такие сердобольные. А у нас и тех взяли и хоронить некому".

"Все-таки ступай и переговори с своими".

"Слушаю-с, Константин Федорович".

"Так уж того-с, Константин Федорович, уж сделайте милость... побавьте", говорил шедший по другую сторону заезжий кулак в синей сибирке. Ведь я тебе на первых порах объявил торговаться не охотник. Я тебе говорю опять".

"Я не то, что другой помещик, к которому ты подъедешь под самый срок уплаты в ломбард. Ведь я вас знаю. У вас есть списки всех, кому когда следует уплачивать. Что ж тут мудреного? Ему приспичит, он тебе и продаст за полцены. А мне что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи. Мне в ломбард не нужно уплачивать".

"Настоящее дело, Константин Федорович. Да ведь я того-с, оттого только, чтобы и впредь иметь с вами касательство, а не ради какого-нибудь корыстия. Три тысячи задаточку извольте принять". Кулак вынул из-за пазухи пук засаленных ассигнаций. Костанжогло прихладнокровно взял их и, не считая, сунул в задний карман своего сюртука.

"Гм", подумал Чичиков: "точно как бы носовой платок".

Костанжогло показался в дверях гостиной. Он еще более поразил Чичикова смугластием лица, жесткостью темных волос, местами до времени поседевших, живым выраженьем глаз и каким-то желчным отпечатком южного происхожденья. Он был не совсем русской и сам не знал, откуда вышли его предки. Он не занимался своим родословием, находя, что это в строку нейдет и в хозяйстве вещь лишняя. Он думал, что он русский, да и не знал другого языка, кроме русского.

Платонов представил Чичикова. Они поцеловались. "Чтоб вылечиться от хандры, я придумал Константин проехаться по-разным губерниям, сказал Платонов. И вот Павел Иванович предложил мне ехать с ним размыкать мою хандру".

"Прекрасно", сказал Костанжогло. "В какие же места", продолжал он, приветливо обращаясь к Чичикову: "предполагаете теперь направить путь?"

"Признаюсь", сказал Чичиков, приветливо наклоня голову набок и в то же время поглаживая рукою кресельную ручку: "еду я покамест не столько по своей нужде, сколько по нужде другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников, но с другой стороны,, и для самого себя, потому что, точно, не говоря уже о пользе, которая может быть в геморoidalном отношении, увидеть свет, живая книга, та же наука".

"Да, заглянуть в иные уголки не мешает".

"Превосходно изволите заметить: именно, истинно и действительно не мешает. Видишь вещи, которых бы не видел, встречаешь людей, которых бы не встретил. Разговор с иным тот же червонец, как вот, например, теперь же представился случай... К вам прибежут, почтеннейший Константин Федорович, научите, научите, оросите жажду мою вразумением истины. Жду, как манны, сладких слов ваших".

"Чему же, однако?.. чему научить?" сказал Костанжогло, изумившись. "Я и сам учился на медные деньги".

"Мудрости, почтеннейший! мудрости. Мудрости управлять трудным кормилом сельского хозяйства, мудрости извлекать доходы верные, приобрести имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тем долг гражданина, заслужа уважение соотечественников".

"Знаете ли что", сказал Констанжогло, смотря на него в размышлении: "останьтесь у меня денек. Я покажу вам всё управление и расскажу обо всем. Мудрости тут, как вы увидите, никакой нет".

"Конечно, останьтесь", сказала хозяйка, обратясь к брату, прибавила: "Брат, оставайся, куды тебе торопиться?"

"Мне всё равно. Как Павел Иванович!"

"Я тоже, я с большим удовольствием... Но вот обстоятельство: нужно посетить родственника генерала Бетрищева. Есть некто полковник Кошкарев..."

"Да ведь он сумасшедший".

"Это так, сумасшедший. Я бы к нему и не поехал, но генерал Бетрищев, близкий приятель и, так сказать, благотворитель..."

"В таком случае знаете что?" сказал Костанжогло: "поезжайте, к нему и десяти верст нет. У меня стоит готовая пролетка. Поезжайте теперь же. Вы успеете к чаю возвратиться назад".

"Превосходная мысль!" вскричал Чичиков, взявши шляпу.

Пролетка были ему подана и в полчаса примчала его к полковнику. Вся деревня вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроены были какие-то здания, в роде присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: *Депо земледельческих орудий*; на другом: *Главная счетная экспедиция*; далее *Бюро сельских дел*; *Школа нормального просвещения поселян*. Словом, чорт знает чего не было.

Полковника он застал за пюпитром конторки, с пером в зубах. Он принял Чичикова отменно ласково.

По виду он был предобрейший, преобходимый человек: стал ему рассказывать о том, сколько трудов ему стоило возвести имение до нынешнего благосостояния; с соболезованием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляют человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих пор не мог заставить ходить в корсетах, тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепьяно; что, однако же, несмотря на всё упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или *Виргилиево Георгики*, или *Химическое исследование почв*.

"Да, как бы не так!" подумал Чичиков. "А вот я еще до сих пор еще "Герцогини Лавальер" не прочел: всё нет времени".

Много еще говорил полковник, как привести людей к благополучию. Костюм у него имел большое значение. Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России. Чичиков слушал, слушал, глядя ему пристально в глаза, наконец решил: что с этим, кажется, чиниться нечего"; и тут же объявил, что имеется надобность вот в каких душах, с совершением таких-то крепостей и всех обрядов.

"Сколько могу видеть из слов ваших", сказал полковник, нимало не смутясь: "это просьба, не так ли?"

"Так точно".

"В таком случае изложите ее письменно. Она войдет в контору принятия рапортов и донесений. Контора, поместивши, препроводит ее ко мне. От меня поступит она в бюро сельских дел, оттоле, по сделанию выправок, к управляющему. Управляющий, снесясь с моим секретарем..."

"Помилуйте!" вскричал Чичиков: "ведь этак дело затянется бог знает на сколько. И как же трактовать об этом письменно. Ведь это такого рода дело... Души ведь некоторым образом мертвые".

"Очень хорошо. Вы так и напишите, что души некоторым образом мертвые".

"Но ведь как же мертвые? Ведь этак же нельзя написать. Они хотя и мертвые, но нужно, чтобы казались, как бы были живые".

"Хорошо. Вы так и напишите: но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казалось, как бы живые. Без бумажного производства нельзя этого сделать. Например Англия и сам даже Наполеон... Я вот отряжу комиссионера, который вас проводит по всем местам". Он ударил в звонок; явился какой-то человек.

"Секретарь! Позвать ко мне комиссионера". Предстал комиссионер какой-то, не то мужик, не то человек. "Вот он вас проводит по всем местам".

Чичиков решился, из любопытства, пойти с комиссионером осмотреть все эти места. Контора подачи рапортов существовала только по вывеске, и двери были заперты. Правитель ее дел был переведен во вновь образовавшуюся контору сельских дел: место его заступил камердинер Березовский; но он тоже был куда-то откомандирован конторою построения. Толкнулись они в бюро сельских дел: там переделка: разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку. "У нас бестолковщина", сказал наконец Чичикову комиссионер. "Барина за нос водят. Всем у нас распоряжается контора построек: отрывает всех от дела, посылает, куда угодно. Только и выгодны, что в конторе построек". Он, как видно, был недоволен конторою построек. И в самом деле, видел Чичиков, что все строились. Далее не хотел и смотреть. Пришедши, рассказал полковнику; что так и так, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и контора подачи рапортов вовсе нет, а контора построек ворует на пропалую.

Полковник вскипел благородным негодованием, крепко пожавши руку Чичикову, в знак благодарности. Тут же, взял бумагу и перо, написал восемь найстрожайших запросов: на каком основа-

нии контора построек самоуправно распорядилась с неподведомственными ей чиновниками? Как мог допустить главноуправляющий, чтобы правитель дел, не сдавши своего поста, отправился на следствие, и как могло видеть равнодушно бюро сельских дел, что даже не существует конторы подачи рапортов и донесений?

"Ну подойдет, кутерьма", подумал Чичиков и хотел уже ехать.

"Нет, я вас не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбие затронуту. Я докажу, что значит органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дело такому человеку, который один стоит всех. Окончил университетский курс. Чтобы не терять драгоценного времени, покорнейше прошу посидеть у меня в библиотеке", сказал полковник, отворяя боковую дверь. "Тут книги, бумага, перья, карандаши, всё. Пользуйтесь, пользуйтесь всем, вы господин. Просвещение должно быть открыто всем". Так говорил полковник, вводя его в книгохранилище. Это был огромный зал, снизу доверху уставленный книгами. Были тут даже и чучела животных. Книги по всем частям: по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; специальные журналы по всем частям, с обязанностию неприменной подписки. Видя, что всё это были книги не для приятного препровождения времени, Чичиков обратился к другому шкафу – из огня да в полымя. Всё книги философские, шесть огромных томищев предстало ему пред глазами, под названием "Предупредительное вступление в область мышления. Теория обязанности, совокупности, сущности, в применении к уразумению органических начал обоюдного разделения общественной производительности". Как не разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице: проявление, развитие, абстракт, замкнутость, и чорт знает, чего там не было. "Это не по мне", сказал Чичиков и оборотился к третьему шкафу, где были книги по части искусств. Тут вытащил какую-то огромную книгу с нескромными мифологическими картинами, и начал их рассматривать. Такого рода картины нравятся холостякам, которые подзадоривают себя балетами и прочими пряностями. Окончивши рассматривание этой книги, Чичиков вытащил было и другую в этом же роде, как появился полковник Кошкарев, с сияющим видом и бумагою.

"Всё сделано, и сделано отлично. Человек, о котором я вам говорил, решительный гений. За это я поставлю его выше всех и для него одного заведу целый управление. Вы посмотрите, какая светлая голова и как в несколько минут он решил всё".

"Ну, слава же, господи!" подумал Чичиков и приготовился слушать. Полковник стал читать:

"Приступая к обдумыванию возложенного на меня вашим высокородием поручения, честь имею сим донести на оное. 1-е. В самой просьбе господина коллежского советника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумение, ибо неосмотрительным образом ревизские души названы умершими. Под сим, вероятно, они изволили разуть близкие к смерти, а не умершие. Да и самое таковое название уже показывает изучение импирическое, вероятно, ограничившееся приходским училищем, ибо душа бессмертна".

"Плут!" сказал, остановившись, полковник Кошкарев с самодовольствием: "Тут он несколько кольнул вас, но сознайтесь, какое бойкое перо".

"Во 2-х, никаких незаложенных ревизских душ, не только близких к смерти, но и всяких прочих по имению не имеется, ибо все в совокупности не только заложены без изъятия, но и перезаложены, с прибавкою по полутараста рублей на душу, кроме небольшой деревни Гуринойловки, находящейся в спорном положении по случаю тяжбы с помещиком Пряднищевым и повследствие того под запрещением, о чем объявлено в 42 номере "Московских Ведомостей".

"Так зачем же вы мне этого не объявили прежде, зачем из пустяков держали?" сказал с сердцем Чичиков.

"Да! Да ведь нужно было, чтобы вы всё это узнали сквозь форму бумажного производства. Этак не штука. Бессознательно может и дурак увидеть, но нужно сознательно".

Всердцах, схвативши шапку, Чичиков бегом из дому, мимо всяких приличий. Кучер стоял с пролеткой наготове и знал, что лошадей нечего откладывать, потому что о корме пошла бы письменная просьба, и резолюция выдать овес лошадям вышла бы только на другой день. Полковник, однако же, выбежал провожать, насильно пожал Чичикову руку, прижал ее к сердцу и благодарил его за то, что он дал ему случай увидеть на деле ход производства; что передрагу и гонку нужно дать необходимо, потому что иначе способно всё задремать, и пружины управления могут заржаветь и ослабить; что, вследствие этого события, пришла ему счастливая мысль устроить новую контору, которая будет называться конторою наблюдения за конторою построек, так что уже тогда никто не осмелится украсть.

Чичиков приехал сердитый и недовольный поздно, когда уже давно горели свечи и стол был накрыт для ужина.

"Что ж вы так запоздали?" сказал Костанжогло, когда он показался в дверях.

"О чем вы это так долго с ним толковали?" спросил Платонов.

"Этакого дурака я еще от роду не видывал", сказал Чичиков.

"Это еще ничего", сказал Костанжогло. "Кошкарёв – утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражаются карикатурно и виднее глупости всех этих умников, которые, не узнавши прежде своего, забирают дурь из чужи: завели и конторы, и школы, и мануфактуры, и чорт знает, чего не завели эти умники. Поправить надо было после француза, так вот теперь всё давай расстроивать сызнова. Ведь хуже француза теперь расстроили так, что теперь какой-нибудь Петр Петрович Петух еще хороший помещик".

"Да ведь и он заложил теперь в ломбард", сказал Чичиков. "Ну, да! всё в ломбард, всё пойдет в ломбард", сказав это Костанжогло стал немножко сердиться. Завел свечный завод, из Лондона мастеров выписал, свечным торгашем сделался. Помещик. Этакое звание почтенное. Идет в мануфактуристы и фабриканты! Прядильные машины заводит, нечего делать шлюхами городским девкам.

"Да ведь и у тебя же есть фабрики?", заметил Платонов.

"А кто их заводил? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда, я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые; мужику надобные. Их тут же у меня на рынках и разбирают по дешевой цене. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжение шести лет сряду. Я начал из нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня всё так".

"Экой чорт", думал Чичиков, глядя на него в оба глаза: "загребистая какая лапа".

"Да и потому занялся, что набрело много работников, которые умерли бы с голоду. Год голодный, а всё по милости фабрикантов, упустивших посевы. Этаких фабрик, брат, у меня наберется много. Всякой год другая, смотря потому, отчего накопилось остатков и выбросков. Вникай только попристальнее в свое хозяйство, всякая дрянь даст доход. Ведь я не строил для этого палат с колоннами да с фронтонами".

"Это изумительно! Изумительнее же всего то, что всякая дрянь дает доход" сказал Чичиков.

"Да помилуйте, если бы только брать дело попросту, как оно есть; а ведь всякой механик, хочет открыть ларчик инструментом, а

не просто. Он для этого съездит в Англию, вот в чем дело! Дурачье!" "И ведь глупее в сотую станет после того, как возвратится из-за границы", сказавши это Костанжогло плюнул.

"Ах, Константин! ты опять рассердился", сказала с беспокойством жена. "Ведь ты знаешь, что это для тебя вредно".

"Да ведь как не сердиться? Добро бы это было чужое, а то ведь близко собственному сердцу. Ведь досадно то, что русский характер портят. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было. Просвещение придет ему в ум, сделается Дон-Кишотом, заведет такие школы, что дураку в ум не пойдет. Выходит из школы такой человек, что никуда не годится; ни в деревню, ни в город, только что пьяница, да чувствует свое достоинство. В человеколюбие пойдет русский человек сделается и тут Дон-Кишотом. Человеколюб построит на миллион бестолковых больниц да заведений с колоннами, разорится да и пустит всех по миру. Вот тебе и человеколюбие. Дурачье, ослы". Рассердившись, Костанжогло плюнул.

Чичикову не до просвещения было. Ему хотелось обстоятельно расспросить о том, как всякая дрянь даёт доход. Но никак не дал ему Костанжогло вставить слова. Желчные речи уже лились из уст его, там что от не мог удержать их.

"Думают, как просветить мужика. Да ты прежде сделай его богатым да хорошим хозяином, а там его дело. Ведь как теперь, в это время, весь свет поглупел, так что вы не можете себе представить. Что пишут теперь эти щелкоперы! Вот что стали говорить: "Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состояния". Сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болезней чорт знает каких набрались. И уже нет восемнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив как пузырь. Так хотят теперь и этих заразить. Да слава богу, что у нас осталось хоть одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями. За это мы просто должны благодарить бога. Да, хлебопашец у нас всех почтительнее; что вы его трогаете? Дай бог, чтобы все были как хлебопашцы". Доходливее!

"Так вы полагаете, что хлебопашеством выгоднее заниматься?" спросил Чичиков.

"Законнее, а не то, что доходнее. Возделывая землю в поте лица твоего, сказано. Тут нечего мудрить. Это уже опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственнее,

чище, благородней, выше. Не говорю не заниматься другим, но чтобы в основание легло хлебопашество, вот что. Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законные фабрики, того, что нужно здесь под рукой человеку на месте, а не всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом для поддержки их для сбыта, употребляют все глупые меры, развращают, растлевают несчастный народ. Да вот же не заведу у себя, как ты там ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности производств, ни табаку, ни сахару, хоть бы потерял миллион; пусть же если выйдет разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду пред богом прав; я двадцать лет живу с народом и я знаю, какие от этого последствия".

"Для меня изумительнее всего, как при благоразумном управлении, из остатков, из обрезков, из всякой дряни можно получить доход", сказал Чичиков.

"Г-м! Политические экономы!" говорил Костанжогло, не слушая его, с выражением желчного сарказма в лице. "Хороши политические экономы! Дурак на дураке сидит и дураком погоняет, дальше своего глупого носа не видит, очки... Дурачь!" И в гневе он плюнул.

"Всё это так всё это справедливо, только пожалуйста не сердись", сказала жена: "Как будто нельзя говорить об этом, не выходя из себя".

"Слушая вас, почтеннейший Костанжогло, вникаешь, так сказать, в смысл жизни, изучаешь так сказать самое ядро дела. Но, оставив общечеловеческое, позвольте обратить внимание на приватное. Если бы, положим, сделавшись помещиком, возымел я мысль в непродолжительное время разбогатеть так, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то таким образом, так поступить?"

"Как поступить, чтобы разбогатеть?" подхватил Костанжогло. "А вот как..."

"Пойдем ужинать!" сказала хозяйка; поднявшись с дивана, и вступила в середину комнаты, закутывая в шаль молодые, продрогнувшие свои члены.

Чичиков соскочил со стула с ловкостью почти военного человека, подлетел к хозяйке с мягким выражением в лице деликатного и статского человека, коромыслом подставил ей руку и повел парадно чрез две комнаты, в столовую, где уже на столе стояла суповая чашка и, снятая крышка, разливала приятное благоухание супа, напитанного свежеею зеленью и первыми кореньями весны.

Все сели за стол. Слуги проворно поставили разом на стол все блюда, в закрытых соусниках, и всё, что нужно, и тотчас ушли. Костанжогло не любил, чтобы лакеи слушали господские разговоры, а еще более, чтобы глядели ему в рот в то время, когда он ест.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличного питья, похожего на венгерское, Чичиков сказал хозяину так:

"Позвольте, почтеннейший, вновь обратиться к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас, как быть, как поступить, как лучше приняться..."

(Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупного имения соседа его помещика Хлобуева).

"... Имение, за которое если бы он запросил и 40 тысяч, я бы ему тут же отсчитал".

"Г-м!" Чичиков задумался. "А отчего же вы сами", проговорил он с некоторою робостью, "не покупаете его?"

"Да нужно знать, наконец, пределы. У меня и без того много хлопот около своих имений. При этом же у нас дворяне и без того уже кричат на меня, что будто я, пользуясь крайностями и разоренным их положением, скупаю земли за бесценок. Это уже мне надоело.

"Как вообще люди способны к злословию!" сказал Чичиков.

"А уж в нашей губернии! Не можете себе представить, меня иначе не называют, как схвалыгой и скупцем первой степени. Себя они во всем извиняют. "Я", говорит, "конечно промотался, потому что жил высшими потребностями жизни, поощрял промышленников, то есть мошенников. А этак, пожалуй, можно прожить свиньей, как Костанжогло".

"Желал бы я быть такой свиньей!" сказал Чичиков.

"И всё это ложь и вздор, какие высшие потребности, кого они надувают? Книжки хоть он и заведет, но ведь их не читает. Дело кончится картами да шампанским. И ведь это всё оттого, что не задаю обедов, да не даю им в займы денег. Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило. Я к этому не привык, а приезжай ко мне есть то, что я ем, – милости просим. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядился моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их

умно и деньги принесут тебе явную прибыль, я тебе не откажу и не возьму даже процентов".

"Это, однако же, нужно принять к сведению", подумал Чичиков.

"И никогда не откажу", продолжал Костанжогло, "но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят! Чорт поberi, он затевает какой-нибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу убирает мебелью дом, юбилей там какой-нибудь в память того, что он даром век прожил, а ему давай денег займы..."

Здесь Костанжогло плюнул и чуть-чуть не выговорил несколько неприличных и бранных слов в присутствии супруги. Суровая тень желчной ипохондрии омрачила его лицо. Вдоль лба и воперек его собрались морщины, обличители гневного движения взволнованной желчи.

"Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора", сказал Чичиков, выпивая еще рюмку малиновки, которая была отличная. "Если бы, положим, я приобрел то самое имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в той степени..."

"Если вы хотите", подхватил сурово и отрывисто Костанжогло, еще полный нерасположения в духе, "разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашивая во времени, то разбогатеете скоро".

"Вот оно как", сказал Чичиков.

"Да", сказал Костанжогло отрывисто, точно кабы он сердился на самого Чичикова: "Надобно иметь и любовь к труду, без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство. Да поверьте, что это вовсе не скучно. Вы думаете, что в деревне тоска. Да я бы умер от тоски, если бы хоть один день провел в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах, дураки, дурачье, ослиное поколение, хозяину нет времени скучать. В жизни его и на полвершка нет пустоты, всё полнота, одно это разнообразие занятий, и притом наших занятий! занятий истинно возвышающих дух. Как бы то ни было, но ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается в твореньи. Рассмотрите-ка круговой год работ: как, еще прежде, чем наступит весна, всё уж настороже и ждет ее: подготовка семян, переборка, перемеркана амбарах хлеба и пересушка; установление новых тягол. Все обсматривается вперед и всё рассчитывается в начале, а как взломает лед, да

пойдут реки, да просохнет всё и пойдет взрываться земля. По огородам и садам работает заступ, по полям соха и бороны. Садка, сев, посевы. Понимаете ли, что это? Безделица? Грядущий урожай сеют. Блаженство всей земли сеют. Пропитание миллионам сеют. А тут покосы, покосы... Наступило лето... И вот закипела вдруг жатва, за рожью пошла пшеница, а там ячмень, и овес. Нельзя пропустить минуты. Хоть двадцать глаз имей, всем им работа. А как созреет всё, да пойдет свозиться на гумны, складываться в клады, да осенняя запашка, да чинка к зиме амбаров, риг, скотных дворов, и в то же время все бабы работы, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано. А зима! Молотьба по всем гумнам, перевозка перемолоченого хлеба из риг в амбары по лесам рубка и пиление дров, подвоз кирпичу и дерева для весенних построек. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочий двор, идешь и к мужику, как он тут на себя копышется. Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов пред ним простоять, так веселит меня работа. А если видишь еще, с какой целью творится, как вокруг тебя всё множится да множится принося плод да доход: я и рассказать не могу, что тогда во мне делается. И не потому, что растут деньги, деньги деньгами; но потому, что всё это дело рук твоих, потому что видишь, как ты всему причина, ты творец, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплются изобилие и добро на всё. Да где вы найдете мне равные наслажденье?" сказал Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчания своего, сиял он весь, и казалось, как бы лучи исходили из его лица. "Да в целом мире не отыщете вы подобного наслаждения. Здесь именно здесь подражает богу человек. Бог предоставил себе дело творенья, как высшее из всех наслаждений, и требует от человека также, чтобы он был подобным творцом благоденствия вокруг себя. И это называется скучным делом!"

Как пенья райской птички, заслушался Чичиков сладкозвучных хозяйских речей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза уманились и выражали сладость, и всё бы он слушал.

"Константин! пора вставать", сказала хозяйка, поднявшись со стула. Все встали. Подставив руку коромыслом, повел Чичиков обратно хозяйку, но недоставало ловкости в его оборотах, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

"Что ни рассказывай, а всё, однако же, скучно", говорил, идя позади их, Платонов.

"Гость не глупый человек", думал хозяин: внимателен, степенен в словах и не щелкопер". И, подумавши так, стал он еще веселее, как бы сам разогрелся от своего разговора, и как бы празднуя, что нашел человека, умеющего слушать умные советы.

Когда потом поместились они все в уютной комнатке, озаренной свечами, насупротив балкона и стеклянной двери в сад, Чичикову сделалось так приятно, как не бывало давно, точно как бы после долгих странствований приняла уже его родная крыша и по совершении всего он уже получил всё желанное и бросил скитальческий посох, сказавши: "довольно!" Такое обаятельное расположение навел ему на душу разумный разговор хозяина. Есть для всякого человека такие речи, которые как бы ближе и родственнее ему других речей. И часто неожиданно, в глухом забытом захолустьи, на безлюдии самом безлюдном встретить человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и бесприютность ночлегов, и беспутность современного шума, и лживость обманов, обманывающих человека. И живо врежется раз навсегда и навеки проведенный таким образом вечер, и всё удержит верная память: и кто соприсутствовал, и кто на каком месте сидел, и что было в руках его, стены, углы и всякую безделушку.

Так и Чичикову заметилось всё в тот вечер: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выражение, воцарившееся на лице умного хозяина, и поданная Платонову трубка с янтарным мундштуком, и дым, который он стал пускать в толстую морду Ярна, и фырканье Ярда, и смех милостивой хозяйки, прерываемый словами: "полно, не мучь его", и веселые свечки, и сверчок в углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядевшая к ним оттоле, облокотясь на вершины деревьев, осыпанная звездами, оглашенная соловьями, громко и нежно высвистывавшими из глубины зеленолиственных чащей.

"Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович", произнес Чичиков. "Могу сказать, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму".

"Нет, Павел Иванович, сказал он, уж если хотите знать умного человека, так у нас действительно есть один, о котором, точно, можно сказать: умный человек, которому я в подметки не гожусь".

"Кто ж бы это такой мог быть?" с изумлением спросил Чичиков.

"Это наш откупщик Муразов".

"В другой уже раз про него слышу!" сказал Чичиков.

"Это человек, который не то, что именем помещичьим, целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов".

"Слышал, говорят человек превосходящий миру всякого вероятия: десять миллионов, говорят, нажил".

"Какое десять! перевалило за сорок! Скоро половина России будет в его руках".

"Что вы говорите!" вскричал Чичиков, вытаращив глаза и разинув рот.

"Всенепременно. Это ясно. Медленно богатеет тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч, а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит так вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишком просторное. Тут уж и соперников нет. С ним некому тягаться. Какую цену чему назначит, такая и остается: некому перебить".

"Господи боже ты мой", проговорил Чичиков, перекрестившись. Не смотря в глаза Костанжогло. Захватило дух в груди ему.

"Уму непостижимо! Каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости промысла в рассматривании букашки; для меня более изумительнее то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы. Позвольте предложить вам вопрос насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?.."

"Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами".

"Не поверю, невероятно, если бы тысячи, но миллионы..."

"Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой дорогой так и ступай, всё бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам, нет соперников и радиус велик, говорю: что ни захватит вдвое или втрое против капитала, а с тысячами что? Десятый, двадцатый процент".

"И что всего непостижимее, что дело ведь началось с копейки".

"Да иначе и не бывает. Это законный порядок вещей", сказал Костанжогло. "Кто родился с тысячами, тот уже не приобретет, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нет. Начинать нужно с начала, а не с середины, с копейки, а не с рубля, снизу, а не сверху. Тут только узнаешь хорошо с под и быт, среди которых придется

потом изворачиваться. Как вытерпишь на собственной коже то да другое, да как узнаешь, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита, да как перейдешь все мытарства, тогда тебе умудрит и вышkolит так, что уж не дашь промаха ни в каком предприятии и не оборвешься. Поверьте, это правда. С начала нужно начинать, а не с середины. Кто говорит мне: "Дайте мне 100 тысяч, я сейчас разбогатею", я тому не поверю, он бьет наудачу, а не наверняка. С копейки нужно начинать".

"В таком случае я разбогатею", сказал Чичиков, невольно помыслив о мертвых душах: "ибо действительно начинаю с ничего".

"Константин, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть "а ты всё болтаешь".

"И непременно разбогатеете", сказал Костанжогло, не слушая хозяйки. "К вам потекут реки, реки золота. Не будете знать, куда девать доходы".

Как очарованный, сидел Павел Иванович; в золотой области возрастающих грез надежд и мечтаний. Кружились его мысли. По золотому ковру грядущих прибытков золотые узоры вышивало разыгравшись воображение. И в ушах его отдавались слова: "реки золота потекут к вам".

"Право, Константин, Павлу Ивановичу пора спать".

"Да что ж тебе? Ну, и ступай, если захотелось", сказал хозяин и остановился, потому что громко по всей комнате раздалось храпенье Платонова, а вслед за ним Ярд затянул еще громче. Заметив, что в самом деле пора на ночлег, он растолкал Платонова, сказавши: "полно тебе храпеть", и пожелал Чичикову спокойной ночи. Все разбрелись и скоро заснули по своим постелям.

Одному Чичикову не спалось. Его мысли бодрствовали. Он обдумывал, как сделаться помещиком не фантастического, а существенного имения. После разговора с хозяином всё становилось так ясно. Возможность разбогатеть казалась такой очевидной. Труднее дело хозяйства становилось теперь так легко и понятно и так казалось свойственно самой его натуре! Только бы сбить в ломбард этих мертвецов, да завести не <фантастическое имение>. Уже он видел себя действующим и правящим именно так, как поучал Костанжогло – расторопно, осмотрительно, не заводя нового, не узнавши насквозь старого, всё высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранее предвкушал он то удовольствие, которое будет он чувствовать, когда заведет

стройный порядок и бойким ходом двинутся все пружины хозяйственной машины, деятельно толкая друг друга. Труд закипит и подобно тому, как в ходкой мельнице шибко вымалывается из зерна мука, пойдет вымалываться из всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган. Чудный хозяин так и стоял пред ним ежеминутно. Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал он уважение личное. Доселе он уважал он человека или за хороший чин, или за большие достатки. Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека. Костанжогло был первый. Он нашел, что с этим нечего подыматься на какие-нибудь штуки. Его занимал другой проэкт: купить имение Хлобуева. Десять тысяч у него было; пятнадцать тысяч предполагал он попробовать занять у Костанжогло, так как он сам объявил уже, что готов помочь всякому желающему разбогатеть; остальные уже как-нибудь, или заложивши в ломбард, или так просто, заставивши ждать. Ведь и это можно: ступай, возись по судам, если есть охота. И долго он об этом думал. Наконец сон, который уже целые четыре часа держал весь дом, как говорится, в своих объятиях, принял в объятия свои и Чичикова. Он заснул крепко.

Глава 4

На другой день все обречено как неведь путь
 Костаномо дал ей радости десять тысяч без
 призраков, без поручительства, просто пасть
 одну роетину. Там был он готов почитать
 всякому на пути к призрачному. Он показал
 Кичинову все свое хозяйство. Ни минуты времени
 не тратил у него даром. Ни копейки не
 платил. Ни малейшей несправедливости не
 допустил. Показывая нам в свидетели нас, вдруг
 поднял его на ноги. Не было ни слова,
 был и довелся до угла на лице мучи
 новы. Все было так просто и ясно устроено,
 что мне само собой. Стены и падали
 над землей не могли неурядица Давид и
 Кичинов. Как много поднял этот человек
 без шуток, не сожалея проветров и проветр
 тов о доставит. Сидя по улице всею семью
 гетву? А как пропадали без проветр
 столичное житие, маршансы по паркетам
 и мебелированные комнаты. И там было уютно
 и даже Кичинов в маленьком административном
 помещении.

Костаномо сам вывел сочувствовать
 Кичинову и Кичинову, и там, там
 осмотреть вместе с ними и Кичинов.
 Кичинов был в духе. После этого
 завтра в тот же отправился в другой

На другой день всё обделалось, как нельзя лучше, Костанжогло дал с радостью 10 тысяч без процентов, без поручительства, просто под одну росписку. Так был он готов помогать всякому на пути к приобретению. Он показал Чичикову всё свое хозяйство. Ни минуты времени не терялось у него даром. Ничто не обрывалось, ни малейшей неисправности не случалось у поселянина. Помещик, как бы всеведом какой, вдруг поднимал его на ноги. Не было ленивца нигде. Уж и довольство выражалось на лицах мужиков. Все было так просто и умно устроено, что шло само собою. Степи, леса и пахотные земли не могли не поразить даже и Чичикова. Как много наделал этот человек, без шума, не сочиняя проэктв и трактатов о доставлении благополучия всему человечеству? А как пропадает без плодов жизнь столичного жителя, шаркателя по паркетам и любезника гостиных. И тем более укреплялся Чичиков в желании сделаться помещиком. Костанжогло сам взялся сопровождать Чичикова к Хлобуеву с тем, чтобы осмотреть вместе с ним имение. Чичиков был в духе. После сытного завтрака все они отправились, севши все втроем в коляску Павла Ивановича; пролетка хозяина следовала за ними порожняком. Ярд бежал впереди, сгоняя с дороги птиц. Целые 15 верст тянулись по обеим сторонам леса и пахотные земли Костанжогло. Как только они прекратились, все пошло иначе: хлеб жиденький, на место лесов пни. Деревенька несмотря на красивое местоположение показывала издали запущенные. Новый каменный дом, необитаемый, оставшийся в черте, выглянул прежде всего, за ним другой обитаемый, но маленький и старенький. Хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося. Ему было лет сорок. Галстук у него был повязан на сторону; на сюртуке была заплатка, на сапоге дырка. Приезду гостей он обрадовался, как бог весть чему. Точно как бы увидел братьев, с которыми надолго расстался.

"Константин Федорович! Платон Михайлович! Вот одолжили приездом. Дайте протереть глаза! А уж, право, думал, что ко мне никто не заедет. Всяк бегаёт меня, как чумы: думает – взаимы попрошу. Ох, трудно, Константин Федорович. Вижу: сам всему виной! Что делать – свинья свиньей зажил. Извините, господа, что принимаю вас в таком наряде: сапоги, как видите, с дырами. Чем прикажете потчевать?"

"Без церемонии. Мы к вам за делом. Вот вам покупатель, Павел Иванович Чичиков", сказал Костанжогло.

"Душевно рад познакомиться. Дайте мне вашу руку".

Чичиков дал ему обе.

"Хотел бы очень, почтеннейший Павел Иванович, показать вам имение, стоящее внимания. Да что, господа, позвольте спросить: вы обедали?"

"Обедали, обедали", сказал Костанжогло, желая отделаться. "Не будем мешкать и пойдем теперь же".

"В таком случае подем". "Пойдем осматривать беспорядки и беспутство мое". Хлобуев взял в руки картуз. Гости надели на головы картузы, и все отправились пешком осматривать деревню. На всей почти улице с обеих сторон глядели старые лачуги, с крохотными окнами, затянутыми онучами.

"Пойдем же осматривать беспорядки и беспутство мое", говорил Хлобуев. "Конечно, вы сделали хорошо, что обедали. Поверите ли, Константин Федорович, курицы нет в доме до того дожил". Он вздохнул и, как бы чувствуя, что мало будет участия со стороны Константина Федоровича, подхватил под руку Платонова и пошел с ним вперед, прижимая крепко его к груди своей. Костанжогло и Чичиков остались позади и, взявшись под руки, следовали за ними в отдалении.

"Трудно, Платон Михалыч, трудно!" говорил Хлобуев Платонову. "Не можете вообразить, как трудно безденежье, бесхлебье! Ведь это для вас слова иностранного языка. Трын-трава бы это было всё, если бы был молод и один. Но когда все эти невзгоды станут ломать под старость, и под боком жена, пятеро детей: сгрустнется, поневоле сгрустнется..."

"Ну, да если вы продадите деревню, это вас поправит?" спросил Платонов.

"Какое поправит!" сказал Хлобуев, махнув рукой. "Всё пойдет на уплату долгов, а для себя не останется и тысячи".

"Так что ж вы будете делать?"

"А бог знает".

"Как же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться из таких обстоятельств?"

"Что ж предпринять?"

"Да возьмете какое-нибудь место?"

"Ведь я губернской секретарь. Какое ж мне могут доставить место? Как мне взять жалованье пять сот рублей? Ведь у меня жена, пятеро детей".

"Пойдите в управляющие".

"Да кто ж мне поверит имение: я промотал свое".

"Ну да если голод и смерть грозят, нужно же что-нибудь предпринимать? Я спрошу брата, не может ли брат мой через кого-либо в городе выхлопотать для вас какую-нибудь должность".

"Нет, Платон Михайлович", сказал Хлобуев, вздохнувши и сжавши крепко его руку. "Не гожусь я теперь никуда. Одряхлел прежде старости своей, и поясница болит от прежних грехов ревматизм в плече. Куды мне? Что разорять казну? И без того развелось теперь служащих ради доходных мест. Храни бог, чтобы из-за доставки мне жалованья прибавлены были подати на бедное сословие".

"Вот плоды беспутного поведенья!" подумал Платонов. "Это хуже моей спячки".

А между тем, как они так говорили между собою, Костанжогло, идя с Чичиковым позади их, выходил из себя.

"Вот смотрите", сказал Костанжогло, указывая пальцем: "Довел мужика до какой бедности! Ведь ни телеги, ни лошади. Случился падеж, уж тут нечего глядеть на свое добро: тут всё свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дня без средств производить работу. А ведь теперь и годами не поправишь. Мужик уже изленился, загулял, сделался пьяницей. Да этим только, что один год дал ему пробыть без работы, ты уж его развратил на-веки: уж приучил к лохмотью и бродяжничеству. А земля-то какова! разглядите землю!.." говорил он, указывая на луга, которые показались скоро за избами. "Всё поемные имения. Да я заведу лен, да тысяч на пять одного льну отпущу; репой засею, на репе выручу тысячи четыре. А вон смотрите, по косогору рожь поднялась; все это все надел. Он хлеба не снял, я это знаю. А вон овраги, да здесь я разведу лес, что ворон не долетит до вершины. И этакое сокровище землю бросить! Сказавши это, плюнул Костанжогло, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело.

Когда подошли они ближе и стали над крутизной, и бросшей кустарником, и вдали блеснул извив реки, а в перспективе показалась часть скрывавшегося в рощах дома генерала Бетрищева, за ним же кудрявым лесом, обросшая гора в синеватой пыли отдалены; Чичиков догадался, что это должно быть деревня Тентетников, и сказал: "Здесь, если развести леса, вид может превзойти все своюю красотою".

"А вы охотник до видов?" сказал Костанжогло, вдруг взглянув на него строго. "Смотрите, погонитесь там за видами, останетесь без хлеба и без видов. Смотрите на поля, а не на красоту. Красота сама придет. Пример вам лучшие города наши красивые те, которые сами построились, где каждый строился по своим надобностям и вкусу, а те, которые выстроились по шнурку, казармы казармищами В сторону красоту, смотрите на потребности".

"Жалко только, что долго нужно дожидаться. Так бы хотелось увидеть всё в том виде, как быть должно", сказал Чичиков.

"Терпенье! Садите, сейте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно! Но зато потом, как расшевелите хорошенько землю, да станет она помогать вам сама, у вас, сверх ваших каких-нибудь 70-ти рук, будут работать 700 невидимых. Всё вдесятеро. Я теперь у себя ни пальцем не двигаю, а всё делается само собою. Да, природа любит терпение. Это закон, данный ей самим богом".

"Слушая вас, чувствуешь прибиток сил духа", сказал Чичиков.

"Вона земля как вспахана!" вскрикнул Костанжогло с едким чувством прискорбия, показывая на косогор. "Я не могу здесь больше оставаться: мне смерть глядеть на этот беспорядок и запустенье. Вы теперь можете с ним покончить и без меня. Отберите у этого дурака поскорее сокровище. Он только бесчестит божий дар". Сказавши это, Костанжогло еще омрачился желчным расположением взволнованного духа, простился с Чичиковым и, нагнавши хозяина, стал также прощаться с ним.

"Помилуйте, Константин Федорович", говорил удивленный хозяин: "только что приехали и назад".

"Не могу. Мне крайняя надобность быть дома", сказал Костанжогло. Простился, сел и уехал на своей пролетке.

Казалось, как будто Хлобуев понял причину отъезда его.

"Не выдержал Константин Федорович", сказал он: "не весело такому хозяину, как он, глядеть на такое беспутное управление. Поверьте, Павел Иванович, что даже хлеба не сеял в этом году. Как честный человек, семян не было, не говоря уж о том, что нечем пахать, Платон Михайлович, вашему брату тоже противно смотреть на меня, он, говорят, отличный хозяин, а о Константине Федоровиче, что уж говорить. Это Наполеон своего рода. Часто, право, думаю, ну зачем столько ума дается в одну голову? Ну, что бы хоть каплю его в мою глупую! Тут, смотрите, господа, осторожнее через мост, чтоб не булдыхнуться в лужу. Доски весною приказывал

поправить. Жаль мне больше всего мужичков бедных. Я вижу им нужен пример, но с меня что за пример? Что прикажете делать? Не могу быть взыскательным и строгим. Да и как мне приучить их к порядку когда сам беспорядочен? Возьмите их, Павел Иванович в свое распоряжение. Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести их в такое состояние, чтобы умели жить. Нужен строгий справедливый человек, который жил бы с ними сам и собственным примером с неутомимую деятельностью действовал на них. Русский человек, вижу по себе, не может без понукателя, так и задремлет и заплеснет".

"Странно", сказал Платонов: "отчего русской человек так может задремать и заплеснуть, что, если не смотришь за простым человеком, сделается и пьяницей, и негодяем".

"От недостатка просвещения", заметил Чичиков.

"Бог весть, отчего. Ведь вот мы и просветились. Я слушал лекции в университете, а что из того, что я был в университете? Ну, чему я выучился? Порядку жизни не только не выучился, а скорее как побольше издерживать бы денег на веяния новые, утонченности да комфорта, больше познакомился с такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого же, что я бестолково учился? Нет, ведь так и другие товарищи. Два, три человека извлекли себе пользу, да и то потому, может быть, что и без того были учены, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит здоровье да и выманивает деньги. Так из просвещения то мы все таки выберем то, что гоже; напряженность то схватили, а его самого невозьмем. Нет Павел Иванович не умеем мы жить от чего то другого, а отчего ей Богу не знаю".

"Причины должны быть", сказал Чичиков.

Глубоко вздохнул бедный Хлобуев и продолжил так: "Иной раз, право, мне кажется, что будто русский человек какой-то пропащий человек. Хочешь всё сделать – и ничего не можешь. Всё думаешь: с завтрашнего дня начнешь новую жизнь. С завтрашнего дня сядешь на диету – ничего не бывало: с вечера того же дня так объешься, что только хлопаешь глазами, глядя на всех, право. И этак все".

"Да", сказал Чичиков, усмехнувшись: "Эта история бывает". – Еще вот сюда поворотим, сказал Хлобуев, осмотрим крестьянские поля. Право лишь кажется, продолжал он прерванный разговор".

"Мы совсем не для благоразумия рождены. Я не верю, чтобы из нас кто-нибудь был благоразумным! Если я вижу, что иной даже

и порядочно живет, собирает и копит деньгу, не верю я тому. На старости его чорт попутает. Спустит потом всё вдруг. И все так, право, и просвещение и непросвещение. Вот знаю одного, был умный мужик. Из ничего нажил сто тысяч, пришла в голову дурь, сделать ванну из шампанского и выкупался в шампанском. Нет чего-то другого лишь недостает, а чего я сам не знаю". Но вот мы кажется и все осмотрели. Больше ничего нет. Хотите разве взглянуть на мельницу, впрочем в ней нет колес да и строение никуда не годится.

– Что же и рассматривать, сказал Чичиков.

– В таком случае пойдем домой.

И они все направили шаги к дому. На возвратном пути были виды те же. Неопрятный беспорядок так и выказывал отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба в замасляной дерюге, прибила до полусмерти бедную девчонку и ругала на все бока всех чертей. Подальше два мужика глядели с полнейшим равнодушием на гнев бабы. Один чесал у себя пониже спины, другой зевал.

Зевота видна была на строениях, которые также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. "Мое то будущее достояние, мужики, подумал Чичиков, дыра на дыре и заплата на заплате!" И точно на одной избе вместо крыши лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, стаченными с господского амбара.

В хозяйстве исполнялась система Тришкина кафтана: отрезывались обшлага и фалды на заплату локтей. "– Не завидно у вас хозяйство", сказал Чичиков вошедши в комнаты. В доме они были поражены как бы смешеньем нищеты с блестящими безделушками позднейшей роскоши. Посреди изорванной утвари мебели новенькие бронзы. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себе самому спины. Встретила их хозяйка, одетая со вкусом по моде говорила о городе, да о театре, который там завелся. Четверо детей, тоже одеты были мило и со вкусом и при них гувернантка. Но оттого еще грустнее было глядеть на них. Лучше бы одеты были они в неопрятных юпках, в простых рубашках и бегали бы себе по двору и не отличались бы ничем от крестьянских детей. К хозяйке скоро приехала гостья, какая-то пустая болтуня. Дамы ушли на свою половину. Дети убежали вслед за ними. Мужчины остались одни.

"Так какая же будет ваша цена?" сказал Чичиков. "Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, последнюю цену, ибо поместье нахожу в худшем положении, чем ожидал".

"В самом скверном, Павел Иванович", сказал Хлобуев. "И это еще не всё. Я от вас не скрою: из ста душ, числящихся по ревизии, только пятьдесят в живых; так у нас распорядилась холера. Прочие отлучились беспашпортно, так что почитайте их умершими. Если их вытребовать по судам, так всё имение останется по судам. Потому-то я и прошу с вам только тридцать тысяч".

Чичиков, разумеется, стал торговаться.

"Помилуйте, как же тридцать тысяч. За такое имение тридцать тысяч. Ну, возьмите 25 тысяч".

Платонову сделалось совестно. "Послушайте, Павел Иванович", сказал он. "За именье можно всегда дать это. Если вы не дадите за него тридцати тысяч, мы с братом складываемся и покупаем".

"Очень хорошо, согласен", сказал Чичиков, испугавшись. "Хорошо, только с тем, чтобы половину денег через год".

"Нет, Павел Иванович, этого-то уж никак не могу. Половину мне дайте теперь же, а остальные через 15 дней. Ведь мне эти же самые деньги выдаст ломбард. Было бы только чем пьявок покормить".

"Как же, право? я уж не знаю, сказал Чичиков. У меня всего-навсего теперь десять тысяч", сказал и соврал: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжогло; но как-то жалко ему было так много дать за один раз.

"Нет, пожалуйста, Павел Иванович. Я говорю, что мне необходимо нужны пятнадцать тысяч. Да право не знаю сам откуда взять".

"Я вам займу 5 тысяч", подхватил Платонов.

"Разве этак", сказал Чичиков и подумал про себя: "А это, однако же, заметь, что он дает займы". Ударили по рукам. Из коляски была принесена шкатулка, и тут же было из нее вынута 10000, которые Чичиков и вручил Хлобуеву в виде задатка; остальные же пять тысяч обещано было ему привезть завтра; то есть, обещано, предполагалось же привезти даже, другие тысячи, потом, денька через два или три, а если можно, то и еще несколько просрочить. Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук денег. Если ж настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, он поступал, как все мы. Ведь нам приятно же поводить просителя.

Пусть его потрет спину в передней. Будто уж и нельзя подождать ему. Какое нам дело до того, что, может быть, всякий час дорог ему и терпят от того дела его? Приходи, братец, завтра, а сегодня мне как-то некогда.

"Чем же вы после этого будете жить?" спросил Платонов Хлобуева. "Есть у вас другая деревушка?" "Деревушки нет, а я перееду в город там у меня есть домишко. Все же равно это нужно было сделать для детей. Им надобны будут учителя. Закону божию, музыке, танцеванью. Ведь это в деревне нельзя достать".

"Куска хлеба нет, а детей учит танцеванию", подумал Чичиков.

"Странно!" подумал Платонов.

"Однако ж нужно нам чем-нибудь вспрыснуть сделку", сказал Хлобуев. "Эй, Кирюшка, принеси, брат, бутылку шампанского".

"Куска хлеба нет, а шампанское есть", подумал Чичиков.

Платонов не знал, что и думать.

Шампанским Хлобуев обзавелся по необходимости. Он послал в город за квасом, но что делать? в лавочке не дают квасу в долг без денег, а пить хочется. Он к французу за шампанским, а француз, который недавно приехал с винами из Петербурга, всем давал в долг. Нечего делать, нужно было взять шампанского.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуев развязался; стал мил и умен, сыпал остроуты и анекдоты. В речах его обнаружилось столько познания людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи! Так метко и ловко очерчивал в немногих словах соседей-помещиков, так видел ясно недостатки и ошибки всех. Так хорошо знал историю разорившихся бар: и почему, и как, и отчего они разорились. Так оригинально и смешно умел передавать малейшие их привычки, что они оба были обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека.

"Мне удивительно", сказал Чичиков: "как вы, при таком уме, не найдете средств оборотиться и выйти из затруднительного положения?"

"Средства-то есть", сказал Хлобуев, и вслед за тем выгрузил им целую кучу прожектов. Все они были до того нелепы, так странны, так мало истекали из познания людей и света, что оставалось пожимать только плечами да говорить: "Господи Боже, какое необъятное расстояние между *знанием света* и умением пользоваться этим знанием!" Всё основано на необходимости

достать откуда-нибудь вдруг сто или двести тысяч. Тогда, казалось ему, всё бы устроилось, как следует, и хозяйство бы пошло, и прорехи все бы заплотились, и доходы можно учетверить, и себя привести в возможность выплатить все долги. И так оканчивал он речь свою: "Но что же прикажете делать? Нет да и нет такого благодетеля, который бы решился дать двести или хоть сто тысяч займы. Видно, уж Бог не хочет".

"Еще бы", подумал Чичиков, "этакому дураку послал Бог двести тысяч".

"Есть у меня, пожалуй, трехмиллионная тетушка", сказал Хлобуев: "старушка богомольная: на церкви и монастыри дает, но помогать ближнему скупенька. Прежних времен тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней одних канареек сотни четыре. Моськи, приживалки и слуги, каких уж теперь нет. Меньшому из слуг будет лет под шестьдесят, хоть она и зовет его: "Эй, малой!" Если гость как-нибудь себя не так поведет, так она за обедом прикажет обнести его блюдом. И обнесут. Вот как".

Платонов усмехнулся.

"А как ее фамилия и где проживает?" спросил Чичиков.

"Живет она у нас же в городе, Александра Ивановна Ханхсарева".

"Отчего ж вы не обратитесь к ней?" спросил с участием Платонов. "Мне кажется, если бы она вошла в положение вашего семейства, она бы не могла отказать".

"Ну, нет, может. У тетушки натура крепковата. Это старушка-кремень, Платон Михайлович! Да к тому ж есть и без меня угодники, которые около ея увиваются. Там есть один, который метит в губернаторы; приплелся ей в родство. "Бог с ею, может и успеет. Дурак! подумал Чичиков. Да я бы за такой тетушкой ухаживал, как нянька за ребенком.

– Что ж, ведь этак разговаривать сухо? сказал Хлобуев. Эй, Кирюшка! Принеси ка еще другую бутылку шампанского.

– Нет, нет, я больше не буду пить, сказал Платонов.

– Я так же сказал Чичиков и оба отказались они решительно.

– Ну так, по крайней мере, дайте мне слово у меня побывать в городе 8 июня, я даю обед нашим городским сановникам.

– Послушайте, вскрикнул Платонов. В таком случае, разорившись совершенно, а еще обед?

– Что же делать? Нельзя это долг сказал Хлобуев. Они меня так же угощали.

Платонов растопырил глаза. Он еще не знал того, что на Руси, в городах и столицах, водятся такие мудрецы, которых жизнь необъяснимая загадка. Всё, кажется, прожил, кругом в долгах, ниоткуда никаких средств, а задает обед; и все обедающие говорят, что это последний раз, что завтра же хозяина потащат в тюрьму. Проходит после того 10 лет. Мудрец всё еще держится на свете, еще больше прежнего кругом в долгах, и так же задает обед, на котором все обедают и думают, что это уже в последний раз и снова все уверены, что завтра же потащат хозяина в тюрьму.

Дом Хлобуева в городе представлял необыкновенное явление. Сегодня поп в ризах служил там молебен; завтра давали репетицию французские актеры. В иной день ни крошки хлеба нельзя было отыскать; в другой – хлебосольный прием для всех артистов и художников и великодушная подача всем. Бывали подчас такие тяжелые времена, что другой давно бы на его месте повесился или застрелился; но его спасало религиозное настроение, которое странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью. В эти горькие минуты читал он жития страдальцев и тружеников, воспитывавших дух свой быть превыше несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух, и слезами исполнялись глаза его. Он молился, и странное дело! – почти всегда приходила к нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь из старых друзей его вспоминал о нем и присылал ему деньги; или какая-нибудь проезжая незнакомка, нечаянно услышав о нем историю, с стремительным великодушием женского сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось где-нибудь в пользу его дело, о котором он никогда и не слышал. Благоговейно признавал он тогда необъятное милосердие провидения, служил благодарственный молебен и вновь начинал беспутную жизнь свою.

"Жалок он мне, право жалок", сказал Чичикову Платонов, когда они, простившись с ним, выехали от него.

"Блудный сын!" сказал Чичиков. "О таких людях и жалеть нечего".

И скоро они оба перестали о нем думать, Платонов потому, что лениво и полусонно смотрел на положения людей, так же, как и на всё в мире. Сердце его страдало и щемило при виде страдания других, но впечатления как-то не врезывались глубоко в душу его. Через несколько минут он уже не думал о Хлобуеве. Он потому не

думал о Хлобуеве, что и о себе самом не думал. Чичиков потому не думал о Хлобуеве, что, в самом деле, все мысли были заняты не на шутку его покупкою. Как ни рассматривал он, на какую сторону не оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодная. Можно было поступить и так, чтобы заложить одних только мертвецов и беглых. Можно было поступить и так, чтобы прежде выпродать по частям все лучшие земли, а потом уже заложить в ломбард. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком по образу Костанжогло, пользуясь его советами, как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные руки имение: (разумеется, если не захочется самому хозяйствовать) оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него займы. Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел ее, но она вдруг, сама собой, предстала, дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза! Да кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Он почувствовал удовольствие от того, что стал теперь помещиком, не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и угодья, и люди не мечтательные, не в воображении пребывающие, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому и вытрубил на кулак как бы на трубе какой то марш. И даже выговаривал вслух несколько поощрительных слов и названий себе самому в роде мордашки и каплунчика. Но потом, вспомнив, что он не один притихнул вдруг постарался кое как унять неумеренный порыв восторга и когда Платонов, принявши кое какие из этих звуков на обращенную у нему речь, спросил у него: чего? Он отвечал: ничего".

"Стой", закричал кучеру Платонов. Чичиков оглянулся вокруг себя и увидел, что они уже давно ехали прекрасной рощей. Миловидная березовая ограда тянулась у них справа и слева. Между дерев мелькала белая каменная церковь. В конце улицы показался господин, шедший к ним навстречу, в картузе, с суковатой палкой в руке. Аглийский пес на высоких тонких ножках, бежал перед ним.

"А вот и брат", сказал Платонов. "Кучер, стой!" Он вышел из коляски Чичиков также. Псы уже успели облобызаться. Тонконогий проворный Азор лизнул проворным языком своим Ярда в морду,

потом лизнул Платонову руку, потом вскочил на Чичикова и лизнул его в ухо.

Братья обнялись.

"Помилуй, Платон, что ты со мной сделал?" сказал остановившийся брат, которого звали Васильем.

"Как это?" равнодушно отвечал Платон.

"Да как же в самом деле: три дня от тебя ни слуху, ни духу! Конюх от Петуха привел твоего жеребца. "Поехал", говорит, "с каким-то барином". Ну, хоть бы слово сказал: куды, зачем, на сколько времени? Помилуй, братец, как же можно так поступать? А я Бог знает чего не передумал в эти дни".

"Ну, что ж делать! позабыл", сказал Платонов. "Мы заехали к Константину Федоровичу: он тебе кланяется, сестра тоже. Павел Иванович! рекомендую брат Василий. Брат Василий, это Павел Иванович Чичиков".

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали друг другу руки и, сняли картузы.

"Кто бы такой был этот Чичиков? думал брат Василий, брат Платон на знакомства неразборчив", и оглянул он Чичикова, насколько позволяло приличие и увидел, что это был человек, по виду благонамеренный.

С своей стороны Чичиков оглянул также, насколько позволяло приличие, брата Василия и увидел, что брат пониже Платона, волосом темней его и лицом далеко не так красив, но в чертах его лица было гораздо больше жизни и одушевления, больше сердечной доброты. Видно было, что он меньше дремал, – но на эту часть Павел Иванович мало обращал внимания".

"Я решился, Вася, проездиться вместе с Павлом Ивановичем по святой Руси. Авось-либо это развлечет хандру мою" .

"Как же так вдруг решился?.." сказал озадаченный брат Василий; и чуть было не прибавил: "И еще ехать с человеком, которого видишь в первый раз, который, может быть, и дрянь, и чорт знает что". Полный недоверия, оглянул он искоса Чичикова и увидел благоприличие изумительное.

Они повернули направо в ворота. Двор был старинный; каких теперь не строят, с навесами, под высокой крышей. Две огромные липы росли посреди двора и покрывали его почти своею тенью. Под ними было множество деревянных скамеек. Цветущие сирени и черемухи окружали двор совершенно скрывавшейся под их

цветами и листьями. Господский дом был почти весь закрыт, только одни двери и окна милостиво глядели снизу из под ветвей. Сквозь прямые, как стрелы, лесины деревьев сквозили кухни, кладовые и погреб. Все было в роще, соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось в душу какое-то безмятежное приятное чувство. Так и отзывалось всё теми беззаботными временами, когда жилось всем добродушно и всё было просто и сложно. Брат Василий пригласил Чичикова садиться. Они сели под липами.

Парень, лет 17, в красивой рубашке розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины с разноцветными фруктовыми квасами всех сортов, то густыми, как масло, то шипевшими, как газированные лимонады. Поставивши графины, схватил он заступ, стоявший у дерева, и ушел в сад. У братьев Платоновых так же, как и у зятя их Костанжогло, все слуги были садовники, или, лучше сказать, слуг не было, но все дворовые по очереди исправляли эту должность. Брат Василий все утверждал, что слуги не сословие, что без слуг можно даже и обойтись. Подать что-нибудь может всякий, и для этого не стоит заводить особых людей; что будто русский человек потуда хорош и расторопен и не лентяй, куда он ходит в рубашке и зипуне; но что, как только заберется в немецкой сюртук, станет вдруг и неуклюж и нерасторопен, и лентяй, и рубашки не меняет, и в баню перестает вообще ходить, и спит в сюртуке, и заведутся у него под сюртуком немецким и клопы, и блохи несчетное множество. В этом, может быть, он был и прав. В деревне их народ одевался особенно щеголевато: кички у женщин все были в золоте, а рукава на рубахах – точные коймы турецкой шали. "Не угодно ли вам прохладиться? Это квасы издавна славятся наш дом", сказал брат Василий.

Чичиков налил стакан из первого графина – точно липецк, который он некогда пивал в Польше; игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятно изо рта в нос. "Нектар!" сказал он. Выпил стакан из другого графина – еще лучше.

"Напиток из всех напитков!" сказал Чичиков. "Могу сказать, что у почтеннейшего вашего зятя, Константина Федоровича, пил первейшую наливку, а у вас первейший квас".

"Да ведь и наливка тоже от нас. Ведь это сестра завела, сказал Платонов. В какую же сторону и в какие места предполагается ехать?" спросил брат Василий.

"Еду я", сказал Чичиков, слегка покачиваясь на лавке и рукою поглаживая себя по колену, "не столько по своей нужде, сколько по

нужде другого. Генерал Бетрищев, близкой приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя, ибо, не говоря уже о пользе в геморoidalном отношении, видеть свет и коловращение людей есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука".

Брат Василий задумался. "Говорит этот человек кудревато, но в словах его, однако ж, есть правда", подумал он. Несколько помолчав, сказал, обратясь к Платону: "Начинаю думать, Платон, что путешествие может, точно, расвеселить тебя. У тебя ни что другое, как душевная спячка. Ты, просто, заснул, и заснул не от пресыщения или усталости, но от недостатка живых впечатлений и ощущений. Вот я совершенно напротив. Я бы очень желал не так живо чувствовать и не так близко принимать к сердцу всё, что случается".

"Вольно ж принимать всё близко к сердцу", сказал Платон. "Ты вымышляешь себе беспокойства и сам сочиняешь себе тревоги".

"Чего накликаешь, когда и без того на всяком шагу неприятность?" сказал Василий. "Слышал ты, какую без тебя сыграл с нами штуку Леницын? – Захватил пустошь, где у нас празднуется красная горка. Во-первых, пустоши этой я ни за какие деньги не продам. Здесь у меня крестьяне празднуют всякую весну красную горку. С нею связаны воспоминания деревни и для меня обычай немаловажный.

"Не знает, потому и захватил", сказал Платон: "человек новый, только что приехал из Петербурга ему нужно объяснить, растолковать".

"Знает, очень знает. Я посылал ему сказать, но он отвечал грубостью".

"Тебе нужно было съездить самому, растолковать. Переговори с ним сам".

"Ну, нет. Он чересчур уже заважничал. Я к нему не поеду. Изволь, поезжай сам, если хочешь, ты".

"Я бы поехал, но ведь я не смешаюсь. Он может меня и провести и обмануть".

"Да если угодно, так я поеду", сказал Чичиков.

Василий взглянув на него и подумал: "Экой охотник ездить".

"Вы мне подайте только понятие, какого рода он человек", сказал Чичиков: "и в чем дело".

"Мне совестно наложить на вас такую неприятную комиссию. Человек он, по-моему, дрянь из мелкопоместных дворян нашей губернии выслужился в Петербурге, женившись там на чьей-то побочной дочери, и заважничал. Тон задает. Да у нас, слава Богу, народ живет не глупый. Мода не указ, а Париж не церковь".

"Конечно", сказал Чичиков: "а дело в чем?"

"Видите ли ему, точно, нужна земля. Да если бы он не так поступал, я бы с охотой отвел в другом месте даром, не то что пустошь. А теперь заносчивый человек подумает..."

"По-моему, лучше переговорить. Может быть мне поручите дело и не раскаетесь. Вот тоже и генерал Бетрищев..."

"Но мне совестно, что вам придется говорить с таким человеком..."

(Здесь пропуск, в котором, вероятно, содержался рассказ о том, как Чичиков отправился к помещику Леницыну.)

"... И наблюдая особенно, чтобы это было втайне", сказал Чичиков: "ибо не столько самое преступление, сколько соблазн вредоносен".

"А, это так, это так", сказал Леницын, наклонив совершенно голову на бок.

"Как приятно встретить единомыслие!" сказал Чичиков. "Есть и у меня дело, и законное, и незаконное вместе: с виду незаконное, в сущности законное. Имея надобность в залогах, никого не хочу вводить в риск платежом по два рубля за каждую душу. Ну, случится, лопну, – чего боже сохрани, – неприятно ведь владельцу, я принял воспользоваться беглыми и мертвецами, еще не вычеркнутыми из ревизии душами, чтобы одним разом сделать и христианское дело, и снять с бедных владельцев тягость уплаты за них податей. Мы только между собой сделаем формальным образом купчую, как бы на живые".

"Это, однако же, что-то такое престранное", подумал Леницын и отодвинулся со стулом немного назад. "Да дело-то, однако же, какого рода начали?" сказал он вслух.

"А соблазну не будет, потому что втайне", отвечал Чичиков: "и притом между благонамеренными людьми".

"Да все-таки, однако же, как-то..."

"Чисто, а соблазну никакого", отвечал весьма прямо и открыто Чичиков. "Дело такого рода, как сейчас рассуждали: между людьми благонамеренными, благоразумных лет и, кажется, хорошего чина,

и притом втайне", и говоря это, глядел он открыто и благородно ему в глаза.

Как не был изворотлив Леницын, как не был сведущ вообще в делопроизводствах, но тут как-то пришел в недоумение, тем более, что каким-то странным образом запутался он в собственные сети. Он вовсе не был способен на несправедливости и не хотел бы сделать ничего несправедливого, даже втайне. "Экая удивительная оказия!" думал он про себя. "Прошу входить в тесную дружбу даже с хорошими людьми!"

Но судьба и обстоятельства как бы нарочно благоприятствовали Чичикову. Точно за тем, чтобы помочь этому затруднительному делу, вошла в комнату молодая хозяйка, супруга Леницына, бледная, худенькая, низенькая, но одетая по-петербургскому, большая охотница до людей *comme il faut*. За нею вынесен был мамкой на руках ребенок-первенец, плод нежной любви недавно бракосочетавшихся супругов. Ловким подходом с прискачкой и наклоном головы на бок, Чичиков совершенно обворожил петербургскую даму; а вслед за нею и ребенка. Сначала тот было разревелся, но словами: "Агу, агу, душенька", прищелкиванием пальцев, и красотой сердоликовой печатки от часов Чичикову удалось его переманить его к себе на руки. Потом начал он его приподымать к самому потолку и возбудил этим в ребенке приятную усмешку, чрезвычайно обрадовавшую обоих родителей; но от внезапного удовольствия или чего-либо другого, ребенок вдруг повел себя нехорошо.

"Ах, Боже мой!" вскрикнула жена Леницына: "он вам испортит весь фрак!"

Чичиков посмотрел: рукав новешенького фрака весь был испачкан. "Пострел бы тебя взял, чертенюк!" подумал он всердцах.

Хозяин, хозяйка, мамка, все побежали за одеколоном: со всех сторон принялись его вытереть.

"Ничего, ничего, совершенно ничего", говорил Чичиков, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выражение. "Может ли что испортить ребенок в это золотое время своего возраста?" повторял он; а в то же время думал: "Да ведь как, бес-тия, волки б его съели, метко обделал, канальчонок проклятый!"

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина в пользу дела Чичикова. Как отказать такому гостю, который оказал столько невинных ласк малютке и великодушно поплатился за то собственным фраком? Чтобы не подать

дурного примера, решились покончить дело секретно, ибо не столько самое дело, сколько соблазн вредоносен.

"Позвольте ж и мне, в вознаграждение за услугу, заплатить вам также услугой. Хочу быть посредником вашим по делу с братьями Платоновыми. Вам нужна земля, не так ли?.."

(Здесь пропуск: Чичиков улаживал дела между Леницыным и Платоновыми, потом едет к Хансаревой старухе и составляет фальшивое завещание.)

Глава 5

Все на свете действует свое Дело: что кому требуется, то и требуется, говорит поповица. Путешествие по суду души прозвело было съездом, там, что пошло от этой записки переписано в собственную миниатюру Чичикова: словом благодарности было одобрено: Чичиков не то штабс-урядник, но полюбивший. Видеть всеядный или как эти люди да полюбуются; тот и каменный имеет, тот диалогический суммирует, тот градеит у Дюны своей, ради какой забудет приехать амура, тот у престола, ради любви Гандея, или карета; тот и дружит, емши заветное там много приложено на свете? и дорогие рестораны с естественными прилагательными и мажоранта и призывы и пиваевы с чопанами. Видеть забудет все всегда удручат себя; кем-то не бои. Там и Чичиков, подобно размышлявшему колесу людей мажоранта великий конфуз повертими дано в своем полове.

Чичикову следовало бы уже и сонать, но дороги неопытные. В городе между тем начинался дружок дружок, собственно дворянская. Прочием том.

Всё на свете обделывает свои дела: что кому требует, то то и требует, говорит пословица. Путешествие по сундукам произведено было с успехом, так что кое-что от этой экспедиции перешло в собственную шкатулку Чичикова: словом, благоразумно было обстроено. Чичиков не то, чтобы украл, но попользовался. Ведь всякий из нас чем-нибудь попользуется: тот казенным лесом, тот экономическими суммами, тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебели Гамбса или кареты; что ж делать, ежели завелось так много приманок на свете? И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами, и маскарады, и гулянья, и плясання с цыганами. Ведь нельзя же всегда удержать себя; человек не Бог. Так и Чичиков, подобно размножавшемуся количеству людей, любящих всякий комфорт, поворотил дело в свою пользу... Чичикову, следовало бы уже и выехать, но дороги испортились. В городе между тем начиналась другая ярмарка, собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотом, сырыми произведениями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же всё, что куплено на Нижегородской ярмарке краснопродавцами панских товаров, привезено и сюда. Наехали истребители русских кошельков, французы с помадами и французенки с шляпами, истребители добытых кровью и трудами денег, это египетская саранча, по выражению Костанжогло, которая, мало то, что всё сожрет, да и яиц после себя оставит, зарывши их в землю.

Только неурожай удержал многих помещиков по деревням, зато чиновники, не терпящие неурожая, развернулись, жены их на беду также, начитавшись разных книг, распущенных в последнее время с целью внушить всякие новые потребности человечеству, возымели жажду необыкновенную испытать всяких новых наслаждений. Француз открыл новое заведение какой-то дотоле неслышанный в губернии воксал с ужином, будто бы по необыкновенно дешевой цене и половину на кредит. Этого было достаточно, чтобы не только столоничальники, но даже и все канцелярские служители, в надежде на будущие взятки с просителей развернулись. Родилось желание пощеголять друг пред другом лошадьми и кучерами. Было уж это столкновение сословий для увеселения! Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольские коляски пролетали взад и вперед; откуда взялись они, Бог весть, но и в Петербурге не подгадили бы... Купцы, приказчики приподнимали свои шляпы и зазы-

вали к себе баринь. Редко где видны были в мохнатых горлатных шапках. Всё было европейского вида. Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалясь на диване, торговался с заезжим контрабандистом, купцем жидовского происхождения и немецкого выговора и перед ним уже лежала купленная штука первейшего голандского полотна на рубашки и две бумажные коробки с отличнейшим мылом первостатейного свойства; это было мыло то самое, которое он некогда приобретал на радзивилловской таможне. Оно было действительно первое по непостижимому свойству сообщать нежность и белизну щекам изумительную. В то время, когда он, как знаток, покупал эти необходимые для воспитанного человека продукты, раздался гром подъехавшей кареты, отозвавшийся легким дрожанием комнатных окон и стен, и вошел его превосходительство Алексей Иванович Лепицын.

– На суд вашего превосходительства предоставляю: каково полотно? и каково мыло? и какова эта вчерашнего дня купленная вещаца?

При этом Чичиков надел на голову ермолку и вышитую золотом и бусами, и очутился как персидский шах, исполненный достоинства и величия.

Но его превосходительство, не отвечая на вопрос, сказал с озабоченным видом: "мне нужно с вами поговорить о деле".

В лице заметны были и озабоченность и расстройство. Почтенный купец немецкого выговора был тот же час выслан, и они остались одни.

– Знаете ли вы, какая неприятность! Отыскалось другое завещание старухи, сделанное назад тому лет пять. Половина имения отдается на монастырь, а другая обеим воспитанницам пополам и ничего более никому.

Чичиков оторопел.

– Но это завещание вздор; оно ничего не значит: оно уничтожено вторым.

– Но ведь этого не сказано в последнем завещании, что им уничтожается первое.

– Это само собою разумеется. Первое уничтожается последним; это вздор. Первое завещанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы, я был при ней. Кто подписал первое завещание? Кто были свидетели?

– Засвидетельствовано оно как следует. Свидетелем были бывший совестный судья Бурмилов и Хованов.

– Худо, подумал Чичиков, Хованов, говорят, честен, Бурмилов старый ханжа читает по праздникам Апостол в церквах".

– Но... вздор, вздор! сказал он вслух и тут же почувствовал решимость на все штуки.

Я знаю это лучше, я присутствовал при последних минутах покойницы; мне это лучше всех известно. Я готов присягнуть самолично.

– Слова эти и решимость на минуту успокоили Лепицына. Он был взволнован и уже начал было подозревать не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикации относительно завещания. Он укорял себя в подозрении; готовность присягнуть была явным доказательством противного. Не знаем мы точно ли достало бы духу у Павла Ивановича присягнуть по святыни, но сказать это достало духу.

– Будьте покойны, я переговорю об этом деле с инспекторами юрисконсультами. С вашей же стороны тут ничего не должно бы прилагать; вы должны быть совершенно в стороне. Я же теперь могу жить в городе, сколько мне угодно.

Чичиков тот же час приказал подать экипаж и отправился к юрисконсульту. Этот юрисконсульт был опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лет как он находился под судом, и так умел распорядиться, что никаким образом нельзя было отрешить его от должности. Все знали что за подвиги его следовало бы давно послать на поселение; кругом и со всех сторон был он в подозрениях, но никак нельзя было вывести явных и доказательных улик.

Тут было действительно что то таинственное и его бы можно было смело признать колдуном, если бы история, нами описанная, принадлежала временам невежества.

Юрисконсульт поразил холодностию своего вида, замасленностию своего халата, представлявшего совершенную противоположность с хорошими мебельями красного дерева, с золотыми часами под стеклянным ковпаком с люстрой, сквозившей сквозь кисейный чахол и сохранявший и вообще со всем, что было вокруг него и носило яркую печать европейского просвещения.

Не затрудняясь, однако же, скептической наружностию юрисконсульта, Чичиков объяснил затруднительные пункты дела и в заманчивой перспективе изобразил необходимо последующую благодарность за добрый совет и участие.

Юриисконсульт отвечал на это изображением неверности всего земного и дал тоже искусно заметить, что журавль на небе ничего не значит, – а нужно синицу в руки.

Нечего было делать: нужно было дать синицу в руки. Скептическая холодность философа вдруг исчезла. Оказалось, что это был найдобрейший человек, найразговорчивейший и наиболее приятный в разговорах, не уступавший ловкостию оборотов самому Чичикову.

– Позвольте вам заметить; вместо того, чтобы заводить длинное дело, вы, верно, нехорошо рассмотрели самое завещание, там, верно, есть какая нибудь приписочка. Вы возьмите его на время к себе. Хотя, конечно, подобные вещи на дом брать запрещено, но если хорошенько попросить некоторых чиновников... я с своей стороны употреблю мое участие.

"Понимаю", – подумал Чичиков и сказал, – в самом деле, я, точно, хорошо помню, есть ли там приписочка, или нет. Точно как будто и не сам писал это завещание.

– Лучше всего вы это посмотрите. Впрочем, во всяком случае, – продолжал он весьма добродушно, будьте совсем покойны и не смущайтесь ничем, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни в чем не отчаивайтесь. Нет дела неисправимого. Смотрите на меня, я всегда покоен, какие бы ни были возведены на меня казусы, спокойствие мое непоколебимо.

Лицо юриисконсульта-философа пребывало действительно в необыкновенном спокойствии, так что Чичиков немного успокоился.

– Конечно, это первая вещь, – сказал он, но согласитесь, однако ж, что могут быть такие случаи и дела, и такие поклепы со стороны врагов, и такие затруднительные положения, что отнимут всякое спокойствие.

– Поверьте мне, что все это малодушие, отвечал очень спокойно и добродушно философ-юрист. Старайтесь только, чтобы производство дела было всеосновано на бумагах, чтобы на словах ничего не было и как только увидите, что дело идет к развязке и к решению, старайтесь не то чтобы оправдывать и защищать себя, нет, просто спутать новыми вводными и такими посторонними т.е., чтобы опутать, слушать и ничего больше, – продолжал юриисконсульт-философ, – ввести в это дело другие побочные обстоятельства, которые бы запутали его, да и другим сделать сложным и ничего больше!..

А тот пусть приезжий из Петербурга чиновник разбирает... пусть разбирает, пускай его разбирает! повторил он смотря с необыкновенным удовольствием в глаза Чичикову, как смотрит учитель ученику, когда объясняет ему заманчивые места из русской грамматики.

– Да, хорошо, если подберем такие обстоятельства, которые способны пустить в глаза мглу, сказал Чичиков, смотря тоже с удовольствием в глаза философа, как ученик, который понял заманчивое место объясняемое учителем.

– Подберутся обстоятельства, подберутся, поверьте, от частого упражнения и голова делается находчивей.

Прежде всего помните, что вам будут помогать. В сложности дело выигрыш многим: и чиновников нужно больше и жалованья им больше, словом: втянуть в дело больше лиц. Нет нужды, что иные напрасно попадут, да ведь им надо же оправдаться или нужно отвечать на бумаге.

Вот им и хлеб!

Так можно спутать, так все перепутать, что никто ничего не поймет...

Я ведь почему спокоен? Потому что знаю, пусть только дела мои пойдут похуже, да я всех впутая в свое дело: и губернатора и вице-губернатора и полицмейстера и казначея, всех запутаю... Я знаю все их обстоятельства и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочет упечь. Так пожалуй пусть их выпутывают! Да покуда они выпутаются, другие успеют найтись.

Ведь только в мутной воде и ловятся раки. Юрист-философ посмотрел на Чичикова во все глаза и опять с тем наслаждением с каким учитель объясняет ученику еще заманчивейшее место из русской грамматики...

"Нет этот человек точно мудрец подумал про себя Чичиков и расстался с юрисконсультom в наиприятнейшем и наилучшем расположении духа. Совершенно успокоившись он с небрежною ловкостью бросился на эластические подушки коляски и приказал Селифану откинуть кузов назад (к юрисконсульту он ехал с поднятым вверх кузовом и даже и застегнутой кожей) и расположился точь в точь как отставной гусарский полковник или сам Вишнепопромов, ловко подвернувши одну ножку под другую и обращая с приятностию ко всем встречным лицо сиявшее из под шелковой новой шляпы надвинутой на ухо. Селифану приказал было держать

направление к господскому двору. Купцы и проезжие и туземцы стоя у дверей лавок почтительно снимали шляпы и Чичиков не без достоинства приподнимал им свою. Многие из них уже были ему знаком, другие хотя приезжие, но очарованные ловким видом умеющего держать себя господина, приветствовали его, как знакомого. Ярмарка в то время еще не прекращалась, отошла конная, земледельческая, остались с красными товарами для господ просвещения высшего. Купцы приехавшие на колесах располагали назад не иначе возвращаться как на санях.

– Пожалуйста, пожалуйста! говорил у суконной лавки, учтиво рисуясь, с открытой головой немецкий сюртук московского шитья, с шляпою в одной руке на отлет, придерживая двумя пальцами другой, бритый круглый подбородок и выражением тонкого просвещения в лице.

Чичиков вошел в лавку.

– Покажи нам любезнейший суконца.

Благоприятный купец тотчас приподнял вверх открывавшуюся доску у стола и сделавши таким образом себе проход, очутился за доскою спиною к товару, лицом к покупателю и с обнаженной головой и шляпою на отлете еще раз приветствовал Чичикова, потом надел шляпу и приятно нагнувшись, обеими же руками упершись в стол, сказал так:

– Которого рода суконца? Аглицких мануфактур или отечественной фабрикации предпочитаете?

– Отечественной фабрикации, сказал Чичиков, только лучшего сорта, который называется английским.

– Каких цветов пожелаете иметь, спросил купец, все так приятно колеблясь на двух опершихся в стол руках.

"С искрой оливковых или бутылочных, приближающихся, так сказать к бруснике", сказал Чичиков.

"Могу сказать, что получите первейшего сорта, лучше право только в просвещенных столицах можно найти. Малый! подай сукно сверху, что за 34 номером. Да не то, братец, что ты вечно выше своей сферы, точно пролетарий какой! Бросай его сюда! Вот суконцо! Извольте". И, разворотивши его с другого конца, купец подал Чичикову к самому носу так, что тот мог не только погладить рукой шелковистый лоск, но даже и понюхать хорошо.

"Но всё не то", сказал Чичиков. "Ведь я служил на таможне, так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике чтобы приближалось".

"Понимаю-с, вы именно желаете такого цвета, какой нонче в моду входит. Есть у меня сукно отличнейшего свойства. Пре-дупреждаю, что высокой цены, но и всякого достоинства".

Европеец полез. Штука упала. Развернул он ее с искусством прежних времен, даже на время позабыв, что он принадлежит уже к позднему поколению, и поднес к свету, даже вышедши из лавки, и там его показывал, прищурясь к свету и сказавши: "Отличный цвет. Сукно наваринского дыма с пламенем!"

Сукно понравилось; о цене условились, хотя она и "с прификсом", как утверждал купец. Тут произведено было ловкое дранье обеими руками. Завернуто оно было в бумагу, по-русски, с быстротой неимоверной. Легкая бичевка схватила сверток животрепещущим узлом... Ножницы перерезали бичевку, и всё было уложено в коляске.

"Покажите черного сукна", раздался голос в лавке.

"Вот, чорт побери, Хлобуев", сказал про себя Чичиков и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагодарным с своей стороны заводить с ним какое-либо объяснение насчет наследства. Но тот уже его увидел.

"Что это, право, Павел Иванович, не с умыслом ли уходите от меня? Я вас нигде не могу найти, а ведь дела такого рода, что нам нужно серьезно переговорить".

"Почтеннейший, почтеннейший", сказал Чичиков, пожимая ему руку: "поверьте, что всё хочу с вами побеседовать, да времени совсем нет", – и сам думал: "Чорт бы тебя побрал!" И вдруг увидел входящего Муразова. "Ах, боже мой!.. Афанасий Васильевич, сказал Чичиков, вот приятное стечение!" Внезапно очутившийся тут же в лавке повторил за ним и Вышнепопромов: "Афанасий Васильевич!" А благовоспитанный купец, отнеся шляпу от головы на столько на столько могла рука и всем тылом надавши вперед, произнес: "Афанасий Васильевичу наше нижайшее почтение".

На лицах отпечаталась та собачья услужливость какую оказывает ушливый люд миллионщикам. Старик раскланявшись со всеми обратился прямо к Хлобуеву.

– Извините меня, я увидавши издали как вы пошли в лавку, решился вас побеспокоить. Если вам будет свободно и по дороге мимо моего дома, так сделайте милость зайдите на малость времени. Мне с вами нужно будет переговорить.

Хлобуев сказал: очень хорошо, Афанасий Васильевич.

– Какая прекрасная погода у нас Афанасий Васильевич, сказал Чичиков.

– Неправда ли Афанасий Васильевич подхватил Вышнепопрамов. Ведь это необыкновенно.

– Дас благодаря Бога недурно. Но нужно бы дождика для посева.

– Очень, очень бы нужно сказал Вышнепопрамов, даже и для охоты хорошо.

– Да дождика очень бы не мешало, сказал Чичиков которому совсем не нужно было дождика, но как-то уже приятно согласиться с тем у кого миллионы.

– У меня просто голова кружится, сказал Чичиков по выходе Муразова, как подумаешь что у этого человека 10 миллионов, это просто даже невероятно.

– Противузаконная однако ж вещь сказал Вишнепопрамов, капиталы не должно быть в одних руках. Это теперь предмет трактатов во всей Европе. Имеешь деньги... ну сообщай другим: угощай, давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам...

– Этого я не могу понять, сказал Чичиков. 10 миллионов, и живет как простой мужик. Ведь это с 10 миллионами чорт знает что можно сделать, ведь это можно так завести, что и общества другого у тебя не будет как генералы и князья.

– Да-с, прибавил купец у Афанасия Васильевича, при всех почтенных качествах непросветительности много. Если из нас для примера купец почетный, так он уже не купец, он некоторым образом есть уже негоциант. Я уже должен тогда взять и ложу в театре, а дочь уже я за простого полковника, нет-с не выдам: я за генерала ее выдам. Что мне полковник? Обед мне уже должна поставлять не кухарка, а кондитер.

– Да что говорить, помилуйте, сказал Вышнепопромов с десятью миллионами чего не сделаешь? Дайте мне 10 миллионов, я бы точно кое что сделал.

– Нет если бы мне теперь после этих страшных опытов! 10 миллионов, подумал Хлобуев. Опытном узнаем цену всякой копейки... Э! теперь бы я не так... и потом минуту подумавши спросил себя внутрененно "точно бы теперь умней распорядился? И махнувши рукой прибавил: кой чорт! Я думаю так же бы растратил, как и

прежде и вышел из лавки, сгорая желанием знать, что объявит ему Муразов".

"Вас жду, Семен Семенович", сказал Муразов, увидавши входящего Хлобуева: "Пожалуйте ко мне в комнату", и он повел Хлобуева в комнату, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья.

"Скажите, ведь теперь, я полагаю, ваши обстоятельства лучше? После тетушки все-таки вам досталось кое-что".

"Да как вам сказать, Афанасий Васильевич! Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мне досталось всего пятьдесят душ крестьян да тридцать тысяч денег, которыми я должен был расплатиться с частью моих долгов, и у меня вновь ровно ничего. А главное дело, что дело по этому завещанию самое нечистое Тут, Афанасий Васильевич, завелись такие мошенничества. Я вам сейчас расскажу, и вы подивитесь, что такое делается. Этот Чичиков..."

"Позвольте, Семен Семенович, прежде чем говорить об этом человеке, позвольте поговорить собственно о вас. Скажите мне, сколько, по вашему заключению, было бы для вас удовлетворительно и достаточно для того, чтобы совершенно выпутаться из обстоятельств?"

"Мои обстоятельства трудные", сказал Хлобуев. "Да чтобы выпутаться из обстоятельств, расплатиться совсем и быть в возможности жить самым умеренным образом, мне нужно, по крайней мере, 100 тысяч, если не больше.

"Ну, если бы это у вас было, как бы вы тогда повели жизнь свою?"

"Ну, я бы тогда нанял себе квартиру, занялся бы воспитанием детей, о себе ничего уже думать, карьер мой кончен. На службу уж я никуда не гожусь".

"И все-таки жизнь останется праздною, а в праздности приходят искушения, о которых бы и не думал человек, занявшись работою".

"Не могу; никуда не гожусь... осовел, болит поясница".

"Да как же жить без работы? Как быть на свете без должности, без места? Помилуйте. Взгляните на всякое творение Божье: всякое чему-нибудь да служит, имеет свое отправление. Даже камень, и тот затем, чтобы употребляли на дело, а человек, разумнейшее существо, чтобы оставался без пользы, статочное ли это дело?"

"Ну, да я все-таки не без дела. Я могу заняться воспитанием детей".

"Нет, Семен Семеныч, нет, это всего труднее. Как воспитывать детей тому, кто сам себя не воспитал? Детей ведь только можно воспитать примером собственной жизни. А ваша жизнь годится ли им в пример? Чтобы выучиться разве тому, как в праздности проводить время да играть в карты? Нет, Семен Семенович, отдайте детей мне: вы их испортите. Подумайте не шутя: вас сгубила праздность, вам нужно от нея бежать. Как жить на свете неприкрепленному ни к чему? Какой-нибудь да должно исполнять долг. Поденьщик, ведь и тот служит. Он ест грошовый хлеб, да ведь он его добывает и чувствует интерес своего занятия".

"Ей-богу, пробовал, Афанасий Васильевич, старался преодолеть. Что ж делать, постарел, сделался неспособен. Ну, как мне поступать? Неужели мне определиться в службу? Ну, как же мне, в сорок пять лет, сесть за один стол с начинающими канцелярскими чиновниками? Притом я неспособен к взяткам, и себе помешаю, и другим поврежу. Там уж у них и касты свои образовались. Нет, Афанасий Васильевич, пробовал, перебирал все места, везде буду неспособен. Только разве в богадельню..." "В богадельню?! Да ведь туда можно тем которые трудились; а тем, которые веселились всё время в молодости, отвечают, как муравей стрекозе: "Поди, попляши..." Да и в богадельне сидя, тоже трудятся и работают, а в вист не играют. Семен Семенович, вы обманываете и себя и семью". Говоря это, Муразов пристально глядел ему в лицо, но бедный Хлобуев ничего не мог отвечать. Муразову стало его жалко.

"Послушайте Семен Семенович, но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вам хоть и не хочется рано вставать, но ведь вы встаете же и идете, в четыре часа утра, когда никто не подымается".

"Это другое дело, Афанасий Васильевич. Я знаю, что это я делаю не для человека, а для того, кто приказал нам всем быть на свете. Что ж делать, я верю, что он милостив ко мне, что как я ни мерзок, ни гадок, но он меня может простить и принять, тогда как люди оттолкнут ногою и наилучший из друзей продает меня, да еще и скажет потом, что он продал меня из благой цели".

Огорченное чувство выразилось в лице Хлобуева. Муразов минуту помолчал как бы с тем, чтобы дать ему придти в себя, а сам прослезился и сказал: "— Зачем же не возьмете вы должность не для человека и не для угождения обществу?"

"Послужите же тому, который так милостив. Ему так же угоден труд, как и молитва. Возьмите какое-нибудь занятие, но возьмите как бы вы делали для него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толочь в ступе, но помышляйте только, что вы делаете для него. Уж тем будет выгода, что для дурного не останется времени: для проигрыша в карты, для пирушки с объедалами, для сидячей жизни. Эх, Семен Семенович! Знаете вы Ивана Потапыча?"

"Знаю и очень уважаю".

"Ведь хороший был торговец: полмиллиона было. Да как увидел во всем прибыль и развернулся. Все подавай ему на манер знатных, сына по-французски стал учить, дочь выдал за генерала, являлся в лавке или в биржевой улице, всё как бы встретит приятеля да затащит в трактир, пировал по целым дням, да и обанкрутился. А тут бог несчастье послал: сына не стало. Теперь он, видите ли, приказчиком у меня. Начал сызнова. Дела его поправились. Он мог бы опять торговать на пятьсот тысяч. "Приказчиком был, приказчиком хочу и умереть", – говорил он. Теперь я стал здоров и свеж, а тогда у меня брюхо завалилось, да и водяная началась. Нет", говорил. Ничего он теперь в рот не берет. Щи да кашу, и больше ничего, да-с. А уж молится он. А уж помогает он бедным как никто из нас не помогает".

Бедный Хлобуев задумался.

Старик взял его за обе руки... "Семен Семенович, если бы вы знали, как мне вас жалко! Я об вас всё время думал. А вот послушайте: вы знаете, что в монастыре есть затворник, который никого не видит. Человек этот большого ума, такого-с ума, что я не знаю. И уж если даст совет... так совет. Я начал ему говорить, что вот есть у меня этакой приятель, по имени нечего называть, что он болеет, что он вот так и так он начал слушать, да вдруг прервал словами "прежде Божье дело, чем Св. церковь строить, а денег нет, собирать нужно на церкви!" Да и захлопнул дверь. Я думал, что ж это значит? Не хочет, видно, дать совет. Да и зашел к нашему архимандриту. Только что я в дверь, а он мне с первых же слов: "не знаете ли такого человека, которому бы можно поручить сбор на церковь, который был бы из дворян, или из купцов, повоспитанней других, и смотрел бы на это дело, как на спасение свое? Я так с первого же раза и остановился... "Ах, Боже мой! Да ведь это схимник назначает эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болезни хорошая. Переходя с книгой от помещика к крестьянину и от крестьянина к мещанину, он узнает и то, кто как живет и кто в чем

нуждается, так что воротится потом, обошедши несколько губерний, узнает местность и получше всех тех людей, которые живут в городах... А такие люди теперь нужны". Вот мне князь сказывал, что он много бы дал, чтобы достать такого человека, который бы знал не по бумагам дело, а точно так как оно на самом деле, потому что из бумаг, говорят, ничего уж не видать, так все запуталось".

"Вы меня совершенно смутили, сбили, Афанасий Васильевич", сказал Хлобуев, смотря на него в изумлении. "Я даже не верю тому, что вы точно мне это говорите. Для этого нужен неутомимый, деятельный человек, притом как же мне бросить жену, детей..."

"О супруге и детях не заботьтесь. Я возьму их на свое попечение, и учителя будут у них. Чем вам ходить с котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднее и лучше просить для бога. Я вам дам простую кибитку, тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дам вам на дорогу денег, чтобы вы могли мимоходом дать тем, которые посильнее других нуждаются. Вы здесь можете много добрых дел сделать. Вы уж не ошибетесь, а кому дадите, тот точно будет стоить. Эдаким образом ездя, вы точно узнаете всех, кто как живет. Это не то, что иной чиновник, которого все боятся, а с вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговаряются".

"Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень желал исполнить хоть часть ея; но, право, мне кажется, это свыше сил моих".

"Да что же по нашим силам?" сказал Муразов. "Ведь ничего нет по нашим силам. Всё свыше наших сил. Без помощи свыше ничего нельзя. Молитва собирает силы. Перекрестясь, говорит человек: "Господи, помилуй", гребет и доплывает до берега. Об этом не нужно долго думать, это нужно просто принять за повеление Божие. Кибитка будет вам сейчас готова; а вы забегите к отцу архимандриту за книгой и за благословением да и в дорогу".

"Повинуюсь вам и принимаю не иначе, как за указание Божие". "Господи, благослови", сказал он внутренно и почувствовал, что бодрость и сила проникли к нему в душу. Самый ум его как бы стал пробужден на исход из своего печально не исходного поведения. Свет начал ему мерцать в дали...

(Тот же самый рассказ, но в виде более просторном. Предыдущий, как видно, был сокращением последующего.)

"Иван Потапыч был миллионщик, выдал дочерей своих за чиновников, жил как царь, а как обанкрутился, что ж делать? пошел в приказчики. Не весело было ему с серебряного блюда за простую

миску. Казалось, что и руки ни к чему не поднимутся. Теперь Иван Потапыч мог бы опять хлебать из серебряного блюда, да уж не хочет. У него уже набралось бы опять пол миллиона, да он говорит: "Нет, Афанасий Васильевич служу я уже теперь не себе и не для себя, а потому что Бог так велел. Я о своей воле не хочу слушаться, так как бог иначе не говорит как устами лучших людей. Вы умнее меня, а потому не я отвечаю, а вы.... Вот что говорит Иван Потапыч, а он если сказать правду в несколько раз умнее меня.

– Афанасий Васильевич, вашу власть и я готов над собою принять, ваш слуга, что хотите отдаюсь Вам, но не давайте работы свыше сил. Я не Потапыч, я говорю Вам, ни на что доброе не гожусь.

– Не я-с, Семен Семенович наложу на Вас труд, а так как Вы хотели бы послужить так вот Вам богоугодное дело: строится в одном месте церковь доброхотным дательством благочестивых людей. Денег не достает, нужны сборы. Наденьте простую сибирку, ведь вы теперь простой человек, разорившийся дворянин и тот же нищий, что ж тут чиниться? Да с книгой в руках на простой тележке и отправляйтесь по городам и деревням. От архиерея вы получите благословение и шнуровую книгу, да и с богом.

– Семен Семенович был изумлен этой совершенно новой деятельности. Гму ему все таки дворянину и некогда древнего рода отправляться с книгой в руках просить на церковь? Ему схворостью трястись на телеге!? А между тем вывернуться и отклониться нельзя, дело богоугодное.

– Призадумался, сказал Муразов, Вы здесь две службы сослужите, одну службу Богу, а другую мне.

Какую же Вам?

А вот какую, как вы отправитесь по тем местам где я еще не был, Вы узнаете на месте все, как там живут мужички, где побогаче, где терпят нужду и в каком состоянии все? Раскольники там и всякие-с бродяги смущают их против властей и порядков их восстаивают. Вы человек умный, узнаете все это где от других смущение, а где от собственного беспокойного нрава, да и расскажете потом все мне. Я вам на всякий случай небольшую сумму дам на раздачу тем, которые уже и действительно терпят безвинно. С вашей стороны так же будет полезно утешать их словом и получше истолковать же то, что бог велит переносить безропотно и молиться в это время когда несчастливы, а не буйствовать и расправ-

ляться самим. Словом, говорите им, никого не возбуждая ни против кого а всех примиряя. Если Вы увидите в ком против кого бы то ни было ненависть употребите все усилия ее уничтожить.

– Афанасий Васильевич, дело, которое Вы мне поручаете, сказал Хлобуев, – святое дело, но вы вспомните кому Вы его поручаете. Поручить его можно человеку почти святой жизни, который бы и сам умел прощать другим.

– Да я и не говорю, чтобы Вы все это вы исполнили, а по возможности, что можно. Дело то в том, что все таки приедете с познанием тех мест и будете иметь понятие в каком положении находится тот край. Чиновник не имеет возможности, да и мужик то с ним не будет откровенен. А вы прося на церковь вельнете ко всякому и к мещанину и к купцу и будете иметь случай расспросить всякого. Говорю Вам, что генерал-губернатор особенно теперь нуждается в таких людях и вестимо всяких канцелярских повышений, получить такое место, где не бесполезна будет ваша жизнь.

– Попробую, приложу старание, сколько хватит сил, сказал Хлобуев, и в голосе его было заметно ободрение, спина выпрямилась и слева приподнялась, как у человека, которому светит надежда.

– Вижу что вас бог наградил разумением и Вы знаете их же лучше нас близоруких людей. Теперь позвольте Вас спросить сказал Муразов, – что ж Чичиков и какого он рода?

– Про Чичикова я вам расскажу вещи не слыханные, делает он такие дела Знаете ли Афанасий Васильевич, что завещание ведь ложное, отыскалось настоящее, по которому все имение принадлежит воспитанницам.

– Что вы говорите? Да ложное-то завещание кто же смастерил?

– В том-то и дело, что премерзетнее дело – говорят Чичиков и что подписано завещание уже после смерти. Нарядили какую-то бабу на место покойницы и она уже подписала. Словом дело соблазнительнейшее. Тысячи просьб поступило со всех сторон. К Марье Еремеевне теперь подъезжают женихи, двое уж чиновных лиц и за ее дерутся. Вот какого рода дело, Афанасий Васильевич!

– Насильно. А я об этом негде, а дело точно не без греха. Павел Иванович Чичиков признаюсь для меня презагадочный сказал Муразов.

Я подал также просьбу от себя затем, чтобы напомнить, что существует ближайший наследник. А мне пусть их все передерутся,

думал Хлобуев, выходя. Афанасий Васильевич не глуп: он даже мне это поручение верно обдумывал. Он стал думать о дороге в то время, когда Муразов все еще повторял себе: презагадочный для меня человек Павел Иванович Чичиков! Ведь если бы с этакой волей и настойчивостью, да на доброе дело!"

А между тем в самом деле по судам шла просьба за просьбою. Оказались родственники, о которых и не слышал никто. Как птицы слетаются на мертвечину, так всё налетело на несметное имущество, оставшееся по смерти старухи. Доносы на Чичикова, на подложность последнего завещания, доносы на подложность и первого завещания, улики в покраже и в утаении сумм. Явились даже улики на Чичикова в покупке мертвых душ, в провозе контрабанды во время бытности его еще при таможе. Выкопали всё, разузнали его прежнюю историю. Бог весть, как всё это пронюхали и вызнали. Только были улики даже и в таких делах, о которых, думал Чичиков, кроме его и четырех стен никто не знал. Покамест всё это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя верная записка юрисконсульта, которую он вскоре получил, несколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткого содержания: "Спешу вас уведомить, что по делу будет возня, но помните, что тревожиться никак не следует. Главное дело – спокойствие. Обделаем всё". Записка эта его совершенно успокоила. Точно гений сказал Чичиков. К довершению хорошего, портной в это время принес платье. Он получил желание сильное посмотреть на самого себя в новом фраке наваринского дыма с пламенем. Натянул штаны, которые обхватили его чудесным образом со всех сторон, так хоть рисуй. Ляжки и икры тоже славно обтянули сукно, охватило всю массу, сообщая ей большую упругость, как затанул он позади себя пряжку, живот стал точно барабан. Он ударил по нем тут щеткой, прибавив: "Ведь какой дурак, а в целом он составляет картину". Фрак, казалось, был сшит еще лучше штанов: ни морщинки, все бока обтянуты, выгнулся на перехвате, показавши весь его перегиб. На замечание Чичикова, что под правой мышкой немного жало, портной только улыбался: от этого еще лучше перехватывало на талии. "Будьте покойны, будьте покойны насчет работы", повторял он с каким то торжеством. "Кроме Петербурга, нигде так не сошьют". Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: *Иностранец из Лондона и Парижа*. Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим порт-

ным так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, и пусть себе пишет из какого-нибудь Карисару или Копсигора.

Чичиков великодушно расплатился с портным и, оставшись один, стал рассматривать себя на досуге в зеркале, как артист с эстетическим чувством и *con amore* (с любовью (итал.)). Оказалось, что всё было как-то лучше чем прежде: щечки интереснее, подбородок заманчивей, белые воротнички давали тон щеке, атласный синий галстук давал тон воротничкам. Новомодные складки манишки давали тон галстуку, богатый бархатный жилет давал тон манишке, а фрак наваринского дыма с пламенем, давал тон всему. Поворотился направо – хорошо, поворотился налево – еще лучше. Перегиб такой, как у камергера или у такого господина, который так и режет по-французски, который, даже и рассердясь, нестрашит себя непристойным словом на русском языке а расчет французским диалектом. Деликатность такая!.. Он попробовал, склоня голову несколько на бок, принять позу, как бы адресовался к даме средних лет и последнего просвещения, выходила, просто, картина: Художник, бери кисть и пиши. В удовольствии, он совершил тут же легкий прыжок, вроде антраша. Вздрогнул комод и шлепнулась на землю склянка с одеколоном, но это не причинило никакого помешательства; он назвал, как и следовало, глупую склянку дурой и подумал: "К кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше..." Как вдруг в передней послышалось вроде некоего бряканья сапогов со шпорами, и жандарм вошел в полном вооружении, как будто в лице его было целое войско: "Приказано сей же час явиться к генерал-губернатору". Чичиков так и обомлел. Перед ним торчало страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромный палаш привешен к боку. Ему казалось, что при другом боку висело и ружье, и чорт знает что... Целое войско в одном лице да и только! Он начал было возражать, но грубо заговорило страшилище: "Приказано сей же час". Он выглянул сквозь дверь в переднюю и увидел, что там мелькало другое страшилище; взглянул в окошко, на дворе экипаж. Что тут делать? Так, как был во фраке наваринского дыма с пламенем, должен был сесть и, дрожа всем телом, отправился к генерал-губернатору, и жандарм с ним. В передней не дали даже и опомниться ему. "Ступайте же, Вас князь уже ждет", сказал дежурный чиновник. Перед ним, как в тумане, мелькнула передняя с курьерами, принимавшими пакеты, через которую он

прошел, думая только: "вот как схватит, да без суда, без всего, прямо в Сибирь". Сердце его забилося с такой силою, с какой не бьется даже у найреревнейшего любовника. Наконец, растворилась перед ним дверь, предстал кабинет с портфелями, шкафами и книгами, и князь, гневный, как сам гнев.

"Губитель, губитель!" подумал Чичиков, "он меня задушит как волк ягненка".

"Я вас пощадил, я позволил Вам остаться в городе, тогда как Вам следовало быть в остроге, а Вы запятнали себя бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо запятнал себя человек". Губы князя дрожали от гнева.

"Каким же, Ваше сиятельство, бесчестнейшим поступком и мошенничеством?" спросил Чичиков, дрожа всем телом.

"Женщина", произнес князь, подступая несколько ближе и смотря прямо в глаза Чичикову: "женщина, которая подписывала по вашей диктовке завещание, схвачена и станет с Вами на очную ставку".

Свет помутился в глазах Чичикова, бледного как полотно.

"Ваше сиятельство, скажу всю истину дела. Я виноват; точно, виноват, но не так виноват: меня обнесли враги"...

"Вас не может никто обнесть, потому что в вас мерзостей в несколько раз больше того, что может выдумать последний лжец. Вы во всю жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела. Всякая копейка, добытая Вами, добыта бесчестнейшим образом, есть воровство и бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь. Нет, теперь полно. С сей же минуты будешь отведен в острог и там, с последними мерзавцами и разбойниками, ты должен ждать разрешения участи своей. И это мало еще, потому что хуже ты в несколько раз, чем те, что в армяках и тулупах, а ведь ты... Он взглянул на фрак наваринского дыма пламенем и, взявши за шнурок, позвонил.

"Ваше сиятельство!" вскрикнул Чичиков: "умилосердитесь. Вы хоть над семейством. Не меня пощадите, старуху-мать"...

"Врешь", вскрикнул гневно князь. "Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь матерью".

"Ваше сиятельство, я мерзавец и последний негодяй", сказал Чичиков. "Я действительно лгал, я не имел ни детей, ни семейства; но, вот бог свидетель, я всегда хотел иметь жену, исполнить долг

человека и гражданина, и заслужить уважение граждан и начальства. Но что за бедственные стечения обстоятельств! Ваше сиятельство! Нужно было добывать насущное существование. На всяком шагу соблазны и искушения, враги и губители, и похитители... Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн, по воле ветров. Я человек, Ваше сиятельство!"

Слезы вдруг хлынули ручьями из глаз его. Он повалился в ноги князю, так, как был: во фраке наваринского дыма с пламенем, в бархатном желете, в атласном галстуке, в чудесно сшитых штанах и ударился лбом головной прической, изливавший ток сладкогодыханья первейшего одеколона.

"Поди прочь от меня! Позвать солдат, чтобы его взяли", сказал князь вошедшему.

"Ваше сиятельство!", кричал Чичиков, обхватив обеими руками сапог князя. Чувства содрогания пробежали по всем его жилам. "Подите прочь, говорю вам", сказал князь, усиливаясь вырвать свою ногу из объятий Чичикова.

"Ваше сиятельство, не сойду с места, покуда не получу милости", говорил Чичиков, не выпуская и прижимая сапог князя к груди и проехавшись вместе с ногой, по полу во фраке наваринского дыма с пламенем.

"Пойдите, говорю вам", говорил князь с тем неизъяснимым чувством отвращения, какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духа раздавить ногой. Он встряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок, но не выпустил сапога, а еще с большей силой держал ногу в своих объятиях. Два дюжих жандарма на силу оттащили его и, взявши под руки, повели через все комнаты. Он был бледный, убитый, в том бесчувственно-страшном состоянии, в каком бывает человек, видящий перед собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему... В самых дверях на лестнице встретил его Муразов. Луч надежды вдруг скользнул. В один миг, с силой неестественной вырвался он из рук обоих жандармов и бросился в ноги изумленному старику.

"Батюшка, Павел Иванович, что с вами?"

"Спасите, ведут в острог, на смерть". Жандармы схватили его и повели, не дали даже и дослышать.

Промозглый, сырой чулан, с запахом сапогов и онуч гарнизонных солдат, некрашенный стол, два скверных стула, с железной

решеткой окно, печь, сквозь щели которой дымило, а тепла не давало, вот обиталище, где помещен был Чичиков, уже начинавший вкушать сладость жизни и привлекать внимание соотечественников, в тонком новом фраке наваринского дыма с пламенем, не дали даже ему распорядиться взять с собой необходимые вещи, взять шкатулку, где были деньги, бумаги, крепости на мертвые души, всё было теперь у чиновников. Он повалился на землю, и безнадежная грусть плотоядным червем обвилась около его сердца. С возрастающей быстротой стала она точить это ничем не защищенное сердце. Еще день такой грусти и не было бы Чичикова вовсе на свете. Но и над Чичиковым не дремала чья-то всеспасающая рука. Час спустя двери тюрьмы растворились и вошел старик Муразов.

Если бы палящей жаждой, покрытому прахом и пылью дороги, изнуренному и изможденному путнику влил кто в засохнувшее горло струю ключевой воды, поток бы его освежил и подкрепил, как оживился бедный Чичиков.

"Спаситель мой!" сказал он, вдруг вскочивши с полу, на который бросился в разрывающей его печали, схватив его руку быстро поцеловал ее и прижал к груди. "Бог да наградит Вас за то, что посетили несчастного". Он залился слезами.

Старик глядел на него скорбно-болезненным взором и говорил только: "Ах, Павел Иванович, Павел Иванович, что вы сделали?"

"Что ж делать! Сгубило проклятое незнание меры; не сумел вовремя остановиться. Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого... Преступил, преступил... но только как же можно этак поступить? Дворянину! Дворянина! Без суда, без следствия, бросить в тюрьму дворянина, Афанасий Васильевича! Да ведь как же не дать времени зайти к себе, распорядиться с вещами? Ведь там у меня всё осталось теперь без присмотра. Шкатулка, Афанасий Васильевич, шкатулка, ведь там всё имущество! Потом приобрел, кровью, летами трудов, лишений!.. Шкатулка, Афанасий Васильевич. Ведь всё украдут, разнесут... О, Боже!"

И, не в силах будучи удержать порыва вновь подступившей к сердцу грусти, он громко зарыдал голосом, проникнувшим толщину стен острога и глухо отозвавшимся в отдалении, сорвал с себя атласный галстук и, схвативши рукою около воротника, разорвал на себе фрак наваринского дыма с пламенем.

"Ах, Павел Иванович, как вас ослепило это имущество. Из-за него вы не видали страшного своего положения".

"Благодетель! Спасите!.. Спасите!" отчаянно закричал Павел Иванович, повалившись в ноги. "Князь вас любит, для вас всё сделает".

"Нет, Павел Иванович, не могу, как бы ни хотел, как бы ни желал. Вы подпали под неумолимый закон, а не под власть какого человека".

"Сам искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!" сказав это, он ударился головою в стену, а рукой хватил по столу так, что разбил в кровь кулак, но ни боли в голове, ни жесткости удара не почувствовал.

"Павел Иванович, успокойтесь, подумайте, как бы примириться с богом, а не с людьми; о бедной душе своей помыслите"...

"Но ведь судьба какая, Афанасий Васильевич! Досталась ли хоть одному человеку такая судьба? Ведь с терпением, можно сказать, кровавым добывал копейку, трудами... трудами, не то, чтобы кого ограбил или казну обворовал, как делают. Добывал копейку за тем, чтобы в довольстве пожить, оставить жене, детям, которых намеревался приобрести для блага, для службы отечеству... Вот для чего хотел приобрести. Покривил, не спорю. Что же делать? Но ведь покривил только тогда, когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь! Но ведь я трудился, я изощрялся. Если брал, так с богатых. А эти мерзавцы, которые по судам берут тысячи с казны и не богатых людей грабят, последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего... Что за несчастье такое? Скажите, всякой раз, как только начинаешь достигать плодов и, так сказать, уже касаешься рукой, вдруг буря, подводный камень, сокрушение в щепки всего корабля... Вот тысяч тридцать было капитала, трехэтажный дом два раза был уже, уже деревню покупал... Ах, Афанасий Васильевич, за что такие удары? Разве без того жизнь моя не была как судно среди волн! Где справедливость небес? Где награда за терпение, за постоянство беспримерное? Ведь я три раза сызнова начинал; всё потерявши, начинал вновь с копейки, тогда как иной давно бы с отчаянья запил и сгнил в кабаке. Ведь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Ведь всякая копейка выработана, так сказать, всеми силами души... Положим, другим доставалось легко, но ведь для меня была всякая копейка, как говорит пословица, алтынным гвоздем прибита, и эту алтынным гвоздем приби-

тую копейку я доставал, видит бог, с этакой железной неутомимостию"... Он не договорил. Громко от нестерпимой боли сердца он зарыдал и упал на стул и оторвал совсем висевшую разорванную полу фрака, и швырнул ее прочь от себя, и, запустивши обе руки себе в волосы, об укреплении которых прежде старался, безжалостно рвал их, услаждаясь болью, которою хотел заглушить ничем неугасимую боль сердца.

Долго сидел молча пред ним Муразов, глядя на это необыкновенное, в первый раз им виданное неистовство ожесточенного человека. Еще недавно порхавший вокруг с развязной ловкостью светского или военного человека, метался теперь в растрепанном, непристойном разорванном фраке и расстегнутых шароварах, с окровавленным разбитым кулаком, изливая хулу на враждебные силы, перечащие человеку.

"Ах, Павел Иванович, Павел Иванович! Какой бы из вас был человек, если бы с такою же силою и терпеньем да подвизались бы на добром пути, имея лучшую цель. Боже мой, сколько бы вы наделали добра! Если бы хоть что-нибудь из тех людей, которые любят добро, да употребили бы столько усилий для него, как вы для добыванья своей копейки, да сумели бы так пожертвовать для добра и собственным самолюбием и честолюбием, не жалея себя, для добыванья своей копейки, Боже мой! как процвела бы наша земля Павел Иванович! Не то жаль, что виноваты вы стали пред другими, а то жаль, что пред собою стали виноваты, перед богатыми силами и ударами, которые достались вам. Назначение Ваше быть великим человеком, а вы себя запропастили и загубили..."

Есть тайна души: как бы не далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твердел в своей совращенной жизни, и если попрекнуть его им же, его же достоинствами им опозоренными в нем пробудится душа неволью и весь он потеряется.

"Афанасий Васильевич", сказал бедный Чичиков, схватив его обеими руками за руки: "О, если бы удалось мне освободиться, возвратили бы мое имущество, клянусь Вам, повел бы отныне совсем другую жизнь. Спасите! Благодетель, спасите!.."

"Что ж могу я сделать? Я должен воевать с законом. Положим, если бы я даже и решился на это, но ведь князь справедлив, он ни за что не отступит".

"Благодетель, Вы всё можете сделать. Не закон меня устрашает, я перед законом найду средства, но то, что я брошен в тюрьму, что я пропаду здесь, как собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите!" Он обнял ноги старика, облил их слезами.

"Ах, Павел Иванович, Павел Иванович", говорил старик Муразов, качая головою: "как вас ослепило это имущество. Из-за него вы и бедной души своей не слышите".

"Подумаю и о душе, но спасите!.."

"Павел Иванович", сказал старик Муразов и остановился... "Спасти Вас не в моей власти, вы сами видите. Но приложу старание, как могу, чтобы облегчить Вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сделать, но буду стараться. Если же, паче чаяния, удастся, Павел Иванович, я прошу у Вас награду за труды: бросьте все эти поползновения на эти приобретения. Говорю Вам по чести, что если бы я всего лишился моего имущества, а его у меня больше, чем у вас, я бы не заплакал... Ей, ей, дело не в этом имуществе, которое могут у меня конфисковать, а в том, которого никто не может украсть и отнять. Вы уже пожили на свете довольно. Вы сами называете жизнь свою судном среди волн. У вас есть уже чем прожить остаток дней. Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям, или, если знобит сильное желанье оставить по себе потомков, женитесь на небогатой, доброй девушке, привыкшей к умеренности и простому хозяйству. Забудьте этот шумный мир и все его оболъстительные прихоти. Пусть и он вас забудет. В нем нет успокоения. Вы видите: всюду враг, искуситель или предатель".

"Непременно! Непременно! Я уже хотел, уже намеревался повести жизнь, как следует душе заняться хозяйством, умерить жизнь.

Какие-то невидимые дотоле, необыкновенные чувства явились в нем как будто ожило в нем что-то далекое, что-то прежде сожженное, что-то подавленное из детства суровым мертвым поучением, безприветливостью скучного детства виде пустынного родного жилища, безуспешным одиночеством, нисчетой и бедностию первоначальных впечатлений, суровым взглядом судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное стекло, занесенное зимней вьюгой. Стенание изнеслось из уст его, и, наложив обе ладони на лицо свое, скорбным голосом произнес он: "Правда! Правда!"

"И познание людей, и опытность не помогли на незаконном основании, а если бы к этому да основание законное... Эх, Павел Иванович! зачем вы себя погубили!.. Проснитесь еще не поздно... Есть еще время..."

"Нет, поздно, поздно!" застонал он голосом, от которого у Муразова чуть не разорвалось сердце. "Начинаю чувствовать, слышу, что не так, иду, и что недалеко отступился от прямого пути, но уже не могу. Нет, не так воспитался... Отец мне твердил нравоучения, бил, заставлял переписывать с нравственных правил, а сам крап передо мною у соседей лес и меня еще заставлял помогать ему. Завязал при мне неправую тяжбу; развратил сиротку, которой он был опекуном. Пример сильнее правил. Вижу, чувствую, Афанасий Васильевич, что жизнь веду не такую, но нет большого отвращения от порока... огрубела натура и нет любви к добру, нет этой прекрасной склонности к делам богоугодным, обращающейся в привычку... Нет такой охоты подвизаться для добра, какая есть для получения имущества... Говорю правду – что ж делать!"

Сильно вздрогнул старик.

"Павел Иванович, у вас столько воли, терпения. Лекарство горько, но ведь больной принимает его, зная, что иначе не выздоровеет. У Вас нет любви к добру, делайте добро насильно, без любви к нему. Вам это зачтется еще в большую заслугу, чем тому, кто делает добро по любви к нему. Заставьте себя несколько раз только сделать добро, потом получите и любовь. Поверьте, всё так делается. Царство даст, сказано нам. Только насильно пробираясь к нему... Да насильно нужно пробираться, брать его насильно, Эх, Павел Иванович, ведь в вас есть эта сила, которой нет у других, это железное терпение и Вам ли не одолеть? Да вы бы, мне кажется, были бы богатырь... Ведь теперь все люди без воли, все слабые..."

Заметно было, что слова эти вонзились в самую душу Чичикову и заделали что-то самолюбивое на дне ее. Если не решимость, то что-то крепкое и на нее похожее блеснуло в глазах его.

"Афанасий Васильевич", сказал он твердо: "если только вымолите мне избавленье и средство уехать отсюда с каким-нибудь имуществом, я даю вам слово начать другую жизнь: куплю деревеньку, сделаюсь хозяином, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другим, буду делать добро, сколько будет сил,

позабуду себя и всякие городские объядения и пиршества, поведу простую, твердую жизнь".

"Бог да подкрепит Вас в этом намерении", сказал обрадовавшийся старик. "Буду стараться изо всех сил, чтобы вымолить у князя Ваше освобождение. Удастся или не удастся, это бог знает. Во всяком случае, участь Ваша, верно, смягчится. Ах, боже мой! обнимите меня, позвольте мне вас обнять. Как вы меня обрадовали... Ну, с богом, сейчас же иду к князю..."

Чичиков остался один.

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердейший из металлов, всех более противящийся огню: когда усилятся в горниле огонь, дуют мехами и выходит нестерпимый жар огня, тогда белеет упорнейший из металлов и превращается также в жидкость; подается и крепчайший, когда, усиливаясь, они нестерпимым своим огнем жгут отверделую природу.

"Сам не имею чувств и не чувствую, но все силы употреблю, дабы другим дать почувствовать; сам дурной и настоящий, но все силы употреблю, чтобы других исправить; сам дурной христианин, но все силы употреблю, чтобы не дать соблазна. Буду трудиться, буду работать в поте лица... В деревне займусь честно, так чтобы иметь доброе влияние и на других... Что ж, в самом деле, будто я уже совсем негодный?.. Есть способность к хозяйству; я имею качества к бережливости и расторопности и благоразумия, даже постоянства... Стоит только решиться..."

Так думал Чичиков и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязал. Казалось, природа его темным чутьем стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнить человеку на земле, который можно исполнять всюду, во всяком углу, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движенья, летающие вокруг человека на всяком месте, на котором он поставлен. И трудолюбивая жизнь, удаленная от шума городов и тех оболещений, которые от праздности выдумал человек, забывши о труде своем так сильно стала перед ним рисоваться, что он уже почти позабыл все неприятное свое положение и, может быть, даже готов был возблагодарить провидение за этот тяжелый удар, если только выпустят его и отдадут хотя часть... Но... односторчатая дверь его нечистого чулана растворилась и вошла чиновная особа. Самосвистов, эпикуреец, лихач в плечах аршин, ноги страшные, отличный товарищ, кутила и продувная бестия, как

выражались о нем сами товарищи. В военное время человек этот наделал бы чудес, если бы послать его куда-нибудь пробраться сквозь непроходимые, опасные места, украсть перед носом у самого неприятеля пушку. Это его бы дело. Но за неимением военного поприща, на котором бы, может быть, его сделали бы честным человеком, он пакостил изо всех сил и непостижимое дело! странные он имел убеждения и правила: с товарищами он был хорош, никого не продавал и, давши слово, держал, но высшее над собою начальство он считал чем-то вроде неприятельской батареи, сквозь которую нужно пробираться, пользуясь всяким слабым местом, проломом или упущением...

"Знаем всё об вашем положении, всё услышали", сказал он, когда увидел, что дверь плотно за ним притворилась. "Ничего, ничего. Не робейте: всё будет исправлено. Все стали работать за вас, ваши слуги, тридцать тысяч на всех и ничего больше".

"Будьте", вскрикнул Чичиков: "и я буду оправдан?"

"Кругом еще вознаграждение будет, получите за убытки".

"И за труд?.."

"Тридцать тысяч. Тут уже всё вместе: и нашим, и генерал-губернаторским, и секретарю".

"Но, позвольте, как же я могу? Мои все вещи, шкатулка, всё это теперь запечатано, под присмотром".

"Через час получите всё. По рукам, что ли?"

Чичиков дал руку, сердце его билось, и он не доверял, чтобы это было возможно.

"Пока прощайте. Поручил вам сказать наш общий приятель, что главное дело – спокойствие и присутствие духа".

"Гм", подумал Чичиков: "понимаю – юрисконсульт!"

Самосвистов скрылся... Чичиков, оставшись, всё еще не доверял словам. Не прошло часа после этого разговора, как была принесена шкатулка, бумаги так же, всё в наилучшем порядке. Самосвистов явился в квартиру Чичикова в качестве распорядителя, выбрал поставленных часовых за то, что небдительны, смотрел, приказал потребовать еще лишних солдат для усиления присмотра. Взял не только шкатулку, но отобрал даже все такие бумаги, которые могли бы чем-нибудь компрометировать Чичикова; связал всё это вместе, запечатал и повелел солдату отнести немедленно к самому Чичикову, в виде необходимых ночных и спальных вещей, так что Чичиков, вместе с бумагами, получил даже и всё теплое, что нужно было для покрытия брэнного его

тела. Это скорое доставление обрадовало его несказанно. Он возымел сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которую он волочился. Деревня и тишина стали казаться бледней, город и шум опять ярче, ясней... О, жизнь!

А между тем завязалось дело объема беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов и, понюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художник, крючковой строкой. Юриконсулт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом, всех опутал решительно, прежде, чем кто успел осмотреться. Путаница увеличилась. Самосвистов превзошел самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, где караулилась схваченная мещанка, он явился прямо и вошел таким молодцем и начальником, что часовой сделал ему честь и вытянулся в струнку. "Давно ты здесь стоишь?" – "С утра, Ваше благородие, до моей смены. – Три часа, Ваше благородие". – "Ты мне будешь нужен. Я скажу офицеру, чтобы на место тебя отрядил другого". – "Слушаю, Ваше благородие". И, уехав домой на минуту, чтобы не замешивать никого и все концы в воду, сам нарядился жандармом, оказался в усах и бакенбардах, сам чорт не узнал бы. Явился в доме, где жил Чичиков, схватив первую бабу, какая попалась, и сдал ее двум чиновным молодцам, докать тоже, а сам прямо явился, в усах и с ружьем, как следует, к часовому: "Ступай, меня прислал командир выстоять, наместо тебя, смену". Обменялся и стал сам с ружьем. Только этого было и нужно. В это время наместо прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то так, что и потом не узнали, куда она девалась. В то время, когда Самосвистов подвизался в лице воина, юриконсулт произвел чудеса на гражданском поприще: губернатору дал знать стороною, что прокурор на него пишет донесения; жандармскому чиновнику дал знать, что секретно проживающий чиновник пишет на него доносы; секретно проживающего чиновника уверил, что есть еще секретнейший чиновник, который на него доносит, и всех привел в такое положение, что к нему должны все были обратиться за советами. Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых на лице не видано, и даже такие, которых и не было. Всё пошло в работу и в дело: и кто незаконнорожденный сын, и какого рода и звания, у кого любовница, и чья жена за кем

волочится. Скандалы, соблазны и всё так замешалось и сплелось вместе с историей Чичикова, с мертвыми душами, что никаким образом нельзя было понять, которое из этих дел было главнейшею чепухой: оба казались равного достоинства. Когда стали, поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный князь ничего не мог понять. Весьма умный и расторопный чиновник, которому поручено было сделать экстракт, чуть не сошел с ума. Никаким образом нельзя было поймать нити дела. Князь был в это время озабочен множеством других дел, одно другого неприятнейших: в одной части губернии оказался голод. Чиновники, посланные раздать хлеб, как-то не так распорядились, как следовало. В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души. Каялись и грешили и, под видом как бы изловить антихриста, уколотили не-антихриста. В другом месте мужики взбунтовались против помещиков и капитан-исправников. Какие-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны быть помещиками и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и быть мужиками, и целая волость, не размыслив того, что слишком выйдет тогда много помещиков, отказались платить капитан-исправникам всякую подать. Нужно было прибегнуть к насильственным мерам. Бедный князь был в самом расстроенном состоянии духа. В это время доложили ему, что пришел откупщик. "Пусть войдет", сказал князь. Старик взошел.

"Вот вам Чичиков. Вы стояли за него и защищали. Теперь он попался в таком деле, на какое последний вор не решится".

"Позвольте вам доложить, ваше сиятельство, что я не очень понимаю это дело".

"Подлог завещания, и еще какой... Публичное наказание плетью за этакое дело".

"Ваше сиятельство, скажу не с тем, чтобы защищать Чичикова. Но ведь это дело не доказанное. Следствие еще не сделано".

"Улика. Женщина, которая была наряжена на место умершей, схвачена. Я ее хочу расспросить нарочно при вас". Князь позвонил и дал приказ позвать эту женщину.

Муразов замолчал.

"Бесчестнейшее дело, и, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор. Он не должен быть там, где воры и бездельники", сказал князь с жаром.

"Ведь губернатор – наследник; он имеет право на притязания; а что другие-то со всех сторон прицепились, так что ж-с, Ваше сиятельство, человеческое дело. Умерла-с богатая... распоряжения умного и справедливого не сделала... Слетелись со всех сторон поживиться... человеческое дело".

"Но ведь мерзости зачем же делать? Подлецы!" сказал князь с чувством негодования. "Ни одного чиновника нет у меня хорошего; все мерзавцы!"

"Ваше сиятельство, да кто ж из нас, как следует, хорош? Все чиновники нашего города – люди, имеют достоинства и многие очень знающие, а к греху всяк близок".

"Послушайте, Афанасий Васильевич, скажите мне, я вас одного знаю за честного человека, что у вас за страсть защищать всякого рода мерзавцев?"

"Ваше сиятельство", сказал Муразов: "кто бы ни был человек, которого вы называете мерзавцем, но ведь он человек. Как же не защищать человека, когда знаю, что он половину зол делает от грубости и неведения. едь мы делаем несправедливости на всяком шагу и всякую минуту бываем причиной несчастья другого даже и не с дурными намерениями. Ведь Ваше сиятельство сделали также большую несправедливость".

"Как?!" воскликнул в изумлении князь, совершенно пораженный таким неожиданным оборотом речи.

Муразов остановился, помолчал, как бы соображая что-то, и, наконец, сказал: "Да вот хоть бы по делу Дерпенникова".

"Афанасий Васильевич, преступление против казенных государственных законов, равно государственной измене".

"Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, был обольщен и сманен другими, осудят так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла равная и Дерпенликова, и какого-нибудь Вороного, дрянного, а ведь преступления их не равны".

"Ради Бога", сказал князь с заметным волнением: "вы что-нибудь знаете об этом? Скажите. Я именно писал еще прямо в Петербург об смягчении его участи".

"Нет, ваше сиятельство, я не насчет того говорю, чтобы я знал что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило в его пользу, да он сам не согласится, потому что через это пострадал бы другой. А я думаю только, что не изволили ли вы тогда слишком поспешить? Изви-

ните, Ваше сиятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы несколько раз приказывали мне откровенно говорить. У меня-с, когда я еще был начальником, много было всяких работников, и дурных и хороших, так если не принять во внимание и прежнюю жизнь человека, если не расспросить обо всём хладнокровно, а накричишь с первого раза, напугаешь только его, да и признания настоящего не добьешься; а как с участием его расспросишь, как брат брата, сам всё выскажет и даже не просит о смягчении, и ожесточения ни против кого нет, потому что ясно видишь, что не я его наказываю, а закон".

Князь задумался. В это время вошел молодой человек и почтительно остановился с портфелем. Забота, труд выражались на его лице молодом и еще свежем. Видно было, что он не даром служил по особым порученьям. Это был один из числа тех немногих, которые занимались делопроизводством *сop amoге*, не сгорая ни честолюбием, ни желанием прибытков, ни подражанием другим. Он занимался потому, что был убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что для этого дана ему жизнь. Следить, разобрать по частям и, поймавши все нити запутаннейшего дела, разъяснить его, это было его занятие. И труды, и старания, и бессонные ночи вознаграждались ему изобильно, если дело начинало, наконец, пред ним объясняться, сокровенные причины обнаруживаться, и он чувствовал, что может передать его в немногих словах отчетливо и ясно, так что всякому будет очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученик, когда пред ним раскрывалась какая-нибудь труднейшая фраза и обнаруживался настоящий смысл мысли великого писателя, как радовался он, когда пред ним распутывалось запутаннейшее дело...

(Здесь находится пропуск.)

Касательно хлеба в местах, где голод, я эту часть получше знаю чиновников: рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, Ваше сиятельство, я поговорю и с раскольниками. Они-то с нашим братом, с простым человеком, охотнее разговаряются. Так, авось Бог поможет уладить с ними миролюбно, а чиновники не сладят. Завяжется об этом переписка. Да притом они так уж запутались в бумагах, что уж дела из них и не видят. А денег-то от вас я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно в такое время думать о своей прибыли, когда умирают с голода. У меня есть в запасе

готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь, и к будущему лету вновь подвезут".

"Вас может только наградить один Бог за такую службу, Афанасий Васильевич. А я вам не скажу ни одного слова, потому что, вы сами можете чувствовать, всякое слово тут безявно... Но позвольте мне одно сказать насчет той просьбы. Скажите сами, имею ли я право оставить это дело без внимания, и справедливо ли, честно ли с моей стороны будет простить мерзавцев?"

"Ваше сиятельство, ей Богу, этак нельзя назвать, тем более, что из них есть многие весьма достойные. Затруднительны положения человека, Ваше сиятельство, очень, очень затруднительны. Бывает так, что кажется кругом виноват человек, а как войдешь – даже и не он".

"Но что скажут они сами, если оставлю? Ведь есть из них, которые после этого еще больше поднимут нас на смех и будут даже говорить, что они напугали. Они первые не будут уважать".

"Ваше сиятельство, позвольте мне вам сказать свое мнение: соберите их всех, дайте им знать, что вам всё известно, и представьте им ваше собственное положение точно таким самым образом, как вы изволили изобразить сейчас передо мною, и спросите у них совета: что бы из них каждый сделал в вашем положении?"

"Да вы думаете, им будут доступны движения благороднейшие, чем каверзничать и наживаться? Поверьте, они надо мной посмеются".

"Не думаю-с, ваше сиятельство. У человека, даже и того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве уж жид какой-нибудь, а не русский. Нет, Ваше сиятельство, вам нечего скрываться. Скажите так точно, как изволили передо мной. Ведь они вас поносят, как человека честолюбивого, гордого, который и слышать ничего не хочет, уверен в себе, так пусть же увидят всё, как оно есть. Что вам? Ведь ваше дело правое. Скажите им так, как бы не перед ними, а пред самим Богом принесли свою исповедь".

"Афанасий Васильевич", сказал князь в раздумьи: "я об этом подумаю, а куда благодарю вас очень за совет".

"А Чичикова, ваше сиятельство, прикажите отпустить".

"Скажите этому Чичикову, чтобы он убирался отсюда как можно поскорей, и чем дальше отсюда, тем лучше. Его-то уже я бы никогда не простил".

Муразов поклонился и прямо от князя отправился к Чичикову. Он нашел Чичикова уже в духе, весьма покойно занимавшегося довольно порядочным обедом, который был ему принесен в фаянсовых судках из какой-то весьма порядочной кухни. По первым фразам разговора старик заметил тотчас, что Чичиков уже успел переговорить кое с кем из чиновников-казусников. Он даже понял, что сюда вмешалось невидимое участие знатока-юриста.

"Послушайте-с, Павел Иванович", сказал он: "я привез вам свободу на таком условии, чтобы сейчас вас не было в городе. Собирайте все пожитки свои, да и с Богом, не откладывая ни минуты, потому что дело еще хуже. Я знаю-с, вас тут один человек настраивает; так объявляю вам по секрету, что такое еще дело одно открывается, что уж никакие силы не спасут его. Он, конечно, рад других топить, чтобы одному ему нескучно, да дело к разделке. Я вас оставил в расположении хорошем, лучшем, нежели в каком теперь. Советую вам-с не в шутку... Ей, ей, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди и режут друг друга. Точно как будто можно завести благоустройство в здешней жизни, не помышляя о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, небросят всё, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, и не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всем народе, так и порознь во всяком, это-с ясно. Что ни говорите, ведь от души зависит тело. Когда же хотите, чтобы шло как следует, подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу. Я тоже выезжаю завтрашний день. Поторопитесь! Не то без меня беда будет".

Сказавши это, старик вышел. Чичиков задумался. Значение души опять показалось ему немаловажным. "Муразов прав!" сказал он: "пора на другую дорогу". Сказавши это, он вышел из тюрьмы. Часовой потащил за ним шкатулку. Селифан и Петрушка обрадовались, как Бог знает чему, освобождению барина. "Ну, любезные", сказал Чичиков, обратившись милостиво к ним, – "нужно укладываться да ехать".

"Покатим, Павел Иванович", сказал Селифан. "Дорога, должно быть, установилась: снегу выпало довольно. Пора уж, право, выбраться из города. Надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы".

"Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозья", сказал Чичиков, а сам пошел в город, но ни к кому не хотел зайти отдавать прощальных визитов. После этого события было неловко, тем более, что о нем много ходило в городе самых неблагоприятных историй. Он избегал всяких встреч и зашел потихоньку только к тому купцу, у которого купил сукно наваринского дыма с пламенем, взял вновь четыре аршина на фрак и на штаны и отправился сам к тому же портному. За двойную цену мастер решился усилить рвение и засадил всю ночь работать при свечах портное народонаселение иглами, утюгами, зубами, так что фрак на другой день был готов, хоть и немножко поздно. Лошади были запряжены. Чичиков, однако же, фрак примерил. Он был хорош, точь-в-точь как прежний. Но, увы, он заметил, что в голове уже белело что-то гладкое, и примолвил грустно: "Зачем было предаваться так сильно сокрушению? А рвать волосы не следовало бы и подавно". Расплатившись с портным, он выехал наконец из города в каком-то странном положении. Это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно было бы его внутреннее состояние души сравнить с разобранным строением, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не началось, потому что не пришел еще от архитектора определительный план, и работники остались в недоумении. Часом прежде его отправился старик Муразов, в рогоженной кибитке, вместе с Потапычем, а часом после отъезда Чичикова объявлено приказание, что князь, по случаю отъезда в С.-Петербург, желает видеть всех чиновников до едина.

В большом зале генерал-губернаторского дома собралось всё чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: правители канцелярий и дел, советники, ассессоры: Кислородов, Краснонос, Самосвистов, не бравшие, бравшие, кривившие душой, полукривившие и вовсе не кривившие. Все не без волнения и беспокойства ожидали выхода генерал-губернатора. Князь вышел ни мрачный, ни ясный: взор его был тверд так же, как и шаг. Всё чиновное сословие поклонилось, многие в пояс. Ответив легким поклоном, князь начал:

"Уезжая в Петербург, я почел приличным повидаться с вами и даже объяснить вам отчасти причину. У нас завязалось дело очень соблазнительное. Я полагаю, что многие из предстоящих знают, о каком деле я говорю. Дело это повело за собою открытие и других,

не менее бесчестных дел, в которых даже замешались, наконец, и такие люди, которых я даже почитал честнейшими. Известно мне даже и сокровенная цель спутать таким образом всё, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным порядком, Знаю и кто главный и чье тут сокровенное действие, хотя он и очень искусно скрыл свое участие. Но дело в том, что я намерен судить не формальным следованием по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное время, и надеюсь, что государь даст мне это право, когда я изложу все это дело. В таком случае, когда нет возможности произвести это гражданским образом, когда горят шкафы с бумагами и, наконец, излишеством лживых посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того темное дело, я полагаю военный суд единственным средством и желаю знать мнение ваше!"

Князь остановился, как бы ожидая ответа. Всё стояло, потупив глаза в землю. Многие были бледны.

"Известно мне также еще одно дело, хотя производившие его в полной уверенности, что оно никому не может быть известно. Производство его пойдет уже не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представлю очевидные доказательства".

Кто-то вздрогнул среди чиновного собрания, некоторые из боязливейших тоже смутились.

"Само по себе, что главным зачинщикам должно последовать лишение чинов и имущества, прочим отрешение от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадает и множество невинных. Что ж делать? Дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что на место выгнанных явятся другие, и те самые, которые дотопле были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые удостоены будут доверенности, обманут и продадут, несмотря на всё это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудие. Знаю, что будут меня обвинять в суровой жестокости, но знаю, что те будут еще более обвинять меня, для которых я должен обратиться только в одно бесчувственное орудие правосудия, долженствующее упасть на их головы.

Содрогание невольно пробежало по всем лицам.

Князь был спокоен. Ни гнева, ни возмущения душевного не выражало его лицо.

"Теперь тот самый, у которого в руках участь многих и которого никакие просьбы не в силах были умолишь, тот самый вас всех просит. Всё будет позабыто, изглажено, прощено; я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды, она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже невозможно многим идти противу всеобщего течения. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякий гражданин несет всё и жертвует всем, я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Что тут говорить о том, кто более из нас виноват. Я, может быть, слишком сурово вас принял вначале; может быть, излишне подозрительностью я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными. Если уже они действительно любили справедливость и добро своей земли, не следовало бы им оскорбиться надменностью моего обращения, но следовало бы им подавить собственное честолюбие и пожертвовать личностью. Не может быть, чтобы я не заметил их самоотвержения и высокой любви к добру и не принял бы, наконец, от них полезных и умных советов. Все-таки скорее подчиненному следует применяться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчиненного. Это законнее, по крайней мере, и легче, потому что у подчиненного один начальник, а у начальника сотни подчиненных. Но оставим теперь в стороне, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришлось нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнеее всякого законного. Установились свои условия, всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действия дурных чиновников приставлением в надзиратели к ним других чиновников. Всё будет безуспешно, покуда не почувствует из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстания народов на нас, вооружаясь должен восстать теперь против неправды. Как русский, как связанный с вами

единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь к вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва [*текст не окончен*] [...].

1857
1857

РАЗДЕЛ III

**Общая характеристика
нежинского списка второго
тома "Мертвых душ" Гоголя**

Н. Гоголь

В 1855 г. после смерти попечителя Гимназии высших наук, Физико-математического и Юридического лицеев Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко эту должность принял от отца его старший сын Григорий Александрович, который после окончания Александровского лицея (1850 г.) поступил на государственную службу в канцелярию Комитета министров в чине титулярного советника и дослужился до действительного статского советника.

Став почетным попечителем Юридического лицея князя Безбородко, Г.А.Кушелев-Безбородко сделал несколько пожертвований нежинскому учебному заведению. Он заказал петербургским художникам написать портреты масляными красками. Это были 3 копии портретов: А.Г.Кушелева-Безбородко художника Крюгера, Н.В.Гоголя – худ. Ф.Моллера, Н.В.Кукольника – худ. К.Брюллова, а также оригинальный портрет Е.П.Гребенки, написанный выпускником Нежинской гимназии высших наук академиком живописи А.Мокрицким.

Кроме этого, Г.А.Кушелев-Безбородко в 1858 г. купил у родственников и знакомых Н.Гоголя для лицейской библиотеки рукописи писателя: "Мертвые души" (I т.) и наброски к поэме, "Тарас Бульба" (две редакции с правками автора), "Портрет", "Игроки", "Тяжба", "Лакейская", "Театральный разъезд", а также 32 письма, адресованных Н.Я.Прокоповичу. За все это граф заплатил 1200 руб. [1].

В библиотеку рукописи Н.Гоголя поступали и позже. Так, комедию "Дядька в затруднительном положении", переведенную с итальянского языка Н.Гоголем и другими представителями русских, проживавших в Италии, для бенефиса М.Щепкина, подарил известный библиограф С.И.Пономарев, который некоторое время работал в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко [2].

24 письма и 2 небольших записки Н.Гоголя к М.А.Максимовичу были приобретены руководством института у вдовы ученого в 1875 г. [3].

В 1900 г. в Москве вышла книга "Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине", составленная под редакцией профессора М.Сперанского. Окончание "Описания..." было напечатано в Нежине в 1901 г. [4]. Среди многих уникальных рукописей XVI–XVIII вв., обозначенных в I

части "Описания..." на с. 99–106, в этой же части значатся и рукописи Н.Гоголя под порядковыми номерами:

№58. Дядька в затруднительном положении, комедия, перевод с итальянского.

№59. Рукопись Н.В.Гоголя. Мертвые души. I том. 394 страницы, переписанные рукой Анненкова под диктовку Н.Гоголя в Риме. В тексте рукописи имеются исправления Н.Гоголя, дополнения на полях. Здесь же обозначены и собственноручные черновые наброски автора к I тому "Мертвых душ" (11 листов).

№60. Рукопись Н.В.Гоголя. Портрет. Это переписанная набело редакция повести на 54 четверках бумаги с авторскими исправлениями некоторых страниц.

№61. Рукопись Н.В.Гоголя. Игроки и Театральный разъезд на 21 странице. Это собственноручно переписанные автором его произведения, которые приготовлены для переписи писцом "по примеру прочих, разгонисто и четко, чтобы цензор мог прочесть удобно". Как замечает М.Сперанский, почерк автора очень мелок, уборист и разборчив.

№62. Письма Гоголя к Прокоповичу. 32 письма на 52 листах. Очевидно, эти письма Г.А.Кушелев-Безбородко купил по совету Н.Гербеля у вдовы Н.Я.Прокоповича, который умер в 1857 г. Н.Гербель написал большую статью о связях Н.Гоголя со своим гимназическим другом, а также первым редактором сочинений писателя. Эти письма Н.Гоголя были описаны и опубликованы профессором Е.В.Петуховым в "Известиях Института кн. Безбородко в Нежине" [5].

№63. Письма Гоголя к Максимовичу. 24 письма и 2 небольших записки Н.В.Гоголя к М.А.Максимовичу. На некоторых письмах имеются пометки проф. М.А.Максимовича, которые уточняют время пребывания у него Гоголя, фамилии тех, о ком идет речь в письме, и т.п. [6].

№64. Рукопись Н.В.Гоголя. Тарас Бульба. Это подготовленная к изданию повесть в 10 тетрадках, к которым присоединены еще 2 тетрадки гоголевских набросков: одна – к повести "Тарас Бульба", вторая – черновой набросок к I тому "Мертвых душ".

№65. Рукопись Н.В.Гоголя. Тяжба и Лакейская. Это одна тетрадь, в которой на 1–10 листах располагается "Тяжба", а от 10 до 19 – записан текст "Лакейской".

Все рукописи были переплетены в темно-синий, темно-зеленый, красный или коричневый переплеты с золотым тиснением названий произведений Н.Гоголя.

В 1902 г. в связи с 50-летием со дня смерти Н.Гоголя в Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине проходило торжественное чествование писателя. На здании бывшей Гимназии была открыта мемориальная доска, а также организована выставка, включавшая в себя материалы о жизни и творчестве известного выпускника Нежинской высшей школы. Среди 9 ее разделов отдельно в 4-м значатся "Автографы Гоголя". Здесь были выставлены все рукописные материалы, представленные выше под номерами 58–65, фотоснимок первой страницы классного сочинения Гоголя (1827–1828 гг.) "В какое время делаются славяне известны по истории, где и когда и какими деяниями они себя прославили до поселения своего, и какое их было поселение", отзыв на него проф. К.Моисеева, фототипический снимок письма Н.Гоголя из Нежина к Г.Высоцкому в С.-Петербург (1827 г.), факсимиле "Письма к Пушкину", а также оригинал одного из последних писем писателя к И.И.Барановскому [7].

Рукописи Н.Гоголя, которые хранились в дореволюционное время в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, а в послереволюционное – в Нежинском институте народного образования, а затем в Нежинском педагогическом институте, согласно постановления наркома по образованию Д.Затонского были переданы в 1934 г. в рукописный отдел Государственной публичной библиотеки УССР (ныне – Институт рукописи Национальной библиотеки им. В.Вернадского НАН Украины).

В 1952 г. в связи со 100-летием со дня смерти Гоголя сотрудником академической библиотеки И.В.Шубанским были описаны автографы Гоголя, которые хранились в рукописном отделе, в том числе и поступившие из Нежина, о чем свидетельствовали на них печати гоголевского музея и библиотеки Историко-филологического института кн. Безбородко, а также шифры библиотеки, номера и указания, что рукописи находились в рукописном отделе нежинской библиотеки. Кроме этого, на рукописях была сделана пометка "Акт 31, п. 47, 22.Х.34", которая повторялась на каждой рукописи и свидетельствовала, когда именно они были переданы в Киев. В связи с тем, что в то время из нежинской библиотеки были изъяты и редкие книги, а также другие материалы (рукописи ученых историков и

филологов), хотя работники института и библиотеки сопротивлялись, чтобы полностью не оголить ее уникальное собрание, однако значительная часть фондов была передана в библиотеки АН Украины и Киевского университета.

В "Описании автографов Н.В.Гоголя" (1952), сделанном И.Шубанским, значатся такие рукописи писателя из гоголевской коллекции:

1. Игроки и Театральный разъезд.
2. Мертвые души, т. I. Наброски к I тому.
3. Портрет.
4. Тарас Бульба. На л. 113 – черновой набросок к IX главе "Мертвых душ".
5. Тяжба и Лакейская.

В "Описи" указаны и письма Гоголя к Н.Прокоповичу и М.Максимовичу, о чем сказано в книге, но каждое из них представлено не в именной коллекции, а отдельно в хронологической последовательности с указанием адресата.

В разделе "Документы и другие материалы" значатся некоторые архивные источники, которые касаются учебы Гоголя в Гимназии высших наук кн. Безбородко в Нежине, изъятые из коллекции архива гимназии, связанной с подготовкой выставки к 50-летию со дня смерти писателя и хранившейся в Гоголевском музее института, о чем свидетельствует его печать:

1. Прощение Н.В.Гоголя о допущении его к экзамену для перевода в 4-е отделение по языкам [20 августа 1827 г.].
2. Показание Н.В.Гоголя во время допроса его в конференции в Нежинской гимназии по "Делу о вольнодумстве" [3 ноября 1827 г.].
3. Прощение на имя директора Нежинской гимназии Д.Э.Ясновского о выдаче Гоголю свидетельства об учении и поведении [10 октября 1828 г.].
4. Чертеж по полевой фортификации (1828).
5. Книга "Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя" (С.-Петербург, 1847) с дарственной надписью Гоголя семье Шевыревых: "Милому дому Шевыревых от их друга". Она сделана писателем на клочке бумаги, наклеенном на шмуцтитule книги, которая была куплена для Историко-филологического института его директором Н.А.Лавровским вместе со всей библиотекой проф. С.П.Шевырева у его сына Бориса Степановича в 1876 г. [8].

В 2008 г. нами был обнаружен список 5 известных глав II тома "Мертвых душ" Н.Гоголя, который расположен на 153 непрономерованных листах (306 страниц) размером 34х22 см, скрепленных вместе толстыми нитками в четырех местах. Ранее эта рукопись была в переплете, который по каким-то причинам утерян. Рукопись написана на листах, выпущенных фабрикой №4 Аристархова. Об этом на каждом листе свидетельствует выбитый и хорошо просматриваемый штамп.

На первом белом грязноватом от времени листе с пятнами от чернил имеются 2 надписи: в верхнем правом углу – Отъ, и ниже – подпись, а под ней год – 1851. Внизу листа посередине еще одна подпись другого лица. Все это необходимо уточнить и расшифровать. Более того, дата на титульном листе наталкивает на мысль: а был ли Гоголь знаком с этим списком второго тома поэмы? Однако более внимательное изучение списка привело к тому, что дата 1851 г. была взята под сомнение. Увеличение ее через технические средства дало возможность прочитать, что последняя единица в дате была кем-то исправлена из четверки. Поэтому установленная дата 1854 г. – это более достоверное время создания списка. На это указывают и примечания С.Шевырева, сделанные им в тексте второго тома "Мертвых душ" уже после смерти Гоголя.

К сожалению, рукопись пострадала. Верхняя часть левого угла была залита химическим веществом, которое разъело бумагу и образовало коричневое пятно. Бумага на нем частично осыпалась. Никаких печатей или других пометок на первом листе, как и на всем тексте списка, нет. Отсутствует последний лист рукописи.

По тексту имеются карандашные исправления слов. Список переписывался несколькими лицами, о чем свидетельствуют различные почерка.

Со второго листа с обеих его сторон аккуратным, разборчивым почерком переписан текст первой главы второго тома "Мертвых душ". Конец первой главы и вся вторая глава переписаны другим лицом, но также четким и хорошо читаемым почерком. Третья глава и часть четвертой переписаны несколько растянутым почерком с графически нечетким начертанием букв, поэтому текст трудно читать. Вторая часть четвертой и пятая главы переписаны еще одним лицом с хорошим почерком.

Как попал этот список в Нежин, трудно ныне сказать точно. У нас была надежда, что новонайденный список будет числиться среди книг и рукописей в библиотеке профессора Шевырева,

приобретенной Историко-филологическим институтом кн. Безбородко. Однако в "Шевыревском каталоге" – "Документальный каталог книг библиотеки института кн. Безбородко (бывшей Шевырева)" (1877) этот список не значится.

И все же мы ближе к той истине, что этот список попал в Нежин именно вместе с библиотекой проф. С.Шевырева. А не вошел он в реестр книг лишь потому, что это был не оригинал второго тома "Мертвых душ", а его копия. Поэтому известный библиограф С.Пономарев, составлявший каталог, и не включил список в него. А когда в 1934 г. изымали все гоголевские рукописи, не обратили на него внимания. Могли утаить его и работники библиотеки. Нашу догадку подтверждают также два списка второго тома "Мертвых душ", которые хранятся в Киеве в Институте рукописи, так как они попали в хранилище библиотеки им. В.Вернадского из Нежина, о чем говорят их паспортные данные.

Возможно, были и другие пути появления этого списка поэмы Гоголя в Нежине, в частности, через профессоров или выпускников Нежинской высшей школы, например Н.Гербея, который способствовал передаче писем Н.Прокоповича в нежинскую коллекцию. Однако, как бы там ни было, список есть, и он заслуживает на его изучение.

Новонайденный список глав второго тома "Мертвых душ" нами был сопоставлен с текстами двух редакций, напечатанных в VII томе Полного собрания сочинений Н.Гоголя [9, далее ссылки даются в тексте на это издание] и совпадающих с публикацией глав второго тома поэмы, опубликованных П.Кулишом в 1857 г. [10], который в предисловии к изданию замечает: "Гоголь много раз принимался исправлять и переделывать свое сочинение. Для нас очень интересно знать, как Гоголь поправлял у себя то, чем он оставался некоторое время доволен, и поэтому я решился напечатать второй том "Мертвых душ" в двояком виде: сперва так, как он был переписан набело рукой Гоголя, а потом (сколько было возможно) в том виде, в каком Гоголь желал представить его публике". В этом же виде эти главы и воспроизводятся в академическом издании 1951 г.

Сопоставление глав новонайденного списка и первоначальных глав и редакций академического издания дает нам право утверждать, что это комбинированный текст первого и последнего слоев опубликованных текстов с дополнениями и уточнениями, а также соответствующей правкой.

В примечаниях к академическому изданию говорится: "В Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, в Московском университете и в Институте украинской литературы Академии Наук УССР в Киеве имеется шесть рукописных списков с несохранившегося экземпляра копии, сделанной С.П.Шевыревым с автографа. Между текстом сохранившегося подлинника и рукописными копиями, а также первопечатным текстом имеются разночтения. Однако эти разночтения по своему характеру не могут свидетельствовать о том, что в распоряжении С.П.Шевырева имелся еще какой либо, не дошедший до нас первоисточник [Т. VII, с. 424].

В новонайденном списке присутствуют редакторские заметки о содержании пропущенных глав, о чем говорит в предисловии к первому изданию глав второго тома Н.П.Трушковский: "В августе 1851 г. Гоголь прочел С.П.Шевыреву шесть глав совершенно оконченных к печати и седьмую почти готовую" [11]. Исходя из этого, авторы примечаний в академическом издании утверждают, что С.П.Шевырев лучше других знал содержание сожженной рукописи. "Ввиду этого имеет значение его редакторская заметка в конце второй главы в первом издании" [Т. VII, с. 424], а также в других местах.

Можно предположить, что новонайденный список и есть тот вариант рукописи, который послужил основой для первоначальной публикации глав второго тома "Мертвых душ". Но так ли это?

В чем же отличие новонайденного списка глав второго тома "Мертвых душ" от академического издания? Для сравнения нами был взят первый текст указанного академического издания (Т. VII, с. 7–127). Кроме разночтений отдельных слов, фраз, предложений, пунктуаций, которая почти отсутствует в списке рукописи, есть и принципиальное отличие: встречаются фрагменты, которые напечатаны в академическом издании, но их нет в списке, и наоборот. Некоторые из них обнаружены нами в раннем варианте глав, опубликованных также в академическом издании – с. 131–270. Однако это не механическое соединение текста. Новонайденный список обработан, отредактирован, в него введены некоторые новые эпизоды, фразы, некоторые опущены, изменена форма прямой речи и т.п. Для примера демонстрируем три варианта текста эпизода "Встреча Тентетникова с крестьянами своего имени":

I академический вариант

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, мужики собрались к крыльцу. Кички, повязки, повойники, сороки, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его кругом. Когда раздались слова: "Кормилец наш! вспомнил..." и невольно заплакали старики и старухи, помнившие и его деда, и прадеда, не мог он сам удержаться от слёз. И думал он про себя: "Сколько любви! и за что? – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!" И дал он себе обет разделить с ними труды и занятия. И стал он хозяйничать, распоряжаться. Уменьшил барщину, убавив дни работ на помещика и прибавив времени мужику. Дурака-управителя выгнал. Сам стал входить во всё, показываться на полях, на гумне, на овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок, так что ленивые начинали даже почесываться. Но продолжалось это недолго (с. 19).

Ранний вариант

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, населенье всей деревни собралось к крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремели: "Кормилец, дождались мы тебя". Бабы заголосили: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подале даже подрались от усердия продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: "Соплюнчик ты

Новонайденный вариант

А между тем в деревне ожидало его другое зрелище. Узнав о приезде барина, мужики и бабы собрались к крыльцу, как сороки, кички, повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли весь двор. Мужики загремели: "Кормилец, дождались мы тебя!" Бабы заголосили: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подале даже подрались от усердия продраться. Дряхлая старушонка, похожая на сушеную грушу прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: "Да какой же ты жиденский! изморила

нащ, да какой же ты жиденькой! Изморила тебя окаянная немчура!" – "Пошла ты, баба", – закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. "Ишь куды полезла! корявая!" Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог не засмеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был глубоко в душе своей. "Сколько любви! и за что? – думал он в себе. – За то, что никогда не видал их, никогда не занимался ими. Отныне же даю слово разделить с вами труды и занятия ваши. Употреблю всё, чтобы помочь вам сделаться тем, чем вы должны быть, чем вам назначила быть ваша добрая, в вас же самих заключенная природа ваша, чтобы не даром была любовь ваша ко мне, чтобы я, точно, был кормилец ваш!" И действительно, Тентетников не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Он увидел на месте, что приказчик был, точно, баба и дурак со всеми качествами дрянного приказчика, то есть ввел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавленье ко всему, подозревал всех мужиков в покушеньи на

тебя окаянная немчура". "Пошла ты, баба", – закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. "Ишь куды полезла, корявая!" Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог не смеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был в душе своей. "Сколько любви! и за что? – думал он про себя. – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!" И дал он себе обет разделять с ними и труды, и занятия, и употребить все, чтобы помочь им сделаться тем, чем они должны быть, чем назначила им быть добрая, внутри их же самих заключенная природа, чтобы не даром была любовь их к нему, чтобы он точно был кормильцем их. И стал он хозяйничать, распоряжаться не на шутку. На месте увидел тотчас, что приказчик был баба и дурак, со всеми качествами дрянного приказчика, т.е. вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавление ко всему додогревал мужиков в покушении на жизнь свою. Дурака приказчика он выгнал, а на место его выбрал другого, бойкого. Оставил мелочи, обратился вни-

жизнь свою. Дурака приказчика он выгнал, на место его выбрал другого, бойкого; оставил мелочи, обратил внимание на главные части, уменьшил барщину, убавил дни работ на себя, прибавил времени мужикам работать на них самих и думал, что теперь дела пойдут наотличнейшим порядком. Сам стал входить во все, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонов. "Да он, вишь ты, остроногий!" – стали говорить мужики и даже почесывать в затылках потому что от долговременного бабьего управления они все изрядно поизленились. Но это продолжалось недолго (с. 140).

мание на главные части: уменьшил барщину, убавил дни работ на помещика и прибавил времени мужику. Сам стал входить во всё, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок. "Да он, вишь ты, остроногий!" – стали говорить мужики и даже обленившиеся начинали даже почесываться. Но продолжалось это недолго.

Как видим, в фрагменте академического текста Гоголь подчеркивает патриархальное, традиционное преклонение крестьян перед баринном, а в новонайденном списке, как и в ранней рукописи, выделяется прежде всего грубость мужиков. Сопоставление трех вариантов текста дало возможность увидеть, что они не идентичны.

Довольно часто встречаются в вариантах текста по-разному произведенные близкие по содержанию фрагменты. В некоторых случаях они шире в академическом издании и уже в новонайденном списке, и наоборот. Например, в академическом тексте:

"Во ржи бьет перепел, в траве дергает дергун, над ним урчат и чиликают перелетающие коноплянки, блеет поднявшийся на воздух барашек, трелит жаворонок, исчезая в свете, и звонами труб отдается гурлыканье журавлей, строящих в треугольнике свои вереницы в небесах высоко, откликается вся в звуки превратившаяся окрестность" [Т. VII, с. 21].

В новонайденном списке: "Бьет перепел во ржи, дергает в траве дергун, урчат и чирикают перелетающие коноплянки, по

невидимой воздушной лестнице сыплются трели жаворонков и звонами труб отдаленное гурлыканье журавлей, строящих треугольники свои в небесах, и откликается вся в звуки превратившаяся окрестность".

В некоторых местах списка расширялось или углублялось описание действий, поступков персонажей, их состояние. Вот характеристика Тентетникова во время встречи с Улинькой: в академическом тексте: "Точно то же случилось с нею и с Тентетниковым. Неизъяснимое новое чувство вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновение озарилась" [Т. VII, с. 24].

В новонайденном списке после последних слов академического текста идет новый текст: "Точно то же случилось с Тентетниковым, ему показалось с первого дня знакомства, что он был знаком с нею вечно. Неизъяснимое новое чувство вошло ему в душу. Скучная жизнь его на мгновение озарилась, халат на время был оставлен. Не так долго копался он на кровати, не так долго стоял Михайло с рушником в руках, растворились окна в комнатах, и часто владетель картинного поместья долго ходил по темным излучинам своего сада, ему уже чуждого и останавливался по часам пред пленительными водами на отдалении".

Подобное наблюдаем и в эпизоде об учителе Ивана Андреевича Тентетникова. В нежинскую рукопись полностью вошел первый академический вариант, кроме предложения "Не было у него и речи к ним о хорошем поведении" в середине текста, а также конечных слов, завершающих этот рассказ: "Его малейшее обозрение уже бросало в дрожь, в радость и в трепет и [толкало] честолюбивое желание всех превзойти".

Сравним три текста эпизода об учителе Ивана Андреевича Тентетникова:

Первый академический текст (с. 11–12)	Рукопись	Ранняя редакция (с. 134–135)
Родятся ли уже такие характеры, или потом образуются, как порождение печальных обстоятельств, сурово обстановка...	Родятся ли уже <u>сами собою</u> такие характеры, или образуются <u>потом</u> , как порождение обстоятельств, сурово обстановка...	Родятся ли уж <u>сами собою</u> такие характеры, или <u>создаются потом, это еще во-прос. Я думаю, что лучше</u> , вместо ответа

<p>щих человека? Вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания и детства. Казалось, все клонилось к тому, чтобы вышло из него что-то путное. Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полудумчивого свойства, полуболезненный, попал он в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, диво воспитателей, несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как знал он свойства русского человека! Как знал он детей! Как умел двигать! Не было шалуна, который, сделавши шалость, не пришел к нему сам и не повинился во всем. Этого мало. Он получал строгий выговор, но уходил от него не повесивши нос, но подняв его. И было что-то одобряющее,</p>	<p>ющих человека? Вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания из детства. Казалось, все клонилось к тому, чтобы вышло из него что-то путное. Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полудумчивого свойства, полуболезненный, попал в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, воспитатель диво, несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как знал он свойства русского человека! Как знал он детей! Как умел двигать их! Не было шалуна, который, сделавши шалость, не пришел бы к нему сам и не повинился во всем. Этого мало. Шалун уходил от него не повесивши нос, но подняв его, с полной готовностью заглаживать поступок. В самом упреке Алек-</p>	<p>рассказать историю детства и воспитанья <u>Андрея Ивановича. В детстве был он остроумный, талантливый мальчик, то живой, то задумчивый. Счастливым или несчастливым случаем попал он в такое училище, где был директором человек в своем роде необыкновенный, несмотря на некоторые причуды. Александр Петрович имел дар слышать природу русского человека и знал язык, которым нужно говорить с ним. Никто из детей не уходил от него с повиснувшим носом; напротив, даже после строжишего выговора, чувствовал он какую-то бодрость и желанье загладить произведеную пакость и проступок. Толпа воспитанников его была с виду так шаловлива, развязна и жива, что иной принял бы ее за беспорядочную необузданную вольницу. Но он обманулся бы: власть одного слишком была</u></p>
---	--	---

<p>что-то говорившее: "Вперед! Поднимайся скорее на ноги, не смотря, что ты упал". <u>Не было у него и речи к ним о хорошем поведении.</u> Он обыкновенно говорил: "Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою". И точно, шалости исчезали сами собою. Презренью товарищей подвергался тот, кто не стремился быть лучше. Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем. "Это уж слишком!" – говорили многие: "умники выйдут люди заносчивые". – "Нет, это не слишком", говорил он: "неспособных я не держу долго; с них довольно одного курса, а для умных у меня другой курс. И меня другой курс. И точно, все способные</p>	<p><u>сандра Петровича</u> было что-то одобряющее, что-то говорившее: <u>подымайся выше,</u> несмотря на то, что ты упал. <u>Честолюбие он называл силою толкающую вперед способности человека, и потому особенно старался возбудить его.</u> Он обыкновенно говорил: "Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою". И точно, шалости исчезали сами собою. <u>Насмешкам и презрению товарищей подвергался тот,</u> кто не стремился быть лучше. Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем. "Это уж слишком!" – говорили многие: "умники выйдут люди заносчивые". – "Нет, это не слишком", говорил он,</p>	<p><u>сильна в этой вольнице. Не было проказника и шалуна,</u> который бы не пришел к нему сам и не расказал всего, что ни напроказил. Малейшее движение их помышлений было ему известно. Во всем поступал он необыкновенно. Он говорил, <u>что прежде всего следует пробудить в человеке честолюбье,</u> – он называл честолюбье силою, толкающею вперед человека, – <u>без которого не подвигнешь его на деятельность.</u> Многих резвостей и шалостей он не удерживал, <u>в первоначальных резвостях</u> видел он развивающиеся свойства душевные. <u>Они были ему нужны затем, чтобы видеть, что такое именно таится в ребенке.</u> Так умный врач <u>глядит спокойно на появляющиеся временные припадки и сыпи, показывающиеся на теле, не истребляет их, но всматривается вни-</u></p>
--	---	--

<p>выдерживали у него другой курс. Многих резвостей он не удерживал, видя в них начало развития свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу: затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека. Как любили все его мальчишки! Нет, никогда не бывает такой привязанности у детей к своим родителям. Нет, ни даже в безумные годы безумных увлечений не бывает так сильна неугасимая страсть, как сильна была любовь к нему. До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего чудного воспитателя, уже давно бывшего в могиле, оставаясь, закрыв глаза, и лил слезы по нему. <u>Его малейшее обзрение уже бросало в дрожь, в радость и в трепет и [толкало] честолюбивое желание всех превзойти.</u></p>	<p>"неспособных я не держу долго; с них довольно одного курса, а для умных у меня другой. <u>Малейшее движение их помышлений было ему известно. С виду как будто бы он и не глядел, но как сокрытый глаз из недоступной сени, следил он все наклоности и способности их, и потому многих резвостей он не удерживал, видя в них начало развития свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.</u> Как любили его все мальчишки! Не всегда бывает <u>так сильна привязанность</u> у детей к своим родителям. Нет! даже в безумные годы увлечений не бывает так сильна неугасимая страсть, как сильна была любовь к нему, До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв</p>	<p><u>мательно,</u> желая узнать досто<верно>. (далее текст обрывается)</p>
---	---	---

<p>Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенький курс.</p>	<p>бокал в день рождения своего воспитателя, уже давно бывшего в могиле, закрывшим глаза и лил по нем слезы. <u>Множество всяких сведений и предметов он считал излишним и мешающим самобытному развитию ума. Бессмысленно глупых гимнастических коверканий, которые завели французы, у него не было, а наместо их ручные ремесла для занятия в саду, укрепляющие тело.</u> Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенький курс.</p>	
---	--	--

Как видим, нежинский текст расширен за счет введения новых слов и предложений, а также трех вставок. Одна из них касается раскрытия понятия "честолюбие". Эта вставка здесь важна потому, что указывает дополнительно на одну из составных воспитательной системы молодежи Александром Петровичем. Другая касается умения педагога глубоко проникать в сущность поступков юношества, что давало ему возможность пропускать те из них, которые развивали в них положительные качества. Завершает эту часть текста сообщение, которое, с одной стороны, дополняет педагогическую программу воспитателя, касающуюся перегрузки юношей излишними предметами и сведениями, и, с другой стороны, обращает внимание педагога на практическую сторону обучения и воспитания детей. Как видим, эти дополнения углубляют педагогические взгляды преподавателя и объясняют,

чем вызвана любовь юношества к Александру Петровичу. Подчеркнутые слова ранней редакции указывают на то, что сам ее текст очень отличается как от первого академического, так и от нежинского списка.

Иногда в переработанном тексте появляется многочисленное количество деталей, которые расширяют описываемую обстановку, уточняют важные ситуации, помогающие раскрыть целеустремленность персонажей и т.п. Так, эпизод, представленный в академическом тексте, который связан со знакомством Чичикова с хозяйством Тентетникова, дан в кратком изложении: "Чичиков везде побывал. Перетолковал и переговорил и с приказчиком, и с мужиком, и мельником. Узнал все, обо всем, и что и как, и каким образом хозяйство идет, и думал внутренно: "Какая, однако же, скотина Тентетников! Какое имение и этак запустить. Можно бы иметь 50 тысяч годового доходу" [Т. VII, с. 31].

Этот же текст в новонайденном списке обилует многими деталями, которые характеризуют как бесхозяйственность Тентетникова, так и практичность Чичикова. Текст наполовину расширен, о чем свидетельствуют выделенные предложения: "Чичиков побывал везде, говорил и толковал и с приказчиком, и с мужиком, и с мельником. Узнал все, обо всем, и что и как, и каким образом идет хозяйство, и каких урожаев можно ожидать, и насколько продается хлеба, и что отбирают осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве, и где купил корову и чем кормит свинью, словом все. Узнал и то, сколько померло мужиков, – оказалось немного: как умный человек, заметил вдруг, что не завидно идет хозяйство у Андрея Ивановича. Повсюду упущения, нерадения, воровство, немало и пьянства. И мысленно он говорил сам себе: "Какая же, однако, скотина Тентетников! Запустил такое имение, которое могло бы приносить 50 тысяч годового дохода!" И не будучи в силах удержать справедливого негодования, повторял он: "решительная скотина".

Нежинский текст здесь интересен не только конкретной детализацией хозяйственных интересов Чичикова как коммерческого человека, который подсчитывал потерянные доходы Тентетникова, но и введением в текст сведений, ради которых совершает свое путешествие Павел Иванович – мертвые души. Любопытно и само построение текста как структурной языковой единицы, в

частности, использование однородных членов предложения, выраженных различными частями речи.

Обратим внимание на то, что во всем тексте глав второго тома "Мертвых душ" нежинского списка слова типа: угощение, изумление, почтение, положение и т.п. заканчиваются на -ие, а в академическом тексте – на -ьи.

Текст второй главы, в котором повествуется о встрече Чичикова с генералом Бетрищевым, как и первой, обилует многими изменениями слов, уточнений, добавлений. В списке же имеется значительная вставка, которая дает возможность расширить характеристику Чичикова и разоблачить судейский чиновничий мир. В беседе с генералом Чичиков рассказывает поучительную историю, которая носит анекдотический характер. Это повествование отсутствует полностью в академическом тексте, но присутствует в ранней редакции, и идет в новонайденном списке после слов: "Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!" [Т. VII, с. 42]. В нежинском списке:

"А изволили, Ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о том, что такое полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит!" – сказал Чичиков, обратясь к генералу с улыбкой уже несколько плутоватой.

Нет не слыхал!

Симпатический анекдот, Ваше превосходительство. В имении, Ваше превосходительство, у князя Гунзаковского, которого без сомнения, Ваше превосходительство, изволите знать.

Не знаю.

Был управитель, Ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут и прочего, имел он надобность приезжать в город, водиться с судейскими ну и... сами изволите знать подмазывать им (Чичиков прищуря глаз, выразил в лице своем как подмазываются судейским). Впрочем и они угощали его, так что один раз, обедая у них, он говорил: "Что же господа, когда-нибудь и ко мне, в имение к князю! Те говорят приедем. В непродолжительном времени, Ваше превосходительство, случилось выехать суду на следствие по делу приключившемуся с владением графа Трехметьева, которого, Ваше превосходительство, без сомнения то же изволите знать.

Не знаю.

Самого то следствия они не сделали, а заворотили всем судом к графскому эконому, да три дня и три ночи, не переводя духу и прокозыряли в карты. Самовар и пунш, Ваше превосходительство, со стола не сходят. Старику то графскому уж они засели так сказать в горле (Чичиков показал себе на горло). Чтобы какнибудь от них отделаться он и говорит: "Вы бы господу заехали к княжескому управляющему, немцу, он недалеко отсюда и вас ждет. А и в самом деле говорят он же нас и звал. И все это как было заспанное, небритое, на телеге да к немцу... А немец, Ваше превосходительство, только что женился. Женился на институтке молоденькой, сублильной (Чичиков выразил в лице своем сублильность). Находясь так сказать в медовом месяце, сидят они вроде двух ангельчиков за чаем. Вдруг отворяются двери и ввалилось сонмище.

Воображаю, хороши, сказал генерал, смеясь.

Немца так поразило, Ваше превосходительство, что потерялся совсем. Подходит к ним и говорит: что вам угодно? А говорят они, так вот ты как! Перемена декораций, другой оборот, другая речь: "За делом: сколько вина выкуривается при имении? Покажите книги. Тот туда-сюда, эй понятых. Взяли, связали да в город. Да полтора года и просидел немец в тюрьме.

Вот на! сказал генерал.

Улинька сплеснула руками.

Жена, Ваше превосходительство, хлопотать; но что ж может какая-нибудь неискушенная, так сказать, горнилом опыта, молодая женщина? Спасибо что – случились добрые люди, которые научили пойти на мировую. Отделался немец, Ваше превосходительство, двумя тысячами да угостительным обедом. Да уже за обедом, когда все уже того... и он также, говоря просто налимонились, они и говорят ему, вот видишь: погнушался нами! Ты все бы хотел видеть выбритых. Нет, ты полюби нас черненьких, а беленькими нас всякий полюбят.

Генерал расхохотался".

Сопоставление этого рассказа Чичикова о "черненьких и беленьких", который подсказан Гоголю М.Щепкиным, дало возможность уточнить, что составитель текста не просто соединил две ныне существующие академические редакции, а использовал и существующие варианты. Особенно это касается текста ранней редакции. После слов: "Воображаю, хороши!" – сказал генерал" и

до слов "Генерал расхохотался" идет приведенный нами в ново-найденном варианте текст. Выделенные нами слова свидетельствуют, что тексты ранней редакции и нежинского списка не идентичны.

Еще одна отличительная особенность концовки II главы. В новонайденном списке есть текст, который отсутствует в обоих сравниваемых редакциях. Это слова создателя нежинского текста, который сообщает о дальнейшем развитии действия: "Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым, обед у генерала и беседа их о двенадцатом годе, помолвка Улиньки и Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери, беседа помолвленных в саду, Чичиков отправляется по поручению генерала Бетрищева к родственникам его для извещения о помолвке дочери, едет к одному из этих родственников полковнику Кошкареву".

Эти слова П.Кулиш в публикации второго тома "Мертвых душ" повторяет после окончания второй главы в обоих вариантах (с. 301 и с. 441–442) в качестве "Примечаний С.П.Шевырева". Таким образом, П.Кулиш знал о рукописи, написанной профессором С.П.Шевыревым.

Третья глава насыщена небольшими уточнениями в тексте, вариантами слов и предложений. Так, например, в академическом тексте в рассказе о распоряжении Петуха своему повару автор после слов: "И как заказывал! У мертвого бы родился аппетит" [Т. VII, с. 56] в новонайденном списке идет дополнение: "и губами подсасывал и причвякивал. Да подпарь, да дай взапреть хорошенько. А повар приговаривал тоненькой фистулой "слушаюсь! малина-с и так".

Казалось бы, на первый взгляд, небольшие уточнения, но они часто раскрывают или дополняют какую-то черту характера персонажа. Сравним два варианта текста, посвященные размышлению Костанжогло о человеколюбии.

В академическом тексте: "В человеколюбье пойдет – сделается Дон-Кишотом человеколюбья: настроит на миллион рублей бестолковейших больниц да заведений с колоннами, разорится да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье" [Т. VII, с. 68].

В нежинском списке: "В человеколюбие пойдет русский человек делается и тут донкишотом. Человеколюбив построит на миллион бестолковых больниц да заведений с колоннами,

разорится, да и пустит всех по миру. Вот тебе и человеколюбие. Дурачье, ослы. Рассердившись Костанжогло плюнул".

Как и в предыдущей главе, здесь также встречаем замечание переписчика о пропущенном тексте. После слов в академическом издании: "Позвольте, почтеннейший, вновь обратить вас к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том как быть как поступить, как лучше приняться..." [Т. VII, с. 70] в новонайденном списке обозначено в скобках: "Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупного имения соседа его помещика Хлобуева".

В новонайденном списке нет таких обозначений, как "неразборчиво", что встречаем в академическом да и в раннем варианте текста. Ощущается, что он переписывался набело со всеми уточнениями и редакторской правкой. Поэтому он в стилистическом отношении более точен.

Четвертая глава также отличается многообразием исправлений, уточнений, вариантов. Так, после описания земель Костанжогло идет характеристика поместья Хлобуева. В академическом тексте она дана в таком виде: "Все провожали леса в смещении с лугами. Ни одна травка не была здесь даром, все как в божьем мире, все казалось садом. Но <1 нрзб> невольню, когда началась земля Хлобуева: скотом объединенные кустарники на место лесов, тощая, едва подымавшаяся заглушенная куколем [рожь]. Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их в черне каменный необитаемый дом. Крыши, видно, не на что было сде<лать>. Так он и остался покрытый сверху соломой и почернел. Хозяин жил в другом доме одноэтажном. Он выбежал к ним навстречу в старом сюртуке, растрепанный и <в> дырявых сапогах, заспанный и опустившийся, но было что-то доброе в лице. Обрадовался им как бог весть чему" [Т. VII, с. 79].

В ранней редакции этот текст совсем отсутствует. В новонайденном списке он дан в несколько иной интерпретации: "Как только они прекратились, все пошло иначе: хлеб жиденский, на место лесов пни. Деревенька, несмотря на красивое местоположение, показывала издали запущение. Новый каменный дом, необитаемый, оставшийся в черне, выглянул прежде всего, за ним другой обитаемый, но маленький и старенький. Хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося. Ему было

лет сорок. Галстук у него был повязан на сторону; на скюртуке была заплатка, на сапоге дырка. Приезду гостей он обрадовался, как бог весть чему".

Эти же слова находим в публикации П.Кулиша в варианте "исправленного вида" (с. 476), но ни первого, ни второго текстов нет "в первоначальном виде", однако в тексте "исправленного вида" эти отрывки присутствуют оба. После приведенного выше текста: "Как только они прекратились, все пошло иначе..." идет ссылка на то, что в гоголевском оригинале рукописи, по свидетельству П.Кулиша, "с боку карандашом" дан полностью приведенный выше текст, начинающийся словами: "Все провожали леса в смешении с лугами" (с. 477).

В некоторых местах новонайденного списка текст по сравнению с академическим то суживался, концентрировался, наполнялся диалогом, то заменялся совершенно другим. Сравним два текста. Академический: "Так говоря, обошли они избы, потом проехали в коляске по лугам. Места были бы хороши, если бы не были вырублены. Открылись виды: в стороне засинел бок возвышенностей тех самых, где еще недавно был Чичиков. Но ни деревни Тентетникова, ни генерала Бетрищева нельзя было увидеть. Они были заслонены горами. Опустившись вниз к лугам, где был один только ивняк и низкий топольник, высокие деревья были срублены. Они навестили плохую водяную мельницу, видели реку, по которой бы можно было сплавить, если б только было что сплавить. Изредка кое-где паслась тощая скотина. Обсмотревши, не вставая с коляски, они воротились снова <в> деревню, где встретили на улице мужика, который, почесав у себя рукою пониже <спины>, так зевнул, что перепугал даже старостиних индеек. Зевота была видна на всех строениях: крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. Заплата на заплате. На одной избе вместо крыши лежали целиком ворота" [Т. VII, с. 84].

В нежинском списке вместо этого текста вставлен следующий: "Но вот мы кажется и все осмотрели. Больше ничего нет. Хотите разве взглянуть на мельницу, впрочем в ней нет колес да и строение никуда не годится.

Что же и рассматривать, – сказал Чичиков.

В таком случае пойдем домой.

И они все направили шаги к дому. На возвратном пути были виды те же. Неопрятный беспорядок так и выказывал отовсюду

безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба в замасленной дерюге, прибила до полусмерти бедную девчонку и ругала на все бока всех чертей. Подальше два мужика глядели с полнейшим равнодушием на гнев бабы. Один чесал у себя пониже спины, другой зевал. Зевота видна была на строениях, которые также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул.

Мое то будущее достояние, мужики, – подумал Чичиков, дыра на дыре и заплата на заплате! И точно на одной избе вместо крыши лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, сташенными с господского амбара".

Этот текст, кроме выделенного, полностью повторяет ранний вариант, опубликованный в академическом издании [Т. VII, с. 214–215].

Некоторые тексты, напечатанные в академическом издании, в списке расширены. Так, например, в академическом издании текст: "Сделай мне такое одолжение, сказал он вдруг, обратясь <к Платонову>: "На будущей неделе я даю обед всем сановникам в городе...", в новонайденном списке он совершенно изменен: "Бог с нею, может и успеет.

Дурак! Подумал Чичиков. Да я бы за такой тетушкой ухаживал, как нянька за ребенком.

Что ж, ведь этак разговаривать сухо! – сказал Хлобуев. – Эй Кирюша! принеси ка еще другую бутылку шампанского.

Нет, нет, я больше не буду пить, сказал Платонов.

Я так же сказал Чичиков и оба отказались они решительно.

Ну так, по крайней мере, дайте мне слово у меня побывать в городе 8 июня, я даю обед нашим городским сановникам.

Послушайте, вскрикнул Платонов, В таком случае разорившись совершенно, а еще обед?

Что же делать? Нельзя это долг сказал Хлобуев. Они меня так же угощали".

Этот текст почти полностью совпадает с ранней редакцией, напечатанной в академическом издании [Т. VII, с. 219].

Некоторые части текста в нежинском списке переделывались до неузнаваемости, при этом усиливались конкретные размышления, в частности, о выгодности покупки Чичиковым имения Хлобуева, и здесь снова упоминаются мертвые души. В академическом варианте этот текст сокращался, а в списке углублялся и расширялся.

Сравним, как и прежде, два отрывка, которые подверглись коренным образом изменениям.

Текст академического издания:

"Как бы то ни было, но, очутившись вдруг после фантастического, настоящим, действительным владельцем уже не фантастического имения, он стал задумчив, и предложения и мысли стали степенней и давали невольно значительное выражение лицу. "Терпенье! Труд! Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских. Мне они не в новость. Но станет ли теперь, в эти годы, столько терпенья, сколько в молодости?" Как бы то ни было, он думал о том, как последуют (?) посевы, как он бросит все глупые затеи, как будет рано вставать по утрам, как до восхода солнца распорядится, как будет весело глядеть на это возрастанье и процветанье имения; как весело потом глядеть и на детей. "Право, это настоящая жизнь. Прав Костанжогло". И самое лицо Чичикова стало как бы становиться лучше от этих мыслей. Так уже одно помышление о законном <?> облагораживает человека. Но как всегда бывает с человеком, вдруг вслед за одной мыслью налетела противоположная. "А можно поступить даже и так", – подумал <Чичиков>: – что сначала выпродав по частям лучшие земли, заложить потом имение в ломбард вместе с мерзавцами. Можно даже и самому улизнуть, не заплатив даже и Костанжогло. Старая мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза! И кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Словом, во всяком случае покупка была выгодна. Он почувствовал удовольствие, – удовольствие от того, что стал теперь помещиком – помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и угодья, и люди. Люди не мечтательные, в воображении пребываемые, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому" [Т. VII, с. 89].

Текст в списке сконцентрирован на мысли Чичикова, что делать с приобретенным имением, а также самооценкой своей личности. С академическим текстом совпадают лишь выделенные слова.

"Как ни рассматривал он, на какую сторону оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодная. Можно было

поступить так, чтобы заложить одних только мертвецов и беглых. Можно было поступить и так, чтобы прежде выпродать по частям все лучшие земли, а потом уже заложить в ломбард. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком по образу Костанжогло, пользуясь его советами, как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные руки имение (разумеется, если не захочется самому хозяйствовать), оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него займы. Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала, дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза. Да и кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Он почувствовал удовольствие от того, что стал теперь помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и уголья, и люди не мечтательные, не в воображении пребывающие, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому и вытрубил на кулаке, как бы на трубе какой-то марш. И даже выговаривал вслух несколько поощрительных слов и названий себе самому в роде мордашки и каплунчика. Но потом, вспомнив, что он не один, притихнул, вдруг постарался кое как унять неумеренный порыв восторга и когда Платонов, принявши кое какие из этих звуков на обращенную к нему речь, спросил у него: чего? Он отвечал: ничего".

Прочитированный текст интересен тем, что здесь соединено несколько слоев сохранившихся вариантов. Сначала идет текст ранней рукописи со слов: "Как ни рассматривал он, на какую сторону оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодна" и заканчивая словами: "Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него займы". В этом отрывке есть несколько разночтений с новонайденным текстом, в частности в написании фамилии Костанжогло, в ранней редакции он именуется то Попонжогло, то Скудронжогло.

Далее в нежинском списке идет текст основной академической рукописи от слов: "Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел..." и заканчивая: "И понемногу начал он и

подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому". Он отсутствует в ранней рукописи. И завершает этот отрывок текст со слов: "И вытрубил на кулак, как бы на трубе какой-то марш..." и до конца абзаца: "Он отвечал: ничего", который присутствует только в новонайденном списке.

Трехслойность текста подтверждает еще раз, что текст нежинского списка – это один из завершенных, ибо в нем учитываются ранее созданные тексты.

Завершается IV глава, как и предыдущая, замечанием составителя текста новонайденного списка, человек, который хорошо знал все главы II тома "Мертвых душ" Гоголя и мог утвердительно заявить: "Здесь пропуск: Чичиков улаживал дела между Ленициным и Платоновыми, потом едет к Хансаревой старухе и составляет фальшивое завещание".

В начале Заключительной главы новонайденного списка, в котором она значится V главой, есть три больших вставки, которые играют важную роль как в жизни Чичикова, так и всего последующего развития действия. Это прежде всего фрагмент, посвященный встречи Чичикова с юрисконсультутом. Гоголь очень тонко раскрывает механизм использования бюрократического аппарата и делопроизводства для решения вопросов, выгодных чиновникам. Это не переделка какого-то варианта, а новый текст, дополняющий предыдущий. В новонайденном списке читаем: "Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалясь на диване, торговался с заезжим контрабандистом, купцом жидовского происхождения и немецкого выговора, и перед ним уже лежала купленная штука первейшего голландского полотна на рубашки и две бумажные коробки с отличнейшим мылом первостепеннейшего свойства; это было мыло то самое, какое он некогда приобретал на Радзавиловской таможене. Оно было действительно первое по непостижимому свойству сообщать нежность и белизну щекам изумительную. В то время, когда он как знаток покупал эти необходимые для воспитанного человека продукты, раздался гром подъехавшей кареты, отозвавшийся легким дрожанием комнатных окон и стен, и вошел его превосходительство Алексей Иванович Липицын.

На суд вашего превосходительства предоставляю каково полотно? и какое мыло? и какова эта вчерашнего дня купленная вещица?

При этом Чичиков надел на голову ермолку и вышитую золотом и бусами и очутился как персидский шах, исполненный достоинства и величия. Но его превосходительство, не отвечая на вопросы, сказал с озабоченным видом: "Мне нужно с вами поговорить о деле".

В лице заметны были и озабоченность и расстройство. Почтенный купец немецкого выговора был тот же час выслан и они остались одни".

После этих слов идет довольно большой текст, которого нет в первом академическом, но присутствует в раннем варианте с некоторыми изменениями, уточнениями и стилистической правкой. Он начинается словами: "Знаете ли вы, какая неприятность! Отыскалось другое завещание старухи..." и заканчивается: "Каких цветов пожелаете иметь, спросил купец, все так приятно колеблясь на двух опершихся в стол руках" [Т. VII, с. 230–235].

Через несколько страниц в Заключительной главе первого варианта вновь появляются большие текстовые вставки из ранней редакции, которые переходят в новонайденный список. Так, на с. 100 текст от слов "И вдруг увидел входящего Муразова. "Ах, боже, Афанасий Васильевич. Как здоровье ваше?" и до слов "Вас жду, Семен Семенович", сказал Муразов", который составляет несколько маленьких абзацев, заменен большим расширенным текстом из ранней рукописи [Т. VII, с. 236–238] и введен в нежинский список с некоторыми уточнениями и изменениями. Здесь появляется новый персонаж Вышнепопрамов. Интересны размышления Хлобуева о возможном использовании 10 миллионов.

В новонайденном списке рассказ о миллионщике Иване Потаповиче совпадает в несколько усовершенствованном виде с текстом, который дан в ранней редакции, хотя в первом варианте он идет в несколько иной интерпретации. В этом случае Гоголь сохраняет лишь основную мысль описанного в разных редакциях эпизода.

В тексте V заключительной главы новонайденного списка обнаружена еще одна своеобразная особенность, которая ранее не встречалась: это наличие описания одного и того же эпизода в двух вариантах и помещение их в тексте один за другим.

Так, эпизод о предложении Муразова Хлобуеву поехать по городам и самим собирать деньги на строительство храма с благородной целью: спасение души своей, нравственное

возрождение, воспроизводимый в первой редакции академического издания, повторяется в несколько измененном виде в нежинском списке. Однако в конце текста после слов: "Повинуюсь вам и принимаю не иначе, как за указание божие". "Господи, благослови", сказал он внутренне и почувствовал, что бодрость и сила стала проникать к нему в душу. Самый ум его как бы стал пробуждаться надеждой на исход из своего печальнонеисходного положения. Свет стал мерцать вдали..." [Т. VII, с. 104–105] составитель новонайденного списка в скобках замечает: "Тот же самый рассказ, но в виде более пространным. Предыдущий, как видно, был сокращением последующего". И далее идет измененный частично текст, который находим в ранней рукописи. Он совершенно изменяет целевую установку того дела, которое поручает Муразов Хлобуеву. Кроме денег, которые Хлобуеву необходимо собрать на строительство церкви, он должен также выявлять всех тех, кто недоволен властью, подстрекает к бунту, т.е. следить за неблагонадежными, а затем докладывать об этом генерал-губернатору. Это даст возможность доносителю Хлобуеву занять более выгодное место по службе. Как видим, Гоголь совершенно меняет основу благородного дела, которая ранее была связана нравственным усовершенствованием человека, в частности, Хлобуева.

Зачем понадобилось составителю давать одновременно два текстовых эпизода, трудно сказать. Но сам по себе эксперимент интересен.

В представленном нами читателям нежинском списке мы обратили внимание лишь на самые большие изменения текста в сравнении с академическим. Но и они дают возможность представить, как шел авторский поиск развития действия, характеристики не только Чичикова, но и новых персонажей, которые появляются в поэме.

Новый список выдвигает ряд вопросов, на которые необходимо ответить, в частности, какое место он занимает среди других текстовых вариантов. Карандашные исправления слов в списке даются в таком же написании, что и в опубликованном академическом тексте. Но в последнем нет приведенных нами выше отрывков, и наоборот, в нем, как мы указывали выше, есть такие места, которых нет в новонайденном списке.

Завершая сопоставительную работу нежинского списка с опубликованными главами академического издания, а также двумя

текстами второго тома "Мертвых душ" в издании П.Кулиша, мы пришли к выводу, что новонайденный список отличается от всех других своей полнотой и отредактированностью текста и может служить основой для нового издания Полного собрания сочинений Гоголя.

Далее нами в книге полностью представлена текстологическая работа сравниваемых текстов второго тома "Мертвых душ". Чтобы выяснить особенности нежинского списка, нами взят за основу академический текст "Мертвых душ" с его вариантами и сопоставлен с ним. В подстрочнике указаны расхождения в написании слов, а также приводятся отсутствующие в академическом издании тексты или их варианты, но присутствующие в нежинском списке.

Литература

1. Самойленко Г. В. Ніжинська вища школа: сторінки історії / Г. В. Самойленко, О. Г. Самойленко. – Ніжин, 2005 ; Самойленко Г. Николай Гоголь и Нежин / Г. Самойленко. – Нежин, 2008.

2. Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1882. – Т. VII. – С. 1–82. В этом же томе С.И.Пономарев опубликовал библиографическую статью "Памяти Гоголя. Материалы для библиографии литературы о нем" (с. 1–60).

3. Петухов Е. В. Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко / Е. В. Петухов. – К., 1895. – 56 с.

4. Сперанский М. Н. Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1900. – Т. 18. – С. 1–143 ; 1901. – Т. 19. – С. I–VIII, 1–39 ; 1904. – Т. 21. – С. 3–28 ; 1906. – Т. 22. – С. I–II, 1–40 ; Рукописное собрание библиотеки Безбородко в Нежине. Приобретения 1901–1903 гг. – Нежин, 1903. – 28 с.

5. Петухов Е. В. Письма Н.В.Гоголя к Н.Я.Прокоповичу (1832–1850) / Е. В. Петухов // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1895. – Т. 15. – С. I–VI, 1–60.

6. Сперанский М. Н. Рукописное собрание библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Приобретения 1904–1905 гг. / М. Н. Сперанский. – Нежин, 1905. – 40 с.

7. Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-филологическом институте князя Безбородко гоголевской комиссией / под ред. М. Сперанского. – К., 1902. – 445 с.

8. Библиотека С.П.Шевырева. Русский фонд : библиографическое описание. – Нежин : НГПУ, 2002. – 226 с.

9. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений / Н. В. Гоголь. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1951.

Т. 7 : Мертвые души. – 1951. – 434 с.

10. [Гоголь Н.В.] Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. – Т. 2 // Сочинения и письма Гоголя : в 6 т. – СПб., 1857.

Т. IV / изд. П. Кулиша. – 1857. – С. 257–552.

11. Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. – М., 1855. – Т. 2.

РАЗДЕЛ IV
Сопоставительный
текстологический анализ
академического и
нежинского списков
второго тома
"Мертвых душ"

Глава 1

Художник М.М.Далькевич. Издание А.Ф.Маркса. Санкт-Петербург. 1900 г.

Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство¹ нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что ж делать, если уже такого² свойства сочинитель и, заболев собственным несовершенством, уже и не может изображать [он]³ ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство⁴ нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства. И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок.

Зато какая глушь и какой закоулок!

Как бы исполинской⁵ вал какой-то бесконечной крепости, с наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишком верст горные возвышения. Великолепно возносились они над бесконечными пространствами равнин, то отломами, в виде отвесных стен, известковато-глинистого свойства, исчерченных протоциями и рытвинами, то миловидно круглившимися⁶ зелеными выпуклинами, покрытыми, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных деревьев, то, наконец, темными гущами леса, каким-то чудом еще уцелевшими⁷ от топора. Река то, верная своим берегам, давала вместе с ними колена и повороты, то отлучалась прочь в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь перед солнцем, скрыться в рощи берез, осин и ольх и выбежать оттуда в торжестве, в сопровождении мостов, мельниц и плотин, как бы гонявшихся за нею на всяком повороте.

В одном месте крутой бок возвышений убирался гуще в зеленые кудри деревьев. Искусственным насаждением, благодаря неровности гористого оврага⁸, север и юг растительного царства собрались сюда вместе. Дуб, ель, лесная груша, клен, вишняк и терновник, чилига и рябина, опутанная хмелем, то помогая друг <другу>⁹ в росте, то заглушая друг друга, карабкались по всей горе, от низу до верху. Вверху же, у самого ее темени, примешивались к их зеленым верхушкам красные крышки господских строений, конь-

---

¹ да совершенство

² ужь таковы свойства сочинителя

³ "он" – опущено

⁴ да совершенство

⁵ исполинский

⁶ круглившуюся зеленою выпуклостью покрытой

⁷ уцелевшим

⁸ Текста от слов "искусственным насаждением..." и до слова "оврага" в рукописи нет

⁹ В рукописи: "друг другу"

ки и гребни сзади скрывшихся изб, верхняя надстройка господского дома с резным балконом и большим полукруглым окном. И над всем этим собранием деревьев и крыш¹⁰ возносилась выше всего своими пятью позлащенными играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всех ее главах стояли золотые прорезные кресты, утвержденные золотыми¹¹ прорезными же цепями, так что издали, казалось, висело на воздухе ничем не поддержанное¹², сверкавшее горячими червонцами золото. И всё это в опрокинутом виде, верхушками, крышками, крестами вниз, миловидно¹³ отражалось в реке¹⁴, где безобразно-дуплистые ивы, [одни] стоя у берегов, другие совсем в воде¹⁵, опустивши туда и ветви и листья, точно как рассматривали это чудное изображение, где только не мешала им склизкая бодяга с пловучей яркой зеленью желтых кувшинчиков.

Вид был очень хорош, но вид сверху вниз, с надстройки дома на отдаленья, был еще лучше. Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. От изумленья у него захватывало в груди дух, и он только вскрикивал: "господи, как здесь просторно!" Без конца, без пределов открывались пространства: за лугами, усеянными рощами и водяными мельницами, в несколько зеленых¹⁶ поясов зеленели леса¹⁷; за лесами, сквозь воздух, уже начинавший становиться мгlistым, желтели пески¹⁸. И вновь леса, уже синевшие¹⁹, как моря или туман, далеко разливавшийся; и вновь пески, еще бледней²⁰, но всё²¹ желтевшие. На отдаленном²² небосклоне лежали гребнем меловые²³ горы, блиставшие белизною даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце.

---

¹⁰ Далее текст дан в такой редакции: "старинная церковь возносила свои пять позлащенных играющих верхушек"

¹¹ Далее текст идет в такой редакции: "золотыми же прорезными цепями"

¹² поддерживаемое

¹³ Нет в рукописи

¹⁴ Далее после точки вместо "где" – "здесь"

¹⁵ Текст от слов "окутавши..." и до "точно как" заменен на следующий: "опутанные склизкой бодягой плававшего в воде вместе с желтыми кувшинчиками, точно как будто"

¹⁶ Слова "зеленых" нет в рукописи

¹⁷ Точка с запятой заменена точкой

¹⁸ Точка заменена на запятую

¹⁹ В рукописи: "синели"

²⁰ бледнее

²¹ Далее: "еще"

²² Далее: "же"

²³ миловидные

По ослепительной белизне их у подошв их²⁴ местами мелькали как бы дымившиеся²⁵ туманно-сизые пятна. Это были отдаленные деревни²⁶; но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая при солнечном освещении искра золотой церковной маковки давала знать²⁷, что это²⁸ было людное большое селение. Всё это облечено было в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски соловьев²⁹, пропадавшие в пространствах³⁰. Гость, стоявший на балконе, и после какого-нибудь двухчасового созерцания³¹ ничего другого не мог выговорить, как только³²: "господи, как здесь просторно!"

Кто ж был жилец и владетель этой деревни, к которой, как к неприступной крепости, нельзя было и подъехать отсюда, а нужно было подъезжать с другой стороны, где врассыпку дубы встречали приветливо гостя, расставляя³³ широко распростерты ветви, как дружеские объятия, и провожая его к лицу того самого дома, которого верхушку видели мы сзади и который стоял теперь весь налицо, имея по одну сторону ряд изб, выказывавших коньки и резные гребни, а по другую – церковь, блиставшую золотом крестов³⁴ и золотыми прорезными узорами висевших в воздухе цепей?³⁵ Какому счастливицу принадлежал этот закоулок?

Помещику Тремалаханского уезда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому тридцатитрехлетнему счастливицу и притом еще и неженатому человеку.

Кто ж он, что ж он, каких качеств, каких свойств человек? У соседей, читательницы, у соседей следует расспросить. Сосед, принадлежавший к фамилии ловких, уже ныне вовсе исчезающих, отставных штаб-офицеров брандеров, изъяснялся о нем выражением: "Естественнейший скотина!" Генерал, проживавший в десяти верстах, говорил: "Молодой человек неглупый, но много забрал

---

²⁴ Слова "их" нет в списке

²⁵ Слова "дымившиеся" нет в рукописи

²⁶ В рукописи стоит точка

²⁷ давая

²⁸ Вместо "это" – "тут"

²⁹ Вместо "соловьев" в рукописи – "воздушных певцов"

³⁰ Далее после точки: "словом, гость"

³¹ Далее: "не мог"

³² Далее: "Господи! Как здесь просторно"

³³ Далее текст дан в такой редакции: "распростирая ветви, как"

³⁴ Слов "золотом крестов" нет в рукописи

³⁵ Слова "цепей" нет в рукописи

себе в голову. Я бы мог быть ему полезным, потому что у меня не без связей и в Петербурге, и даже при..."³⁶ генерал речи не оканчивал. Капитан-исправник давал такой оборот ответу³⁷: "А вот я завтра же к нему за недоимкой!" Мужик его деревни на вопрос о том, какой у них барин, ничего не отвечал. Стало быть, мнение о нем было³⁸ неблагоприятное.

Беспристрастно же сказать³⁹ – он не был дурной человек⁴⁰, – он просто коптител неба. Так как уже не мало есть на белом свете людей, которые коптят небо, то почему ж и Тентетникову не коптить его? Впрочем, вот на выдержку день из его жизни, совершенно похожий на все другие, и пусть из него судит читатель сам, какой у него был характер и как его жизнь соответствовала окружавшим его красотам.

Попутру просыпался он очень поздно и, приподнявшись, долго сидел на своей кровати, протирая глаза. И так как глаза, на беду, были маленькие, то протиранье их производилось необыкновенно долго, и во всё это время у дверей стоял человек Михайло с рукомойником и полотенцем. Стоял этот бедный Михайло час, другой, отправлялся потом на кухню, потом вновь приходил⁴¹, – барин всё еще протирал глаза и сидел на кровати. Наконец, поднялся он с постели, умывался, надевал халат и выходил в гостиную затем, чтобы пить чай, кофий, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, крошивая хлеба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы бессовестно. И два часа просиживал он за чаем. И этого мало, он брал еще холодную чашку и с ней подвигался к окну, обращенному на двор⁴². У окна же происходила всякий день следующая сцена.

Прежде всего ревел Григорий, дворовый человек в качестве буфетчика, относившийся к домоводке⁴³ Перфильевне⁴⁴ почти в сих выражениях: "Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая. Тебе бы, гнусной⁴⁵, молчать". – "А не хочешь ли вот этого?"

---

³⁶ В рукописи стоит точка

³⁷ Далее идут слова "да ведь чинишка на нем дрянь, а вот я завтра"

³⁸ Далее: "скорей неблагоприятно"

³⁹ Далее двоеточие

⁴⁰ Далее: "он просто был коптител неба"

⁴¹ Тире нет в рукописи

⁴² В рукописи точка с запятой

⁴³ Этого слова в рукописи нет

⁴⁴ парфильевне ключнице

⁴⁵ Далее в рукописи: "бабе молчать да и только"

выкрикивала ничтожность, или Перфильевна⁴⁶, показывая кукиш, – баба, жесткая в поступках, несмотря на то, что охотница была до изюму, пастиль⁴⁷ и всяких сластей, бывших у нее под замком. – "Ведь ты и с приказчиком сцепишься, мелочь ты анбарная!" ревел Григорий. – "Да и приказчик вор такой же, как и ты. Думаешь, барин не знает вас? ведь он здесь, ведь он всё слышит".

"Где барин?"

"Да вот он сидит⁴⁸ у окна; он всё видит".

И точно, барин сидел у окна и всё видел.

К довершению содома, кричал кричмя дворовый ребятишка, получивший от матери затрещину, визжал борзой кобель, присев задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, выглянувши из кухни, повар. Словом, всё голосило и верещало невыносимо. Барин всё видел и слышал. И только тогда, когда это делалось до такой степени несносно, что мешало даже ничем не заниматься, высылал он сказать, чтобы шумели потише... За два часа до обеда уходил он к себе в кабинет затем, чтобы заняться сурьезно сочинением, долженствовавшим обнять всю Россию со всех точек – с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность, словом – всё так и в том виде, как любит задавать себе современный человек. Впрочем⁴⁹, колоссальное предприятие больше⁵⁰ ограничивалось⁵¹ одним обдумыванием⁵². Изгрызалось перо, являлись на бумаге рисунки, и потом всё это отодвигалось на сторону, бралась наместо того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда. Книга эта читалась вместе с супом, соусом, жарким и даже с пирожным, так что иные блюда оттого стыли, а другие принимались вовсе нетронутыми. Затем следовала трубка с кофе⁵³, игра в шахматы с самим собой⁵⁴; что же делалось потом до самого ужина, право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось.

---

⁴⁶ Слова "Перфильевна" в тексте рукописи нет

⁴⁷ постилы

⁴⁸ В рукописи вместо этого слова – "глядит"

⁴⁹ Вместо этого слова в рукописи: "но"

⁵⁰ Слова "больше" нет в тексте рукописи

⁵¹ Далее слово "покуда"

⁵² В рукописи далее двоеточие

⁵³ В рукописи: "кофе"

⁵⁴ В рукописи точка с запятой заменена на точку

И этак⁵⁵ проводил время, один-одинешенек в целом <мире>, молодой тридцатидвухлетний человек, сидень-сиднем⁵⁶, в халате и без галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось⁵⁷ даже подняться вверх, не хотелось даже растворять окна затем, чтобы забрать свежего воздуха в комнату, и прекрасный вид деревни, которым не мог равнодушно любоваться никакой посетитель, точно не существовал для самого хозяина. Из этого может читатель видеть, что Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которые на Руси не переводятся, которым прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которых теперь, право, не знаю, как назвать.

Родятся ли уже⁵⁸ такие характеры, или потом образуются, как порождение печальных⁵⁹ обстоятельств, сурово обставляющих человека?⁶⁰ Вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания и детства.

Казалось, всё клонилось к тому, чтобы вышло из него что-то путное. Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полузадумчивого свойства, полуболезненный, попал он в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, диво воспитателей⁶¹, несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как знал он свойства русского человека!⁶² Как знал он детей! Как умел двигать!⁶³ Не было шалуна, который, сделавши шалость, не пришел⁶⁴ к нему сам и не повинился во всем. Этого мало⁶⁵. Он получал строгой <выговор>, но уходил от него не повесивши нос, но подняв его⁶⁶. И было что-то ободряющее, что-то говорившее: "Вперед! Поднимайся

---

⁵⁵ В рукописи это слово заменено на "так"

⁵⁶ В рукописи: "сидел сиднем"

⁵⁷ Далее слова "даже подняться вверх, не хотелось даже" отсутствуют в рукописи

⁵⁸ Далее в рукописи: "сами собой"

⁵⁹ Этого слова нет в рукописи

⁶⁰ Слов "сурово обставляющих человека" нет в рукописи

⁶¹ В рукописи: "воспитатель диво несравненный"

⁶² В рукописи: "человека Русского!"

⁶³ Далее: "их"

⁶⁴ Далее: "бы"

⁶⁵ Далее вместо слов "он получал строгой выговор, но" в рукописи идет текст: "Шалун уходил от него"

⁶⁶ Далее в рукописи: "с полной готовностью заглаживать поступок. В самом упреке Александра Петровича было ободряющее, что-то говорившее: подымайся выше, несмотря на то, что ты упал. Честолюбие он называл силою толкающею вперед способности человека, и потому особенно старался возбудить его"

скорее на ноги, несмотря, что ты упал". Не было у него и речи к ним о хорошем поведении⁶⁷. Он обыкновенно говорил: "Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою". И точно, шалости исчезали сами собою⁶⁸. Презренью товарищей подвергался тот, кто не стремился быть <лучше>. Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем. "Это уж слишком!" – говорили многие: "умники выйдут люди заносчивые". – "Нет, это не слишком", говорил он; "неспособных я не держу долго; с них довольно одного курса, а для умных у меня другой курс".⁶⁹ И точно, все способные выдерживали у него другой курс⁷⁰. Многих резвостей он не удерживал, видя в них начало развития⁷¹ свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу⁷²: затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.

Как любили его все мальчишки!⁷³ Нет, никогда не бывает такой привязанности у детей к своим родителям. Нет, ни⁷⁴ даже в безумные годы безумных⁷⁵ увлечений не бывает так сильна неугасимая страсть, как сильна была любовь <к нему>. До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего чудного⁷⁶ воспитателя, уже давно бывшего в могиле, оставался⁷⁷, закрыв глаза, и лил слезы по нем⁷⁸. Его малейшее ободренье уже бросало в дрожь, в радость и в трепет и

---

⁶⁷ Текста от слов "и было что-то одобряющее..." и до слов "... о хорошем поведении" в рукописи нет

⁶⁸ Далее шли слова "насмешкам и презрению"

⁶⁹ В рукописи слова "курс" нет. Далее идет текст: "Малейшее движение их помышлений было ему известно. С виду как будто бы он и не глядел, но как сокрытый глаз из недоступной сени, следил он все наклонности и способности их, и потому многих резвостей"

⁷⁰ В рукописи предложения от слов "И точно..." и до слов "... другой курс" нет развития

⁷² Двоеточия в рукописи нет

⁷³ Далее слова "Нет, никогда не бывает такой привязанности у детей" заменены на: "не всегда бывает так сильна привязанность детей"

⁷⁴ Нет слова в рукописи

⁷⁵ Нет слова в рукописи

⁷⁶ Нет слова в рукописи

⁷⁷ Нет слова в рукописи, далее шли слова "закрывал глаза и лил по нем слезы"

⁷⁸ Далее идет текст: "Множество всяких сведений и предметов он считал излишним и мешающим самобытному развитию ума. Безмысленно глупых гимнастических коверканий, которые завели французы, у него не было, а вместо их ручные ремесла для занятия в саду, укрепляющее тело"

[толкало] честолюбивое желание всех превзойти⁷⁹. Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенькой курс. Но⁸⁰ способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И последний класс, который был у него для одних избранных, вовсе не походил на те, какие бывают в других заведениях⁸¹. Тут только он требовал от воспитанника всего того, что иные неблагоразумно <требуют> от детей, – того высшего ума, который умеет не посмеяться, но вынести всякую насмешку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти из себя, не мстить ни в каком <случае> и пребывать в гордом покое невозмущенной души⁸²; и всё, что способно образовать из человека твердого мужа, тут⁸³ было употреблено в действие, и он сам делал с ними непрерывные пробы. О, как он знал науку жизни!

Учителей у него не было много. Большую часть наук читал он сам⁸⁴. Без педантских терминов, напыщенных воззрений и взглядов, умел он передать самую душу науки, так что и малолетнему было видно, на что она ему нужна. Из наук была⁸⁵ избрана только та, что способна образовать из человека гражданина земли своей⁸⁶. Большая часть лекций состояла в рассказах о том, что ожидает юношу впереди, и весь горизонт его поприща умел он очертить <так>, что юноша, еще находясь на лавке, мыслями и душой жил уже там на службе. Ничего не скрывал⁸⁷: все огорченья и преграды, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушения и соблазны, ему предстоящие, собирал⁸⁸ он пред ним во всей наготе, не скрывая ничего. Всё было ему известно, точно как бы перебыл⁸⁹ он сам во всех званьях⁹⁰ и должностях. Оттого ли, что⁹¹ сильно уже

---

⁷⁹ Предложения от слов "его малейшее..." и до слов "... всех превзойти" в рукописи нет

⁸⁰ Далее слово "зато"

⁸¹ заведениях

⁸² Здесь в рукописи поставлена точка и предлог "и" снят

⁸³ Далее: "употреблено было"

⁸⁴ Далее в рукописи вместо "без" идет слово "Враг"

⁸⁵ Далее идет текст в такой редакции: "были избраны только те, которые способны"

⁸⁶ Далее текст дан в такой редакции: "Много лекций посвящалось рассказам о том, юношу ожидает впереди. И весь горизонт..."

⁸⁷ В рукописи слов "ничего не скрывал" нет

⁸⁸ В рукописи: "соберет"

⁸⁹ В рукописи: "перебывал"

⁹⁰ В рукописи вместо "и" стоит запятая

⁹¹ Далее вместо слов "Сильно уже развилось честолюбие" идет текст: "честолюбие уже так сильно было в них возбуждено"

развилось честолюбие, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед! – это словцо, знакомое русскому человеку, производящее такие чудеса над его чуткой природой⁹², – но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно⁹³, где больше препятствий, где нужно было показать большую силу души. Немногие выходили из этого курса; но зато⁹⁴ это были обкуренные порохом люди. В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, и⁹⁵ умнейшие их, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили всё или же, осовев, обленясь⁹⁶, обезумев и опустившись⁹⁷, очутились в руках взяточников и плутов. Но они⁹⁸ не пошатнулись⁹⁹ и, зная и жизнь и человека, и умудренные мудростью, возымели сильное влияние даже на дурных людей¹⁰⁰.

Пылкое сердце честолюбивого мальчишки долго билось при одной мысли о том¹⁰¹, что он попадет¹⁰² наконец в это отделение. Что, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тентетникова. Но нужно же, чтобы в то самое время, когда он переведен был в этот курс избранных, – чего так сильно желал, – необыкновенный наставник скоростижно <умер>. О, какой¹⁰³ был для него удар¹⁰⁴, какая страшная первая¹⁰⁵ потеря! Ему казалось, как бы¹⁰⁶ (*Фраза не закончена.*) Всё переменялось в училище: на

⁹² В рукописи точка

⁹³ Слов "где трудно" в рукописи нет

⁹⁴ Далее вместо слов "это были" идет словосочетание "эти немногие были крепыши"

⁹⁵ Вместо "и" идут слова "гораздо их"

⁹⁶ В рукописи: "и обленившись"

⁹⁷ Слов "обезумев и опустившись" в рукописи нет

⁹⁸ Слова "но они" заменены на "те же", которые идут после запятой

⁹⁹ Далее: "но зная жизнь и человека и утвержденные мудростью"

¹⁰⁰ Далее в рукописи идет текст: "как поразил этот чудный наставник еще в отрочестве Андрея Ивановича!"

¹⁰¹ Слов "о том" в рукописи нет

¹⁰² Далее в рукописи идет текст в такой редакции: "на высший курс, и шестнадцати лет Тентетников уже был на нем и сам тому не верил. Но в это самое время случилось несчастье. Необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало его в сладкий трепет, заболел и скоростижно умер"

¹⁰³ Далее: "это"

¹⁰⁴ В рукописи вместо запятой поставлен восклицательный знак

¹⁰⁵ Слова в рукописи нет

¹⁰⁶ Слов "Ему казалось, как бы" в рукописи нет

место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович¹⁰⁷. Налег он тот же час на какие-то внешние порядки¹⁰⁸; стал требовать от детей того, чего можно требовать только от взрослых. В свободной их развязности почудилось ему что-то необузданное¹⁰⁹. И точно как бы на зло своему предшественнику объявил с первого дни, что для него ум и успехи ничего не значат, что он будет смотреть только на хорошее <поведение>. Странно: хорошего-то поведения и не добился Федор Иванович¹¹⁰. Завелись шалости потаенные. Всё было в струнку днем и шло попарно, а по ночам развелись¹¹¹ кутежи.

С науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, с новыми взглядами и новыми углами и точками воззрений. Забросали слушателей множеством новых терминов и слов¹¹²; показали они в своем изложении и логическую связь¹¹³ и горячку собственного увлечения; но увы! не было только жизни в самой науке. Мертвечиной отозвалась¹¹⁴ в устах их мертвая наука. Одним словом, всё пошло наыворот. Потерялось уважение к начальству и власти. Стали насмехаться и над наставниками, и над преподавателями. Директора стали называть Федькой, Булкой и другими разными именами. Разврат завелся уже вовсе не детский: завелись такие дела, что нужно было многих выключить и выгнать. В два года узнать нельзя было заведения¹¹⁵.

Андрей Иванович был нрава тихого. Его не могли увлечь ни¹¹⁶ ночные оргии товарищей, которые обзавелись какой-то дамой перед самыми окнами директорской квартиры¹¹⁷, ни кощунство¹¹⁸ их

¹⁰⁷ Слов "Налег он тот же час на какие-то внешние порядки" в тексте рукописи нет

¹⁰⁸ Вместо предыдущих далее в рукописи идут после запятой слова "человек усердный, но неспособный. Стал требовать от детей того"

¹⁰⁹ Далее в рукописи: "строго наказывал за каждую шалость, но завелись шалости потаенные"

¹¹⁰ В рукописи текста то слов "И точно как бы на зло..." до слов "... Федор Иванович" нет

¹¹¹ В рукописи слова "развелись" нет

¹¹² Вместо точки с запятой поставлена точка. Слова "в своем изложении" даны "в изложении своем"

¹¹³ Далее в рукописи: "и исследования за новыми открытиями и горячку..."

¹¹⁴ Далее в рукописи: "она в устах их. В два года узнать нельзя было заведения"

¹¹⁵ Текст от слов "в устах их..." и до слов "... нельзя было заведения" в рукописи отсутствует

¹¹⁶ Далее текст дан в такой редакции: "ни в ночную оргию с товарищами"

¹¹⁷ Текста от слов "которые обзавелись..." и до слов "... директорской квартиры веет" в рукописи нет

¹¹⁸ кощунством

над святыней из-за того только, что попался не весьма умный поп¹¹⁹. Нет, душа его и сквозь сон слышала небесное свое происхождение. Его не могли увлечь¹²⁰; но он повесил нос. Честолюбье¹²¹ уже было возбуждено, а деятельности и поприща ему не было. Лучше б было и не возбуждать его. Он слушал горячившихся на кафедрах профессоров, а вспоминал прежнего наставника, который, не горячась, умел говорить понятно. Каких предметов, каких курсов он не слушал¹²²: медицину, химию, философию, и даже право¹²³, и всеобщую историю человечества в таком огромном виде, что профессор в три года успел только прочесть введение, да развитие общин каких-то немецких городов, – и бог знает, чего он не слушал! Но всё это оставалось в голове его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, он¹²⁴ слышал только, что не так должно преподаваться, а как – не знал. И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и так ему бывало грустно, что не знал он, куда деться¹²⁵ от тоски.

Но молодость счастлива тем, что¹²⁶ у ней есть будущее. По мере того, как приближалось время к выпуску, сердце его билось. Он говорил себе: "Ведь это еще не жизнь; это только приготовление к жизни; настоящая жизнь на службе. Там подвиги". И, не взглянув на прекрасный уголок, так поражающий всякого гостя-посетителя, не поклонившись праху своих родителей, по обычаю всех честолюбцев, понесся он в Петербург, куда, как известно, стремится ото всех сторон России наша пылкая молодежь – служить, блистать¹²⁷, выслуживаться или же просто схватывать вершки бесцветного, холодного, как лед, общественного обманчивого образования. Честолюбивое стремление Андрея Ивановича осадил, однако же¹²⁸, с самого начала его дядя, действительный

---

¹¹⁹ В рукописи слов "из-за того только..." и до слов "... умный поп" нет

¹²⁰ В рукописи точка с запятой заменена на точку

¹²¹ честолюбие

¹²² В рукописи поставлен вопросительный знак, а перед существительным поставлен союз "и": "и медицину, и химию, и философию прав, и"

¹²³ Слова "философию и даже право" в рукописи даны "философию прав"

¹²⁴ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "Чувствовал, что не так надо преподавать, а как? Не знал"

¹²⁵ деваться

¹²⁶ Далее в рукописи слова идут в такой редакции: "у нея есть будущность"

¹²⁷ Слова нет в рукописи

¹²⁸ Слова "же" нет в рукописи

статский советник Онуфрий Иванович¹²⁹. Он объявил, что главное дело в хорошем почерке, что нужно прежде начать с чистописанья.

С большим трудом и с помощью дядиных протекций, наконец¹³⁰, он определился в какой-то департамент¹³¹. Когда ввели его в великолепный светлый зал, с паркетными и письменными лакированными столами, походивший на то, как <бы> заседали здесь первые вельможи государства, трактовавшие о судьбе всего государства, и увидел <он> легионы красивых пишущих господ, шумевших перьями и склонивших голову набок, и посадили его самого за стол, предложив тут же переписать какую-то бумагу, как нарочно несколько мелкого содержания – переписка шла о трех рублях, производившаяся полгода, – необыкновенно странное чувство проникнуло неопытного юношу, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний. Сидевшие вокруг его господ показались ему так похожими на учеников. К довершению сходства, иные из них читали глупый пе<реводный> роман, засунув его в большие листы разбираемого дела, как бы занимались самым делом, и в то же время вздрагивая при всяком появлении начальника. Так это всё ему показалось странно, так занятия прежние значительнее нынешних, приуготовление к службе лучше самой службы. Ему стало жалко по школе. И вдруг, как живой, предстал пред ним Александр Петрович – и чуть-чуть он не заплакал. Комната закружилась, перемешались чиновники и столы, и чуть удержался он от мгновенного потемнения. "Нет", подумал он в себе, очнувшись: "примусь за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким". Скрепясь духом и сердцем, решился он служить по примеру прочих.

Где не бывает наслаждений? Живут они и¹³² в Петербурге¹³³, несмотря на суровую, сумрачную его наружность¹³⁴. Трещит по улицам сердитый, тридцатиградусный мороз; взвизгивает исчадь севера, ведьма-вьюга, заматывая тротуары, слепя глаза, пудря меховые воротники, усы людей и морды мохнатых скотов, но

---

¹²⁹ Далее в рукописи текста от слов "Он объявил..." и до слов "... с чистописанья" нет

¹³⁰ Слова "наконец" нет в рукописи

¹³¹ Далее в рукописи слов "Когда ввели его..." и до слов "... по примеру прочих" нет. После слова "департамент" идет текст: "Где не бывает наслаждений..."

¹³² Вместо слов "они и" в рукописи: "же"

¹³³ Далее слово "где"

¹³⁴ Точка заменена на запятую

приветливо, и¹³⁵ сквозь летающие перекрестно охлопья¹³⁶, светит
вверху окошко где-нибудь и¹³⁷ в четвертом этаже¹³⁸: в уютной
комнатке, при скромных стеариновых свечах¹³⁹, под шумок самова-
ра, ведется согревающий и¹⁴⁰ сердце и душу разговор, читается
светлая страница вдохновенного русского поэта, какими наградил
бог свою Россию, и так возвышенно-пылко трепещет молодое серд-
це юноши, как не водится¹⁴¹ и под полуденным¹⁴² небом.

Скоро Тентетников свыкнулся с службою, но только она сдела-
лась у него не первым делом и целью, как он полагал было внача-
ле, но чем-то вторым. Она служила ему распределением времени,
заставив его более дорожить остававшимися<ся> минутами. Дядя,
действительный статский советник, уже начинал было думать, что в
племяннике будет прок, как вдруг племянник подгадил. В числе
друзей Андрея Ивановича, которых у него было довольно, попалось
два человека, которые были то, что называется огорченные
люди¹⁴³. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не
могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но
даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью¹⁴⁴.
Добрые по началу, но беспорядочные сами в своих действиях,
требуя к себе снисхождения и в то же время исполненные
нетерпимости к другим, они подействовали на него сильно и пылкой
речью, и образом благородного негодованья¹⁴⁵ против общества¹⁴⁶,
разбудивши в нем нервы и дух раздражительности¹⁴⁷, и заставили
замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обра-
щать внимание¹⁴⁸. Федор Федорович Леницын, начальник одного из
отделений, помещавшихся в великолепных залах, вдруг ему не
понравился. Он стал отыскивать в нем бездну недостатков. Ему по-
казалось, что Леницын в разговорах с высшими весь превращался

¹³⁵ Союза "и" нет в рукописи

¹³⁶ Далее слово "снега"

¹³⁷ Союза "и" нет в рукописи

¹³⁸ Вместо двоеточия в рукописи союз "и"

¹³⁹ свечах

¹⁴⁰ Союза "и" нет в рукописи

¹⁴¹ Далее идут слова "в других землях"

¹⁴² Далее слово "раскошным"

¹⁴³ В рукописи "огорченные люди" подчеркнуто

¹⁴⁴ несправедливостию

¹⁴⁵ негодования

¹⁴⁶ В рукописи вместо запятой точка

¹⁴⁷ Далее в рукописи вместо "и" вставлено "они"

¹⁴⁸ внимания

в какой-то приторный сахар, и – в уксус, когда обращался к нему подчиненный; что¹⁴⁹ будто, по примеру всех мелких людей, брал он на замечанье¹⁵⁰ тех, которые не являлись к нему с поздравлением в праздники, мстил тем¹⁵¹, которых имена не находились¹⁵² у швейцара на листе; и, вследствие этого¹⁵³, он¹⁵⁴ почувствовал к нему отвращенье нервическое. Какой-то злой дух толкал его сделать что-нибудь неприятное Федору Федоровичу. Он на то наискивался с каким-то особым наслаждением и в том успел. Раз поговорил он с ним до того крупно, что ему объявлено было от начальства – либо просить извинения, либо выходить в отставку. Он подал в отставку¹⁵⁵. Дядя, действительный статский советник, приехал к нему, перепуганный и умоляющий: "Ради самого Христа! помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь? Оставлять так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался не такой, как хочется, начальник! Помилуй! Что ты? что ты?"¹⁵⁶ Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался. Образумься! Отринь гордость, самолюбье¹⁵⁷, поезжай и объяснись с ним!"

"Не в том дело, дядюшка", сказал племянник. "Мне не трудно попросить у него извиненья¹⁵⁸. Я виноват¹⁵⁹: он начальник, и так не следовало¹⁶⁰ говорить с ним¹⁶¹. Но дело вот в чем. У меня есть другая служба: триста душ крестьян, имение в расстройстве, управляющий – дурак. Государству утраты немного, если вместо меня сядет в канцелярию¹⁶² другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человек не заплатят податей. Я¹⁶³ – что вы подумаете?¹⁶⁴ – помещик [звание это также не бездельно]¹⁶⁵. Если я

---

¹⁴⁹ Слова "что" нет в рукописи

¹⁵⁰ замечание

¹⁵¹ Слова "мстил тем" заменены на "теснил тех"

¹⁵² не находил

¹⁵³ Далее: "же"

¹⁵⁴ Слова "он" нет в рукописи

¹⁵⁵ Далее слов "он подал в отставку" в рукописи нет

¹⁵⁶ Повторение слов "что ты" в рукописи нет

¹⁵⁷ самолюбие

¹⁵⁸ извинения

¹⁵⁹ В рукописи вместо двоеточия стоит запятая

¹⁶⁰ и не следовало так говорить

¹⁶¹ В рукописи точка заменена на запятую

¹⁶² в канцелярии

¹⁶³ Слова "я" нет в рукописи

¹⁶⁴ думаете

¹⁶⁵ Слова "помещик звание это также не бездельно" в рукописи заменены на "звание помещика разве не служба?"

позабочусь о сохранении¹⁶⁶, сбережении и улучшении участи введенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых, работающих подданных, чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь¹⁶⁷ начальника отделения Леницына?"

Действительный статский советник остался с открытым ртом от изумления¹⁶⁸. Такого потока слов он не ожидал. Немного подумавши, начал он было в таком роде: "Но всё же...¹⁶⁹ но как же таки?... как же запропастить себя в деревню? Какое же общество может быть между¹⁷⁰ [мужичьем]? Здесь все-таки на улице попадетс¹⁷¹ навстречу генерал, князь. Пройдешь и сам мимо какого-нибудь... там... ну, и газовое освещение, промышленная Европа; а ведь там¹⁷², что ни попадетс¹⁷³ всё¹⁷³ это или мужик, или баба. За что ж¹⁷⁴ так, за что ж себя осудить¹⁷⁵ на невежество на всю жизнь свою?"¹⁷⁶

Но убедительные представления дяди на его племянника не произвели действия¹⁷⁷. Деревня начинала¹⁷⁸ представлятьс¹⁷⁹ каким-то привольным приютом, воспитальницею¹⁸⁰ дум и помышлений, единственным поприщем полезной деятельности. Уж он откопал и новейшие книги по части сельского хозяйства. Словом¹⁸¹, через недели две после этого разговора был он уже в окрестности тех мест, где пронеслось его детство, невдалеке от того прекрас-

---

¹⁶⁶ сохранении, сбережении и улучшении

¹⁶⁷ Слова "какого-нибудь" заменены в рукописи на "какого-либо"

¹⁶⁸ изумления

¹⁶⁹ В рукописи: "но все же таки..."

¹⁷⁰ Далее идет слово "мужичьем"

¹⁷¹ Этого слова нет в рукописи

¹⁷² Далее в рукописи: "все что ни подается"

¹⁷³ Слова "все" нет в рукописи

¹⁷⁴ Повторного сочетания "за что ж" нет в рукописи

¹⁷⁵ осуждать

¹⁷⁶ Далее в рукописи идет текст: "Так говорил дядя. Сам же он во всю жизнь свою не ходил по другой улице, кроме той, которая вела к месту его службы, где не было никаких публичных красивых зданий, не замечал никого из встречных, был ли он генерал, или князь в глаза не знал прихотей, какие дразнят в столицах людей падких на воздержанье, и от роду не бывал в театре. Все это он говорил единственно затем, чтобы истеребить честолюбие и подействовать на воображение молодого человека. В этом однако же не успел. Тентетников стоял на своем упрямо"

¹⁷⁷ Текста от слов "Не убедительные представления..." и до слов "... произвели действия" в рукописи нет

¹⁷⁸ Слова "начинала" нет в рукописи

¹⁷⁹ представлялась ему

¹⁸⁰ воспитальностию

¹⁸¹ Этого слова нет в рукописи, далее идут слова "недели через 2"

ного уголка, которым не мог налюбоваться никакой гость и посетитель. Новое чувство [в нем] вострепелось¹⁸². В его душе стали просыпаться прежние, давно не выходившие внаружу впечатления. Он уже многие места позабыл вовсе и смотрел любопытно, как новичок, на прекрасные виды. И вот, неизвестно отчего, вдруг¹⁸³ забилося у него сердце¹⁸⁴. Когда же дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглухнувшего леса и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трехсотлетние дубы, трем человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осокором, перераставшим вершину тополя, и когда на вопрос: "чей лес?" ему сказали: "Тентетникова"; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиновых рощ, молодых и старых ив и лоз¹⁸⁵, в виду тянувшихся вдаль возвышений, и двумя мостами перелетела¹⁸⁶ в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос "чи луга и поемные¹⁸⁷ места?" отвечали ему: "Тентетникова"; когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, с одной стороны мимо не снятых хлебов, пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных им мест, которые все вдруг показались в сокращенном отдалении, и когда, постепенно темнея¹⁸⁸, входила и вошла потом дорога под тень широких развилистых деревьев, разместившихся врассыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали резные¹⁸⁹ избы мужиков и красные крыши каменных¹⁹⁰ господских строений, большой дом и старинная церковь, и блеснули золотые верхи, когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куды приехало¹⁹¹, – ошущенья¹⁹², непрестанно накоплявшиеся, исторгнулись, наконец, в громогласных словах: "Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я

---

¹⁸² Слов "Новое чувство в нем вострепелось" нет в рукописи

¹⁸³ Слова "вдруг" нет в рукописи

¹⁸⁴ Вместо точки в рукописи точка с запятой

¹⁸⁵ В рукописи пропуск, чистое место, слов "ив и лоз" нет

¹⁸⁶ перемежала

¹⁸⁷ подъемные

¹⁸⁸ Слова "темнея" в рукописи нет

¹⁸⁹ В рукописи: "разные"

¹⁹⁰ Слова "каменных" в рукописи нет

¹⁹¹ В рукописи: "куда он приехал"

¹⁹² Далее в рукописи идет текст в такой редакции: "и мысли беспрестанно наполнявшиеся, исторгнувшись"

закабалил себя в кропатели мертвых бумаг. Учась¹⁹³, воспитавшись, просветаясь, сделав запас сведений, нужных для распространения добра между подвластными¹⁹⁴, для улучшения целой области¹⁹⁵, для исполнения многообразных обязанностей помещика¹⁹⁶, который является в одно и то же время и судьей, и распорядителем, и блюстителем порядка, вверить это место невеже-управителю¹⁹⁷, а себе предпочесть заочное производство дел между людьми, которых я и в глаза не видал, которых я ни характеров, ни качеств не знаю, – предпочесть настоящему управлению это бумажное, фантастическое управление провинциями, отстоящими за тысячи верст, где не была никогда нога моя и где могу наделать только кучи несообразностей и глупостей".

А между тем¹⁹⁸ его ожидало другое зрелище. Узнавши¹⁹⁹ о приезде барина, мужики²⁰⁰ собрались к крыльцу²⁰¹. Кички, повязки, повойники, сороки, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его кругом. Когда раздались слова: "Кормилец наш! вспомнил..." и невольно заплакали старики и старухи, помнившие и его деда, и прадеда, не мог он сам удержаться от слез²⁰². И думал он про себя²⁰³: "Столько любви! и за что? – За то,

---

¹⁹³ учившись

¹⁹⁴ подобными себе

¹⁹⁵ волости

¹⁹⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "являющегося и судьей и распорядителем и блюстителем порядка, я мог вверить это место невежде управителю? И еще раз дал себе название дурака Андрей Иванович Тентетников"

¹⁹⁷ Далее текста от слов "а себе предчесть..." до слов "... несообразностей и глупостей" в рукописи нет

¹⁹⁸ Далее: " в деревне"

¹⁹⁹ узнав

²⁰⁰ Далее: "и бабы"

²⁰¹ Далее текст идет в такой редакции: "как сороки, кички, повойники, зипуны, бороды всех родов заступом, лопатой и клином, рыжия, русья и белья как серебро покрыли весь двор. Мужики загремели: "Кормилец, дождался мы тебя!" Бабы заголосили: "Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшие подалеке даже подрались от усердия пробраться. Дряхлая старушонка похожая на сушенную грушу прошмыгнула промеж ног других подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: да какой же ты жиденский! Изморила тебя окаянная немчура". "Пошла ты баба", закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином". Ишь куды полезла корявая! Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог несмееяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был в душе своей. Сколько любви!.."

²⁰² Отрывок от слов "кички, повязки..." до слов "... от слез" заменен текстом №201

²⁰³ Эти слова в редакции "думал он себе" в рукописи стоят после слов "сколько любви! И за что?"

что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!" И дал он себе обет разделить²⁰⁴ с <ними> труды и занятия²⁰⁵.

И стал он хозяйничать, распоряжаться²⁰⁶. Уменьшил барщину, убавив дни работ на помещика и прибавив времени мужику²⁰⁷. Дурака-управителя выгнал²⁰⁸. [Сам стал входить во всё, показываться] на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке²⁰⁹ барок и плоскодонок²¹⁰, так что ленивые начинали²¹¹ даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужик сметлив и он понял скоро, что барин хоть и прыток, и есть в нем тоже охота взяться за многое, но как именно, каким образом взяться, этого еще не смыслит, говорит грамотейно и не вдолбеж. Вышло то, что барин и мужик как-то не то, чтобы совершенно не поняли друг друга, но просто не спелись вместе, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тентетников стал замечать, что на господской земле всё выходило как-то хуже, чем на мужичьей. Сеялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо; он сам присутствовал и приказал выдать даже по чапорухе водки за усердные труды. У мужиков уже давно колосилась рожь, высыпался овес, кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку, пятак колоса еще не завязывалась. Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы. Попробовал было укорить, но получил такой ответ: "Как можно, барин, чтобы мы о господской, то есть, выгоде не радели! Сами изволили видеть, как старались, когда пахали и сеяли, – по чапорухе водки

---

²⁰⁴ И далее в рукописи: "разделять с ними и труды, и занятия, употребить все, чтобы помочь им сделаться тем, чем они должны быть, чем назначила им быть добрая, внутри их же самих заключенная природа, чтобы не даром была любовь их к нему, чтобы он точно был кормильцем их".

²⁰⁵ Эти слова в рукописи вошли в текст №204

²⁰⁶ И далее в рукописи идут слова: "не на шутку. На месте увидел тотчас, что приказчик был баба и дурак, со всеми качествами дрянного приказчика, т.е. вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал не бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавление ко всему подогревал мужиков в покушении на жизнь свою"

²⁰⁷ Текст от слов "уменьшил барщину..." и до слов "... времени мужику" в рукописи перенесен далее

²⁰⁸ Этот текст в рукописи расширен: "Дурака-приказчика он выгнал, а на место его выбрал другого, бойкого. Оставил мелочи, обратил внимание на главные части: "уменьшил барщину, убавил дни работ на помещика и прибавил времени мужику"

²⁰⁹ и при ставке

²¹⁰ Далее в рукописи: "Да он, вишь ты, востроногий!" – стали говорить мужики и даже обленившиеся начали почесываться в затылках"

²¹¹ Слов "так что ленивые" нет в рукописи

приказали подать". Что было на это возражать? "Да отчего ж теперь вышло скверно?" допрашивал барин. – "Кто его знает, видно, червь подъел снизу. Да и лето²¹², вишь ты, какое: совсем дождей не было". Но барин видел, что у мужиков червь не подъедал снизу, да и дождь шел как-то странно, полосую: мужику угодил, а на барскую ниву хоть бы каплю выронил. Еще трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуясь на тягость барщины. Странное дело. Он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, наполовину сбавил с них других работ, думая²¹³, что бабы обратят это время на домашнее хозяйство, обошьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было. Праздность, драка, сплетни и всякие ссоры завелись между прекрасным полом такие, что мужья то и дело приходили к нему с такими словами: "Барин, уйми беса-бабу. Точно чорт какой: житья нет от ней". Хотел он было, скрепя свое сердце, приняться за строгость. Но как быть строгим? Баба приходила такой бабой, так развизгивалась, такая была хворая, больная²¹⁴, таких скверных²¹⁵, гадких наворачивала на себя тряпок; уж откуда она их набирала, бог ее весть. "Ступай, ступай себе только с глаз моих! Бог с тобой!" говорил бедный Тентетников, и вослед²¹⁶ за тем видел, как больная, вышед за ворота, схватывалась с соседкой за какую-нибудь репу и так²¹⁷ отламывала ей бока, как не сумеет и здоровый мужик. Вздумал он было попробовать какую-то школу между ними завести, но от этого вышла такая чепуха, что он и голову повесил; лучше было и не задумывать²¹⁸. Какая школа! И времени никому не было: мальчик с 10 лет уже был помощником во всех работах и там воспитывался.

В делах судейских и разбирательствах оказались ровно ни к чему все эти юридические тонкости, на которые навели его профессора-философы. И та сторона врет, и другая врет, и чорт их разберет²¹⁹. И видел он, что нужней было тонкостей юридических и

²¹² место

²¹³ думал

²¹⁴ Слова "больная" нет в рукописи

²¹⁵ Слова "скверных" нет в рукописи

²¹⁶ вслед

²¹⁷ и так и так

²¹⁸ Далее текста от слов "Какая школа!.." и до слов "... там воспитывался" в рукописи нет

²¹⁹ В рукописи текст дан в такой редакции: "Он видел, что нужнее тут было юридических тонкостей и..."

философских книг простое познание человека; и видел он, что в нем чего-то недостает, а чего – Бог весть²²⁰. И случилось обстоятельство, так часто случающееся: ни мужик не узнал барина, ни барин мужика; и мужик стал²²¹ дурной стороной, и барин дурной стороной²²²; и рвение помещика [охладело]²²³. При работах он уже присутствовал без внимания²²⁴. Шумели ли тихо косы в покосах, метал ли стога, клались ли клады, вблизи ли ладилось сельское дело – его глаза глядели подальше; вдали ли производилась работа – они отыскивали предметы поближе, или смотрели в сторону на какой-нибудь извив [реки], по берегам которой ходил красноносый²²⁵, красноногий мартын, разумеется – птица, а не человек. Они смотрели любопытно²²⁶, как²²⁷ [этот мартын], поймав у берега рыбу, держал ее впоперек²²⁸ в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать, – и глядя в то же время пристально вдоль реки, где в отдалении белелся другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Или же²²⁹, зажмурив вовсе глаза и приподняв голову кверху, к пространствам небесным²³⁰, представлял²³¹ он обонянью впивать²³² запах полей, а²³³ слуху поражаться голосами воздушного певучего населения, когда оно отовсюду, от небес и от земли, соединяется в один²³⁴ звукогласный хор, не перечая друг другу²³⁵. Во ржи бьет перепел, в траве дергает дергун, над <ним> урчат и чиликают

²²⁰ В рукописи: "... а чего? Бог весть! И случилось..."

²²¹ Далее в рукописи: "к барину дурной стороной, и барин к мужику"

²²² В рукописи нет слов "дурной стороной"

²²³ В рукописи слово "охладело" присутствует

²²⁴ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "и все равно ему было, шумели ли косы легким шумом на покосах, металась ли стога, клались ли клады. Вблизи ли находилось сельское дело, его глаза глядели дальше"

²²⁵ краснополосый

²²⁶ с любопытством

²²⁷ Далее слово "он", последующие слова "этот мартын" в рукописи отсутствуют

²²⁸ поперечь

²²⁹ Далее в рукописи: "бросив обоих мартынов с извивом реки"

²³⁰ воздушным

²³¹ предоставлял

²³² внимать

²³³ и

²³⁴ Далее редакция: "звучногласный хор, не поперечая"

²³⁵ Далее в рукописи идет текст в иной редакции: "Бьет перепел во ржи, дергает в траве дергун, урчат и чиликают перелетающие коноплянки, по невидимой воздушной лестнице сыплются трели жаворонков и звонами труб отдаленное турликанье журавлей, строящих треугольники свои в небесах, и откликается вся в звуки превратившаяся окрестность"

перелетающие коноплянки, блеет поднявшийся на воздух барашек, трелит жаворонок, исчезая в свете, и звонами труб отдается турлыканье журавлей, строящих в треугольники свои вереницы в небесах высоко. Откликается вся в звуки превратившаяся окрестность. Творец! как еще прекрасен твой мир в глуши, в деревушке, вдали от подлых²³⁶ больших дорог и городов. Но и это²³⁷ стало ему²³⁸ наскучать. Скоро он и вовсе перестал ходить в поля, засел в комнаты, отказался принимать даже с докладами приказчика. Прежде из соседей завернет к нему бывало отставной гусар-поручик, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же²³⁹ резкого направления недоучившийся студент, набравший²⁴⁰ мудрости из современных брошюр и газет. Но и это стало ему надоедать. Разговоры их начали ему казаться как-то поверхностными²⁴¹, европейски-открытое обращение²⁴², с потрепкой по колену²⁴³, также и низкопоклонства и²⁴⁴ развязности начали ему казаться уже чересчур прямыми и открытыми. Он решился с ними совсем раззнакомиться и произвел это даже довольно резко. Именно, когда наиприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всем представитель уже ныне отходящих полковников-брандеров и с тем вместе передовой начинавшегося нового образа мыслей, Варвар Николаевич Вишнепокромов²⁴⁵, приехал к нему затем, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философии, и литературы, и морали, и даже состояния финансов в Англии, – он выслал сказать, что его нет дома, и в то же время имел неосторожность показаться перед окошком. Гость и хозяин встретились взорами. Один, разумеется, проворчал сквозь зубы "скотина!", другой послал ему с досады тоже что-то вроде свиньи. Тем и кончились сношения. С тех пор не заезжал к нему никто. Он этому был ряд²⁴⁶ и предался обдумыванью

²³⁶ Нет в рукописи

²³⁷ Вместо "это" – "то"

²³⁸ Слова "ему" нет в рукописи

²³⁹ Слова "же" нет в рукописи

²⁴⁰ Слов "студент набравший" нет в рукописи

²⁴¹ Далее союз "а"

²⁴² обращенье

²⁴³ Далее слов "также и низкопоклонства" нет в рукописи

²⁴⁴ Далее идет текст в такой редакции: "и прочия развязности через чур прямыми и открытыми. Он решился раззнакомиться со всеми"

²⁴⁵ Слова "Варвар Николаевич Вишнепокромов" в рукописи поданы: "Варваров Вишнепокровов"

²⁴⁶ рад

большого сочинения о России. Как обдумывалось это сочинение, читатель уж видел²⁴⁷. Установился странный, беспорядочный порядок. Нельзя сказать, однако же, чтобы не было минут, в которые как будто пробуждался он ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему в печати знакомое имя прежнего товарища, уже преуспевавшего на видном поприще государственной службы или приносившего посильную дань наукам и делу всемирному, тайная тихая грусть подступала ему под сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездействие свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. С необыкновенной силой воскресало пред ним школьное минувшее время и представал²⁴⁸ вдруг, как живой, Александр Петрович...²⁴⁹ Градом лились из глаз его слезы²⁵⁰ [и рыдания продолжались почти весь день].

Что значили эти рыдания?²⁵¹ Обнаруживала ли ими болеющая душа скорбную тайну своей болезни? что не успел образоваться и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек; что, не испытанный измлада в борьбе с неудачами, не достигнул он до высокого состоянья возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что, растопившись подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки, и²⁵² что слишком для него рано²⁵³ умер необыкновенный наставник, и что нет теперь никого во всем свете, кто бы был в силах воздвигнуть²⁵⁴ шатаемые вечными колебаниями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнул душе пробуждающим криком это бодрящее слово: *вперед*, которого жаждет повсюду на всех ступенях стоящий, всех сословий и званий и промыслов, русской человек.

Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово *вперед*? кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить нас на высокую жизнь? Какими слезами,

---

²⁴⁷ Далее слов "Установился странный, беспорядочный порядок" в рукописи нет

²⁴⁸ представлялся

²⁴⁹ Далее в рукописи: "и градом"

²⁵⁰ Последующих слов "и рыдания продолжались почти весь день" нет в рукописи

²⁵¹ В рукописи "эти слезы"

²⁵² "и" нет в рукописи

²⁵³ Слово "рано" дописано в рукописи чьей-то рукой

²⁵⁴ Вместо слов "кто бы был в силах воздвигнуть" в рукописи: "кто бы его здегнул"

какой любовью заплатил бы ему благодарный русский человек. Но веки проходят за веками, позорной ленью и безумной деятельностью незрелого юноши объемлется <...> (*В автографе пропуск недостающего текста ничем не отмечен.*) и не дается богом муж, умеющий произносить его!²⁵⁵

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то похожее на любовь. Но и тут дело кончилось ничем²⁵⁶. В соседстве, в десяти верстах от его деревни, проживал генерал, отзывавшийся, как мы уже видели, не весьма благосклонно о Тентетникове. Генерал жил генералом, хлебосольствовал, любил, чтобы соседи приезжали изъявлять ему почтенье, сам визитов не платил, говорил хрипло, читал книги и имел дочь, существо дотоле невиданное, странное²⁵⁷. Оно <было> что-то живое, как сама жизнь²⁵⁸. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве. Отцу было некогда. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее²⁵⁹. Как в ребенке, возросшем²⁶⁰ на свободе, в ней было всё своенравно. Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с отцом своим²⁶¹, он бы подумал, что это было капризнейшее создание²⁶². Но гнев ее вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой²⁶³ бы то ни было²⁶⁴ несправедливости или дурном поступке с кем бы то ни было. Но никогда²⁶⁵ не

---

²⁵⁵ В рукописи абзаца от слов "Где же тот..." и до слов "... умеющий произносить его!" нет

²⁵⁶ Слов "Но и тут дело кончилось ничем" в рукописи нет

²⁵⁷ Слова "странное" нет в рукописи. Далее идут слова: "Иногда случается человеку во сне увидеть что-то подобное, и с тех пор он уже во всю жизнь свою грезит этим сновидением"

²⁵⁸ Слова "Оно было что-то живое, как сама жизнь" перенесены далее в текст рукописи

²⁵⁹ Далее в рукописи идет текст: "Это что-то было живое, как сама жизнь. Никак нельзя было сказать, какая страна полонила на ней свой отпечаток, потому что подобного профиля и очертанья лица трудно было где-нибудь отыскать, разве только на античных камнях"

²⁶⁰ возросшем

²⁶¹ В рукописи: "с своим отцом"

²⁶² В рукописи точка заменена на запятую

²⁶³ о какой-нибудь

²⁶⁴ Слов "как то ни было" нет в рукописи

²⁶⁵ Далее слов "не гневалась и никогда" в рукописи нет, далее идет слово "не спорила"

гневалась и никогда не споривала она за себя самое и не оправдывала себя²⁶⁶. Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастье того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подаении²⁶⁷ кого бы то ни было, она²⁶⁸ готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты²⁶⁹. Было в ней что-то стремительное²⁷⁰. Когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось²⁷¹ вослед за мыслью – выраженье лица²⁷², выраженье разговора, движенье рук; самые складки платья как бы стремились в ту же сторону и, казалось, как бы²⁷³ она сама вот улетит вослед²⁷⁴ за собственными словами²⁷⁵. Ничего не было в ней угаенного²⁷⁶. Ни перед кем не побоялась бы она обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей²⁷⁷ хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того бестрепетно-свободна, что всё ей²⁷⁸ уступало бы невольно дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел²⁷⁹; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова и терялся, а²⁸⁰ застенчивый мог разговориться с нею, как никогда в жизни своей ни с кем, и с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее и как бы эти самые черты ее ему где-то уже виделись, что случилось это во дни какого-то незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, веселым

---

²⁶⁶ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "– и гнев ее вдруг исчезнул бы, если бы она увидела несчастье того самого, на кого гневалась"

²⁶⁷ Далее слов "кого бы то ни было" нет в рукописи

²⁶⁸ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "она бросала просившему все, что имела еще прежде, чем успевала подумать о том, что бросить не прилично кошелек со всем, что в нем ни было"

²⁶⁹ Далее в рукописи после запятой идет текст: "она разорвала бы на себе платье для перевязки страдальцу, если бы он был ранен"

²⁷⁰ В рукописи точка с запятой

²⁷¹ Далее слова "вслед за мыслию"

²⁷² Фразы "выражение лица" нет в рукописи

²⁷³ Вместо слов "как бы" в рукописи – "что"

²⁷⁴ в след

²⁷⁵ В рукописи точка с запятой

²⁷⁶ В рукописи точка с запятой

²⁷⁷ Слова "ей" в рукописи нет

²⁷⁸ Далее текст дан в такой редакции: "невольно уступало дорогу"

²⁷⁹ не смел

²⁸⁰ Далее в рукописи слова "добрый, даже"

вечером, при радостных играх детской толпы²⁸¹, и надолго после того становился ему скучным разумный возраст человека.

Точно то же случилось²⁸² с нею и с Тентетниковым²⁸³. Неизъяснимое новое чувство вошло к нему²⁸⁴ в душу²⁸⁵. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась²⁸⁶.

Генерал принимал сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно, но сойтись между собою они не могли. Разговоры их оканчивались спором и каким-то неприятным ощущением с обеих сторон, потому что генерал не любил противуречья²⁸⁷ и возраженья; а Тентетников, с своей стороны, тоже был человек щекотливый. Разумеется, что ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них держался, покуда не приехали гостить к генералу родственницы, графиня Болдырева²⁸⁸ и княжна Юзякина²⁸⁹, отсталые фрейлины прежнего двора, но удержавшие и доныне кое-какие связи²⁹⁰, вследствие чего генерал перед ними немножко подличал. С самого их приезда Тентетникову показалось, что он²⁹¹ стал к нему холоднее, не замечал его, или обращался как с лицом бессловесным; говорил ему как-то пренебрежительно:

*любезнейший, послушай, братец*²⁹², и даже *ты*. Это²⁹³ его, наконец, взорвало. Скрепя сердце и стиснув зубы, он, однако же, имел присутствие духа сказать необыкновенно учтивым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и всё внутри его кипело:

---

²⁸¹ В рукописи точка

²⁸² Слов "с нею и" нет в рукописи

²⁸³ Далее идет текст: "ему показалось с первого дня знакомства, что он был знаком с нею вечно"

²⁸⁴ ему

²⁸⁵ В рукописи вместо точки – тире

²⁸⁶ Далее в рукописи идет текст: "халат на время был оставлен. Не так долго копался он на кровати, не так долго стоял Михайло с рушником в руках, растворились окна в комнатах, и часто владетель картинного поместья долго ходил по темным излучинам своего сада, ему уже чуждого и останавливался по часам пред пленительными видами на отдаленье"

²⁸⁷ противуречия и возражения

²⁸⁸ В рукописи: "Бордирева"

²⁸⁹ "княгиня Юзянина", далее: "отставные"

²⁹⁰ Далее слова: "в Петербург"

²⁹¹ что генерал

²⁹² Далее в рукописи: "и один раз сказал ему даже ты"

²⁹³ Далее текст в рукописи после точки с запятой идет в такой редакции: "это, наконец взорвало его и скрепя"

"Я благодарю вас, генерал, за расположение. Словом *ты* вы меня вызываете на тесную дружбу, обязывая и меня говорить вам *ты*. Но различие в летах препятствует такому фамильярному между нами обращению". Генерал смутился. Собирая слова и мысли, стал он говорить, хотя несколько несвязно, что слово *ты* было им сказано не в том смысле, что старику иной раз позволительно сказать молодому человеку *ты* (о чине своем он не упомянул ни слова).

Разумеется, с этих пор знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было²⁹⁴ блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали еще сумрачней. Всё поворотило на жизнь, которую читатель видел в начале главы, – на лежанье и бездействие. В доме завелись гадость и беспорядок²⁹⁵. Половая щетка оставалась по целому дню²⁹⁶ посреди комнаты вместе с сором²⁹⁷. Панталоны заходили даже в гостиную²⁹⁸. На щеголеватом столе перед диваном лежали засаленные подтяжки, точно²⁹⁹ какое угощение гостю³⁰⁰. И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашние куры. Взявши перо, бессмысленно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки³⁰¹. Но иногда, всё позабывши³⁰², перо чертило само собой, без ведома хозяина, маленькую головку с тонкими чертами, с быстрым пронзительным взглядом и приподнятой прядью волос, и в изумленье³⁰³ видел хозяин, как выходил портрет той, с которой портрета³⁰⁴ не написал бы никакой знаменитый художник. И еще грустнее ему становилось и, веря тому, что нет на земле счастья, оставался он еще более после того скучным и безответным.

---

²⁹⁴ Далее в рукописи: "пред ним"

²⁹⁵ Точка заменена в рукописи двоеточием

²⁹⁶ дню

²⁹⁷ В рукописи вместо точки – запятая

²⁹⁸ Вместо точки в рукописи – тире и запятая

²⁹⁹ Далее в рукописи: "как угощение"

³⁰⁰ В рукописи запятая

³⁰¹ Далее в рукописи после запятой: "или же записывал: "Милостивый Государь!" с восклидательным знаком, всеми почерками"

³⁰² забывалось

³⁰³ в изумлении

³⁰⁴ Далее текст идет в такой редакции: "кажется, не мог бы никак писать даже ни один художник"

Таково было состояние души Андрея Ивановича Тентетникова³⁰⁵ в то время, когда, по обыкновению, подсел он к окну глазеть обычным порядком, но, к изумлению своему, не слышал ни Григория, ни Перфильевны³⁰⁶; во дворе напротив было некоторое движение и некоторая суета. Поварченок и полomoйка бежали отворять ворота. В воротах показались кони, точь-в-точь, как лепят иль рисуют их на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда посередине. Свыше их, на козлах кучер и лакей, в широком сертуке, опоясавший себя носовым платком. За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов. Когда экипаж изворотился перед крыльцом, оказалось, что был он не что другое³⁰⁷, как рессорная легкая бричка. Господин необыкновенно приличной наружности соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека³⁰⁸.

Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства. Надобно сказать, что в молодости своей он было замешался в одно неразумное дело. Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да не докончивший учебного курса эстетик, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряжением старого плута и масона и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека. Общество было устроено с обширной целью – доставить прочное счастье всему человечеству, от берегов Темзы до Камчатки. Касса денег потребовалась огромная; пожертвованья собирались с великодушных членов невероятные. Куды это всё пошло, знал об этом только один верховный распорядитель. В общество это затащили его два приятеля, принадлежавшие к классу огорченных людей, добрые люди, но которые, от частых тостов во имя науки, просвещения и будущих одолжений человечеству, сделались потом формальными пьяницами. Тентетников скоро спохватился и выбыл из этого круга. Но общество успело уже запутаться в каких-то других действиях, даже не совсем приличных дворянину, так что

---

³⁰⁵ Далее текст от слов "в то время..." и до слов "... порядком" дан в такой редакции: "Однажды, когда он обычным порядком подходил к окну с трубкой и чашкой в руках"

³⁰⁶ Далее текст от слов "во дворе..." и до слов "... суета" в рукописи дан в такой редакции: "заметил он на дворе движение и некоторую суету"

³⁰⁷ иное

³⁰⁸ В рукописи текста от слов "Андрей Иванович струсил..." и до слов "... глядел он и теперь на растворяющуюся дверь" нет

потом завязались дела и с полицией... А потому не мудрено, что, и вышедши и разорвавши всякие сношения с ними, Тентетников не мог, однако же, оставаться покоен. На совести у него было не совсем ловко. Не без страха глядел он и теперь на растворявшуюся дверь.

Страх его, однако же, прошел вдруг, когда³⁰⁹ гость раскланялся с³¹⁰ ловкостью невероятной, сохраняя почтительное положение³¹¹ головы несколько на бок. В коротких, но определительных словах изъяснил, что уже издавна ездит он по России, побуждаемый и потребностями и любознательностью; что государство наше преизобилует предметами замечательными, не говоря уже об обилии промыслов и разнообразии почв; что он увлекся картинным местоположением его деревни; что, несмотря, однако же, на местоположение³¹², он не дерзнул бы беспокоить его неуместным заездом своим, если б не случилось, по поводу весенних разлитий и дурных дорог, внезапной изломки в экипаже³¹³. Что при всем том, однако же, если бы даже и ничего не случилось в его бричке, он бы не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать ему лично свое почтение³¹⁴.

Окончив речь, гость с обворожительной³¹⁵ приятностью³¹⁶ подшаркнул ногой, обутой в щегольской³¹⁷ лаковый полусапожек³¹⁸, застегнутый на перламутровые³¹⁹ пуговицы, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостью³²⁰ резинового мячика.

---

³⁰⁹ Вместо слов "Страх его, однако же, прошел вдруг, когда" в рукописи текст дан в такой редакции: "Вошедши в комнату, гость"

³¹⁰ Далее текст в рукописи идет в такой редакции: "с тою же невероятною ловкостью"

³¹¹ наклонение

³¹² местоположение

³¹³ Далее в рукописи идет текст: "его, требующей помощи со стороны кузнецов и мастеров; что при всем том"

³¹⁴ личное свое почтение

³¹⁵ обворожительную

³¹⁶ признательностию

³¹⁷ щегольский

³¹⁸ полусапог

³¹⁹ перламутровые

³²⁰ легкостию

Успокоившийся Андрей Иванович заключил, что это должен быть³²¹ какой-нибудь любознательный ученый профессор, который ездит по России, может быть, затем, чтобы собирать какие-нибудь растения или, может быть³²², предметы ископаемые. Тот же час изъявил он ему всякую готовность споспешествовать во всем; предложил своих мастеров, колесников и кузнецов; просил расположиться, как в собственном доме; усадил его в большие вольтеровские <кресла> и приготовился слушать его рассказ по части естественных наук.

Гость, однако же, коснулся больше событий внутреннего мира³²³. Уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вероломными ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много³²⁴ должностей, что много потерпел за правду³²⁵, что даже самая жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов, и много еще рассказал³²⁶ он такого, что показывало в нем скорее практического человека. В заключение же речи высморкался он в белый батистовый платок так громко, как Андрей Иванович еще и не слыхивал. Подчас попадает в оркестре³²⁷ такая прохода-труба, которая когда хватит, то кажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе³²⁸. Точно такой же звук раздался в пробужденных покоех дремавшего дома, и немедленно вослед³²⁹ за ним воспоследовало благоуханье³³⁰ одеколона, невидимо распространное³³¹ ловким встряхнутым носового батистового платка.

Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович

---

³²¹ В рукописи слов "какой-нибудь любознательный ученый профессор, который ездит по России, может быть" нет

³²² В рукописи слов "может быть" нет

³²³ Далее в рукописи после запятой идут слова: "заговорил о превратностях судьбы, уподобил..."

³²⁴ Далее идет текст в такой редакции: "мест и должностей, что даже самая жизнь его"

³²⁵ Слов "много потерпел за правду" нет в рукописи

³²⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "рассказал, такого он, из чего можно было увидеть, что скорее практический человек"

³²⁷ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "такая прохода – труба, когда схватит, покажется, что крякнуло не в оркестре", дописанной кем-то карандашом

³²⁸ Вместо точки в рукописи стоит точка с запятой

³²⁹ Слова "вослед" нет в рукописи

³³⁰ благоухание

³³¹ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "ловко встряхнутым батистовым платком"

Чичиков. Он немножко постарел; как видно, не без бурь и тревог было для него это время³³². Казалось, как бы и самый фрак на нем немножко поизветшал³³³, и бричка, и кучер, и слуга, и лошади, и упряжь как бы поистерлись и поизносились³³⁴. Казалось бы³³⁵, как бы и самые финансы даже не были в завидном состоянии³³⁶. Но выраженья лица, приличье³³⁷, обхожденье остались те же. Даже как бы еще приятнее стал он в поступках и оборотах, еще ловче подвертывал под ножку ножку, когда садился в кресла³³⁸; еще более было мягкости в выговоре речей, осторожной умеренности в словах и выраженьях³³⁹, более уменья держать себя и более такту во всем. Белей³⁴⁰ и чище снегов были на нем воротнички и манишка, и, несмотря на то, что был он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, – хоть³⁴¹ приглашай³⁴² сей же час его³⁴³ на именинный обед. Щеки и подбородок выбриты были так, что один слепой мог не полюбоваться приятной³⁴⁴ выпуклостью круглоты их.

В доме тот же час произошло преобразование³⁴⁵. Половина его, дотеле пребывавшая в слепоте, с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась. Всё начало размещаться в осветившихся комнатах, и скоро³⁴⁶ всё приняло такой вид: комната, определенная быть спальней, вместила в себе вещи, необходимые для ночного туалета³⁴⁷; комната, определенная быть кабинетом... Но прежде необходимо знать, что в этой комнате было три стола: один письменный – перед³⁴⁸ диваном, другой ломберный – между окнами перед зеркалом, третий угольный – в углу, между дверью в

---

³³² Вместо точки в рукописи стоит точка с запятой

³³³ не изветоши

³³⁴ Вместо точки в рукописи стоит точка с запятой

³³⁵ Слова "бы" нет в рукописи

³³⁶ Вместо точки в рукописи стоит точка с запятой

³³⁷ приличие обхождения

³³⁸ В рукописи стоит точка

³³⁹ выражениях

³⁴⁰ белее

³⁴¹ хоть бы

³⁴² Слова "приглашай" нет в рукописи

³⁴³ Текст в рукописи дан в такой редакции: "хоть бы сейчас же на именинный обед"

³⁴⁴ приятною

³⁴⁵ "преобразование"., Далее в рукописи точка с запятой

³⁴⁶ и вскоре

³⁴⁷ В рукописи стоит точка

³⁴⁸ пред

спальню и дверь в необитаемый³⁴⁹ зал с инвалидной мебелью, служивший теперь передней, в который дотоле с год не заходил никто. На этом угольном столе поместилось вынутое из чемодана³⁵⁰ платье, а именно: панталоны под фрак, панталоны новые, панталоны серенькие, два бархатных жилета и два атласных, сертук³⁵¹. Всё это разместилось один на другом пирамидкой и прикрылось сверху носовым шелковым платком³⁵². В другом углу, между дверью и окном, выстроились рядом сапоги: одни не совсем новые, другие совсем новые, лакированные полусапожки и спальные³⁵³. Они также стыдливо занавесились шелковым носовым платком, – так, как бы их там вовсе не было. На письменном столе³⁵⁴ тотчас же в большом порядке разместились: шкатулка³⁵⁵, банка с одеколоном³⁵⁶, календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье поместилось в комод, уже находившемся в спальне; белье же, которое следовало прачке, завязано было в узел и подсунуто под кровать. Чемодан, по опростаньи его, был тоже подсунут под кровать. Сабля, ездившая по дорогам для внушения страха вора³⁵⁷, поместилась повиснувши тоже в спальне на гвозде, недалеко от кровати. Всё приняло вид чистоты и опрятности необыкновенной. Нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздух как-то облагородился: утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белья не занашивает, в баню ходит и вытирает себя мокрой губкой по воскресным дням. В переднем зале покушался было утвердиться на время запах служителя Петрушки³⁵⁸. Но Петрушка скоро перемещен был на кухню, как оно и следовало.

В первые дни Андрей Иванович опасался за свою независимость, чтобы как-нибудь гость не связал его, не стеснил какими-нибудь измененьями в образе жизни и не разрушился бы порядок

---

³⁴⁹ Далее в рукописи идут слова: "сад, служившей теперь передней с инвалидной мебелью"

³⁵⁰ Слов "из чемодана" нет в рукописи

³⁵¹ И далее в рукописи: "сюртук и два фрака, жилеты же белого пике и летние брюки отошли к белью в комод"

³⁵² Далее в рукописи: "шелковым новым носовым платком", далее точка с запятой

³⁵³ В рукописи точка с запятой

³⁵⁴ Далее в рукописи: "пред диваном"

³⁵⁵ шкатулка портфель

³⁵⁶ Далее в рукописи: "сургуч, зубные щетки, новый календарь"

³⁵⁷ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "повешена была тоже в спальне"

³⁵⁸ В рукописи запятая

дня его, так удачно заведенный, – но опасения были напрасны. Павел Иванович наш показал необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему³⁵⁹. Одобрил философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обещает столетнюю жизнь. Об уединении выразился весьма счастливо, именно, что оно питает великие мысли в человеке. Взглянув на библиотеку и отозвавшись с похвалой о книгах вообще, заметил, что они спасают от праздности человека. Выронил слов немного, но с весом. В поступках³⁶⁰ же своих показался он также еще более кстати. Во-время являлся, во-время уходил; не затруднял хозяина запросами³⁶¹ в часы неразговорчивости его; с удовольствием играл с ним в шахматы, с удовольствием молчал. В то время, когда один пускал кудреватыми облаками трубочный дым, другой, не куря трубки, придумывал, однако же, соответствовавшее³⁶² тому занятие: вынимал, например, из кармана серебряную с чернью³⁶³ табакерку и, утвердив ее между двух пальцев левой руки, оборачивал ее быстро пальцем правой, в подобье³⁶⁴ того, как земная сфера обращается около своей оси, или же так по ней барабанил пальцем³⁶⁵, в присвистку³⁶⁶. Словом, не мешал хозяину. "Я в первый раз вижу человека, с которым можно жить", говорил про себя Тентетников: "Вообще этого искусства у нас мало. Между нами есть довольно людей и умных, и образованных, и добрых, но людей³⁶⁷ постоянно-ровного характера, людей, с которыми можно бы прожить век и не поссориться, – я не знаю, много ли у нас можно отыскать таких людей. Вот первый человек, которого я вижу". Так отзывался Тентетников о своем госте.

Чичиков, с своей стороны, был очень рад, что поселился на время у такого мирного и смирного хозяина. Цыганская жизнь ему надоела. Приотдохнуть, хотя на месяц, в прекрасной деревне, в виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и в геморои-

---

³⁵⁹ В рукописи запятая

³⁶⁰ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "В поступках его было все кстати"

³⁶¹ распросами

³⁶² соответственное

³⁶³ чернию

³⁶⁴ на подобие

³⁶⁵ Вместо слова "в присвистку" в рукописи дан текст "насвистывая какое-нибудь ни то ни се"

³⁶⁶ Далее: "он"

³⁶⁷ Далее текст в рукописи идет в такой редакции: "постоянно приятных, постоянно ровного"

дальном отношении. Трудно было найти лучший уголок для отдохновения. Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду³⁶⁸. Уже голубели пролески, и по свежему изумруду первой зелени желтел одуванчик; лилово-розовый анемон наклонил³⁶⁹ нежную головку. Рои мошек и кучи насекомых³⁷⁰ показались на болотах; за ними в догон бегал уж водяной паук³⁷¹; а за ними всякая птица в сухие тростники собралась отвсюду. И всё собиралось поближе см<отреть> друг друга. Вдруг³⁷² населилась земля, проснулись леса, луга. В деревне пошли хороводы. Гуляню был простор³⁷³. Что яркости в зелени! что свежести в воздухе! что птичьего крику в садах! Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пела, как бы на свадьбе. Чичиков ходил много³⁷⁴. Прогулкам и гуляньям был раздол повсюду. То направлял прогулку свою по плоской вершине возвышений, в виду расстилавшихся внизу долин, по которым повсюду оставались еще большие озера от водополия³⁷⁵, и островами на них темнели еще безлистные леса; или же³⁷⁶ вступал в гущи³⁷⁷, в лесные овраги, где³⁷⁸ столплялись густо деревья, отягченные птичьими гнездами <1 нрзб.>, – каркающих воронов, перекрестными летаньями помрачавших небо. По просохнувшей земле³⁷⁹ можно было отправляться к пристани, откуда с горохом, ячменем и пшеницей отчаливали первые суда, между тем, в то же время³⁸⁰ с оглушительным шумом неслась

³⁶⁸ Слов "уже голубели пролески, и" в рукописи нет

³⁶⁹ наклонял

³⁷⁰ Слов "и кучи насекомых" в рукописи нет

³⁷¹ В рукописи текста от слов "а за ними всякая птица..." и до слов "... друг друга" нет. Вместо него в рукописи дан следующий текст: "на озера и разлившиеся реки прилетали утки и всякая водяная птица. Прилет стадами начинался еще прежде"

³⁷² Далее в рукописи идет текст: "Вдруг проснулась земля, леса зазвучали, что яркости в зелени!"

³⁷³ Текст со слов "населилась земля..." и до слов "... Гуляню был простор" в рукописи отсутствует

³⁷⁴ Слова "Чичиков ходил много" в рукописи идут за текстом: "прогулкам и гуляньям было раздолье повсюду"

³⁷⁵ от разлития воды

³⁷⁶ Вместо слов "или же" в рукописи: "то"

³⁷⁷ Слов "в гущи" в рукописи нет

³⁷⁸ Далее текст от слов "столплялись густо..." до слов "... помрачивших небо" дан в такой редакции: "начинали густо убираться деревья, отягченные птичьими гнездами каркающих ворон, перекрестным летаньем помрачивших небо"

³⁷⁹ Далее в рукописи: "Чичиков отправлялся к пристани"

³⁸⁰ Вместо слов "в то же время" в рукописи: "как"

повергаться³⁸¹ вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходил <он>³⁸² наблюдать первые весенние работы, глядеть³⁸³, как свежая орань черной полосой³⁸⁴ проходила по зелени, и засеиватель³⁸⁵, постукивая рукою о сито, висевшее у него на груди, горстью разбрасывал семена ровно³⁸⁶, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону³⁸⁷. Чичиков везде побывал. Перетолковал и <пере>говорил и с приказчиком, и с мужиком, и³⁸⁸ мельником. Узнал всё, обо всем, и что и как, и каким образом³⁸⁹ хозяйство идет, и думал внутренно: "Какая, однако же, скотина Тентетников! Такое имение и этак запустить. Можно бы иметь пятьдесят тысяч годового доходу!"

Не раз, посреди таких прогулок, приходило ему на мысль сделаться когда-нибудь самому, т.е., разумеется³⁹⁰, не теперь, но после, когда обделается главное дело и будут средства в руках, – сделаться самому мирным владельцем подобного поместья. Тут, разумеется, сейчас³⁹¹ представлялась ему даже и³⁹² молодая, свежая, белолицая бабенка³⁹³, из купеческого³⁹⁴ или другого богатого сословия³⁹⁵, которая бы даже знала и музыку³⁹⁶. Представлялось

---

³⁸¹ Вместо "повергаться" в рукописи: "весенняя"

³⁸² В рукописи слова "он" нет

³⁸³ и глядел

³⁸⁴ полосой

³⁸⁵ Далее в рукописи: "и как ловкий сеятель"

³⁸⁶ Далее в рукописи текст идет в следующей редакции: "не передавши ни зернышка"

³⁸⁷ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "Чичиков побывал везде, говорил и толковал"

³⁸⁸ и с

³⁸⁹ Далее в рукописи текст от слов "хозяйство идет..." и до слов "... годового доходу!" заменен на текст: "идет хозяйство, и каких урожаев можно ожидать, и насколько продается хлеба, и что отбирают осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве и где купил корову и чем кормит свинью, словом все. Узнал и то, сколько померло мужиков, – оказалось немного: как умный человек, заметил их вдруг, что не завидно идет хозяйство у Андрея Ивановича. Повсюду упущения, нерадения, воровство, не мало и пьянства. И мысленно он говорил сам себе: "Какая же однако скотина Тентетников! запустил такое имение, которое могло бы приносить пятьдесят тысяч годового дохода! и не будучи в силах удержать справедливого негодования, повторял он решительная скотина"

³⁹⁰ Слова "разумеется" в рукописи нет

³⁹¹ Слово "сейчас" переставлено после слова "ему"

³⁹² Слов "даже и" в рукописи нет

³⁹³ Далее в рукописи: "может быть даже"

³⁹⁴ Слов "или другого богатого" в рукописи нет

³⁹⁵ Далее в рукописи: "впрочем однако же образованная и воспитанная"

³⁹⁶ Далее в рукописи: "хотя конечно музыка и не главное, – но почему же, если уже так заведено, зачем же идти против общего мнения?"

ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилию³⁹⁷ Чичиковых: резвунчик мальчишка и красавица дочка, или даже³⁹⁸ два мальчугана, две и даже три девчонки³⁹⁹, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то, что прошел⁴⁰⁰ какой-нибудь тенью или призраком по земле, – чтобы не было стыдно и перед отечеством⁴⁰¹. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление: статский советник, например, чин почтенный и уважительный...⁴⁰² Мало ли чего не приходит в ум во время прогулок человеку, что так часто уносит человека от скучной настоящей минуты, теревит, дразнит, шевелит воображение и бывает ему любо даже тогда, когда уверен он сам, что это никогда не сбудется.

Людям Павла Ивановича деревня тоже⁴⁰³ понравилась. Они так же, как и он, обжились в ней. Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись⁴⁰⁴ друг перед другом нестерпимо. Петрушка пустил Григорию пыль в глаза своею бывалостью в разных местах⁴⁰⁵; Григорий же осадил его сразу Петербургом, в котором Петрушка не был. Последний хотел было подняться и выехать⁴⁰⁶ на дальности расстояний тех мест, в которых он бывал, но Григорий назвал ему такое место, какого ни на какой карте нельзя было отыскать, и насчитал тридцать тысяч с лишком верст, так что служитель Павла Ивановича совсем⁴⁰⁷ осовел, разинул рот и был поднят на смех тут же всею⁴⁰⁸ дворней⁴⁰⁹. Дело, однако ж, кончилось между ними⁴¹⁰ самой

---

³⁹⁷ фамилию

³⁹⁸ Далее текст идет в рукописи в такой редакции: "или же два даже мальчугана"

³⁹⁹ девочки

⁴⁰⁰ Далее в рукописи идут слова "по земле", которые перенесены от слова "призраком"

⁴⁰¹ Далее текст от слов "Тогда ему начинало" опущен и дан в следующей редакции: "представлялось ему и то, что и недурно"

⁴⁰² Далее следует редакция текста: "и мало ли что во время прогулок приходит на ум человеку, что уносит его так часто от скучной настоящей минуты"

⁴⁰³ Так же

⁴⁰⁴ надувались

⁴⁰⁵ Вместо слов "своею бывалостью в разных местах" в рукописи: "тем, что он бывал в Костроме, Ярославле, Нижнем и даже в Москве"

⁴⁰⁶ Слова "выехать" в рукописи нет

⁴⁰⁷ Слова "совсем" в рукописи нет

⁴⁰⁸ всей

⁴⁰⁹ деревней

⁴¹⁰ ими

тесной дружбой. В конце деревни Лысый Пимен⁴¹¹, дядя всех крестьян, держал кабак, которому имя было Акулька. В этом заведении видели их все часы дня. Там стали они свои други⁴¹², или то, что называют в народе: кабацкие завсегдатели⁴¹³.

У Селифана была другого рода приманка. На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хороводы. Породистые стройные девки, каких уже трудно теперь найти в больших деревнях, заставляли его по нескольким часам стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех глаза⁴¹⁴ репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса. Когда, взявшись обеими руками за белые руки, медленно двигался он с ними в хороводе, или же выходил на них стеной, в ряду других парней, и, выходя также стеной навстречу им, громко выпевали усмехаясь горластые девки: "Бояре, покажите жениха!"⁴¹⁵ и тихо померкала вокруг окольность, и раздававшийся далеко за рекой⁴¹⁶ возвращался грустным назад отголосок напева⁴¹⁷, – не знал он и сам тогда, что с ним делалось. Во сне и наяву, утром и в сумерки, всё мерещилось ему потом, что в обеих руках его белые руки, и движется он в хороводе.

Коням Чичикова понравилось тоже новое жилище⁴¹⁸. И коренной, и Заседатель⁴¹⁹, и самый чубарый⁴²⁰ нашли пребыванье у Тентетникова совсем не скучным, овес отличным, а расположение⁴²¹ конюшен необыкновенно удобным⁴²²: у всякого стойло, хотя и отгороженное, но через перегородки можно было видеть и других лошадей; так что, если бы пришла кому-нибудь из них, даже самому дальнему, блажь вдруг заржать, можно было ему ответить тем же⁴²³ тот же час.

---

⁴¹¹ Пимон

⁴¹² Слова "други" в рукописи нет

⁴¹³ заседатели

⁴¹⁴ Вместо "глаза" в рукописи: "щеки"

⁴¹⁵ Далее в рукописи: "и подчас рдеющий вечер и тихо"

⁴¹⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "грустным назад возвращался отголосок"

⁴¹⁷ Слова "напева" в рукописи нет. Вместо него идет слово "Селифан"

⁴¹⁸ В рукописи точка отсутствует

⁴¹⁹ Далее идет текст: "и пристяжной каурой масти, называемой заседателем"

⁴²⁰ Далее в рукописи: "о котором выражался Селифан: "подлец лошадь"

⁴²¹ расположение

⁴²² В рукописи вместо двоеточия точка

⁴²³ Далее: "и"

Словом, все обжились, как дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павел Иванович объезжал пространную Россию, то есть⁴²⁴ до мертвых душ, то насчет этого предмета он сделался очень осторожен⁴²⁵ и деликатен⁴²⁶, если бы даже пришлось вести дело с дураками круглыми⁴²⁷. Но Тентетников, как бы то ни было, читает книги, философствует, старается изъяснить себе всякие причины всего: зачем и почему? "Нет, лучше поискать, нельзя ли с другого конца". Так думал он. Раздобаривая⁴²⁸ почаству с дворовыми людьми, он, между прочим, от них разведдал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу, что у генерала барышня, что барин было к барышне, да и барышня тоже к барину... но потом вдруг за что-то не поладили и разошлись. Он заметил и сам, что Андрей Иванович карандашом и пером всё рисовал какие-то головки, одна на другую похожие. Один раз, после обеда, оборачивая по обыкновенью⁴²⁹ пальцем серебряную табакерку вокруг ее оси, сказал он так: "У вас всё есть, Андрей Иванович, одного только не достает".

"Чего?" спросил тот, выпуская кудреватый дым.

"Подруги жизни", сказал Чичиков.

Ничего не сказал Андрей Иванович. Тем разговор и кончился.

Чичиков не смутился, выбрал другое время, уже перед ужином, и, разговаривая о том и о сем, сказал вдруг: "А право, Андрей Иванович, вам бы очень не мешало жениться".

Хоть бы слово сказал на это Тентетников, точно как бы и самая речь об этом была ему неприятна.

Чичиков не смутился. В третий раз выбрал он время уже после ужина и сказал так: "А все-таки, как ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию".

Слова ли Чичикова были на этот раз так убедительны, или же расположение духа в этот день у него [было] особенно настроено к откровенности, он вздохнул, сказал, пустивши кверху трубочный дым: "На всё нужно родиться счастливецом, Павел Иванович", и⁴³⁰

---

⁴²⁴ Слов "то есть" в рукописи нет

⁴²⁵ В рукописи слова "осторожен" нет

⁴²⁶ В рукописи точка

⁴²⁷ Далее идет текст после запятой: "он бы не вдруг его начал"

⁴²⁸ раздобарывая

⁴²⁹ обыкновению

⁴³⁰ Далее в рукописи: "и тут же передал гостю"

рассказал⁴³¹ всё, как было, всю историю знакомства с генералом и разрыва.

Когда услышал Чичиков, от слова до слова, всё дело и увидел, что из-за одного слова *ты* произошла такая история, он оторопел⁴³². С минуту смотрел пристально в глаза Тентетникову⁴³³, не зная, как решить⁴³⁴ об нем: дурак ли он круглый, или только придурковат, и наконец⁴³⁵:

"Андрей Иванович! помилуйте", сказал он⁴³⁶, взявши его за обе руки: "какое ж оскорбление? что ж тут оскорбительного в слове *ты*?"

"В самом слове нет ничего оскорбительного", сказал Тентетников: "не⁴³⁷ в смысле слова, но в голосе, с которым сказано оно, заключается оскорбление. Ты! – это значит: "Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нет никого лучше; а приехала какая-нибудь княжна Юзякина – ты знай свое место, стой у порога". Вот что это значит". Говоря это, смиренный и кроткий Андрей Иванович засверкал глазами, в голосе его послышалось раздраженье⁴³⁸ оскорбленного чувства.

"Да хоть бы даже и в этом смысле, что ж тут такого?" сказал Чичиков.

"Как?⁴³⁹ Вы хотите, чтобы <я> продолжал бывать у него после такого поступка!"

"Да какой же это поступок! Это даже не поступок!" сказал хладнокровно⁴⁴⁰ Чичиков.

"Как не поступок?" спросил в изумленьи Тентетников⁴⁴¹.

"Это генеральская привычка, а не поступок: они всем говорят *ты*. Да впрочем, почему ж этого и не позволить заслуженному, почтенному человеку?.."

---

⁴³¹ Слово "рассказал" в рукописи отсутствует

⁴³² В рукописи запятая

⁴³³ Далее: "и не знал"

⁴³⁴ Далее текст в рукописи идет после двоеточия в такой редакции: "действительно ли он круглый дурак, или только с придурью"

⁴³⁵ В рукописи слов "и наконец" нет

⁴³⁶ Далее идет слово "наконец"

⁴³⁷ но

⁴³⁸ раздражение

⁴³⁹ Далее в рукописи: "сказал Тентетников смотря пристально в глаза Чичикову"

⁴⁴⁰ Слова "хладнокровно" в рукописи нет

⁴⁴¹ Далее в рукописи: "Это не поступок, Андрей Иванович, это просто"

"Это другое дело", сказал Тентетников. "Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне *ты* и принял бы даже почтительно".

"Он совсем дурак", подумал про себя Чичиков: "оборвышу позволить, а генералу не позволить!" – "Хорошо!" сказал он вслух: "положим, он вас оскорбил, зато⁴⁴² вы и поквитались с ним: он вам, и вы ему⁴⁴³. Ссориться, оставляя личное, собственное, – это, извините... Если уже избрана цель, уж нужно идти напролом. Что глядеть на то, что человек плюется! Человек всегда плюется: он так уж создан. Да вы не отыщете теперь во всем свете такого, который бы не плевался".

"Станный человек этот Чичиков!" думал про себя в недоумении⁴⁴⁴ Тентетников, совершенно⁴⁴⁵ озадаченный такими словами.

"Какой, однако же, чудак этот Тентетников!" думал, между тем, Чичиков.

"Андрей Иванович! я буду с вами говорить как брат с братом. Вы человек неопытный⁴⁴⁶ – позвольте мне обделать <это⁴⁴⁷ дело>. Я⁴⁴⁸ съезжу к его превосходительству и объясню⁴⁴⁹, что случилось это с вашей стороны по недоразумению, по молодости и незнанию людей и света".

"Подличать перед ним я не намерен", сказал, оскорбившись, Тентетников: "да и вас не могу на это уполномочить".

"Подличать я не способен", сказал, оскорбившись, Чичиков. "Провиниться в⁴⁵⁰ другом проступке, по человечеству, могу⁴⁵¹, но в подлости – никогда... Извините, Андрей Иванович, за мое доброе

---

⁴⁴² за что

⁴⁴³ Далее вместо текста: "Ссориться, оставляя личное, собственное, – это, извините... Если уже избрана цель, уж нужно идти напролом. Что глядеть на то" в рукописи идет текст: "но ссориться, раставаться навсегда из пустяка, это уж извините... помилуйте, на что же это похоже? Если избрана цель тут нужно идти на пролом. Глядеть на то, что человек плюется!"

⁴⁴⁴ Слов "Станный человек этот Чичиков!" думал про себя в недоумении" в рукописи нет

⁴⁴⁵ Далее текст "озадаченный такими словами" дан в такой редакции: "был озадачен этими словами, оторопел, глядел в глаза Павлу Ивановичу и думал про себя: престанный, однако же человек этот Чичиков"

⁴⁴⁶ В рукописи вместо тире стоит точка

⁴⁴⁷ Слова "это" нет в рукописи

⁴⁴⁸ Далее слова "могу съездить"

⁴⁴⁹ объяснить

⁴⁵⁰ Далее идет слово "каком"

⁴⁵¹ Далее слово "еще"

желанье, я не ожидал, чтобы слова <мои>⁴⁵² принимали вы в таком обидном смысле". Всё это было сказано с чувством достоинства.

"Я виноват, простите", сказал торопливо тронутый Тентетников, схватив его за обе руки. "Я не думал вас оскорбить. Клянусь, ваше доброе участие мне дорого. Но оставим этот разговор. Не будем больше никогда об этом говорить".

"В таком случае, я так⁴⁵³ поеду к генералу".

"Зачем?" спросил Тентетников, смотря в недоумении⁴⁵⁴ ему в глаза.

"Засвидетельствовать почтенье"⁴⁵⁵.

"Станный человек этот Чичиков!" подумал Тентетников.

"Станный человек этот Тентетников!" подумал Чичиков.

"Я⁴⁵⁶ завтра же, Андрей Иванович, около десяти часов утра к нему и поеду. По-моему, чем скорей⁴⁵⁷ засвидетельствовать почтенье⁴⁵⁸ человеку, тем лучше. Так как бричка моя еще не пришла в надлежащее <состояние>⁴⁵⁹, то позвольте взять у вас коляску⁴⁶⁰.

"Помилуйте, что за просьба? Вы – полный господин: и экипаж, и всё в вашем распоряжении".

После такого разговора они простились и разошлись спать, не без рассуждения⁴⁶¹ о странностях друг друга.

Чудная, однако же, вещь⁴⁶²: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочил он в коляску с легкостью⁴⁶³ почти военного человека, одетый в новый фрак, белый галстук и жилет, и покатился свидетельствовать почтенье⁴⁶⁴ генералу, Тентетников пришел в такое волнение духа, какого давно не испытывал. Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погруженного в беспечную лень байбака. То садился

---

⁴⁵² Слова "мои" нет в рукописи

⁴⁵³ Далее идут слова "все таки" вместо "так"

⁴⁵⁴ Вместо "в недоумении" в рукописи: "с неудовольствием"

⁴⁵⁵ почтение

⁴⁵⁶ Нет в рукописи

⁴⁵⁷ скорее

⁴⁵⁸ почтение

⁴⁵⁹ Вместо слова "состояние" – слово "положение"

⁴⁶⁰ Далее в рукописи: "я бы завтра же, этак около 10 часов утра к нему бы и съездил"

⁴⁶¹ размышления

⁴⁶² В рукописи восклицательный знак

⁴⁶³ легкостью

⁴⁶⁴ почтение

он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу, то хотел мыслить. Безуспешное хотенье! Мысль не лезла к нему в голову⁴⁶⁵. То старался ни о чем не мыслить – безуспешное старание! Отрывки чего-то похожего на мысли, концы и хвостики мыслей лезли и отовсюду наклеивались к нему в голову. "Странное состоянье!" сказал он и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву⁴⁶⁶, в конце которой еще курилась не успевшая улечься пыль⁴⁶⁷. Но, оставив⁴⁶⁸ Тентетникова, последуем за Чичиковым.

---

⁴⁶⁵ В рукописи стоит восьмиточие (предполагает это пропуск – неизвестно)

⁴⁶⁶ дубравку

⁴⁶⁷ Далее в рукописи: "поднятая коляской"

⁴⁶⁸ оставим

Глава 2

Художник М.М.Далькевич. Издание А.Ф.Маркса. Санкт-Петербург. 1900 г.

Шобрые кони в полчаса с небольшим пронесли Чичикова через десятиверстное пространство: сначала дубраву⁴⁶⁹, потом хлебами, начинавшими зеленеть посреди свежей орани, потом горной окраиной, с которой поминутно открывались виды на отдаленья; потом широкою аллею лип, едва начинавших (*В автографе* – начинавшихся) развиваться⁴⁷⁰, внесли его в самую середину⁴⁷¹ деревни. Тут аллея лип своротила направо и, превратясь в улицу овальных <1 нрзб.>⁴⁷² тополей, огороженных снизу плетеными коробками, уперлась в чугунные сквозные ворота, сквозь которые глядел кудряво богатый резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на восемь коринфских колонн. Повсюду несло масляной краской, всё обновлявшей и ничему не дававшей состариться. Двор чистотой подобен был паркету⁴⁷³. С почтеньем Чичиков соскочил⁴⁷⁴, приказал о себе доложить генералу и был введен к нему прямо в кабинет. Генерал поразил его величественной наружностью⁴⁷⁵. Он был в атласном стеганом халате великолепного пурпура⁴⁷⁶. Открытый взгляд, лицо мужественное, усы и большие бакенбарды с проседью, стрижка на затылке низкая, под гребенку, шея сзади толстая, называемая в три этажа, или в три складки, с трещиной поперек; словом, это был один из тех картинных генералов, которыми так богат был знаменитый 12-й год. Генерал Бетрищев, как и многие из нас⁴⁷⁷, заключал в себе при куче достоинств и кучу недостатков. То и другое, как водится в русском человеке, было набросано у него в каком-то картинном беспорядке. В решительные минуты – великодушье⁴⁷⁸, храбрость⁴⁷⁹, безграничная щедрость, ум⁴⁸⁰ во всем и, примесь к этому, капризы, честолюбье⁴⁸¹, самолюбие⁴⁸²

---

⁴⁶⁹ дубравую

⁴⁷⁰ В рукописи: "распускаться"

⁴⁷¹ В рукописи: "середину самой деревни"

⁴⁷² В рукописи слов "овальных (1 нрзб.)" нет

⁴⁷³ Слова "был" нет в рукописи

⁴⁷⁴ Вместо слов "С почтеньем Чичиков соскочил" в рукописи: "подкатив к подъезду, Чичиков с подчтением соскочил на крыльцо"

⁴⁷⁵ наружностью

⁴⁷⁶ пурпурового цвета

⁴⁷⁷ В рукописи нет слов "как и многие из нас"

⁴⁷⁸ великодушие

⁴⁷⁹ Далее: "ум, беспримерная"

⁴⁸⁰ Слово "ум" перенесено ранее

⁴⁸¹ честолюбие

и те⁴⁸³ мелкие личности, без которых⁴⁸⁴ не обходится ни один русский⁴⁸⁵, когда он сидит без дела⁴⁸⁶. Он не любил всех, которые ушли вперед⁴⁸⁷ его по службе, и выражался о них едко, в колких эпиграммах. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом, и способностями, и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, и, как нарочно, тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отместку⁴⁸⁸ язвил он его при всяком случае, порочил всякое распоряжение и видел во всех мерах и действиях его верх неразумия. В нем было всё как-то странно, начиная с просвещения, которого он был поборник⁴⁸⁹ и ревнитель⁴⁹⁰; любил⁴⁹¹ блеснуть⁴⁹² и⁴⁹³ любил также знать⁴⁹⁴ то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает. Словом, он любил немного похвастать умом⁴⁹⁵. Воспитанный полуиностранным воспитаньем, он хотел сыграть в то же время роль русского барина. И не мудрено, что с такой неровностью в характере и⁴⁹⁶ такими крупными, яркими противоположностями, он должен был неминуемо встретить⁴⁹⁷ множество неприятностей по службе, вследствие которых и вышел в отставку, обвиняя во всем какую-то враждебную партию и не имея великодушия обвинить в чем-либо себя самого. В отставке сохранил он ту же картинную, величавую осанку. В сертуке ли, во фраке ли, в халате⁴⁹⁸ – он был всё тот же. От голоса до малейшего телодвиженья, в нем всё было властительное,

---

⁴⁸² Слова "самолюбие" нет в рукописи

⁴⁸³ Слова "те" нет в рукописи

⁴⁸⁴ Словосочетание "мелкие личности, без которых" в рукописи дано так: "и мелкая личная щекотливость, без которой"

⁴⁸⁵ русский

⁴⁸⁶ Далее в рукописи: "и не требуется от него решительности"

⁴⁸⁷ Вместо слов "ушли вперед" в рукописи: "определили"

⁴⁸⁸ в отмщение

⁴⁸⁹ поборником

⁴⁹⁰ ревнителем

⁴⁹¹ В рукописи: "он любил"

⁴⁹² блеск

⁴⁹³ Нет союза "и"

⁴⁹⁴ Вместо слов "также знать" в рукописи: "похвастать умом, знал то"

⁴⁹⁵ Словосочетания "Словом, он любил немного похвастать умом" в рукописи нет

⁴⁹⁶ Вместо "и" – "с", слова "с такими" в рукописи написано 2 раза подряд

⁴⁹⁷ Словосочетание "по службе" переставлено в рукописи после слова "встретить"

⁴⁹⁸ После слова "в халате" стоит "ли" без тире

повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то, по крайней мере, робость.

Чичиков почувствовал то и другое: и уваженье, и робость. Наклоня почтительно голову набок и расставив руки на отлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками, он изумительно ловко нагнулся всем корпусом и сказал: "Счел долгом представиться вашему превосходительству. Питая уваженье к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счел долгом представиться лично вашему превосходительству".

Генералу, как видно, не не⁴⁹⁹ понравился такой приступ. Сделавши весьма благосклонное движенье головою, он сказал: "Весьма рад познакомиться. Милости просим садиться. Вы где служили?"

"Поприще службы моей", сказал Чичиков, садясь в кресла не посередине, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресел: "началось в казенной палате, ваше превосходительство. Дальнейшее же течение оной совершал по разным местам: был и в надворном суде, и в комиссии построения, и в таможене. Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди⁵⁰⁰ волн, ваше превосходительство. Терпеньем⁵⁰¹ спеленат и⁵⁰² можно сказать, повит⁵⁰³, будучи, так сказать, сам одно олицетворенное терпенье⁵⁰⁴. А что было от врагов, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, ни⁵⁰⁵ самая, так сказать⁵⁰⁶, кисть не сумеет⁵⁰⁷ передать, так что на склоне жизни своей ищу только уголка, где бы провести остаток дней. Приостановился же покуда у близкого соседа вашего превосходительства..."

"У кого это?"

"У Тентетникова, ваше превосходительство".

Генерал поморщился.

"Он, ваше превосходительство, весьма раскаиивается в том, что не оказал должного уваженья..."

"К чему?"

---

⁴⁹⁹ Двух частиц "не не" в рукописи нет

⁵⁰⁰ между

⁵⁰¹ терпением

⁵⁰² Слова "спеленат и" в рукописи перенесены

⁵⁰³ Далее в рукописи слова "спеленат и"

⁵⁰⁴ "терпение". Далее идут четыре точки

⁵⁰⁵ "ни" нет в рукописи

⁵⁰⁶ Вместо слов "так сказать" в рукописи: "даже"

⁵⁰⁷ Далее в рукописи: "того"

"К заслугам вашего превосходительства. Не находит слов. Говорит: "Если бы я только мог чему-нибудь...⁵⁰⁸ потому что точно", говорит, "умею ценить мужей, спасавших отечество", говорит".

"Помилуйте, что ж он? Да ведь я не сержусь!" сказал смягчившийся генерал. "В душе моей я искренно полюбил его и уверен, что современем он будет преполезный человек".

"Совершенно справедливо изволили выразить, ваше превосходительство: истинно преполезный человек; может побеждать⁵⁰⁹ даром слова и владеет пером".

"Но пишет⁵¹⁰, я чай, пустяки, какие-нибудь стишки?"

"Нет, ваше превосходительство, не пустяки... Он что-то дельное пишет... историю, ваше превосходительство".

"Историю? о чем историю?"

"Историю..." тут Чичиков остановился, и оттого ли, что перед ним сидел генерал, или, просто, чтобы придать более важности предмету, прибавил: "историю о генералах, ваше превосходительство".

"Как о генералах? о каких генералах?"

"Вообще о генералах, ваше превосходительство, в общности. То есть, говоря собственно, об отечественных генералах".

Чичиков совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнул сам и мысленно сказал в себе: "Господи, что за вздор такой несу!"

"Извините, я не очень понимаю... Что ж это выходит, историю какого-нибудь времени, или отдельные биографии? и притом всех ли, или только участвовавших в 12-м году?"

"Точно так, ваше превосходительство, участвовавших в 12-м году". Проговоривши это, он подумал в себе: "Хоть убей, не понимаю".

"Так что ж он ко мне не приедет? Я бы мог собрать ему весьма много любопытных материалов".

"Робеет, ваше превосходительство".

"Какой вздор! Из⁵¹¹ какого-нибудь пустого слова⁵¹². Что между нами произошло? Да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, к нему сам готов приехать".

---

⁵⁰⁸ Далее вместо слов "чему-нибудь" в рукописи "перед его превосходительством чем-нибудь..."

⁵⁰⁹ Вместо слова "побеждать" в рукописи: "быть и с даром"

⁵¹⁰ Далее в рукописи слово "он"

⁵¹¹ В рукописи: "Из за какого-нибудь"

⁵¹² Далее слов "Что между нами произошло?" в рукописи нет

"Он к тому не допустит, он сам приедет", сказал Чичиков, оправился и совершенно ободрился и подумал он в себе⁵¹³: "Экая оказия, как генералы прились⁵¹⁴ кстати, а ведь язык взболтнул сдуру".

В кабинете послышался шорох. Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половине ее, ухватившись рукой за медную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, одна⁵¹⁵ она бы так не поразила внезапностью своего явления, как фигурка эта, представшая как бы затем, чтобы осветить комнату⁵¹⁶. С нею вместе, казалась, влетел солнечный луч⁵¹⁷, как будто рассмеялся нахмурившийся кабинет генерала⁵¹⁸. Чичиков в первую минуту не мог дать себе отчета, что такое именно пред ним стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистого, благородного очертания лица нельзя было отыскать нигде, кроме разве только на одних древних камейках. Прямая и легкая⁵¹⁹, как стрелка, она как бы возвышалась над всеми своим ростом⁵²⁰. Но это было обольщение. Она была вовсе не высокого роста⁵²¹. Происходило это⁵²² <от> необыкновенно согласного соотношения между собою всех частей⁵²³ тела. Платье сидело на ней так, что, казалось, лучшие швеи совещались между собой⁵²⁴, как бы получше убрать ее. Но это было также обольщение. Оделась как⁵²⁵ сама собою; в двух-трех местах схватила игла кое-как неизрезанный кусок одноцветной ткани, и он уже собрался и расположился вокруг нее в таких сборах

⁵¹³ В рукописи слова поданы в такой форме: "оправься совершенно, ободрившись и подумавши: "экая"

⁵¹⁴ пришли

⁵¹⁵ Слова "одна" в рукописи нет

⁵¹⁶ Вместо слов "как фигурка эта, представшая как бы затем, чтобы осветить комнату" в рукописи: "Видно было, что она вошла в тем, чтобы что-то сказать, но увидела незнакомого человека"

⁵¹⁷ Далее союз "и"

⁵¹⁸ Далее текст от слов "Чичиков в первую минуту..." до слов "... на одних древних камейках" в рукописи нет

⁵¹⁹ В рукописи: "пряма и легка"

⁵²⁰ Вместо слова "ростом" в рукописи: "полом"

⁵²¹ росту

⁵²² Вместо "это" дописано карандашом в рукописи "ж"

⁵²³ Далее: "ее"

⁵²⁴ собою

⁵²⁵ Вместо "как" в рукописи: "она как будто"

и складках, что⁵²⁶ если бы перенести их вместе с нею на картину, все барышни, одетые по моде, казались бы перед⁵²⁷ ней какими-то пеструшками, изделием лоскутного ряда. И если бы перенести ее со всеми этими складками ее обольнувшего платья на мрамор, назвали бы его копией гениальных.

"Рекомендую вам мою баловницу!" сказал генерал, обратясь к Чичикову. "Однако ж, фамилии вашей, имени и отчества до сих пор не знаю".

"Должно ли быть известно⁵²⁸ имя и отчество человека, не ознаменовавшего себя доблестями?" сказал скромно Чичиков, наклонивши голову набок⁵²⁹.

"Всё же, однако ж, нужно знать..."

"Павел Иванович, ваше превосходительство", сказал Чичиков, поклонившись с ловкостью⁵³⁰ почти военного человека и отпрыгнувши назад с легкостью⁵³¹ резинового мячика.

"Улинька!" сказал генерал, обратясь к дочери: "Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость⁵³². Сосед наш Тентетников совсем не такой глупый человек, как мы полагали. Он занимается довольно важным делом: историей генералов двенадцатого года".

"Да кто же думал, что он глупый человек?" проговорила она быстро. "Разве один только Вишнепокромов⁵³³, которому ты веришь, который и⁵³⁴ пустой, и низкой человек".

"Зачем же низкой? Он пустоват, это правда", сказал генерал.

"Он подловат и гадковат, не только что пустоват⁵³⁵. Кто так обидел своих братьев и выгнал из дому родную сестру, тот гадкой человек".

"Да ведь это рассказывают только".

---

⁵²⁶ Вместо слов "если бы перенести их вместе с нею на картину" в рукописи: "ваятель сей час уже перенес бы их на мрамор. А"

⁵²⁷ "нею" и далее словосочетания "какими-то петрушками..." и до слов "... его копию гениальных" в рукописи нет, вместо них слова: "чем-то обыкновенным. Чичиков в первую минуту не мог дать себе отчета в том, что такое именно пред ним стояло, и только потом уже заметил, что у нее был существенный недостаток именно недостаток толщины"

⁵²⁸ В рукописи вместо слов "быть известно" – "знать"

⁵²⁹ Слова "набок" в рукописи нет

⁵³⁰ ловкостию

⁵³¹ легкостию

⁵³² В рукописи двоеточие

⁵³³ Вишнепокровов

⁵³⁴ Союз "и" в рукописи отсутствует

⁵³⁵ Далее в рукописи: "подхватила живо Улинька"

"Таких вещей рассказывать не будут напрасно. Я не понимаю, отец, как с добрейшей душой, какая у тебя, и таким редким сердцем ты будешь принимать человека, который как небо от земли от тебя, о котором сам знаешь, что он дурен".

"Вот этак, вы видите", сказал генерал, усмехаясь, Чичикову: "вот этак мы всегда с ней спорим". И, оборотясь к спорящей⁵³⁶, продолжал:

"Душа моя! ведь мне ж⁵³⁷ не прогнать его?"

"Зачем прогонять? Но зачем показывать ему такое внимание, зачем и любить?"⁵³⁸

Здесь Чичиков почел долгом вернуть и от себя словцо.

"Все требуют к себе любви, сударыня", сказал Чичиков. "Что ж делать. И скотинка любит, чтобы ее погладили. Сквозь хлев просунет для этого морду⁵³⁹: на, погладь".

Генерал рассмеялся. "Именно просунет морду: погладь⁵⁴⁰, погладь⁵⁴¹ его. Ха, ха, ха! У него не только что рыло, весь, весь до жил в саже⁵⁴², а ведь тоже требует, как говорится, поощренья... Ха, ха, ха, ха!" И туловище генерала стало колебаться от смеха. Плечи, носившие некогда густые эполеты, тряслись, точно как бы носили и поныне густые эполеты.

Чичиков разрешился тоже междометием смеха, но, из уважения к генералу, пустил его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его так же стало колебаться от смеха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густых эполет.

"Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!"⁵⁴³

---

⁵³⁶ После запятой вместо слов "и оборотясь к спорящей" в рукописи: "и обратясь к дочери продолжал"

⁵³⁷ же

⁵³⁸ Слов "зачем и любить" в рукописи нет

⁵³⁹ Вместо слов "для этого морду" в рукописи: "даже морду и говорит"

⁵⁴⁰ "на погладь". Далее слов "погладь его" в рукописи нет

⁵⁴¹ у иного

⁵⁴² Вместо слов "весь, весь до жил в саже" в рукописи: "но весь в саже"

⁵⁴³ Далее в рукописи идет текст: "А изволили, Ваше превосходительство слышать когда-нибудь о том, что такое полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит? – сказал Чичиков, обратись к генералу [(с улыбкой) – зачеркнуто карандашом] с улыбкой уже несколько плутоватой. Нет не слышал!

Симпатический анекдот, Ваше превосходительство. В имени, Ваше превосходительство, у князя Гунзаковского, которого без сомнения Ваше превосходительство изволите знать.

Болезненное чувство выразилось на благородном, милом лице девушки. "Ах, папа, я не понимаю, как ты можешь смеяться. На меня эти бесчестные поступки наводят уныние и ничего более. Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презрением, я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю..." И чуть сама не заплакала.

"Только, пожалуйста, не гневайся на нас", сказал генерал. "Мы тут ни в чем не виноваты. Не правда ли?" сказал он, обратясь⁵⁴⁴ к

Не знаю.

Был управитель, Ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут и прочаго, имел он надобность приезжать в город, водиться с судейскими ну и... сами изволите знать подмазывать их (Чичиков, прищуря глаз, выразил в лице своем как подмазываются судейские). Впрочем и они угощали его, так что один раз, обедая у них, он говорил: "... что же, господа, когда-нибудь и ко мне, в имение к князю!" Те говорят приедет. В непродолжительном времени, Ваше превосходительство, случилось выехать суду на следствие по делу приключившемуся во владениях графа Трехметьева, которого, Ваше превосходительство, без сомнения тоже изволите знать.

Не знаю.

Самого то следствия они не сделали, а заворотили всем судом к графскому эконому, да три дня и три ночи, не переводя духу и прокозыряли в карты. Самовар и пунш, Ваше превосходительство со стола не сходят. Старику то графскому эконому уж они засели так сказать в горле (Чичиков показал себе на горло). Чтобы как-нибудь от них отделаться он и говорит: Вы бы господа заехали к князьему управляющему, немцу, он недалеко отсюда и вас ждет. А и в самом деле говорят он же нас и звал. И все это как было заспаное, не бритое, на телеги да к немцу... А немец Ваше превосходительство только что женился. Женился на институтке молоденькой, субтильной (Чичиков выразил в лице своем субтильность). Находясь так сказать в медовом месяце, сидят они в роде двух ангельчиков за чаем. Вдруг отворяются двери и ввалилось сонмище.

Воображаю, хороши, сказал генерал, смеясь. Немца так поразило, Ваше превосходительство, что потерялся совсем. Подходит к ним и говорит: что вам угодно? А говорят они, так во ты как! Перемена декораций, другой оборот, другая речь: "За делом: сколько вина выкуривается при имении? Покажите книги. Тот туда-сюда, эй понятых. Взяли, связали да в город. Да полтора года и просидел немец в тюрьме. Вот на! сказал генерал.

Улинька сплеснула руками.

Жена, Ваше превосходительство хлопотать; но что ж может какая-нибудь неискушенная, так сказать, горнилом опыта, молодая женщина? Спасибо что случились добрые люди, которые научили пойти на мировую. Отделался немец Ваше превосходительство, двумя тысячами да угостительным обедом. Да уже за обедом, когда все уже того... и он также, говоря просто налимонились, они и говорят ему, вот видишь: погнушался нами! Ты все бы хотел видеть выбритых. Нет, ты полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит.

Генерал расхохотался".

⁵⁴⁴ Вместо слов "сказал он, обратясь" в рукописи: "продолжал обращаясь"

Чичикову. "Поцелуй меня и уходи к себе. Я сейчас стану одеваться к обеду. Ведь ты", сказал он, посмотрев Чичикову в глаза: "надеюсь, обедаешь у меня?"

"Если только, ваше превосходительство..."

"Без чинов, что тут? Я ведь еще, слава богу, могу накормить. Ци есть".

Бросив ловко обе руки на отлет, Чичиков признательно и почтительно⁵⁴⁵ наклонил голову книзу, так что на время скрылись из⁵⁴⁶ его взоров все предметы в комнате, и остались видны ему только одни носки своих собственных полусапожек⁵⁴⁷. Когда же, пробыв несколько времени в таком почтительном расположении, приподнял он голову снова⁵⁴⁸ кверху, он уже не увидел Улиньки. Она исчезнула. Наместо ее предстал, в густых усах и бакенбардах, великан-камердинер, с серебряной лоханкой и рукомойником в руках.

"Ты мне позволишь одеваться при себе?"

"Не только одеваться, но можете совершить⁵⁴⁹ при мне всё, что угодно вашему превосходительству".

Опустя⁵⁵⁰ с одной руки халат и засуча рукава рубашки на богатырских руках, генерал стал умываться, брызгаясь и фыркая как утка. Вода с мылом летела во все стороны⁵⁵¹.

"Любят, любят, точно любят поощрение⁵⁵² все", сказал он, вытирая со всех сторон свою шею. "Погладь, погладь его! а ведь без поощрения так и красть не станет. "Ха, ха, ха".

Чичиков был в духе неопisanном. Вдруг налетело на него вдохновенье. "Генерал весельчак и добряк – попробоваться?" подумал и, увидя⁵⁵³, что камердинер с лоханкой вышел, вскрикнул: "Ваше превосходительство! так как вы уже так добры ко всем и внимательны, имею к вам крайнюю просьбу".

---

⁵⁴⁵ Слова "почтительно" нет в рукописи

⁵⁴⁶ Вместо "из" в рукописи: "от"

⁵⁴⁷ В рукописи точка с запятой

⁵⁴⁸ он снова голову

⁵⁴⁹ совершать

⁵⁵⁰ спустя

⁵⁵¹ Далее в рукописи: "Как бишь? сказал он, вытирая со всех сторон свою шею... полюби нас беленькими?.. Черненькими, Ваше превосходительство... Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит. Очень, очень хорошо!"

⁵⁵² В рукописи слов: "все", сказал он, вытирая со всех сторон свою шею" нет, вместо них: "продолжал генерал"

⁵⁵³ увидев

"Какую?"

Чичиков осмотрелся вокруг⁵⁵⁴.

"Есть⁵⁵⁵, ваше превосходительство, дряхлый старичишка дядя. У него триста душ и две тысячи...⁵⁵⁶ и, кроме меня, наследников никого. Сам управлять именем, по дряхлости, не может, а мне не передает тоже. И какой странный приводит резон: "Я", говорит, "племянника не знаю; может быть, он мот. Пусть он докажет мне, что он надежный человек, пусть приобретет прежде сам собой триста душ; тогда я ему отдам и свои триста душ".

"Да что же [он], выходит, совсем дурак?" спросил <генерал>⁵⁵⁷.

"Дурак бы еще пусть, это при нем бы и оставалось. Но положение-то мое, ваше превосходительство⁵⁵⁸. У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дети⁵⁵⁹. Того и смотри⁵⁶⁰, всё перейдет им".

"Выжил глупый старик из ума и больше ничего", сказал генерал. "Только я не вижу, чем тут я могу пособить", говорил он, смотря с изумлением на Чичикова.

"Я придумал вот что. Если вы всех мертвых душ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мне в таком виде, как бы они были живые, с совершеньем⁵⁶¹ купчей крепости, я бы тогда эту крепость представил старику, и он⁵⁶² наследство бы мне отдал".

Тут генерал разразился таким смехом, каким вряд ли когда смеялся⁵⁶³ человек. Как был, так и повалился он в кресла. Голову забросил назад и чуть не захлебнулся. Весь дом встревожился. Предстал камердинер. Дочь прибежала в испуге.

"Отец, что с тобой случилось?" говорила она в страхе, с недоумением⁵⁶⁴ смотря ему в глаза.

Но генерал долго не мог издать никакого звука.

---

⁵⁵⁴ Далее в тексте рукописи слова "и продолжал" и также знак двоеточие

⁵⁵⁵ Далее в рукописи: "есть у меня"

⁵⁵⁶ Слов "и две тысячи..." в рукописи нет

⁵⁵⁷ В рукописи "старик" зачеркнуто карандашом и написано "генерал"

⁵⁵⁸ В рукописи стоит запятая

⁵⁵⁹ В рукописи стоит запятая

⁵⁶⁰ Вместо "смотри" – "гляди"

⁵⁶¹ совершением

⁵⁶² Далее в рукописи: "как не вертись, а"

⁵⁶³ смеялся когда

⁵⁶⁴ В рукописи без запятой "и недоумении и"

"Ничего, друг мой⁵⁶⁵, ничего. Ступай к себе; мы сейчас явимся обедать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!"

И, несколько раз задохнувшись⁵⁶⁶, вырывался с новою силою генеральский хохот, раздаваясь от передней до последней комнаты.

Чичиков был в беспокойстве.

"Дядя-то, дядя! в каких дураках будет старик⁵⁶⁷. Ха, ха, ха! Мертвецов⁵⁶⁸ вместо живых получит. Ха, ха!"⁵⁶⁹

"Эк его, щекотливый какой⁵⁷⁰ и <1 нрзб.>"⁵⁷¹.

"Ха, ха!" продолжал генерал. "Экой осел. Ведь придет⁵⁷² же в ум требование⁵⁷³: "пусть прежде сам собой из ничего достанет триста душ, так тогда дам ему триста душ". Ведь он осел".

"Осел, ваше превосходительство".

"Ну, да и твоя-то штука попотчевать старика мертвыми⁵⁷⁴. Ха, ха, ха! Я бы бог знает <что дал>, чтобы посмотреть, как ты ему⁵⁷⁵ поднесешь на них купчую крепость. Ну, что он? Каков он из себя? Очень стар?"

"Лет восемьдесят"⁵⁷⁶.

"Однако же и движется, бодр? Ведь он должен же быть и крепок, потому что при нем ведь живет и ключница?"

"Какая крепость! Песок сыплется, ваше превосходительство!"⁵⁷⁷

"Экой дурак! Ведь он дурак?"

"Дурак, ваше превосходительство⁵⁷⁸. Ведь это сумасшедший совсем".

"Однако ж, выезжает, бывает в обществах⁵⁷⁹, держится еще на ногах?"

---

⁵⁶⁵ В рукописи "мой друг". Последующего слова "ничего" в рукописи нет

⁵⁶⁶ Вместо слова "задохнувшись" в рукописи: "из задыхавшейся груди"

⁵⁶⁷ Слова "старик" в рукописи нет

⁵⁶⁸ мертвых

⁵⁶⁹ Трижды: "ха, ха, ха". И далее это сочетание повторяется трижды.

⁵⁷⁰ Далее в рукописи: "на нервы, думал про себя Чичиков"

⁵⁷¹ Этих обозначений в рукописи нет

⁵⁷² придет

⁵⁷³ требовать

⁵⁷⁴ Далее в рукописи: "душами!"

⁵⁷⁵ Слова "ему" в рукописи нет

⁵⁷⁶ В рукописи: "лет восьмидесяти"

⁵⁷⁷ В рукописи текст дан в такой редакции: "Какая уж крепость! Ваше превосходительство"

⁵⁷⁸ Последующие слова "ведь это сумасшедший совсем" в рукописи отсутствуют

⁵⁷⁹ В рукописи: "в обществе? с виду бодр?"

"Держится, но с трудом".

"Экой дурак! Но крепок однако ж? Есть еще зубы?"

"Два зуба всего, ваше превосходительство".

"Экой осел! Ты, братец, не сердись... Хоть он тебе и дядя, а ведь он осел".

"Осел, ваше превосходительство. Хоть и родственник и тяжело сознаваться в этом, но что ж делать?"

Врал Чичиков: ему⁵⁸⁰ вовсе не тяжело было сознаться, тем более⁵⁸¹, что вряд ли у него был вовек⁵⁸² какой дядя.

"Так⁵⁸³, ваше превосходительство, отпустите мне..."

"Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с жильем! Возьми себе всё кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старик-то, старик! Ха, ха, ха, ха! В каких дураках будет дядя! Ха, ха, ха, ха?.."

И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям⁵⁸⁴.

---

⁵⁸⁰ Вместо слов "врал ему" – в рукописи: "Чичикову"

⁵⁸¹ Слова "тем более" в рукописи заменены на "потому"

⁵⁸² Вместо слова "вовек" в рукописи: "когда либо". Все предложение в рукописи подано в такой редакции: "Чичикову вовсе не тяжело было сознаться, потому что вряд ли был когда-либо у него какой дядя"

⁵⁸³ В рукописи: "так уж"

⁵⁸⁴ В рукописи далее идет запись: "здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым, обед у генерала и беседа их двенадцатом годе, помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери, беседа помолвленных в саду, Чичиков отправляется по поручению генерала Бетрищева к родственникам его для извещения о помолвке дочери, едет к одному из этих родственников полковнику Кошкареву"

Глава 3

Художник А.Лаптев

"Если полковник Кошкарев точно сумасшедший, то это недурно", говорил Чичиков, очутившись опять посреди открытых полей и пространств, когда всё исчезло и только остался один небесный свод, да два⁵⁸⁵ облака в стороне.

"Ты, Селифан, расспросил ли хорошенько, как дорога к полковнику Кошкареву?"

"Я, Павел Иванович, изволите видеть, так как⁵⁸⁶ всё хлопотал около коляски, так мне некогда было; а Петрушка расспрашивал у кучера".

"Вот и дурак! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка – бревно; Петрушка глуп; Петрушка, чай, и теперь пьян".

"Ведь тут не мудрость какая!" сказал Петрушка, полуоборотясь⁵⁸⁷, глядя искоса. "Окромe того, что, спустясь с горы, взять лугом, ничего больше и⁵⁸⁸ нет".

"А ты, окромe сивухи, ничего и в рот не брал? Хорош, очень хорош! Уж вот, можно сказать, удивил красотой Европу!" Сказав это, Чичиков погладил свой подбородок и подумал: "Какая, однако ж, разница между просвещенным гражданином и грубой лакейской физиогномией".

Коляска стала между тем спускаться. Открылись опять луга и пространства, усеянные осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругих пружинах, продолжал бережно [спускаться] незаметным косогором покойный экипаж и, наконец, понесся лугами, мимо мельниц⁵⁸⁹, с легким громом по мостам, с небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы один бугорок или кочка дали себя почувствовать бокам. Утешенье, а <не> коляска. Вдали мелькали пески⁵⁹⁰. Быстро пролетали мимо их кусты лоз⁵⁹¹, тонких ольх и серебристых тополей, ударяя ветвями сидевших на козлах Селифана и Петрушку. С последнего ежеминутно сбрасывали они картуз. Суровый служитель соскакивал с козел, бранил глупое дерево и хозяина, который насадил его, но привязать картуза или даже придержать рукою всё не хотел,

---

⁵⁸⁵ Слова "два" нет в рукописи

⁵⁸⁶ Слова "как" нет в рукописи

⁵⁸⁷ В рукописи далее союз "и"

⁵⁸⁸ "и" отсутствует в рукописи

⁵⁸⁹ Далее в рукописи: "то с легким громом по мостам, то"

⁵⁹⁰ В рукописи слов "Вдали мелькали пески" нет

⁵⁹¹ В рукописи слова "кусты лоз" отсутствуют. Далее предложение идет в такой редакции: "тонкие ольхи и серебристые тополя"

надеясь, что⁵⁹² в последний раз и дальше не случится. К деревьям же скоро⁵⁹³ присоединилась береза, там ель⁵⁹⁴. У корней гущина; трава – синяя ирь и желтый лесной тюльпан⁵⁹⁵. Лес затемнел и готовился превратиться в ночь. Но вдруг отовсюду⁵⁹⁶ сверкнули проблески света, как бы сияющие зеркала Деревья заредели, блески становились больше⁵⁹⁷ и вот перед ними озеро. Водная равнина версты четыре в поперечнике. На супротивном берегу, над озером, высыпалась⁵⁹⁸ серыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались в воде. Человек 20, по пояс, по плеча⁵⁹⁹ и по горло в воде, тянули к супротивному берегу невод. Случилась оказия. Вместе с рыбою запутался как-то круглый человек, такой же меры в вышину, как и в толщину, точный арбуз или боченок. Он был в отчаянном положении и кричал во всю глотку: "Телепень Денис, передавай Козьме. Козьма, бери конец у Дениса. Не напирай так, Фома Большой. Ступай туды, где Фома Меньшой. Черти, говорю вам, оборвете сети!" Арбуз, как видно, боялся не за себя: потонуть, по причине толщины, он не мог, и, как бы ни кувырчался⁶⁰⁰, желая нырнуть, вода бы его всё выносила⁶⁰¹ наверх; и если бы село к нему на спину еще двое, он бы, как упрямый пузырь, остался с ними на верхушке воды, слегка только под ними побряхтывая⁶⁰² да пуская носом волдыри⁶⁰³. (*В автографе* – болдыри.) Но он боялся крепко, чтобы не оборвался невод и не ушла рыба, и потому, сверх прочего, тащили его еще⁶⁰⁴ накинутыми веревками несколько человек, стоявших на берегу.

"Должен быть барин, полковник Кошкарев", сказал Селифан.
"Почему?"

⁵⁹² Далее слово "это", а после слов "раз и" союзное слово "что"

⁵⁹³ В рукописи вместо слов "же скоро" дано "этим"

⁵⁹⁴ Предложение в рукописи далее идет в такой редакции: "к деревьям этим мирно присоединились сосна, береза, ель"

⁵⁹⁵ Предложения от слов "У корней гущина..." до слов "... лесной тюльпан" в рукописи нет

⁵⁹⁶ Далее в рукописи идут слова: "промеж ветвей линей"

⁵⁹⁷ Слов "блески становились больше" в рукописи нет. Следующее предложение начинается словом "Водяная"

⁵⁹⁸ высыпана

⁵⁹⁹ по плечи

⁶⁰⁰ кувырнулся

⁶⁰¹ В рукописи текст подается в такой редакции: "все выкосила его"

⁶⁰² В рукописи текст дан в такой редакции: "только побряхтывая под ним"

⁶⁰³ болдыри

⁶⁰⁴ Вместо слов "его еще" в рукописи: "и его"

"Оттого, что тело у него, изволите видеть, побелей, чем у других, и дородство почтительное, как у барина".

Барина, запутанного в сети, притянули между тем уже значительно к берегу. Почувствовав, что может достать⁶⁰⁵ ногами, он стал на ноги, и в это время увидел спускавшуюся с плотины коляску и в ней сидящего Чичикова.

"Обедали?" закричал барин, подходя⁶⁰⁶ с пойманною рыбою на берег, весь опутанный в сеть, как в летнее время дамская ручка в сквозную перчатку, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же пониже⁶⁰⁷, на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани⁶⁰⁸.

"Нет", сказал Чичиков, приподымая картуз и продолжая раскланиваться с коляски.

"Ну так благодарите же бога⁶⁰⁹. Фома Меньшой, покажи осетра. Брось ты, телепень Тришка, сеть", громко кричал <барин>, "да помоги припод<нять> осетра из лоханки. Телепень Козьма, ступай помоги!"

Двое рыбаков приподняли из лоханки голову какого-то чудовища. "Вона⁶¹⁰ какой князь! из реки зашел", кричал круглый барин.

"Поезжайте во двор⁶¹¹. Кучер, возьми дорогу пониже через огород! Побеги, телепень Фома Большой, снять перегородку. Он вас проводит, а я сейчас".

Длинноногий, босой Фома Большой, как был, в одной рубашке, побежал впереди⁶¹² коляски через всю деревню, где у всякой избы развешены были бредни, сети и морды⁶¹³: все мужики были рыбаки. Потом вынул из какого-то огорода перегородку, и огородами выехала коляска на площадь, близ деревянной церкви. За церковью, подалее видны были крыши господских строений.

---

⁶⁰⁵ Далее в рукописи: "до земли"

⁶⁰⁶ В рукописи: "выходя"

⁶⁰⁷ Слова "пониже" нет в рукописи

⁶⁰⁸ Слов "выходящей из бани" в рукописи нет

⁶⁰⁹ Вместо текста от слов "Фома Меньшой..." и до слов "... ступай помоги!" в рукописи: "— А что? спросил Чичиков с любопытством держа над главою картуз. — А вот что! Брось Фома Меньшой сеть да приподыми осетра из лохани! Телепень, Кузьма, ступай помоги!"

⁶¹⁰ вот

⁶¹¹ Далее в рукописи: "а я за вами"

⁶¹² вперед

⁶¹³ Слов "и морды" в рукописи нет

"Чудаковат этот Кошкарев", думал он про себя⁶¹⁴.

"А вот я и здесь", раздался голос сбоку. Чичиков оглянулся. Барин уже ехал возле него, одетый⁶¹⁵: травяно-зеленый нанковый сертук⁶¹⁶, желтые штаны и шея без галстука, на манер купидона! Бокон сидел он на дрожжах⁶¹⁷, занявши собою все дрожки. Он хотел было что-то сказать ему⁶¹⁸, толстяк уже исчез. Дрожки показались снова на том <месте>, где вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: "Фома Большой да Фома Меньшой, Козьма да Денис". Когда же подъехал он к крыльцу дома, к величайшему изумлению его, толстый барин был уже на крыльце и принял его в свои объятия. Как он успел так слетать, было непостижимо. Они поцеловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрест: барин был старого покроя.

"Я привез вам поклон от его превосходительства", сказал Чичиков.

"От какого превосходительства?"

"От родственника вашего, от генерала Александра Дмитриевича".

"Кто это Александр Дмитриевич?"

"Генерал Бетрищев", отвечал Чичиков с некоторым изумлением.

"Незнаком", сказал с изумлением х<озяин>⁶¹⁹.

Чичиков пришел еще в большее изумление...

"Как же это?.. Я надеюсь, по крайней мере, что имею удовольствие говорить с полковником Кошкаревым?"

"Нет, не надейтесь. Вы приехали не к нему, а ко мне. Петр Петрович Петух. Петух Петр Петрович", подхватил хозяин.

Чичиков ошеломлен. "Как же?"⁶²⁰ оборотился <он> к Селифану и Петрушке, которые тоже⁶²¹ оба разинули рот и выпучили глаза, один сидя на козлах, другой стоя у дверец коляски. "Как же вы,

---

⁶¹⁴ В рукописи этот текст дан в такой редакции: "Чудак вот этот Кошкарев думал про себя Чичиков"

⁶¹⁵ Далее в рукописи: "на нем был"

⁶¹⁶ сюртук

⁶¹⁷ В рукописи текст "занявши собою все дрожки. Он" дан в такой редакции: "занявши их все собою. Чичиков"

⁶¹⁸ Далее "но"

⁶¹⁹ В рукописи нет слов "сказал с изумлением хозяин"

⁶²⁰ Далее в рукописи: "он сказал, оборотиться"

⁶²¹ Слова "тоже" в рукописи нет

дураки? Ведь вам сказано: к полковнику Кошкареву... А ведь это Петр Петрович Петух..."

"Ребята сделали отлично! Ступай⁶²² на кухню: там вам дадут по чапорухе⁶²³ водки", сказал Петр Петрович Петух. "Откладывайте коней и ступайте сей же⁶²⁴ час в людскую".

"Я совещусь, такая неожиданная ошибка..." говорил Чичиков.

"Не ошибка⁶²⁵. Вы прежде попробуйте, каков обед, да потом скажете: ошибка ли это? Покорнейше прошу"⁶²⁶, сказал <Петух>⁶²⁷, взявши Чичикова под руку и вводя его во внутренние [покои]. Из покоев вышли им навстречу двое юношей, в летних сертуках⁶²⁸, – тонкие, точно ивовые хлысты; целым аршином выгнало их вверх [выше] отцовского роста.

"Сыны⁶²⁹ мои, гимназисты, приехали на праздники. Николаша, ты побудь с гостем; а ты, Алексаша, ступай за мною".

Сказав это, хозяин исчезнул⁶³⁰.

Чичиков занялся с Николашей; Николаша, кажется, был будущий человек-дрянце. Он рассказал с первых же разов Чичикову, что в губернской гимназии нет никакой выгоды учиться, что они с братом хотят ехать в Петербург, потому <что> провинция не стоит того, чтобы в ней жить...

"Понимаю", подумал Чичиков: "кончится дело кондитерскими да бульварами..." – "А что", спросил он вслух: "в каком состоянии именье вашего батюшки?"

"Заложено", сказал на⁶³¹ это сам батюшка, снова очутившийся в гостиной: "заложено".

"Плохо", подумал Чичиков. "Этак скоро не останется ни одного именья. Нужно торопиться". – "Напрасно однако⁶³² же", сказал он с видом соболезнованья, "поспешили заложить".

---

⁶²² Далее: "же"

⁶²³ По чарке

⁶²⁴ Слова "же" нет в рукописи

⁶²⁵ Далее в рукописи: "живо говорил Петр Петрович Петух. Не ошибка"

⁶²⁶ В рукописи многоточие

⁶²⁷ В рукописи: "он"

⁶²⁸ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "в летних сюртуках, точно новые хлыстики, целым аршином выгнало их выше отцовского роста"

⁶²⁹ сыновья

⁶³⁰ исчез

⁶³¹ В рукописи текст дан в такой редакции: "сказал это сам батюшка очутившись"

⁶³² Слова "однако" нет в рукописи

"Нет, ничего", сказал Петух. "Говорят, выгодно. Все⁶³³ закладывают: как же отставать от других? Притом же всё жил⁶³⁴ здесь: дай-ка еще⁶³⁵ попробую прожить в Москве. Вот сыновья тоже уговаривают, хотят просвещенья столичного".

"Дурак, дурак!" думал Чичиков: "протомает всё, да и детей делает мотишками⁶³⁶. Именьице порядочное. Поглядишь – и мужикам хорошо, и им недурно. А как просветятся там у ресторанов да по театрам, – всё пойдет к чорту. Жил бы себе, кулебяка, в деревне".

"А ведь я знаю, что вы думаете", сказал Петух.

"Что?" спросил Чичиков, смутившись.

"Вы думаете: "Дурак, дурак этот Петух, зазвал обедать, а обеда до сих пор нет". Будет готов, почтеннейший. Не успеет стриженная девка косы заплести, как он поспеет".

"Батюшка! Платон Михалыч едет!" сказал Алексаша, глядя в окно.

"Верхом на гнедой лошади", подхватил Николаша, нагибаясь к окну⁶³⁷.

"Где, где?" прокричал Петух, подступив⁶³⁸.

"Кто это Платон <Михайлович>?" спросил Чичиков у Алексаши.

"Сосед наш, Платон Михайлович Платонов, прекрасный человек, отличный человек", сказал сам <Петух>⁶³⁹.

Между тем вошел в комнату сам Платонов⁶⁴⁰, красавец, стройного роста⁶⁴¹, с светло-русыми блестящими волосами, завива<вши-мися в> кудри. Гремя медным ошейником, мордатый пес, собака-страшилище, именем Ярб, вошел вослед за ним.

"Обедали?" спросил хозяин.

"Обедал".

"Что ж вы, смеяться что ли надо мной приехали? Что мне в вас после обеда?"

---

⁶³³ В рукописи после запятой "ведь"

⁶³⁴ В рукописи: "все жили"

⁶³⁵ Слова "еще" нет в рукописи

⁶³⁶ В рукописи: "мотами"

⁶³⁷ Далее в рукописи идет текст: "Ты думаешь Алексаша наш вороной хуже его."

– Хуже не хуже, но выступна не такая"

⁶³⁸ В рукописи: "закричал Петух, подступив к окну"

⁶³⁹ Вместо слов "отличный человек", сказал сам Петух" в рукописи: "отвечал Алексашка"

⁶⁴⁰ В рукописи слов "сам Платонов" нет

⁶⁴¹ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "глаза темные, волосы светлорусые и блестящие сами завились в кудри на голове его"

Гость, усмехнувшись⁶⁴²: "Утешу вас тем, [что] ничего не ел, вовсе нет аппетита".

"А каков был улов, если б вы видели. Какой осетрище пожаловал. Какие карасищи⁶⁴³, коропищи какие!"

"Даже досадно вас слушать. Отчего вы всегда так веселы?"

"Да от<чего> же скучать, помилуйте!" сказал хозяин.

"Как отчего скучать? – оттого, что скучно".

"Мало едите, вот и всё. Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку. Прежде никто не скучал".

"Да полно хвастать! Будто уж вы никогда не скучали?"

"Никогда! Да и не знаю, даже и времени нет для скучанья⁶⁴⁴. Поутру проснешься, ведь⁶⁴⁵ тут сейчас повар, нужно заказывать обед, тут чай, тут приказчик, там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, опять повар, нужно заказывать ужин⁶⁴⁶; пришел повар, заказывать нужно на завтра обед. Когда же скучать?"

Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумлял необыкновенной красотой своей, стройным, картинным ростом, свежестью неистраченной юности, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волнение и беспокойство не дерзнули коснуться⁶⁴⁷ его девственного лица⁶⁴⁸ и положить на нем морщину, но с тем вместе и не оживили⁶⁴⁹ его. Оно оставалось как-то сонно, несмотря на ироническую усмешку, временами его оживлявшую.

"Я также, если⁶⁵⁰ позволите заметить", сказал он⁶⁵¹, "не могу понять, как при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денег, или враги, как⁶⁵² есть иногда такие, которые готовы покусить<ся> даже на самую жизнь..."

---

⁶⁴² Далее в рукописи: "сказал", сочетание слов "не ел" в рукописи дано "не ел за обедом"

⁶⁴³ В рукописи слов "коропищи какие!" нет

⁶⁴⁴ В рукописи: "скуки"

⁶⁴⁵ Слова "ведь" нет в рукописи

⁶⁴⁶ Слов "пришел повар, заказывать нужно на завтра обед" в рукописи нет

⁶⁴⁷ В рукописи: "прикоснуться"

⁶⁴⁸ Вместо слов "его девственного лица" в рукописи: "прикоснуться к чертам его"

⁶⁴⁹ В рукописи далее: "лица его"

⁶⁵⁰ Слова "если" нет в рукописи

⁶⁵¹ Вместо "он" в рукописи: "Чичиков"

⁶⁵² Слова "как" в рукописи нет

"Поверьте", прервал красавец гость: "что для разнообразия я бы желал иногда иметь какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто рассердил меня⁶⁵³ – и того нет. Скучно, да и только".

"Стало⁶⁵⁴ быть, недостаточность земли по имению⁶⁵⁵, малое количество душ?"

"Ничуть. У нас с братом земли на⁶⁵⁶ десять тысяч десятин и при них больше⁶⁵⁷ тысячи человек крестьян".

"Странно, не понимаю. Но, может быть, неурожаи, болезни? много вымерло мужеска пола людей?"

"Напротив, всё в наилучшем порядке, и брат мой отличнейший хозяин".

"И при этом скучать! не понимаю", сказал Чичиков и пожал плечами.

"А вот мы скуку сейчас прогоним", сказал хозяин. "Бежи, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы поскорей прислал нам растегайчиков⁶⁵⁸. Да где ж ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуски?"⁶⁵⁹

Но дверь растворилась⁶⁶⁰. Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов⁶⁶¹ и графинов обстановилось⁶⁶² ожерелье тарелок со всякой подстрекающей снедью. Слуги поворачивались расторопно, беспрестанно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло. Ротозей Емельян и вор Антошка расправлялись отлично. Названья⁶⁶³ эти были им даны так только⁶⁶⁴ для поощрения⁶⁶⁵. Барин был вовсе не охотник браниться, он был добряк. Но⁶⁶⁶ русской человек уж любит прянное слово, как рюмку водки

---

⁶⁵³ В рукописи далее вопросительный знак и словосочетание "а то и того нет"

⁶⁵⁴ В рукописи: "может"

⁶⁵⁵ Далее в рукописи: "или"

⁶⁵⁶ Слова "на" нет в рукописи

⁶⁵⁷ В рукописи: "более"

⁶⁵⁸ растегайчиков

⁶⁵⁹ закуску

⁶⁶⁰ отворилась

⁶⁶¹ подноса

⁶⁶² уставилося

⁶⁶³ названия

⁶⁶⁴ Слова "только" нет в рукописи

⁶⁶⁵ поощрения

⁶⁶⁶ В рукописи далее текст идет в такой редакции: "Но уж русский человек как то без бранного слова не может обойтись. Оно ему нужно как рюмка водки для

для сваренья в желудке. Что ж делать, такая натура: ничего пресного не любит.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: "Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете". У кого два, подваливал ему третий, приговаривая: "Что ж за число два? Бог любит троицу". Съедал гость три, он ему: "Где ж бывает телега о трех колесах?⁶⁶⁷ Кто ж строит избу о трех углах?" На четыре у него была тоже поговорка, на пять – опять⁶⁶⁸. Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: "Ну, теперь ничего не приберет больше⁶⁶⁹ хозяин". Не тут-то было: не говоря ни слова⁶⁷⁰, положил ему на тарелку хребтовую часть⁶⁷¹ телянка, жареного на вертеле, с почками, да и какого телянка!

"Два года воспитывал на молоке", сказал хозяин: "ухаживал, как за сыном".

"Не могу", сказал Чичиков.

"Вы попробуйте да потом скажите: не могу".

"Не взойдет, нет места".

"Да ведь и в церкви не было места. Взмошел городничий – нашлось. А была такая давка, что и яблоку⁶⁷² негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий".

Попробовал Чичиков – действительно, кусок был в роде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить.

"Ну, как этакому человеку ехать в Петербург или в Москву? С этаким хлебосольством он там в три года проживется в пух". То есть, он⁶⁷³ не знал того, что теперь это усовершенствовано⁶⁷⁴: и без хлебосольства⁶⁷⁵ спустить не в три года, а в три месяца всё⁶⁷⁶.

сварения в желудке... – Что же делать? Такая натура, ничего пресного она не любит"

⁶⁶⁷ Далее слов "Кто ж строит избу о трех углах?" в рукописи нет

⁶⁶⁸ Вместо слова "опять" в рукописи: "тоже"

⁶⁶⁹ В рукописи слова "больше" нет

⁶⁷⁰ Далее в рукописи идет слово "хозяин"

⁶⁷¹ В рукописи вместо слова "часть" – "кость"

⁶⁷² Далее вместо слов "негде было" в рукописи: "не было места"

⁶⁷³ Вместо слов "то есть он" в рукописи: "так думал Чичиков, но"

⁶⁷⁴ В рукописи: "усовершенствовалось", далее – "что"

⁶⁷⁵ Далее в рукописи: "можно было спустить все"

Он то и дело подливал да подливал; чего ж не допивали гости, давал допить Алексаше и Николаше, которые так и хлопали рюмка за рюмкой⁶⁷⁷; вперед видно <было, на> какую часть человеческих познаний обратят⁶⁷⁸ внимание по приезде в столицу. С гостями было не то⁶⁷⁹: в силу, в силу перетащились они на балкон и⁶⁸⁰ в силу поместились в креслах. Хозяин, как сел в свое какое-то четырехместное, так тут же и заснул. Тучная⁶⁸¹ собственность его, превратившись в кузнецкий мех, стала издавать, через открытый рот и носовые продухи, такие звуки, какие редко приходят в голову и нового сочинителя⁶⁸²: и барабан, и флейта, и какой-то отрывистый гул, точный⁶⁸³ собачий лай.

"Эк его насвистывает!" сказал Платонов.

Чичиков засмеялся.

"Разумеется, если этак пообедать, как тут придти скуке. Тут сон⁶⁸⁴ придет. Не правда ли?"

"Да. Но я, однако же, вы меня извините, не могу понять, как можно скучать. Против скуки есть так много средств".

"Какие же?"

"Да мало ли для молодого человека? Танцевать, играть на каком-нибудь инструменте... а не то жениться".

"На ком?"

"Да будто в окружности нет хороших и богатых невест?"

"Да нет".

"Ну поискать в других местах, поездить". И богатая мысль сверкнула вдруг в голове Чичикова. "Да вот прекрасное средство!" сказал он, глядя в глаза Платонову.

"Какое?"

"Путешествие".

"Куда ж ехать?"

---

⁶⁷⁶ Слово "все" перенесено ранее. Далее в рукописи идет текст: "С винами была также история". Вместо "он" в рукописи: "Хозяин"

⁶⁷⁷ Далее в рукописи за словами "рюмку за рюмкой" шел текст: "встали из-за стола как бы ни в чем не бывало, точно выпили по стакану воды. На перед уже было видно на какую"

⁶⁷⁸ В рукописи далее: "они"

⁶⁷⁹ Далее слова "в силу, в силу" в рукописи даны один раз: "на силу"

⁶⁸⁰ Словосочетание "в силу" в рукописи: "на силу"

⁶⁸¹ В рукописи далее текст дан в такой редакции: "его собственность превратилась"

⁶⁸² Далее в рукописи: "каких не бывает и в новой музыке. Тут было все"

⁶⁸³ В рукописи: "точно"

⁶⁸⁴ Вместо слова "сон" в рукописи: "он"

"Да если вам свободно, так поедем⁶⁸⁵ со мной", сказал Чичиков и подумал про себя, глядя на Платонова: "А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополам, а подчинку⁶⁸⁶ коляски отнести вовсе на его счет".

"А вы куда едете?"

"Покамест еду⁶⁸⁷ я не столько по своей нужде⁶⁸⁸, сколько по надобности другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя: ибо видеть свет, коловращенье людей – кто что ни говори, есть как бы живая книга, вторая наука"⁶⁸⁹. И, сказавши это, помышлял Чичиков между тем так: "Право, было <бы> хорошо. Можно даже и все издержки на его счет; даже и отправиться на его лошадях, а мои бы покормились у него в деревне".

"Почему ж⁶⁹⁰ не проездиться?" думал между тем Платонов. "Дома же⁶⁹¹ мне делать нечего, хозяйство и без того на руках у брата; стало быть, расстройства никакого. Почему ж в самом деле не проездиться?" – "А согласны ли вы", сказал он вслух: "погостить у брата денька два? Иначе он меня не отпустит".

"С большим удовольствием. Хоть три".

"Ну, так по рукам! Едем!" сказал, оживясь, Платонов.

Они хлопнули по рукам. "Едем!"⁶⁹²

"Куда! куда?" вскрикнул⁶⁹³ хозяин, проснувшись и выпуча на них глаза. "Нет, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платон Михайлыч, угнали отсюда за пятнадцать верст. Нет, вот вы сегодня переночуйте⁶⁹⁴, а завтра после раннего обеда и поезжайте себе".

---

⁶⁸⁵ поедемте

⁶⁸⁶ починку

⁶⁸⁷ В рукописи слова "я" нет

⁶⁸⁸ Слово "нужде" в рукописи заменено на "надобности"

⁶⁸⁹ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "Сказал это Чичиков между тем, как помышлял. Право"

⁶⁹⁰ Вместо слов "почему ж" в рукописи: "Что же? Почему же"

⁶⁹¹ В рукописи "же" отсутствует

⁶⁹² Слова "едем!" в рукописи нет

⁶⁹³ вскричал

⁶⁹⁴ переночуете

Что было делать с Петухом?⁶⁹⁵ Нужно было остаться. Зато награждены они были удивительным весенним вечером. Хозяин устроил гулянье на реке. Двенадцать гребцов, в двадцать четыре весла, с песнями, понесли их по гладкому хребту зеркального озера. Из озера они пронеслись в реку, беспредельную, с пологими⁶⁹⁶ берегами на обе стороны, подходя беспрестанно под протянутые воперек реки канаты для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись пред ними, один за другим, виды, и роща за рощей тешила взоры разнообразным размещением дерев. Гребцы, хвативши разом в двадцать четыре весла, подымали вдруг все весла вверх и катер, сам собой, как легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла начинальные запевы песни, пятеро подхватывало⁶⁹⁷, шестеро выносило⁶⁹⁸, и разливалась она, беспредельная, как Русь. И⁶⁹⁹ Петух, встрепенувшись, пригаркивал, поддавая⁷⁰⁰, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русской⁷⁰¹. Один только Платонов [думал:]⁷⁰² "Что хорошего в этой заунывной песне? От нее еще большая тоска⁷⁰³ находит на душу".

Возвращались назад уже сумерками. Впотьмах ударяли весла по водам, уже не отражавшим неба. В темноте пристали они к берегу, по которому разложены были огни⁷⁰⁴; на треногах варили рыбаки уху из животрепещущих ершей. Всё уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль от них уже улеглась, и пастухи, пригнавшие их, стояли у ворот, ожидая кринки⁷⁰⁵ молока и приглашения к ухе. В сумерках слышался тихий гомон⁷⁰⁶ людской, бреханье собак, где-то отдававшееся⁷⁰⁷ из чужих

⁶⁹⁵ Далее в рукописи: "Платонов ничего на это не сказал, зная, что Петух держался своих обычаев крепко"

⁶⁹⁶ "пологими", далее текст в рукописи после слова "беспрестанно под" дан в такой редакции: "канаты протянутые поперек реки для ловли"

⁶⁹⁷ подхватывали

⁶⁹⁸ выносили

⁶⁹⁹ В рукописи вместо "и" – "сам"

⁷⁰⁰ поддавал

⁷⁰¹ русский

⁷⁰² Далее в рукописи: "ну что"

⁷⁰³ В рукописи: "еще больше тоски"

⁷⁰⁴ Далее: "и"

⁷⁰⁵ кринки

⁷⁰⁶ говор

⁷⁰⁷ отдавалось

деревень. Месяц подымался, и начали озаряться потемневшие окрестности, и всё озарилось⁷⁰⁸. Чудные картины⁷⁰⁹. Но некому было ими⁷¹⁰ любоваться. Николаша и Алексаша, вместо того, чтобы пронестись в это время перед ними на двух лихих жеребцах, в обгонку друг друга⁷¹¹, думали о Москве, о кондитерских, о театрах, о которых натолковал им заезжий из столицы кадет⁷¹². Отец их думал о том, как бы окормить своих гостей. Платонов зевал. Всех живею оказался Чичиков. "Эх право, заведу когда-нибудь деревеньку". И стали ему представляться и бабенка, и Чичонки⁷¹³.

А за ужином опять объелись. Когда вошел Павел Иванович в отведенную комнату для спанья и, ложась в постель, пощупал животик свой: "Барабан!" сказал: "никакой городничий не взойдет!" Надобно⁷¹⁴ такому стеченью обстоятельств, что за стеной был⁷¹⁵ кабинет хозяина. Стена была тонкая, и слышалось⁷¹⁶ всё, что там ни говорилось. Хозяин заказывал повару, под видом раннего завтрака, на завтрашний день решительный обед. И как заказывал! У мертвого родился бы⁷¹⁷ аппетит⁷¹⁸.

"Да кулебяку сделай на четыре угла", говорил он с присасываньем и забирая к себе дух. "В один угол положи ты мне щеки осетра да визиги, в другой гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молоко сладких, да мозгов⁷¹⁹, да еще чего знаешь там этакое, какого-нибудь там того⁷²⁰. Да чтобы она с одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподку-то, пропеки ее так, чтобы всю ее прососало, проняло бы

---

⁷⁰⁸ осветилась

⁷⁰⁹ чудная картина

⁷¹⁰ ею

⁷¹¹ Текст от слова "вместо того, чтобы..." и до слов "... друг друга" в рукописи: "все это время"

⁷¹² В рукописи: "студент"

⁷¹³ Чиченки

⁷¹⁴ Вместо слов "такому стеченью" в рукописи идет текст: "Надобно же было встретиться стечению обстоятельств"

⁷¹⁵ В рукописи: "находился"

⁷¹⁶ В рукописи было слово "неслышно", которое исправлено карандашом на "и слышно"

⁷¹⁷ В рукописи порядок слов обратный: "бы родился"

⁷¹⁸ Далее в рукописи после точки с запятой слова: "и губами подсасывал и причвякивал. Да подпарь да дай взапреть хорошенько. А повар приговаривал тоненькой фистулой "слушаюсь!" малина с и так"

⁷¹⁹ В рукописи слова "с лучком, да молоко сладких, да мозгов" отсутствуют

⁷²⁰ Далее в рукописи после многоточия идут слова: "– Слушаюсь малина будет и так"

так, чтобы она вся, знаешь, этак растого – не то, чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту как снег какой, так чтобы и не услышал". Говоря это, Петух присмакывал⁷²¹ и подшлепывал⁷²² губами.

"Чорт побери, не даст спать", думал Чичиков и закутал голову в одеяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одеяло было слышно:

"А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да сняточков, да груздочков, да там, знаешь, репушки, да морковки, да бобков, там чего-нибудь этакого, знаешь, того растого⁷²³, чтобы гарниру⁷²⁴, гарниру⁷²⁵ всякого побольше. Да⁷²⁶ в свиной сычуг положи ледку, чтобы он взбухнул⁷²⁷ хорошенько".

Много еще Петух заказывал блюд⁷²⁸. Только и раздавалось⁷²⁹: "Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько". Заснул Чичиков уже на каком-то индюке.

На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом. Жеребец был отправлен с конюхом Петуха. Они сели в коляску. Мордатый пес лениво пошел за коляской: он тоже объелся.

"Это уже слишком", сказал Чичиков, когда выехали они со двора.

"А не скучает, вот что досадно", <подумал> Платонов.

"Было бы у меня, как у тебя, 70 тысяч в год доходу", подумал Чичиков: "да я бы скуку и на глаза к себе <не пустил>. Вон откупщик Муразов, – легко сказать, – 10 миллионов... Экой куш".

"Что⁷³⁰, вам ничего заехать⁷³¹? Мне бы хотелось проститься с сестрой и с зятем".

"С большим удовольствием", сказал Чичиков.

---

⁷²¹ присмакивал

⁷²² Слов "и подшлепывал" в рукописи нет

⁷²³ разного

⁷²⁴ гарбюру

⁷²⁵ В рукописи слова "гарниру" нет

⁷²⁶ Далее в рукописи идут слова: "сделай мне", предлог "в" отсутствует

⁷²⁷ вздухнул

⁷²⁸ В рукописи далее: "Пропал совершенно сон сказал Чичиков повернувшись на одну сторону; закутал голову в подушки и закутал себя всего одеялом, чтобы не слышать ничего, но и сквозь одеяло и подушки раздавались беспрестанно"

⁷²⁹ Далее текста от слов "Вон откупщик..." и до слов "...экой куш" в рукописи нет

⁷³⁰ вот

⁷³¹ В рукописи далее: "в одну деревню, отсюда верст десять?" спросил Платонов"

"Если вы охотник до хозяйства", сказал Платонов, "то вам будет с ним интересно познакомиться. Уж лучше хозяина вы не сыщете. Он в десять лет возвел⁷³² свое имение до <того>, что вместо 30⁷³³ теперь получает двести тысяч".

"Ах, да это, конечно, предпочтенный человек! Это преинтересно будет с таким человеком познакомиться⁷³⁴. Как же? Да ведь это сказать... А как по фамилии?"

"Костанжогло".

"А имя и отчество, позвольте узнать?"

"Константин Федорович".

"Константин Федорович Костанжогло! Очень будет⁷³⁵ интересно познакомиться. Поучительно узнать такого человека".

Платонов принял на себя руководить Селифаном⁷³⁶, что было нужно, потому что тот едва держался на козлах. Петрушка два раза сторчаком слетел с коляски, так что необходимо было, наконец, привязать его веревкой к козлам. "Экая скотина!" повторял только Чичиков.

"Вот, поглядите-ка, начинаются его земли", сказал Платонов: "совсем другой вид".

И в самом деле, через всё поле сеянный лес – ровные, как стрелки, дерева⁷³⁷; за ними другой, повыше⁷³⁸, тоже молодник; за ними старый⁷³⁹ лесняк, и всё один выше другого. Потом опять полоса поля, покрытая густым <лесом>, и снова таким же образом молодой лес, и опять старый. И три раза проехали⁷⁴⁰, как сквозь ворота⁷⁴¹ стен, сквозь леса. "Это всё у него выросло каких-нибудь лет в восемь – в десять, что у другого и в двадцать <не вырастет>"⁷⁴².

---

⁷³² развел

⁷³³ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "получает теперь 200 тысяч доходу"

⁷³⁴ В рукописи слов "как же? Да ведь это сказать..." нет

⁷³⁵ Слова "будет" в рукописи нет

⁷³⁶ Селифана

⁷³⁷ В рукописи слова даны в такой редакции без тире: "ровные деревья, как стрелки"

⁷³⁸ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "тоже молодь, за этим старый идет и опять старый"

⁷³⁹ Далее текст от слов "лесняк, и все один..." до слов "... и опять старый" в рукописи отсутствует

⁷⁴⁰ Далее в рукописи: "они"

⁷⁴¹ ворота

⁷⁴² Далее в рукописи: "сказал Платонов"

"Как же это он сделал?"⁷⁴³

"Расспросите⁷⁴⁴ у него. Это землевед такой⁷⁴⁵, у него ничего нет даром. Мало⁷⁴⁶, что он почву знает, как знает⁷⁴⁷, какое соседство для кого⁷⁴⁸ нужно, возле какого хлеба какие деревья⁷⁴⁹. Всякой⁷⁵⁰ у него три, четыре должности разом отправляет. Лес⁷⁵¹ у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте настолько-то влаги прибавить полям, настолько-то унавозить падающим листом, настолько-то дать тени. Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая. Жаль, что я сам мало эти вещи знаю, не умею рассказать, а у него такие штуки⁷⁵². Его называют колдуном"⁷⁵³.

"В самом деле, это изумительный муж", подумал Чичиков. "Весьма прискорбно, что молодой человек⁷⁵⁴ поверхностен и не умеет рассказать"⁷⁵⁵.

Наконец показалась деревня. Как бы город какой, высыпалась она множеством изб на трех возвышениях, увенчанных тремя церквями⁷⁵⁶, переграждённая повсюду исполинскими скирдами⁷⁵⁷ и кладями. "Да", подумал Чичиков: "видно, что живет хозяин-туз". Избы всё крепкие; улицы торные⁷⁵⁸; стояла ли где телега – телега была крепкая и новешенькая; мужик попадался с каким-то умным выражением лица; рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином. Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется, в песне, серебро лопатой.

---

⁷⁴³ Далее в рукописи: "спросил Чичиков"

⁷⁴⁴ В рукописи стоит в начале: "ну расспросите"

⁷⁴⁵ В рукописи восклицательный знак

⁷⁴⁶ В рукописи далее: "того"

⁷⁴⁷ Слов "как знает" в рукописи нет

⁷⁴⁸ чего

⁷⁴⁹ В рукописи: "какое дерево"

⁷⁵⁰ все

⁷⁵¹ Далее текст от слов "у него..." и до слов "... прибавить полям" в рукописи идет в такой редакции: "Лес то нужен сам по себе, а у него и полям нужен, затем чтобы в таком то месте влаги лишь прибавить"

⁷⁵² Далее в рукописи запятая и союзное слово "что"

⁷⁵³ Далее в рукописи идет текст: "много, много у него увидите, а все однако же скучно"

⁷⁵⁴ Далее: "так"

⁷⁵⁵ Далее в рукописи идет текст: "с нетерпением ожидаю увидеть"

⁷⁵⁶ Далее в рукописи: "да преграждались повсюду" строениями

⁷⁵⁸ Вместо слова "торные" в рукописи: "все прямые"

Не было тут английских парков и газонов⁷⁵⁹ со всякими затеями; но, по-старинному, шел проспект амбаров и рабочих домов вплоть до самого дому, чтобы всё было видно барину, что ни делается вокруг его⁷⁶⁰; и в довершение поверх⁷⁶¹ дома⁷⁶² фонарь обозревал на пятнадцать верст кругом всю окольность⁷⁶³. У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, хоть⁷⁶⁴ на них и⁷⁶⁵ не было фраков, а козацкие⁷⁶⁶ чекмени⁷⁶⁷ синего домашнего сукна⁷⁶⁸.

Хозяйка дома выбежала сама на крыльцо. Свежа она была, как кровь с молоком; хороша, как божий день; походила, как две капли, на Платонова, с той разницей только, что не была вяла как он, но разговорчива и весела.

"Здравствуй, брат! Ну, как же я рада, что ты приехал, А Константина нет дома; но он скоро будет".

"Где ж он?"

"У него есть дело на деревне с какими-то покупателями", говорила она, вводя гостей в комнату.

Чичиков с любопытством рассматривал жилище этого необыкновенного человека, который получал 200 тысяч⁷⁶⁹, думая по нем отыскать⁷⁷⁰ свойства самого хозяина, как по⁷⁷¹ оставшейся раковине заключают об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей и оставившей свое впечатление. Но нельзя было вывести никакого заключения. Комнаты все просты, даже пусты: ни фресков⁷⁷², ни картин, ни бронз, ни цветов, ни этажерок с фарфором, ни даже книг. Словом, всё показывало, что главная жизнь существа, здесь оби-

---

⁷⁵⁹ Далее в рукописи: "беседок и мостов"

⁷⁶⁰ него

⁷⁶¹ Вместо слова "поверх" в рукописи идет текст: "на крыше"

⁷⁶² Далее в рукописи: "дома возвышался большой фонарь обозревавший на 15 верст"

⁷⁶³ Далее в рукописи: "не для красоты или видов, но для наблюдения за работающим в отдаленных полях"

⁷⁶⁴ В рукописи слова "хоть" нет

⁷⁶⁵ Союза "и" в рукописи нет

⁷⁶⁶ хозяйские

⁷⁶⁷ чикмены

⁷⁶⁸ Далее в рукописи: "перехваченные голубыми поясами"

⁷⁶⁹ Далее в рукописи: "имел 200 тысяч доходу". После точки "Он" с большой буквы

⁷⁷⁰ отгадать

⁷⁷¹ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "Оставленной раковине об устрице или улитке некогда в ней сидевшей". Слов "и оставившей свое впечатление" нет

⁷⁷² порталов

тавшего, проходила вовсе не в четырех стенах комнаты, но в поле, и⁷⁷³ самые мысли не обдумывались заблаговременно сибаритским образом у огня, пред камином, в покойных креслах, но⁷⁷⁴ там же, на месте дела, приходили в голову, и там же, где приходили, там и претворялись в дело. В комнатах мог только заметить Чичиков следы женского домоводства. На столах и стульях были наставлены чистые липовые доски и на них⁷⁷⁵ лепестки каких-то цветов⁷⁷⁶, приготовленные к сушке.

"Что это⁷⁷⁷ у тебя, сестра, за дрянь такая⁷⁷⁸ наставлена?" сказал Платонов.

"Как дрянь", сказала хозяйка. "Это лучшее средство от лихорадки. Мы вылечили им в прошлый <год> всех мужиков. А это для настоек; а это для варенья. Вы всё смеетесь над вареньями да над соленьями, а потом, когда едите, сами же похваливаете".

Платонов подошел к фортепиано⁷⁷⁹ и стал разбирать ноты.

"Господи, что за старина!" сказал он. "Ну, не стыдно ли тебе, сестра?"

"Ну, уж извини, брат, музыкой мне и подавно некогда заниматься. У меня осьмилетняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернантке затем только, чтобы самой иметь свободное время для музыки, – нет, извини, брат, этого-то⁷⁸⁰ не сделаю".

"Какая ты, право, стала скучная, сестра", сказал брат и подошел к окну.

"А! вот он! идет! идет!" сказал Платонов. Чичиков тоже устремился к окну. К крыльцу подходил лет 40 человек, живой, смуглой наружности⁷⁸¹, в сертуке верблюжьего <сукна?>. О наряде своем он не думал⁷⁸². На нем был триповый картуз. По обеим сторонам его, сняв шапки, шли два человека нижнего сословия⁷⁸³, – шли,

---

⁷⁷³ В рукописи далее текст идет в такой редакции: "и что самые мысли его не"

⁷⁷⁴ Далее текст от слов "там же..." и до слов "... в дело" в рукописи идет в такой редакции: "но на месте где приходили в голову там же и притворялись в дело"

⁷⁷⁵ В рукописи далее: "разсыпаны были"

⁷⁷⁶ Цветов приготовленных

⁷⁷⁷ Слова "это" в рукописи нет

⁷⁷⁸ какая

⁷⁷⁹ фортепьянам

⁷⁸⁰ В рукописи: "Этого я"

⁷⁸¹ Далее слов "в сертуке верблюжьего сукна" в рукописи нет

⁷⁸² Далее в рукописи стоит многоточие, слов "На нем был триповый картуз" нет

⁷⁸³ Далее слов "шли, разговаривая и" в рукописи нет

разговаривая и о чем-то с <ним> толкуя. Один – простой мужик, другой – какой-то заезжий кулак и пройдоха, в синей сибирке. Так как остановились они все около крыльца, то и разговор их был слышен в комнатах.

"Вы вот что лучше⁷⁸⁴ сделайте⁷⁸⁵: вы откупитесь у вашего ба-рина. Я вам, пожалуй, дам взаймы; вы после мне отработаете"⁷⁸⁶.

"Нет, Константин Федорович⁷⁸⁷, что уж откупаться. Возьмите нас. Уж у вас всякому уму выучишься⁷⁸⁸. Уж эдакого умного чело-века нигде во всем свете нельзя сыскать. А ведь теперь беда та, что себя⁷⁸⁹ никак не убережешь. Целовальники такие завели те-перь⁷⁹⁰ настойки, что с одной рюмки так⁷⁹¹ те живот станет драть, что воды ведро бы выпил. Не успеешь опомниться, как всё спу-стишь⁷⁹². Много соблазну. Лукавый, что ли⁷⁹³, миром ворочает, ей богу! Всё заводят, чтобы сбить с толку мужиков⁷⁹⁴: и⁷⁹⁵ табак, и вся-кие такие <...> Что ж делать, Константин Федорович⁷⁹⁶. Человек – не удержишься".

"Послушай: да ведь вот в чем дело. Ведь у меня все-таки неволя. Это⁷⁹⁷ правда, что с первого разу⁷⁹⁸ всё получишь – и корову, и лошадь; да ведь дело в том, что я так требую с мужиков, как нигде⁷⁹⁹. У меня работай⁸⁰⁰ – первое; мне ли⁸⁰¹, или себе, но уж⁸⁰² не дам никому залежаться. Я и сам работаю как вол, и мужики у меня, потому что испытал, брат: вся дрянь лезет в голову оттого,

---

⁷⁸⁴ Слова "лучше" в рукописи нет

⁷⁸⁵ Далее в рукописи: "говорил Константин мужику"

⁷⁸⁶ заработаете

⁷⁸⁷ Слов "Константин Федорович" нет в рукописи

⁷⁸⁸ Далее текста от слов "Уж эдакого..." до слов "... нельзя сыскать" в рукописи нет

⁷⁸⁹ Слова "себя" в рукописи нет

⁷⁹⁰ Слова "теперь" в рукописи нет

⁷⁹¹ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "станет забирать в животе"

⁷⁹² испустишь

⁷⁹³ Слов "что ли" в рукописи нет

⁷⁹⁴ людей

⁷⁹⁵ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "стали заводить и табак, и такие зелья"

⁷⁹⁶ Далее в рукописи текст: "человек перед богом, человек не удержится"

⁷⁹⁷ Слова "это" в рукописи нет

⁷⁹⁸ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "вы получите"

⁷⁹⁹ никто

⁸⁰⁰ работа

⁸⁰¹ Частицы "ли" нет

⁸⁰² Слова "я" нет в рукописи

что не работаешь. Так вы об этом все подумайте миром и потолкуйте между <собой>".

"Да мы-с толковали уж⁸⁰³ об этом, Константин Федорович. Уж это и⁸⁰⁴ старики говорят⁸⁰⁵. Что говорить, ведь всякой мужик у вас богат: уж⁸⁰⁶ это недаром; и священники таки сердобольные. А ведь⁸⁰⁷ у нас и тех взяли и хоронить некому".

"Все-таки ступай и переговоры"⁸⁰⁸.

"Слушаю-с"⁸⁰⁹.

"Так уж того-с, Константин Федорович, уж сделайте милость... побавьте", говорил шедший по другую сторону заезжий кулак в синей сибирке⁸¹⁰.

"Уж я сказал: торговаться я не охотник. Я не то, что другой помещик, к которому ты подъедешь под самый срок уплаты в ломбард. Ведь я вас знаю всех⁸¹¹. У вас есть списки всех, кому когда следует уплачивать. Что ж тут мудреного? Ему приспичит, ну, он тебе и отдаст⁸¹² за полцены. А мне что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи. Мне в ломбард не нужно уплачивать".

"Настоящее дело, Константин Федорович. Да ведь я того-с, оттого только, чтобы и впредь иметь с вами касательство, а не ради какого⁸¹³ корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять". Кулак вынул из-за пазухи пук засаленных ассигнаций. Костанжогло прехладнокровно взял их и, не считая, сунул в задний карман своего сюртука⁸¹⁴.

"Гм", подумал Чичиков: "точно как бы носовой платок".

Костанжогло показался в дверях гостиной. Он еще более поразил Чичикова смуглостью⁸¹⁵ лица, жесткостью черных⁸¹⁶ волос,

---

⁸⁰³ уже

⁸⁰⁴ не

⁸⁰⁵ Далее текста "что говорить, ведь всякой" в рукописи нет

⁸⁰⁶ ведь

⁸⁰⁷ Слова "ведь" в рукописи нет

⁸⁰⁸ Далее в рукописи: "с своими"

⁸⁰⁹ Далее в рукописи: "Константин Федорович"

⁸¹⁰ Далее текст "Уже я сказал: торговаться я не охотник" в рукописи идет в такой редакции: "Ведь я тебе на первых порах объявил торговаться не охотник. Я тебе говорю опять"

⁸¹¹ Слова "всех" в рукописи нет

⁸¹² продаст

⁸¹³ какого-нибудь корыстия

⁸¹⁴ сюртука

⁸¹⁵ смоглостью

⁸¹⁶ темных

местами до времени поседевших, живым выраженьем глаз и каким-то желчным отпечатком пылкого⁸¹⁷ южного происхожденья. Он был не совсем русской. Он⁸¹⁸ сам не знал, откуда вышли его предки. Он не занимался своим родословием, находя, что это в строку нейдет и в хозяйстве вещь лишняя. Он⁸¹⁹ даже был совершенно уверен, что он русской, да и не знал другого языка, кроме русского.

Платонов представил Чичикова. Они поцеловались⁸²⁰.

"Вот решился проездиться по разным губерниям", сказал Платонов: "размыкать хандру".

"Прекрасно", сказал Костанжогло. "В какие же места", продолжал он, приветливо обращаясь к Чичикову: "предполагаете теперь направить путь?"

"Признаюсь", сказал Чичиков, приветливо наклоня голову набок и в то же время поглаживая рукой кресельную ручку: "еду я покамест не столько по своей нужде, сколько по нужде другого: генерал Бетрищев, близкой приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников⁸²¹. Родственники, конечно, родственниками, но с другой стороны, так сказать⁸²², и для самого себя, потому что, точно, не говоря уже о пользе, которая может быть в геморoidalном отношении, увидеть⁸²³ свет⁸²⁴, коловращенье людей... есть, так сказать, живая книга, та же наука".

Да, заглянуть в иные уголки не мешает".

"Превосходно изволили заметить, именно истинно, действительно не мешает. Видишь вещи, которых бы не видел, встречаешь людей, которых бы не встретил. Разговор с иным тот же червонец, как вот, например, теперь⁸²⁵ представился случай... К вам прибегаю⁸²⁶, почтеннейший Константин Федорович, научите, научите,

---

⁸¹⁷ Слова "пылкого" в рукописи нет

⁸¹⁸ Вместо "он" в рукописи "и"

⁸¹⁹ Далее текст "даже был совершенно уверен, что он русский" дан в рукописи в следующей редакции: "Он думал, что он русский"

⁸²⁰ Далее текст от слов "Вот решился..." до слов "... размыкать хандру" в рукописи дан в такой редакции: "— Чтоб вылечиться от хандры, я придумал Константин проехать по-разным губерниям, сказал Платонов. И вот Павел Иванович предложил мне ехать с ним размыкать мою хандру"

⁸²¹ Далее слов "родственники, конечно, родственниками" в рукописи нет

⁸²² Слов "так сказать" в рукописи нет

⁸²³ увидеть

⁸²⁴ Далее слов "коловращенье людей... есть, так сказать" в рукописи нет

⁸²⁵ Далее в рукописи: "же"

⁸²⁶ прибегнуть

оросите жажду мою вразумленьем⁸²⁷ истины. Жду, как манны, сладких слов ваших".

"Чему же, однако?.. чему научить?" сказал Костанжогло, смутившись⁸²⁸. "Я и сам учился на медные деньги".

"Мудрости, почтеннейший! мудрости. Мудрости управлять трудным кормилом сельского хозяйства, мудрости извлекать доходы верные, приобрести имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тем долг гражданина, заслужа уваженье⁸²⁹ соотечественников".

"Знаете ли что", сказал Констанжогло, смотря на него в размышлении⁸³⁰: "останьтесь денек у меня. Я покажу вам всё управление и расскажу обо всем. Мудрости тут, как вы увидите, никакой нет".

"Конечно, останьтесь", сказала хозяйка и⁸³¹, обратясь к брату, прибавила: "Брат, оставайся: куды тебе торопиться?"

"Мне всё равно. Как Павел Иванович?"

"Я тоже, я⁸³² с большим удовольствием... Но вот обстоятельство⁸³³: родственник генерала Бетрищева⁸³⁴, некто полковник Кошкарев..."

"Да ведь он... сумасшедший".

"Это так, сумасшедший. Я бы к нему и не ехал⁸³⁵, но генерал Бетрищев, близкий приятель и, так сказать, благотворитель..."

"В таком случае знаете что?" сказал <Костанжогло>: "поезжайте, к нему и десяти верст нет. У меня⁸³⁶ стоят готовые пролетки. Поезжайте к нему теперь же. Вы успеете к чаю возвратиться назад".

"Превосходная мысль!" вскрикнул⁸³⁷ Чичиков, взявши шляпу⁸³⁸.

---

⁸²⁷ вразумением

⁸²⁸ изумившись

⁸²⁹ уважение

⁸³⁰ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "останьтесь у меня денек"

⁸³¹ Союза "и" в рукописи нет

⁸³² Местоимения "я" в рукописи нет

⁸³³ Далее в рукописи: "нужно посетить родственника"

⁸³⁴ Далее в рукописи: "есть"

⁸³⁵ поехал

⁸³⁶ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "стоит почтовая пролетка. Поезжайте теперь же"

⁸³⁷ вскречал

⁸³⁸ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "Пролетка была ему подана и в полчаса примчала его к полковнику"

Пролетки были ему поданы и в полчаса примчали его к полковнику. Вся деревня была⁸³⁹ вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроены были какие-то дома⁸⁴⁰, в роде каких-то присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: *Дело земледельческих орудий*; на другом: *Главная счетная экспедиция*; далее *Комитет*⁸⁴¹ *сельских дел*; *Школа нормального просвещения*⁸⁴² *поселян*. Словом, чорт знает чего не было.

Полковника он застал за пульпитром⁸⁴³ стоячей конторки, с пером в зубах. Полковник⁸⁴⁴ принял Чичикова отменно ласково.

По виду он был предобрейший, преобходительный человек: стал ему рассказывать о том, скольких⁸⁴⁵ трудов ему стоило возвесть⁸⁴⁶ имение до нынешнего благосостояния; с соболезнаванием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляет⁸⁴⁷ человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих <пор> не мог заставить ходить в корсете⁸⁴⁸, тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано; что, однако же, несмотря на всё упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Вирг<илиевы>⁸⁴⁹ Георгики, или Химическое исследование почв.

"Да, как бы не так!" подумал Чичиков. "А вот я⁸⁵⁰ до сих пор еще "Графини⁸⁵¹ Лавальер" не прочел: всё нет времени".

Много еще говорил полковник о том⁸⁵², как привести людей к благополучию. Парижский⁸⁵³ костюм у него имел большое значе-

---

⁸³⁹ Слова "была" нет в рукописи

⁸⁴⁰ здания

⁸⁴¹ бюро

⁸⁴² просвещения

⁸⁴³ пюпитром

⁸⁴⁴ он

⁸⁴⁵ сколько

⁸⁴⁶ возвести

⁸⁴⁷ доставляют

⁸⁴⁸ корсетах

⁸⁴⁹ вергилиево

⁸⁵⁰ Далее в рукописи: "еще"

⁸⁵¹ герцогини

⁸⁵² Слов "о том" в рукописи нет

⁸⁵³ Слова "парижские" в рукописи нет

ние. Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, – науки возвысятся, торговля подымется, и золотой век настанет в России⁸⁵⁴.

Посмотревши на него пристально, Чичиков подумал: "С этим, кажется, чиниться нечего"; и тут же объявил, что имеется надобность вот в каких душах, с совершеньем⁸⁵⁵ таких-то крепостей и всех обрядов.

"Сколько могу видеть из слов ваших", сказал полковник, нима-ло не смутясь: "это просьба, не так ли?"

"Так точно".

"В таком случае изложите ее письменно. Просьба пойдет⁸⁵⁶ в контору принятия рапортов и донесений. [Контора], пометивши⁸⁵⁷, препроводит ее ко мне; от меня поступит она в комитет сельских дел, оттоле, по сделании выправок, к управляющему. Управляющий⁸⁵⁸ совокупно с секретарем..."

"Помилуйте!" вскрикнул⁸⁵⁹ Чичиков: "ведь этак⁸⁶⁰ зятянется бог знает⁸⁶¹. Да⁸⁶² как же трактовать об этом письменно? Ведь это такого рода дело... Души ведь некоторым образом... мертвые".

"Очень хорошо. Вы так и напишите, что души некоторым образом мертвые".

"Но ведь как же – мертвые? Ведь этак же нельзя написать. Они хотя и мертвые, но нужно, чтобы казалось⁸⁶³, как бы были живые".

"Хорошо. Вы так и напишите: но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казалось, как бы живые. Без бумажного производства нельзя этого сделать. Пример⁸⁶⁴ Англия и сам даже Наполеон. Я вам отряжу комиссионера, который вас проводит по всем местам". Он ударил в звонок; явился какой-то человек.

---

⁸⁵⁴ Далее вместо слов "Посмотревши на него пристально, Чичиков подумал" в рукописи идет текст: "Чичиков слушал, слушал, глядя ему пристально в глаза, наконец решил: что"

⁸⁵⁵ совершением

⁸⁵⁶ Вместо слов "Просьба пойдет" в рукописи: "Она войдет"

⁸⁵⁷ поместивши

⁸⁵⁸ Далее в рукописи: "снесясь с моим секретарем..."

⁸⁵⁹ вскричал

⁸⁶⁰ Далее в рукописи: "дело"

⁸⁶¹ Далее в рукописи: "на сколько"

⁸⁶² В рукописи вместо "да" – "и"

⁸⁶³ казались

⁸⁶⁴ например

"Секретарь! Позвать ко мне комиссионера". Предстал комиссионер, какой-то не то мужик, не то чиновник⁸⁶⁵. "Вот он вас проводит <по> нужнейшим⁸⁶⁶ местам".

Чичиков решил, из любопытства, пойти с комиссионером посмотреть⁸⁶⁷ все эти самонужнейшие⁸⁶⁸ места. Контора подачи рапортов существовала только на вывеске, и двери были заперты. Правитель дел ее Хрулев⁸⁶⁹ был переведен во вновь образовавшийся комитет⁸⁷⁰ сельских построек. Место его заступил камердинер Березовский; но он тоже был куда-то откомандирован комиссией⁸⁷¹ построения. Толкнулись они в департамент⁸⁷² сельских дел – там переделка: разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку. "У нас бестолковщина", сказал наконец Чичикову комиссионер. "Барина за нос водят. Всем у нас распоряжается комиссия⁸⁷³ построения⁸⁷⁴: отрывает всех от дела, посылает, куда угодно. Только и выгодно⁸⁷⁵ у нас⁸⁷⁶, что в⁸⁷⁷ комиссии построения". Он, как видно, был недоволен⁸⁷⁸ на комиссию построения. И в самом деле, взглянул⁸⁷⁹ Чичиков⁸⁸⁰: всё строится. Далее Чичиков⁸⁸¹ не хотел и смотреть, но⁸⁸², пришедши, рассказал полковнику; что так и так, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссии⁸⁸³ подачи рапортов и вовсе нет⁸⁸⁴.

Полковник воскипел благородным негодованьем, крепко пожавши руку Чичикову, в знак благодарности. Тут же, схвативши⁸⁸⁵

---

⁸⁶⁵ человек

⁸⁶⁶ по всем

⁸⁶⁷ осмотреть

⁸⁶⁸ В рукописи слова "самонужнейшие" нет

⁸⁶⁹ Слова "Хрулев" в рукописи нет, а "ее" идет перед словом "дел"

⁸⁷⁰ В рукописи: "образовавшуюся контору"

⁸⁷¹ конторою

⁸⁷² бюро

⁸⁷³ контора

⁸⁷⁴ построек

⁸⁷⁵ выгоды

⁸⁷⁶ Слов "у нас" в рукописи нет

⁸⁷⁷ Далее в рукописи: "в конторе построк"

⁸⁷⁸ Далее в рукописи: "конторою построек"

⁸⁷⁹ видел

⁸⁸⁰ В рукописи текст дан в такой редакции: "что все строилось"

⁸⁸¹ Слова "Чичиков" в рукописи нет

⁸⁸² Слова "но" в рукописи нет

⁸⁸³ конторы

⁸⁸⁴ В рукописи далее текст: "а контора построек ворует на пропалую"

⁸⁸⁵ взял

бумагу и перо, написал восемь да строжайших⁸⁸⁶ запросов: на каком основании комиссия построения⁸⁸⁷ самоуправно распорядилась с неподведомственными ей чиновниками, как мог допустить главноуправляющий, чтобы представитель⁸⁸⁸, не сдавши своего поста, отправился на следствие, и как мог⁸⁸⁹ видеть равнодушно комитет⁸⁹⁰ сельских дел, что даже не существует контора⁸⁹¹ подачи рапортов и донесений?

"Ну⁸⁹², кутерьма", подумал Чичиков и хотел уже уехать⁸⁹³.

"Нет, я вас не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбие затронуту. Я докажу, что значит органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дело такому человеку, который один стоит всех: окончил университетский курс⁸⁹⁴. Вот каковы у меня крепостные люди... Чтобы не терять драгоценного времени, покорнейше <прошу> посидеть у меня в библиотеке", сказал полковник, отворяя боковую дверь. "Тут книги, бумага, перья, карандаши, всё. Пользуйтесь, пользуйтесь всем, вы – господин. Просвещение должно быть открыто всем". Так говорил Кошкарев⁸⁹⁵, введя⁸⁹⁶ его в книгохранилище. Это был огромный зал, снизу доверху уставленный книгами. Были там⁸⁹⁷ даже и чучела животных. Книги по всем частям: по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; специальные журналы по всем частям,⁸⁹⁸ которые только рассылаются с обязанностью⁸⁹⁹ подписок⁹⁰⁰, но никто <их> не читает. Видя, что всё это были книги не для приятного препровождения <времени>, он⁹⁰¹ обратился к другому шкафу. Из огня в поломя⁹⁰². Всё книги философии⁹⁰³. Шесть

---

⁸⁸⁶ найстрожайших

⁸⁸⁷ контора построек

⁸⁸⁸ правитель дел

⁸⁸⁹ могло

⁸⁹⁰ бюро

⁸⁹¹ конторы

⁸⁹² В рукописи далее: "пойдет"

⁸⁹³ ехать

⁸⁹⁴ В рукописи слов "Вот каковы у меня крепостные люди..." нет

⁸⁹⁵ Вместо "Кошкарев" – "полковник"

⁸⁹⁶ вводя

⁸⁹⁷ тут

⁸⁹⁸ Слов "которые только рассылаются" в рукописи нет

⁸⁹⁹ Далее в рукописи: "с обязанностью неприменной подписки"

⁹⁰⁰ Далее слов "но никто их не читает" в рукописи нет

⁹⁰¹ Чичиков

⁹⁰² полымя

⁹⁰³ философские

огромных⁹⁰⁴ томищей предстало ему пред глаза, под названием: "Предуготовительное вступление в область мышления. Теория общности⁹⁰⁵, совокупности, сущности, в применении к уразумению органических начал⁹⁰⁶ общественной производительности". Что ни⁹⁰⁷ разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице: проявление, развитие⁹⁰⁸, абстракт, замкнутость и сомкнутость⁹⁰⁹, и чорт знает, чего там не было. "Это не по мне", сказал Чичиков и оборотился к третьему шкафу, где были книги по части искусств. Тут вытащил какую-то огромную книгу с нескромными мифологическими картинками⁹¹⁰ и начал их рассматривать. Такого рода картинки нравятся холостякам⁹¹¹ средних <лет>, а иногда и тем старикашкам, которые подзадоривают себя балетами и прочими пряностями. Окончивши рассматриванье⁹¹² этой книги, Чичиков вытащил уже⁹¹³ было и другую в том же роде, как появился полковник Кошкарёв, с сияющим видом и бумагою.

"Всё сделано, и сделано отлично. Человек, о котором я вам говорил, решительный гений. За это я поставлю <его> выше всех и для него одного заведу целый департамент⁹¹⁴. Вы посмотрите, какая светлая голова и как в несколько минут он решил всё".

"Ну, слава те, господи!" подумал Чичиков и приготовился слушать. Полковник стал читать:

"Приступая к обдумыванью⁹¹⁵ возложенного на меня вашим высокородием поручения, честь имею сим донести на оное. I-е. В самой просьбе господина⁹¹⁶ коллежского советника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумение, ибо неосмотрительным образом ревизские души названы умершими. Под сим, вероятно, они изволили разуть близкие к смерти, а не умершие. Да и самое таковое название уже показывает изучение

---

⁹⁰⁴ Далее слова в рукописи идут в такой редакции: "томищев предстояло"

⁹⁰⁵ обязанности

⁹⁰⁶ Далее в рукописи: "обоюдного разделения"

⁹⁰⁷ как не

⁹⁰⁸ проявление, развитие

⁹⁰⁹ Слова "сомкнутость" в рукописи нет

⁹¹⁰ "Картинами", и в следующем предложении: "такого рода картины"

⁹¹¹ Слов "средних лет, а иногда и тем старикашкам" в рукописи нет

⁹¹² рассматривание

⁹¹³ Слова "уже" нет в рукописи

⁹¹⁴ В рукописи: "целое управление"

⁹¹⁵ обдумыванию

⁹¹⁶ В рукописи: "Г."

наук [более]⁹¹⁷ эмпирическое⁹¹⁸, вероятно, ограничившееся приходским училищем, ибо душа бессмертна".

"Плут!" сказал, остановившись⁹¹⁹, Кошкарев с самодовольствием: "Тут он немножко⁹²⁰ кольнул вас. Но сознайтесь, какое бойкое перо".

"Во II-х⁹²¹, никаких незаложенных⁹²², не только близких к смерти, но и всяких прочих, по имению⁹²³ не имеется, ибо все в совокупности не токмо⁹²⁴ заложены без изъятия⁹²⁵, но и перезаложены, с прибавкой по полутора ста рублей на душу, кроме небольшой деревни Гурмайловки⁹²⁶, находящейся в спорном положении по случаю тяжбы с помещиком Прядищевым⁹²⁷ и вследствие⁹²⁸ того под запрещением⁹²⁹, о чем объявлено в 42 номере "Московских Ведомостей".

"Так зачем же вы мне этого не объявили прежде? Зачем из пустяков держали?" сказал с сердцем Чичиков.

"Да. Да ведь нужно было, чтобы⁹³⁰ всё это <вы> увидели⁹³¹ сквозь форму бумажного производства. Этак не штука. Бессознательно может и дурак увидеть, но нужно сознательно".

Всередцах, схвативши шапку, Чичиков бегом из дому, мимо всяких приличий⁹³², да в дверь: он был сердит. Кучер стоял <с> пролетками⁹³³ наготове, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о корме пошла бы письменная просьба, и резолюция выдать овес лошадям вышла бы только на другой день. Полковник, однако⁹³⁴ ж, выбежал учтив и деликатен. Он насильно пожал ему

---

⁹¹⁷ Слов "наук более" в рукописи нет

⁹¹⁸ В рукописи: "империческое"

⁹¹⁹ Далее в рукописи слово "полковник"

⁹²⁰ несколько

⁹²¹ В рукописи: "во 2-х"

⁹²² Далее в рукописи: "ревизских душ"

⁹²³ по имению

⁹²⁴ не только

⁹²⁵ без изъятия

⁹²⁶ Гуринайловки

⁹²⁷ Пряднищевым

⁹²⁸ в последствие

⁹²⁹ под запрещением

⁹³⁰ Слов "все это" в рукописи нет

⁹³¹ узнали

⁹³² Слов "да в дверь: он был сердит" в рукописи нет

⁹³³ Далее в рукописи: "с пролеткой на готове, и знал что"

⁹³⁴ В рукописи текст дан в такой редакции: "однако выбежал провожать, насильно пожал Чичикову руку, прижал его к сердцу"

руку, прижал ее к сердцу и благодарил его за то, что он дал ему случай увидеть на деле ход производства; что передрыгю и гонку нужно дать необходимо, потому что⁹³⁵ способно всё задремать, и пружины управления⁹³⁶ заржавеют и ослабеют; что, вследствие этого события, пришла ему счастливая мысль устроить новую комиссию⁹³⁷, которая будет называться комиссией⁹³⁸ наблюдения за комиссией построения⁹³⁹, так что уже тогда никто не осмелится украть.

Чичиков приехал, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горели свечи⁹⁴⁰.

"Что это⁹⁴¹ вы так запоздали?" сказал <Костанжогло>, когда он показался в дверях.

"О чем вы это так долго с ним толковали?" сказал⁹⁴² Платонов.

"Этакого дурака я еще от роду не видывал", сказал <Чичиков>.

"Это еще ничего", сказал <Костанжогло>. "Кошкарев – утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражаются карикатурно и видней⁹⁴³ глупости всех⁹⁴⁴ наших умников, – вот этих всех умников, которые, не узнавши прежде своего⁹⁴⁵, набираются дури в чужи. Вон каковы помещики теперь наступили⁹⁴⁶; завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссию, и чорт знает, чего не завели. Вот как<овы?> эти умники. Было поправились, после француза двенадцатого года, так вот теперь всё давай расстроивать сызнова. Ведь хуже француза⁹⁴⁷ расстроили, так что теперь какой-нибудь Петр Петрович Петух еще хороший помещик".

---

⁹³⁵ Далее в рукописи: "иначе"

⁹³⁶ Далее в рукописи: "могут заржаветь и ослабеть"

⁹³⁷ контору

⁹³⁸ конторю

⁹³⁹ за конторю построек

⁹⁴⁰ В рукописи далее: "и стол был накрыт для ужина"

⁹⁴¹ В рукописи вместо слова "это" – "ж"

⁹⁴² спросил

⁹⁴³ виднее

⁹⁴⁴ Далее вместо слов "наших умников, – вот этих всех умников" в рукописи текст дан в такой редакции: "всех этих циников, которые"

⁹⁴⁵ Далее в рукописи текст дан в редакции: "забирают дурь из чужи". Последующего предложения "Вон каковы помещики теперь наступили" в рукописи нет

⁹⁴⁶ Текст от слов "завели и конторы..." и до слов "... двенадцатого года" в рукописи дан в такой редакции: "завели и конторы и школы и мануфактуры и черт знает чего не завели эти умники. Поправить надо было после француза, так вот"

⁹⁴⁷ В рукописи далее слово "теперь"

"Да ведь и он заложил теперь в ломбард", сказал Чичиков. "Ну, да, всё в ломбард, всё пойдет в ломбард". Сказав это, Костанжогло стал понемногу⁹⁴⁸ сердиться. "Вон шляпный, свечной заводы, из Лондона мастеров выписали свечных, торгашами поделались. Помещик – этакое званье почтенное – в мануфактуристы, фабриканты. Прядильные машины... кисеи шлюхам городским, девкам"⁹⁴⁹.

"Да ведь и у тебя же есть фабрики", заметил Платонов.

"А кто их заводил? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда – я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые⁹⁵⁰; по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают, – мужику надобные⁹⁵¹, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжение шести лет сряду промышленники, – ну, куды ее девать⁹⁵² – я начал из нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня всё так".

"Экой чорт", думал Чичиков, глядя на него в оба глаза: "загребистая какая лапа".

"Да и то потому занялся, что набрело много работников, которые умерли бы с голоду. Голодный год⁹⁵³, и⁹⁵⁴ всё по милости этих⁹⁵⁵ фабрикантов, упустивших посева. Этаких фабрик у меня, брат⁹⁵⁶, наберется много. Всякой год другая фабрика⁹⁵⁷, смотря по тому, от чего накопилось остатков и выбросков. [Рассмотри]⁹⁵⁸ только попристальнее в свое хозяйство, всякая дрянь даст доход, так что отталкиваешь, говоришь: не нужно. Ведь я не строю⁹⁵⁹ для этого⁹⁶⁰ дворцов с колоннами да с фронтонами".

---

⁹⁴⁸ немножко

⁹⁴⁹ Текст от слов "вон шляпный..." до слов "... городским девкам" дан в такой редакции: "завел свечной завод из Лондона мастеров выписал, свечным торгашем сделался. Помещик. Этакое звание почтенное. Идет в мануфактуристы и фабриканты! Прядильные машины заводит, нечего делать шлюхами городским девкам"

⁹⁵⁰ Далее текста от слов "по дешевой цене..." и до слов "... у меня и разбирают" в рукописи нет

⁹⁵¹ Слов "моему мужику" нет в рукописи. Далее в рукописи: "их тут же у меня на рынках и разбирают по дешевой цене"

⁹⁵² Слов "промышленники – ну, куды ее девать –" нет в рукописи

⁹⁵³ В рукописи: "год голодный"

⁹⁵⁴ а

⁹⁵⁵ В рукописи слова "этих" нет

⁹⁵⁶ брат у меня

⁹⁵⁷ Слова "фабрика" в рукописи нет

⁹⁵⁸ "вникай", далее слов "так что отталкиваешь, говоришь "не нужно" нет в рукописи

⁹⁵⁹ строил

⁹⁶⁰ Далее в рукописи: "палат с колонами да с фронтами"

"Это изумительно. Изумительнее же всего то, что всякая дрянь дает доход!" сказал Чичиков.

"Да помилуйте. Если бы только брать дело попросту, как оно есть; а то⁹⁶¹ ведь всякой⁹⁶² механик, всякой⁹⁶³ хочет открыть ларчик с инструментом, а не просто. Он для этого съездит нарочно⁹⁶⁴ в Англию, вот в чем дело. Дурачье!"⁹⁶⁵ Сказавши это, Костанжогло плюнул. "И ведь глупей всотеро станет после того, как возвратится из-за границы".

"Ах, Константин! ты опять рассердился", сказала с беспокойством жена. "Ведь ты знаешь, что это для тебя вредно".

"Да ведь как не сердиться? Добро бы это было чужое, а то ведь это⁹⁶⁶ близко собственному сердцу. Ведь досадно то, что русской⁹⁶⁷ характер портится⁹⁶⁸. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было. Просвещение⁹⁶⁹ придет ему в ум – сделается Дон-Кишотом просвещения⁹⁷⁰, заведет⁹⁷¹ такие школы, что дураку в ум не войдет⁹⁷². Выйдет⁹⁷³ из школы такой человек, что никуда не годится; ни в деревню, ни в город, только что пьяница, да чувствует свое достоинство⁹⁷⁴. В человеколюбье пойдет – сделается Дон-Кишотом человеколюбья: настроит на миллион рублей бестолковейших больниц да заведений с колоннами, разорится да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье".

---

⁹⁶¹ Слова "то" в рукописи нет

⁹⁶² всякий

⁹⁶³ Слова "всякий" в рукописи нет

⁹⁶⁴ Слова "нарочно" в рукописи нет

⁹⁶⁵ В рукописи далее последующий текст идет в такой редакции: "и ведь глупее в сотую станешь после того, как возвратимся из-за границы, сказавши это Костанжогло плюнул"

⁹⁶⁶ Слова "это" в рукописи нет

⁹⁶⁷ русский

⁹⁶⁸ портят

⁹⁶⁹ просвещение

⁹⁷⁰ Слова "просвещение" в рукописи нет

⁹⁷¹ заводит

⁹⁷² не придет

⁹⁷³ выходит

⁹⁷⁴ Далее текст от слов "в человеколюбье..." до слов "... вот тебе и человеколюбье" дан в рукописи в следующей редакции: "В человеколюбие пойдет русский человек сделается и тут донкишотом. Человеколюб построят на миллион безтолковых больниц да заведений с колоннами, разорится, да и пустит всех по миру. Вот тебе и человеколюбие. Дурачье, ослы. Рассердившись Костанжогло плюнул"

Чичикову не до просвещения было дело. Ему хотелось обстоятельно расспросить о том, как всякая дрянь даёт доход; но никак не дал ему Костанжогло вставить слова. Желчные речи уже лились из уст его, так что уже⁹⁷⁵ он их не мог удержать.⁹⁷⁶

"Думают, как просветить мужика. Да ты сделай его прежде⁹⁷⁷ богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится⁹⁷⁸. Ведь как теперь, в это время, весь свет поглупел, так⁹⁷⁹ вы не можете себе представить. Что пишут теперь эти щелкоперы!⁹⁸⁰ Пустит какой-нибудь молокосос книжку, и так вот все и бросятся на нее. Вот что стали говорить: "Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья"⁹⁸¹. Что⁹⁸² сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болезней чорт знает каких набрались, и уж⁹⁸³ нет осемнадцатилетнего⁹⁸⁴ мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив как пузырь – так хотят теперь и этих заразить. Да слава богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями. За это мы просто должны благодарить бога. Да, хлебопашец у нас всех почтеннее⁹⁸⁵; что вы его трогаете? Дай бог, чтобы все были⁹⁸⁶ хлебопашцы"⁹⁸⁷.

"Так вы полагаете, что хлебопашеством доходливей⁹⁸⁸ заниматься?" спросил Чичиков.

"Законнее, а не то, что доходнее. Возделывая землю в поте лица своего⁹⁸⁹, сказано. Тут нечего мудрить. Это уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственней⁹⁹⁰,

---

⁹⁷⁵ Слова "уже" в рукописи нет

⁹⁷⁶ В рукописи текст дан в такой редакции: "он не мог удержать их"

⁹⁷⁷ В рукописи текст дан в такой редакции: "да ты прежде сделай его"

⁹⁷⁸ Слова "он сам выучится" в рукописи: "его дело"

⁹⁷⁹ Далее в рукописи слово "что"

⁹⁸⁰ Текста от слов "Пустит какой-нибудь..." и до слов "... бросятся на нее" в рукописи нет

⁹⁸¹ В рукописи: "выше состояния"

⁹⁸² В рукописи слова "что" нет

⁹⁸³ В рукописи: "и уже"

⁹⁸⁴ В рукописи: "восемнадцатилетнего мальчика"

⁹⁸⁵ Почтительнее, что вы его пугаете?

⁹⁸⁶ Далее в рукописи: "как"

⁹⁸⁷ Далее в рукописи: "Доходливее!"

⁹⁸⁸ Выгоднее

⁹⁸⁹ твоего

⁹⁹⁰ нравственнее

чище, благородней, выше. Не говорю не заниматься другим, но чтобы в основание легло хлебопашество, вот что. Фабрики заводятся сами собой, да заводятся законные фабрики, – того, что нужно здесь, под рукой человеку на месте, а не эти⁹⁹¹ всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом, для поддержки и для сбыту, употребляют все гнусные⁹⁹² меры, развращают, растлевают несчастный народ. Да вот же не заведу у себя, как ты там ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности производств, ни табака⁹⁹³, ни сахара, хоть бы потерял миллион. Пусть же, если входит⁹⁹⁴ разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед⁹⁹⁵ богом прав... Я двадцать лет живу с народом; я⁹⁹⁶ знаю, какие от этого следствия⁹⁹⁷.

"Для меня изумительнее всего, как при благоразумном управлении, из останков⁹⁹⁸, из обрезков⁹⁹⁹ получается, <что> и всякая дрянь дает доход".

"Гм! политические экономы!" говорил Костанжогло, не слушая его, с выражением желчного сарказма в лице. "Хороши политические экономы. Дурак на дураке сидит и дураком погоняет. Дальше своего глупого носа не видит¹⁰⁰⁰. Осел, а еще взлезет на кафедру, наденет очки... Дурачье!" И во гневе он плюнул.

"Всё это так¹⁰⁰¹ и всё справедливо, только пожалуйста не сердись", сказала жена: "как будто нельзя говорить об этом, не выходя из себя".

"Слушая вас, почтеннейший¹⁰⁰² Константин Федорович, вникаешь, так сказать, в смысл жизни¹⁰⁰³, щупаешь самое ядро дела. Но, оставив общечеловеческое, позвольте обратить внимание на приватное. Если бы, положим, сделавшись помещиком, возымел я

---

⁹⁹¹ а нести

⁹⁹² В рукописи: "поддержки их, для сбыта употребляют все глупые меры"

⁹⁹³ табаку, ни сахару

⁹⁹⁴ выйдет

⁹⁹⁵ пред

⁹⁹⁶ В рукописи вместо "я" союз "и"

⁹⁹⁷ последствия

⁹⁹⁸ остатков

⁹⁹⁹ Вместо текста от слов "получается..." и до слов "... доход" в рукописи далее: "из всякой дряни можно получить доход, сказал Чичиков"

¹⁰⁰⁰ Текст от слов "Осел, а еще..." до слов "... он плюнул" в рукописи дан в такой редакции: "очки... Дурачье. И в гневе он плюнул"

¹⁰⁰¹ В рукописи союза "и" нет, стоит "это"

¹⁰⁰² В рукописи вместо "Константин Федорович" стоит фамилия "Костанжогло"

¹⁰⁰³ Далее в рукописи: "изучаешь, так сказать самое"

мысль в непродолжительное <время> разбогатеть так, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то каким¹⁰⁰⁴ образом, как¹⁰⁰⁵ поступить?"

"Как поступить, чтобы разбогатеть?" подхватил Костанжогло. "А вот как..."

"Пойдем ужинать!" сказала хозяйка; она¹⁰⁰⁶, поднявшись с дивана, выступила на¹⁰⁰⁷ середину комнаты, закутывая в шаль молодые, продрогнувшие свои члены.

Чичиков схватился¹⁰⁰⁸ со стула с ловкостью¹⁰⁰⁹ почти военного человека¹⁰¹⁰, коромыслом подставил ей руку и повел ее¹⁰¹¹ парадно через¹⁰¹² две комнаты, в столовую, где уже на столе стояла суповая чашка и, лишенная¹⁰¹³ крышки, разливала приятное благоуханье супа, напитанного свежю зеленью и первыми кореньями весны. Все сели за стол. Слуги проворно поставили разом на стол все блюда, в закрытых соусниках, и всё, что нужно, и тотчас ушли. Костанжогло не любил, чтобы лакеи слушали господские <разговоры>, а еще более, чтобы глядели ему в рот в то время, когда он <ест>.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличного питья, похожего на венгерское, Чичиков сказал хозяину так:

"Позвольте, почтеннейший, вновь обратиться к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас¹⁰¹⁴ о том, как быть, как поступить, как лучше приняться..."¹⁰¹⁵

"Именье¹⁰¹⁶, за которое если бы он запросил и 40 тысяч, я бы ему тут же отсчитал".

"Гм". Чичиков задумался. "А отчего же вы сами", проговорил он с некоторою робостью, "не покупаете его?"

---

¹⁰⁰⁴ таким

¹⁰⁰⁵ так

¹⁰⁰⁶ Слова "она" в рукописи нет

¹⁰⁰⁷ В рукописи: "и вступила в"

¹⁰⁰⁸ скочил

¹⁰⁰⁹ с ловкостьюю

¹⁰¹⁰ Далее в рукописи идет текст: "подлетел к хозяйке с мягким выражением в лице деликатного и статского человека, коромыслом..."

¹⁰¹¹ Слова "ее" в рукописи нет

¹⁰¹² чрез

¹⁰¹³ снятая крышка

¹⁰¹⁴ В рукописи слов "о том" нет

¹⁰¹⁵ Далее в рукописи в скобках дан следующий текст: "Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести купного имения соседа его помещика Хлобуева"

¹⁰¹⁶ Перед словом "имение" стоит многоточие

"Да нужно знать, наконец, пределы. У меня и без того много хлопот около своих имений. Притом¹⁰¹⁷ у нас дворяне и без того уже кричат на меня¹⁰¹⁸, будто я, пользуясь крайностями и разоренными их положеньями¹⁰¹⁹, скупаю земли за бесценок¹⁰²⁰. Это мне уж, наконец, надоело, чорт их возьми".

"Как вообще люди способны к злословию!" сказал Чичиков.

"А уж как в нашей губернии... Не можете себе представить! Меня иначе не называют, как сввалыгой¹⁰²¹ и скупцом первой степени. Себя они во всем извиняют. "Я", говорит, "конечно промотался, но¹⁰²² потому, что жил высшими потребностями жизни, поощрял промышленников¹⁰²³, мошенников то есть, которые <1 нрзб.>¹⁰²⁴, а этак, пожалуй, можно прожить свиньей, как Костанжогло".

"Желал бы я быть этакой¹⁰²⁵ свиньей!" сказал Чичиков.

"И всё это ложь и вздор. Какие высшие потребности? Кого они надувают? Книги хоть он и заведет, но ведь их не читает. Дело окончится¹⁰²⁶ картами да пьянст<вом>¹⁰²⁷. И¹⁰²⁸ всё оттого, что не задаю обедов да¹⁰²⁹ не занимаю им денег. Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило, я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то, что я ем, – милости просим. Не даю денег займы – это вздор¹⁰³⁰. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься¹⁰³¹ с моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль, я тебе не откажу и не возьму даже процентов".

"Это, однако же, нужно принять к сведению", подумал Чичиков.

---

¹⁰¹⁷ при этом же

¹⁰¹⁸ Далее в рукописи стоит "что"

¹⁰¹⁹ В рукописи: "разоренным их положением"

¹⁰²⁰ Последующее предложение в рукописи дано в такой редакции: "Это уже мне надоело"

¹⁰²¹ сввалыгой

¹⁰²² В рукописи нет

¹⁰²³ Далее текст "мошенников то есть, которые" дан в рукописи в такой редакции: "то есть мошенников"

¹⁰²⁴ В рукописи сокращения слов "нрзб." не встречаются, словосочетания "которые <1нрзб.>" нет

¹⁰²⁵ такой

¹⁰²⁶ кончится

¹⁰²⁷ шампанским

¹⁰²⁸ В рукописи далее: "и ведь это все"

¹⁰²⁹ В рукописи далее текст идет в такой редакции: "не даю им денег в займы"

¹⁰³⁰ В рукописи слов "Не даю денег займы – это вздор" нет

¹⁰³¹ распорядился

"И никогда не откажу", продолжал Костанжогло. "Но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят! Чорт побери, он затевает там¹⁰³² какой-нибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу убирает мебелью дом¹⁰³³, или с распутницей в маскарад, – юбилей там какой-нибудь в память того, что он даром¹⁰³⁴ прожил <на свете>¹⁰³⁵, – а ему давай деньги¹⁰³⁶ взаимы..."

Здесь Костанжогло плюнул и чуть-чуть не выговорил несколько неприличных и бранных слов в присутствии супруги. Суровая тень темной¹⁰³⁷ ипохондрии омрачила его лицо. Вдоль¹⁰³⁸ лба и вопреки его собрались морщины, обличители гневного движенья¹⁰³⁹ взволнованной желчи.

"Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора", сказал Чичиков, выпивая еще рюмку малиновки, которая, действительно¹⁰⁴⁰, была отличная. "Если бы, положим, я приобрел то самое имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в такой¹⁰⁴¹ степени..."

"Если вы хотите", подхватил сурово и отрывисто Костанжогло¹⁰⁴², полный нерасположенья¹⁰⁴³ духа¹⁰⁴⁴, "разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашиваясь о¹⁰⁴⁵ времени, то разбогатеете скоро".

"Вот оно как", сказал Чичиков.

"Да", сказал Костанжогло отрывисто, точно как бы¹⁰⁴⁶ он сердился на самого Чичикова: "Надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да. И,

---

¹⁰³² Слова "там" в рукописи нет

¹⁰³³ Далее в рукописи слов "или с распутницей в маскарад" нет

¹⁰³⁴ В рукописи далее слово "век"

¹⁰³⁵ В рукописи слов "на свете" нет

¹⁰³⁶ денег

¹⁰³⁷ желчной

¹⁰³⁸ вдоль

¹⁰³⁹ движения

¹⁰⁴⁰ В рукописи слова "действительно" нет

¹⁰⁴¹ в той

¹⁰⁴² В рукописи далее слово "еще"

¹⁰⁴³ нерасположения

¹⁰⁴⁴ в духе

¹⁰⁴⁵ не спрашивая во

¹⁰⁴⁶ кабы

поверьте, это вовсе не скучно¹⁰⁴⁷. Выдумали¹⁰⁴⁸, что в деревне тоска¹⁰⁴⁹ – да я бы умер, повесился от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах. Дураки, дурачье, ослиное поколение! Хозяину нельзя¹⁰⁵⁰, нет времени скучать. В жизни его и на полвершка нет пустоты, всё полнота. Одно это разнообразье¹⁰⁵¹ занятий, и притом каких занятий! – занятий, истинно возвышающих дух. Как бы то ни было, но ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается в творении. Рассмотрите-ка круговой год работ: как, еще прежде, чем наступит весна, всё уж настороже и ждет ее: подготовка семян, переборка, перемерка по амбарам¹⁰⁵² хлеба и пересушка; установленье¹⁰⁵³ новых тягол. Весь [год]¹⁰⁵⁴ обсматривается вперед и всё рассчитывается в начале. А как взломает лед, да пройдут реки, да просохнет всё и пойдет взрываться земля, – по огородам и садам работает заступ, по полям соха и¹⁰⁵⁵ бороны; садка, севы и посеvy. Понимаете ли, что это? Безделица? грядущий урожай сеют. Блаженство всей земли сеют. Пропитанье¹⁰⁵⁶ миллионов¹⁰⁵⁷ сеют¹⁰⁵⁸. Наступило лето... А тут покосы, покосы. И вот закипела вдруг жатва: за рожью пошла¹⁰⁵⁹ рожь, а там пшеница, а там и ячмень, и овес¹⁰⁶⁰. Закипело всё, кипит; нельзя пропустить минуты; хоть двадцать глаз имей, всем им работа. А как отпразднуется¹⁰⁶¹ всё, да пойдет свозиться на гумны, складываться в клады, да зимние¹⁰⁶² запашки, да

---

¹⁰⁴⁷ Текст от слов "Надобно иметь..." и до слов "... вовсе не скучно" в рукописи идет в такой редакции: "Надобно иметь и любовь к труду, без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство. Да поверьте, что это вовсе не скучно"

¹⁰⁴⁸ вы думаете

¹⁰⁴⁹ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "Да я бы умер от тоски, если бы хоть один день"

¹⁰⁵⁰ Слова "нельзя" нет в рукописи

¹⁰⁵¹ разнообразие

¹⁰⁵² по амбарах

¹⁰⁵³ установление

¹⁰⁵⁴ В рукописи слова "весь год" заменены на "Все"

¹⁰⁵⁵ Далее: "боронона. Садка, сев, посеvy"

¹⁰⁵⁶ пропитание

¹⁰⁵⁷ миллионам

¹⁰⁵⁸ В рукописи предложение "Наступило лето" идет после слов "А тут покосы, покосы"

¹⁰⁵⁹ Далее в рукописи: "пшеница", слов "рожь, а там" в рукописи нет

¹⁰⁶⁰ В рукописи слов "закипело все, кипит" нет

¹⁰⁶¹ созреет

¹⁰⁶² Осенняя запашка

чинки¹⁰⁶³ к зиме амбаров, риг, скотных дворов, и в то же время все бабьи <работы>, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано, – да ведь это...¹⁰⁶⁴ А зима! Молотьба по всем гумнам, перевозка перемолотого¹⁰⁶⁵ хлеба из риг в амбары¹⁰⁶⁶. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочий двор, идешь и к мужику, как он там¹⁰⁶⁷ на себя копышется¹⁰⁶⁸. Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще¹⁰⁶⁹, что всё это с какой целью творится, как вокруг тебя всё множится да множится, принося плод да доход¹⁰⁷⁰. Да и я¹⁰⁷¹ рассказать не могу, что тогда в тебе¹⁰⁷² делается. И не потому, что растут деньги. Деньги деньгами. Но потому, что всё это дело рук твоих; потому, что видишь, как ты всему причина, ты творец всего¹⁰⁷³, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье¹⁰⁷⁴ и добро на всё. Да где вы найдете мне равное¹⁰⁷⁵ наслажденье?" сказал Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчания своего, сиял он весь, и казалось, как бы лучи исходили из его лица. "Да в целом мире не отыщете вы подобного наслажденья¹⁰⁷⁶. Здесь именно¹⁰⁷⁷ подражает богу человек. Бог предоставил себе дело творенья, как высшее¹⁰⁷⁸ всех наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был подобным творцом благоденствия вокруг себя. И это называют¹⁰⁷⁹ скучным делом!"

---

¹⁰⁶³ чинка

¹⁰⁶⁴ В рукописи слов "да ведь это" нет

¹⁰⁶⁵ перемолоченного

¹⁰⁶⁶ Далее в рукописи: "по лесам рубка и пиленья дров, подвоз кирпичу и дерева для весенних построек"

¹⁰⁶⁷ тут

¹⁰⁶⁸ копышется

¹⁰⁶⁹ Далее текст от слов "что все это..." и до слов "... целью творится" в рукописи дан в такой редакции: "с какой целью все это творится"

¹⁰⁷⁰ доходы

¹⁰⁷¹ Далее после двоеточия текст дан в такой редакции: "я и рассказать не могу"

¹⁰⁷² во мне

¹⁰⁷³ Слова "всего" в рукописи нет

¹⁰⁷⁴ сыплются изобилия

¹⁰⁷⁵ равные

¹⁰⁷⁶ наслаждения

¹⁰⁷⁷ Далее в рукописи идет слово "здесь"

¹⁰⁷⁸ Далее: "из всех наслаждений"

¹⁰⁷⁹ называется

Как пенья райской птички, заслушался Чичиков сладкозвучных хозяйских речей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились¹⁰⁸⁰ и выражали сладость, и всё бы он слушал.

"Константин! пора вставать", сказала хозяйка, приподнявшись¹⁰⁸¹ со стула. Все встали. Подставив руку коромыслом, повел Чичиков обратно хозяйку. Но уже¹⁰⁸² недоставало ловкости в его оборотах, потому что мысли были заняты действительно¹⁰⁸³ существенными оборотами.

"Что ни рассказывай, а всё, однако же, скучно", говорил, идя позади их, Платонов.

"Гость не глупый человек", думал хозяин: <1 нрзб.>¹⁰⁸⁴, степенен в словах и не щелкопер". И, подумавши так, стал он еще веселее, как бы сам разгорелся от своего разговора, и как бы празднуя, что нашел человека, умеющего слушать умные советы.

Когда потом поместились они все в уютной комнатке, озаренной свечками¹⁰⁸⁵, насупротив балкона и стеклянной двери в сад¹⁰⁸⁶, и глядели к ним оттоле звезды, блиставшие [над] вершинами заснувшего сада, Чичикову сделалось так приятно¹⁰⁸⁷, как не бывало давно. Точно как бы после долгих странствований приняла уже его родная крыша и, по совершеньи¹⁰⁸⁸ всего, он уже получил всё желаемое¹⁰⁸⁹ и бросил скитальческий посох, сказавши: "довольно!" Такое обаятельное расположение¹⁰⁹⁰ навел ему на душу разумный разговор гостеприимного¹⁰⁹¹ хозяина. Есть для всякого человека такие речи, которые как бы ближе и родственней¹⁰⁹² ему других речей. И часто неожиданно, в глухом забытом захолустьи, на безлюдьи¹⁰⁹³ безлюдном встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и неприят-

---

¹⁰⁸⁰ уманились

¹⁰⁸¹ поднявшись

¹⁰⁸² Слова "уже" нет в рукописи

¹⁰⁸³ Слова "действительно" в рукописи нет

¹⁰⁸⁴ В рукописи вместо (1 нрзб.) стоит слово "внимателен"

¹⁰⁸⁵ свечами

¹⁰⁸⁶ Далее слов "и глядели к ним оттоле звезды под вершинами заснувшего сада" в рукописи нет

¹⁰⁸⁷ приятно

¹⁰⁸⁸ совершении

¹⁰⁸⁹ желанное

¹⁰⁹⁰ расположение

¹⁰⁹¹ Слова "гостеприимного" в рукописи нет

¹⁰⁹² родственнее

¹⁰⁹³ Далее: "самом безлюдном встретить человека"

ность¹⁰⁹⁴ ночлегов, и беспутность современного шума, и лживость обманов, обманывающих человека. И живо врежется, раз навсегда и навеки, проведенный таким образом вечер, и всё удержит верная память: и кто сопresentствовал, и кто на каком месте сидел, и что было в руках его, стены, углы и всякую безделушку.

Так и Чичикову заметилось всё в тот вечер: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выражение¹⁰⁹⁵, воцарившееся в лице умного хозяина¹⁰⁹⁶, но даже и рисунок обоев комнаты, и поданная Платонову трубка с янтарным мундштуком, и дым, который он стал пускать в толстую морду Ярбу¹⁰⁹⁷, и фырканье Ярба¹⁰⁹⁸, и смех миловидной хозяйки, прерываемый словами: "полно, не мучь его", и веселые свечки, и сверчок в углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядевшая к ним оттоле, облокотясь на вершины дерев, осыпанная звездами, оглашенная соловьями, громкопевно¹⁰⁹⁹ высвистывавшими из глубины зелено-лиственных чащей.

"Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович", произнес Чичиков. "Могу сказать, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму"¹¹⁰⁰.

Он улыбнулся. Он сам чувствовал, что не несправедливы были эти слова. "Нет"¹¹⁰¹, уж если хотите знать умного человека, так у нас действительно есть один, о котором, точно, можно сказать: умный человек¹¹⁰², которого я и подметки не стою".

"Кто ж бы это такой мог быть?" с изумленьем спросил Чичиков.

"Это наш откупщик Муразов".

"В другой уже раз про него слышу!" вскрикнул¹¹⁰³ Чичиков.

"Это человек, который не то, что именем помещика¹¹⁰⁴, целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов".

---

¹⁰⁹⁴ бесприютность

¹⁰⁹⁵ выражение

¹⁰⁹⁶ Далее текст "но даже и рисунок обоев комнаты" в рукописи отсутствует

¹⁰⁹⁷ Ярна

¹⁰⁹⁸ Ярда

¹⁰⁹⁹ громко и нежно

¹¹⁰⁰ Далее слов "он улыбнулся. Он сам чувствовал, что не несправедливы были эти слова" в рукописи нет

¹¹⁰¹ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "Нет, Павел Иванович, сказал он, уж"

¹¹⁰² Далее: "которому я в подметки не гоюсь"

¹¹⁰³ сказал

¹¹⁰⁴ имением помещичьим

"И¹¹⁰⁵, говорят, человек, превосходящий меру всякого вероятия: десять миллионов, говорят, нажил".

"Какое десять! перевалило за сорок! Скоро половина России будет в его руках".

"Что вы говорите!" вскрикнул¹¹⁰⁶ Чичиков, вытаращив глаза и разинув рот.

"Всенепреренно. Это ясно. Медленно богатеет тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч, а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит, так вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то¹¹⁰⁷, поприще слишком просторно¹¹⁰⁸. Тут уж и соперников нет. С ним некому тягаться. Какую цену чему ни¹¹⁰⁹ назначит, такая и останется¹¹¹⁰: некому перебить".

"Господи боже ты мой", проговорил Чичиков, перекрестившись¹¹¹¹. Смотрел Чичиков в глаза Костанжогло¹¹¹², – захватило дух в груди ему.

"Уму непостижимо! Каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости промысла в рассматриваньи букашки; для меня более изумительно¹¹¹³ то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы. Позвольте спросить¹¹¹⁴ насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?.."

"Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами"¹¹¹⁵.

"Невероятно. Если бы тысячи, но миллионы..."

"Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой дорогой так и ступай, всё бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам, нет соперников. Радиус велик,

---

¹¹⁰⁵ В рукописи вместо союза "и" слово "слышали"

¹¹⁰⁶ вскричал

¹¹⁰⁷ поле, то, поприще

¹¹⁰⁸ пространнее

¹¹⁰⁹ Слова "ни" в рукописи нет

¹¹¹⁰ остается

¹¹¹¹ Далее в рукописи вместо слов "Смотрел Чичиков" – "не смотря"

¹¹¹² В рукописи стоит точка

¹¹¹³ изумительнее

¹¹¹⁴ В рукописи вместо слова "спросить" – "предложить вам вопрос"

¹¹¹⁵ Далее в рукописи: "не поверю"

говорю: что ни захватит – вдвое или втрое¹¹¹⁶ противу <самого себя>. А с тысячи что? Десятый, двадцатый процент".

"И что всего непостижимей¹¹¹⁷, что дело ведь началось с копейки".

"Да иначе и не бывает. Это законный порядок вещей", сказал <Костанжогло>. "Кто родился с тысячами¹¹¹⁸ и воспитался на тысячах, тот уже не приобретет, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нет. Начинать нужно с начала, а не с середины, с копейки, а не с рубля, снизу, а не сверху. Тут только узнаешь хорошо люд и быт, среди которых придется потом изворачиваться. Как вытерпишь на собственной коже то да другое, да как узнаешь, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита, да как перейдешь все мытарства, тогда тебя¹¹¹⁹ умудрит и вышkolит <так>, что уж не дашь промаха ни в каком¹¹²⁰ предприятии и не оборвешься. Поверьте, это правда. С начала нужно начинать, а не с середины. Кто говорит мне: "Дайте мне 100 тысяч, я сейчас разбогатею", я тому не поверю: он бьет наудачу, а не наверняка. С копейки нужно начинать".

"В таком случае я разбогатею", сказал Чичиков, невольно помывшись о мертвых душах: "ибо действительно начинаю с ничего".

"Константин, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть¹¹²¹ и поспать", сказала хозяйка: "а ты всё болтаешь".

"И непременно разбогатеете", сказал Костанжогло, не слушая хозяйки. "К вам потекут реки, реки золота. Не будете знать, куда девать доходы".

Как очарованный, сидел Павел Иванович; в золотой области¹¹²² грез и мечтаний кружились его мысли. По золотому ковру грядущих прибытков золотые узоры вышивало разыгравшееся воображение¹¹²³, и в ушах его отдавались слова¹¹²⁴: "реки, реки потекут зо<лота>".

"Право, Константин, Павлу Ивановичу пора спать".

---

¹¹¹⁶ Далее: "против капитала"

¹¹¹⁷ непостижимее

¹¹¹⁸ В рукописи слов "и воспитался на тысячах" нет

¹¹¹⁹ тебе

¹¹²⁰ предприятия и не оборвемся

¹¹²¹ Далее слов "и поспать, сказала хозяйка" в рукописи нет

¹¹²² Далее вместо слова "чрез" идет в рукописи текст в такой редакции: "возрастающих чрез надежд"

¹¹²³ разыгравшись воображение

¹¹²⁴ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "реки золота потекут к вам"

"Да что ж тебе? Ну, и ступай, если захотелось", сказал хозяин и остановился, потому что громко по всей комнате раздалось храпенье Платонова, а вслед за ним Ярб¹¹²⁵ затынул еще громче. Заметив, что в самом деле пора на ночлег, он растолкал Платонова, сказавши: "полно тебе храпеть", и пожелал Чичикову спокойной ночи. Все разбрелись и скоро заснули по своим постелям.

Одному Чичикову только¹¹²⁶ не спалось. Его мысли бодрствовали. Он обдумывал, как сделаться помещиком не фантастического, на существенного имения. После разговора с хозяином всё становилось так ясно. Возможность разбогатеть казалась так¹¹²⁷ очевидной. Трудное¹¹²⁸ дело хозяйства становилось теперь так легко и понятно и так казалось свойственно самой его натуре! Только бы сбыть в ломбард этих мертвецов, да завести не <фантастическое поместье>¹¹²⁹. Уже он видел себя действующим и правящим именно так, как поучал¹¹³⁰ Костанжогло – расторопно, осмотрительно, ничего¹¹³¹ не заводя нового, не узнавши насквозь всего¹¹³² старого, всё высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранее предвкушал он то удовольствие, которое будет он чувствовать, когда заведется¹¹³³ стройный порядок и бойким ходом двинутся¹¹³⁴ все пружины хозяйственной машины, деятельно толкая друг друга. Труд закипит, и подобно тому, <как> в ходкой мельнице шибко вымалывается из зерна мука, пойдет вымалываться из всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган. Чудный хозяин так и стоял пред ним ежеминутно. Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал он уважение личное. Доселе¹¹³⁵ уважал он человека или за хороший чин, или за большие достатки. Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека. Костанжогло был первый. Он понял, что с этим нечего

---

¹¹²⁵ Ярб

¹¹²⁶ Слова "только" в рукописи нет

¹¹²⁷ такой

¹¹²⁸ труднее

¹¹²⁹ имение

¹¹³⁰ научал

¹¹³¹ Слова "ничего" в рукописи нет

¹¹³² Слова "всего" в рукописи нет

¹¹³³ заведет

¹¹³⁴ двинутся

¹¹³⁵ Далее: "он уважал"

подыматься на какие-нибудь штуки. Его занимал другой прожект¹¹³⁶. купить имение¹¹³⁷ Хлобуева. Десять тысяч у него было; пятнадцать тысяч предполагал он попробовать занять у Костанжогло, так как он сам объявил уже, что готов помочь всякому желающему разбогатеть; остальные¹¹³⁸ – как-нибудь, или заложивши в ломбард, или так просто, заставивши ждать. Ведь и это можно: ступай, возись по судам, если есть охота. И долго он об этом думал. Наконец сон, который уже целые четыре часа держал весь дом, как говорится, в¹¹³⁹ объятиях, принял¹¹⁴⁰ наконец и Чичикова в свои объятия. Он заснул крепко.

---

¹¹³⁶ В рукописи: "проэкт"

¹¹³⁷ имение

¹¹³⁸ В рукописи далее слово "уже"

¹¹³⁹ В рукописи далее слово "своих"

¹¹⁴⁰ Далее текст "наконец и Чичиков в свои объятия" в рукописи дан в такой редакции: "в объятья свои и Чичикова"

Глава 4

Художник Ф.С.Козачинский. Издание А.Ф.Маркса.
Санкт-Петербург. 1900 г.

На другой день всё обделалось, как нельзя лучше, <Костанжогло> дал с радостью¹¹⁴¹ 10 тысяч без процентов, без поручительства, — просто под одну росписку. Так был он готов помогать всякому на пути к приобретенью¹¹⁴². Он показал Чичикову всё свое хозяйство¹¹⁴³. Всё было просто и так умно. Всё было так устроено, что шло само собой. Ни минуты времени не терялось¹¹⁴⁴ даром, ни малейшей неисправности не случалось у поселянина. Помещик, как бы всевидец¹¹⁴⁵ какой, вдруг поднимал его на ноги. Не было ленивца нигде¹¹⁴⁶. Мужик... Какое умное выражение довольства <2 нрзб.>, как бороздил, сеял и пахал.

Не могло не поразить даже и Чичикова, как много наделал этот человек ти<хо>¹¹⁴⁷, без шума, не сочиняя прозектов и трактатов о доставлении благополучия всему чело<вечеству>¹¹⁴⁸, и как пропадает без плодов жизнь столичного жителя, шаркат<еля> по паркетам и любезника гостиных¹¹⁴⁹ или прожектера, в своем закутке диктующего предписания в отда<ленном> углу государст<ва>. Чичиков совершенно пришел в восторг, и мысль сделаться помещиком утверждалась в нем всё более и более. Костанжогло¹¹⁵⁰, мало того, что показал ему всё, сам взялся проводить его¹¹⁵¹ к Хлобуеву с тем, чтобы осмотреть вместе с ним имение. Чичиков был в духе. После сытного завтрака все они отправились, севши все трое¹¹⁵² в коляску Павла Ивановича;

¹¹⁴¹ радостью

¹¹⁴² приобретению

¹¹⁴³ Текста "все было так просто и так умно. Все было так устроено, что шло само собой" в рукописи нет

¹¹⁴⁴ В рукописи далее текст дан в такой редакции: "у него даром. Ничто неотбрывалось"

¹¹⁴⁵ всеведом

¹¹⁴⁶ Далее текст от слов "Мужик..." до слов "... сеял и пахал. Не могло не поразить" в рукописи дан в такой редакции: "Уж и довольство выражалось на лицах мужиков. Все было так просто и умно устроено, что шло само собою. Степи, леса и пахотные земли не могли не поразить даже"

¹¹⁴⁷ Слова "тихо" в рукописи нет

¹¹⁴⁸ Далее в рукописи вопросительный знак и последующее предложение с большой буквы "А"

¹¹⁴⁹ Далее текст от слов "или прожектера..." и до слов "... все более и более" в рукописи после точки дан в такой редакции: "И тем более укреплялся Чичиков в желании сделаться помещиком"

¹¹⁵⁰ Далее текст "мало того что показал ему всё" в рукописи отсутствует

¹¹⁵¹ В рукописи вместо слова "его" — "Чичикова"

¹¹⁵² Вместо слов "севши все трое" в рукописи: "втроем в коляске"

пролетки¹¹⁵³ хозяина следовали¹¹⁵⁴ за ними порожняком. Ярб¹¹⁵⁵ бежал впереди, сгоняя с дороги птиц. Целые 15 верст тянулись по обеим сторонам леса? и пахотные земли Костанжогло¹¹⁵⁶. Всё провожали леса в смешении с лугами. Ни одна травка не была здесь даром, всё как в божьем мире, все казалось садом. Но <1 нрзб.> невольню, когда началась земля Хлобуева: скотом объеденные кустарники на место лесов, тощая, едва подымавшаяся заглушённая куколем [рожь]. Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их вчерне каменный необитаемый дом. Крыши, видно, не на что было сде<лать>. Так он и остался покрытый сверху соломой и почернел. Хозяин жил в другом доме одноэтажном. Он выбежал к ним навстречу в старом сертуке, растрепанный и <в> дырявых сапогах, заспанный и опустившийся, но было что-то доброе в лице. Обрадовался им как бог весть чему. Точно как бы увидел он¹¹⁵⁷ братьев, с которыми надолго расстался.

"Константин Федорович! Платон Михайлович! Вот одолжили приездом. Дайте протереть глаза! А уж, право, думал, что ко мне никто не заедет. Всяк бегает меня, как чумы: думает – попрошу займы¹¹⁵⁸. Ох, трудно¹¹⁵⁹, трудно, Константин Федорович. Вижу – сам всему виной. Что делать? свинья свиной зажил¹¹⁶⁰. Извините, господа, что принимаю вас в таком наряде: сапоги, как видите, с дырами. Чем прикажете потчевать?"

"Без церемонии. Мы к вам за делом. Вот вам покупатель, Павел Иванович Чичиков", сказал Костанжогло.

"Душевно рад познакомиться. Дайте прижать¹¹⁶¹ мне вашу руку".

---

¹¹⁵³ пролетка

¹¹⁵⁴ следовала

¹¹⁵⁵ Ярб

¹¹⁵⁶ В рукописи далее текст от слов: "Все провожали леса..." и до слов "... бог весть чему" дан в такой редакции: "Как только они прекратились, все пошло иначе: хлеб жиденький, на место лесов пни. Деревенька несмотря на красивое местоположение показывала издали запущение. Новый каменный дом, необитаемый, оставшийся в черте, выглянул прежде всего, за ним другой обитаемый, но маленький и старенький. Хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося. Ему было лет сорок. Галстук у него был повязан на сторону; на сюртуке была заплатка, на сапоге дырка. Приезду гостей он обрадовался, как бог весть чему"

¹¹⁵⁷ В рукописи слова "он" нет

¹¹⁵⁸ В рукописи: "в займы попрошу"

¹¹⁵⁹ Повторного слова "трудно" в рукописи нет

¹¹⁶⁰ зажила

¹¹⁶¹ В рукописи слова "прижать" нет

Чичиков дал ему обе.

"Хотел бы очень, почтеннейший Павел Иванович, показать вам имение, стоящее внимания. Да что, господа, позвольте спросить: вы обедали?"

"Обедали, обедали", сказал <Костанжогло>, желая отделаться. "Не будем мешкать и пойдем теперь же"¹¹⁶².

"Пойдем"¹¹⁶³. Хлобуев взял в руки картуз. "Пойдем осматривать беспорядки и беспутство мое". Гости надели на головы картузы, и все пошли улицею деревни¹¹⁶⁴. С обеих сторон глядели слепые¹¹⁶⁵ лачуги, с крохотными¹¹⁶⁶, заткнутыми онучей <окнами>.

"Пойдем же осматривать беспорядки и беспутство мое", говорил¹¹⁶⁷ Хлобуев. "Конечно, вы сделали хорошо, что пообедали"¹¹⁶⁸. Поверите ли, Константин Федорович, курицы нет в доме – до того дожил". Он вздохнул и, как бы чувствуя, что мало будет участия со стороны Константина Федоровича, подхв<атил> под руку Платонова и пошел с ним вперед, прижимая крепко его к груди своей. <Костанжогло> и Чичиков остались позади и, взявшись под руки, следовали за ними в отдалении.

"Трудно, Платон Михалыч, трудно!" говорил Хлобуев Платонову. "Не можете вообразить, как трудно! Безденежье, бесхлебье, бессапожье!"¹¹⁶⁹ Ведь это для вас слова иностранного языка. Трынтрава бы это было всё, если¹¹⁷⁰ был бы молод и один. Но когда все эти невзгоды станут¹¹⁷¹ тебя ломать под старость, а под боком жена, пятеро детей, – сгрустнется, поневоле сгрустнется..."

"Ну, да если вы продадите деревню – это вас поправит?" спросил Платонов.

"Какое поправит!" сказал Хлобуев, махнувши рукой. "Всё пойдет на уплату долгов, а для себя не останется и тысячи".

"Так что ж вы будете делать?"

---

¹¹⁶² Далее в рукописи вместо слова "Пойдем" – "В таком случае подем"

¹¹⁶³ Предложение "Хлобуев взял в руки картуз" перенесено через строчку

¹¹⁶⁴ Далее: "пошли улицею деревни" в рукописи дан в такой редакции: "отправились пешком осматривать деревню. На всей почти улице с обеих сторон"

¹¹⁶⁵ старые

¹¹⁶⁶ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "крохотными окнами, затянутыми онучами"

¹¹⁶⁷ повторил

¹¹⁶⁸ обедали

¹¹⁶⁹ В рукописи слова "бессапожье" нет

¹¹⁷⁰ Далее: "бы был"

¹¹⁷¹ Далее: "ломать тебя"

"А бог знает".

"Как же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться из таких обстоятельств?"

"Что ж предпринять?"

"Что ж, вы, стало быть"¹¹⁷², возьмете какую-нибудь должность?"

"Ведь я губернской секретарь. Какое ж мне могут дать место?"¹¹⁷³ Место мне могут дать ничтожное. Как мне взять жалованье пять сот?"¹¹⁷⁴ А ведь у меня жена, пятеро детей".

"Пойдите в управляющие".

"Да кто ж мне поверит именование: я промотал свое".

"Ну, да если голод и смерть грозят, нужно же что-нибудь"¹¹⁷⁵ предпринимать. Я спрошу, не может ли брат мой через кого-либо в городе выхлопотать какую-нибудь должность".

"Нет, Платон Михайлович", сказал Хлобуев, вздохнувши и сжавши крепко его руку. "Не гоюсь я теперь никуда. Одряхлел прежде старости своей, и поясница болит от прежних грехов, и ревматизм в плече. Куды мне? Что разорять казну? И без того"¹¹⁷⁶ теперь завелось много служащих ради доходных мест. Храни бог, чтобы из-за доставки мне жалованья увеличены"¹¹⁷⁷ были подати на бедное сословие".

"Вот плоды беспутного поведенья", подумал <Платонов>. "Это хуже моей спячки".

А между тем, как они так говорили между собой, Костанжогло, идя с Чичиковым позади их, выходил из себя.

"Вот смотрите", сказал Костанжогло, указывая пальцем: "довел мужика до какой бедности. Ведь ни телеги, ни лошади. Случился падеж, уж тут нечего глядеть на свое добро: тут всё свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дни без средств производить работу. А ведь теперь и годами не поправишь. И мужик уже изленился, загулял, сделался пьяница. Да этим только, что один год дал ему пробыть без работы, ты уж его развратил навеки: уж привык"¹¹⁷⁸ к лохмотью и бродяжничеству. А

---

¹¹⁷² Далее текст от слов "Что ж..." и до слова "... должность" дан в рукописи в такой редакции: "да возьмите какое-нибудь место"

¹¹⁷³ Далее текста "место мне могут дать ничтожное" в рукописи нет

¹¹⁷⁴ В рукописи далее: "рублей"

¹¹⁷⁵ В рукописи далее: "предпринять. Я спрошу брата"

¹¹⁷⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "развелось теперь служащих"

¹¹⁷⁷ прибавлены

¹¹⁷⁸ приучил

земля-то какова? разглядите землю!" говорил он, указывая на луга, которые показались скоро за избами. "Всё поемные места¹¹⁷⁹. Да я заведу лен, да тысяч на пять одного льну отпущу; репой засею, на репе выручу тысячи четыре. А вон смотрите, по косогору рожь поднялась¹¹⁸⁰; ведь это всё падаль. Он хлеба не сеял – я это знаю. А вон овраги, да здесь я заведу¹¹⁸¹ такие¹¹⁸² леса, что ворон не долетит до вершины. И этакое сокровище-землю бросить¹¹⁸³. Ну уж если нечем было пахать, так заступом под огород вспахай. Огородом бы взял. Сам возьми в руку заступ, жену, детей, дворню заставь; безделица! умри, скотина, на работе. Умрешь, по крайней мере, исполняя долг, а не то, обожравшись, – свиньей за обедом". Сказавши это, плюнул <Костанжогло>, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело.

Когда подошли они ближе и стали над крутизной, обросшей чилизником¹¹⁸⁴, и вдали блеснул извив реки¹¹⁸⁵ и темный отрог, и в перспективе ближе¹¹⁸⁶ показалась часть скрывавшегося в рощах дома генерала Бетрищева¹¹⁸⁷, а за ним лесом обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаления, по которой вдруг догадался Чичиков, что это должно быть¹¹⁸⁸ Тентетников, <он сказал>¹¹⁸⁹: "Здесь, если завести леса, деревен<ский> вид может превзойти красотой..."

"А вы охотник до видов?" спросил¹¹⁹⁰ Костанжогло, вдруг¹¹⁹¹ на него взглянувши строго. "Смотрите, погонитесь так¹¹⁹² за видами, останетесь без хлеба и без видов. Смотрите на пользу¹¹⁹³, а не на

¹¹⁷⁹ В рукописи: "все наемные имения"

¹¹⁸⁰ Далее вместо слов "ведь это все падаль" в рукописи: "все это все надел"

¹¹⁸¹ разведу

¹¹⁸² Слова "такие" нет в рукописи

¹¹⁸³ Текста от слов "Ну уж если..." до слов "... свиньей за обедом" в рукописи нет

¹¹⁸⁴ кустарником

¹¹⁸⁵ Далее слов "и темный отрог, и" в рукописи нет

¹¹⁸⁶ Слова "ближе" в рукописи нет

¹¹⁸⁷ Далее текст от слов "а за ним..." до слов "... которой вдруг" в рукописи дан в такой редакции: "за ним же кудрявым лесом, обросшая гора в синеватой пыли отдалены; Чичиков догадался"

¹¹⁸⁸ В рукописи далее слова "деревня Тентетникова и сказал"

¹¹⁸⁹ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "здесь если бы развести леса вид может превзойти все своєю красотой"

¹¹⁹⁰ сказал

¹¹⁹¹ В рукописи текст дан в такой редакции: "вдруг взглянув на него строго"

¹¹⁹² там

¹¹⁹³ на поля

красоту. Красота сама придет. Пример вам¹¹⁹⁴ города: лучше и красивее до сих пор города, которые сами построились, где каждый строился по своим надобностям и вкусам¹¹⁹⁵. А те, которые выстроились по шнурку, – казармы казармами...¹¹⁹⁶ В сторону [красоту], смотрите на потребности".

"Жалко то¹¹⁹⁷, что долго нужно дожидаться. Так бы хоть раз <?>¹¹⁹⁸ увидеть всё в том виде¹¹⁹⁹, как хочется"¹²⁰⁰.

"Да что вы 25-летний разве юноша? Вертун, петербургский чиновник. Чудно! Терпенье. 6 лет работайте сряду; садите, сейте, роите землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но зато потом, как расшевелите хорошенько землю, да станет она помогать вам сама¹²⁰¹, – так это не то, что какой-нибудь мил<лион>; нет, батюшка, у вас, сверх ваших каких-нибудь 70-ти рук, будут работать 700 невидимых. Всё вдесятеро¹²⁰². У меня теперь ни пальцем не двинут – всё делается само собою. Да, природа любит терпение¹²⁰³: и это закон, данный ей самим богом¹²⁰⁴, ублажавшим терпеливых".

"Слушая вас, чувствуешь прибиток сил¹²⁰⁵. Дух воздвигается".

"Вона земля как вспахана!" вскрикнул Костанжогло с едким чувством прискорбья, показывая на косогор. "Я не могу здесь больше оставаться: мне смерть – глядеть на этот беспорядок и запустенье. Вы теперь можете с ним покончить и без меня. Отберите у этого дурака поскорее сокровище. Он только бесчестит божий дар". И, сказавши это, Костанжогло еще омрачился желчным

---

¹¹⁹⁴ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "лучшие города наши, красивее те, которые сами"

¹¹⁹⁵ вкусу

¹¹⁹⁶ казармищами

¹¹⁹⁷ жаль только

¹¹⁹⁸ В рукописи слова "хоть раз" заменены на "хотелось"

¹¹⁹⁹ Далее в рукописи вместо слов "как хочется" даны: "как быть должно сказал Чичиков"

¹²⁰⁰ Далее текста от слов "Да что вы..." и до слов "... работайте сряду" в рукописи нет. Далее идет слово "Терпение!"

¹²⁰¹ Далее текста от слов " – так это не то..." и до слов "... нет батюшка" в рукописи нет

¹²⁰² Далее слова "у меня теперь ни пальцем не двинуть" в рукописи: "Я теперь у себя ни пальцем ни двигаю, а"

¹²⁰³ Далее союза "и" нет. Слово "это" после точки с большой буквы

¹²⁰⁴ Дальнейших слов "ублажавших терпеливых" в рукописи нет

¹²⁰⁵ Далее в рукописи: "сил духа, сказал Чичиков"

расположением взволнованного духа; простился с Чичиковым и, нагнавши хозяина, стал также прощаться¹²⁰⁶.

"Помилуйте, Константин Федорович", говорил удивленный хозяин: "только что приехали – и назад".

"Не могу. Мне крайняя надобность быть дома", сказал <Костанжогло>. Простился, сел и уехал на своих пролетках¹²⁰⁷.

Казалось, как будто Хлобуев понял причину его отъезда¹²⁰⁸.

"Не выдержал Константин Федорович", сказал он: "не весело такому хозяину, каков¹²⁰⁹ он, глядеть на этакое¹²¹⁰ беспутное управленье¹²¹¹. Поверьте, Павел Иванович, что даже хлеба не сеял в этом году. Как честный человек¹²¹². Семян не было, не говоря уж о том, что нечем пахать¹²¹³. Противно смотреть на меня, на мои *(Не дописано.)* Ваш братец, Платон Михайлович, говорят, отличный хозяин. О Константине Федоровиче что уж говорить¹²¹⁴, Наполеон своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачем столько ума дается в одну голову? Ну, что бы хоть каплю его в мою глупую! Тут, смотрите, господа, осторожнее через мост, чтоб не бултыхнуть¹²¹⁵ в лужу. Доски весною приказывал поправить. Жаль¹²¹⁶ больше всего мне мужичков бедных¹²¹⁷; им нужен пример, но с меня что за пример? Что прикажете делать?¹²¹⁸ Возьмите их, Павел Иванович, в свое распоряжение. Как могу приучить их к порядку, когда сам беспорядочен? Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толка. Вижу, что прежде нужно привести¹²¹⁹ их в такое состояние, чтобы умели жить. Нужен строгой справедливый

---

¹²⁰⁶ Далее в рукописи: "с ним"

¹²⁰⁷ на своей пролетке

¹²⁰⁸ отъезда его

¹²⁰⁹ как

¹²¹⁰ такое

¹²¹¹ управление

¹²¹² В рукописи стоит запятая

¹²¹³ Текст от слов "противно смотреть..." до слов "... Платон Михайлович" в рукописи дан в такой редакции: "Платон Михайлович, вашему братцу тоже противно смотреть на меня, он..."

¹²¹⁴ Далее в рукописи: "Это Наполеон"

¹²¹⁵ В рукописи: "чтобы не бултыхнуться"

¹²¹⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "мне больше всего мужичков бедных"

¹²¹⁷ Далее слова: "Я вижу"

¹²¹⁸ Далее в рукописи идет текст: "не могу быть взыскательным и строгим. Да и как мне приучить к порядку когда сам беспорядочен? Возьмите их, Павел Иванович в свое распоряжение. Я бы их..."

¹²¹⁹ привести

человек, который¹²²⁰ пожил с ними долго и собственным примером неутомимой¹²²¹ деятельности...¹²²² (*Не дописано.*) Русской человек, вижу по себе, не может без понукателя... Так и задремлет, так и закиснет"¹²²³.

"Странно", сказал Платонов: "отчего русской человек¹²²⁴ способен так задремать и закиснуть, что, если не смотришь¹²²⁵ за простым человеком¹²²⁶, сделается и пьяницей, и негодяем".

"От недостатка просвещения", заметил Чичиков.

"Бог весть, отчего¹²²⁷. Ведь вот мы просветились, слушали в университете, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить¹²²⁸ не только не выучился, а¹²²⁹ еще больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякие новые утонченности да больше познакомился с такими предметами, на которые нужны деньги¹²³⁰. Выучился только издерживаться на всякой комфорт. Оттого ли¹²³¹, что я бестолково учился? Нет, ведь так и другие товарищи. Два, три человека извлекли себе настоящую¹²³² пользу, да и то оттого¹²³³, может быть, что и без того были умны¹²³⁴, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит здоровье да и выманивает деньги¹²³⁵. Ей-богу. А что я уж думаю иной раз, право,

---

¹²²⁰ В рукописи: "жил бы с ними сам и собственным"

¹²²¹ неутомимую деятельностью

¹²²² Далее в рукописи: "действовал на них"

¹²²³ заплеснеть

¹²²⁴ Вместо "способен так" в рукописи: "Так может"

¹²²⁵ не смотреть

¹²²⁶ Далее в рукописи: "во все глаза"

¹²²⁷ Далее текст от слов "Ведь вот мы..." и до слов "... что годимся" дан в такой редакции: "Ведь вот мы и просветились. Я слушал лекции в университете, а что из того, что я был в Университете?"

¹²²⁸ жизни

¹²²⁹ Текст от слов "еще больше выучился..." до слов "... утонченности да" дан в рукописи: "а скорее как побольше издерживать бы денег на веяния новые утонченности, да комфорта, больше"

¹²³⁰ Далее слов: "выучился только издерживаться на всякой комфорт" в рукописи нет

¹²³¹ В рукописи вместо "ли" – "же"

¹²³² Слова "настоящую" в рукописи нет

¹²³³ потому

¹²³⁴ учены

¹²³⁵ Далее вместо текста "ей богу. А что я уж думаю" в рукописи: "Так из просвещения то мы все таки выберем то, что гоже; напряженность то схватили, а его самого невозьмем. Нет Павел Иванович не умеет мы жить от чего то другого, а отчего ей Богу не знаю"

– Причины должны быть сказал Чичиков.

мне кажется, что будто русской человек – какой-то пропащий человек. Хочешь всё сделать – и ничего не можешь. Всё думаешь: с завтрашнего дни начнешь новую жизнь. С завтрашнего дни¹²³⁶ сядешь на диету – ничуть¹²³⁷ не бывало: к вечеру¹²³⁸ того же дни так объешься, что только хлопаешь глазами¹²³⁹, и язык не ворочается; как сова сидишь, глядя на всех, право. И этак все".

"Да", сказал Чичиков, усмехнувшись: "эта история бывает"¹²⁴⁰.

"Мы совсем не для благоразумия рождены. Я не верю, чтобы из нас был кто-нибудь благоразумным. Если я вижу, что иной даже и порядочно живет, собирает и копит деньгу, не верю я и тому. На старости и его чорт попутает: спустит потом всё вдруг. И все так, право¹²⁴¹, и просвещенные и непросвещенные¹²⁴². Нет, чего-то другого недостает, а чего, и сам не знаю"¹²⁴³.

Так говоря, обошли они избы, потом проехали в коляске по лугам. Места были бы хороши, если бы не были вырублены. Открылись виды; в стороне засинел бок возвышенностей тех самых, где еще недавно был Чичиков. Но ни деревни Тентетникова, ни генерала Бетрищева нельзя было видеть. Они были заслонены горами. Опустившись вниз к лугам, где был один только ивняк и низкий топольник, высокие деревья были срублены. Они навест<или>

Глубоко вздохнул бедный Хлобуев и продолжил так: "Иной раз..."

¹²³⁶ дня. Далее слов "начнешь новую жизнь. С завтрашнего дня" нет в рукописи

¹²³⁷ В рукописи: "ничего"

¹²³⁸ В рукописи: "с вечера"

¹²³⁹ Слов "и язык не ворочается; как сова сидишь" в рукописи нет

¹²⁴⁰ Далее в рукописи: "– Еще вот сюда поворотим, сказал Хлобуев, осмотрим крестьянские поля. Право лишь кажется, продолжал он прерванный разговор" до слов "Мы совсем..."

¹²⁴¹ Далее в рукописи: "просвещение и не просвещение"

¹²⁴² Далее в рукописи идет текст: "Вот знаю одного, был умный мужик. Из ничего нашил сто тысяч, пришла в голову дурь, сделать ванну из шампанского и выкупался в шампанском. Нет чего-то другого недостает, а чего я сам не знаю"

¹²⁴³ Текст от слов "Так говоря, обошли они..." до слов "... Зевота была" в рукописи дан в другой редакции: "Но вот мы кажется и все осмотрели. Больше ничего нет. Хотите разве взглянуть на мельницу, впрочем в ней нет колес да и строение куда не годится."

– Что же и рассматривать, сказал Чичиков.

– В таком случае пойдем домой.

И они все направили шаги к дому. На возвратном пути были виды те же. Неопрятный беспорядок так и выказывал отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба в замасляной дерюге, прибила до полу-смерти бедную девчонку и ругала на все бока всех чертей. Подальше два мужика глядели с полным равнодушием на гнев бабы. Один чесал у себя пониже спины, другой зевал"

плохую водяную мельницу, видели реку, по которой бы можно было сплавить, если б только было что сплавить. Изредка кое-где паслась тощая скотина. Обсмотревши, не вставая с коляски, они воротились снова <в> деревню, где встретили на улице мужика, который, почесав у себя рукою пониже <спины>, так зевнул, что перепугал даже старостинных индеек¹²⁴⁴. Зевота была видна на всех строениях; крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул¹²⁴⁵. Заплата на заплате. На одной избе вместо крыши лежали целиком ворота. В хозяйстве исполнялась система Тришкина кафтана: отрезывать¹²⁴⁶ обшлага и фалды на заплату локтей¹²⁴⁷.

"Вот оно как у меня", сказал Хлобуев. "Теперь посмотрим дом", и повел их в жилые покои дома. Чичиков думал и там встретить лохмотье и предметы, возбуждающие зевоту, но, к изумлению, в жилых покоях было прибрано. Вошедши в комнаты дома, они были поражены как бы смешением нищеты с блестящими безделушками позднейшей роскоши¹²⁴⁸. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себе самому спины. Встретила их хозяйка, одетая со вкусом по последней¹²⁴⁹ моде¹²⁵⁰. Четверо детей¹²⁵¹, также одетых хорошо, и при них даже гувернантка; они были все миловидны, но лучше бы оделись в пестрядевые юбки, простые рубашки и бегали себе по двору и не отличались ничем от крестьянских детей. К хозяйке скоро приехала гостья, какая-то пустомеля и болтуня¹²⁵². Дамы

---

¹²⁴⁴ В рукописи текст дан в такой редакции: "Зевота видна была на строениях которые также зевали"

¹²⁴⁵ Далее текст "заплата на заплате. На одной избе..." дан в такой редакции: " – Мое то будущее достояние, мужики подумал Чичиков, дыра на дыре и заплата на заплате! И точно на одной избе вместо крыши лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, стащенными с господского амбара. В хозяйстве исполнялась система..."

¹²⁴⁶ В рукописи: "и отрезывались"

¹²⁴⁷ Далее текст от слов "Вот оно как..." и до слов "... вошедши в комнаты дома" в рукописи дан в такой редакции: "– Не завидно у вас хозяйство, сказал Чичиков вошедши в комнаты. В доме..."

¹²⁴⁸ В рукописи далее: "Посреди изорванной утвари и мебели новенькие бронзы"

¹²⁴⁹ В рукописи слова "последней" нет

¹²⁵⁰ Далее в рукописи: "говорила о городе, да о театре, который там завелся"

¹²⁵¹ Текст от слов "Четверо детей..." и до слов "... простые рубашки и бегали себе" в рукописи дан в такой редакции: "Тоже одеты были мило со вкусом и при них гувернантка. Но оттого еще грустнее было глядеть на них. Лучше бы одеты были они в неопрятных юпках, в простых рубашках и бегали бы себе"

¹²⁵² пустая болтовня

ушли на свою половину. Дети убежали вслед за ними. Мужчины остались одни.

"Так какая же будет ваша цена?" сказал Чичиков. "Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, последнюю цену, ибо поместье¹²⁵³ в худшем положении¹²⁵⁴, чем ожидал".

"В самом скверном, Павел Иванович", сказал Хлобуев. "И это еще не всё. Я¹²⁵⁵ не скрою: из ста душ, числящихся по ревизии, только пятьдесят в живых; так у нас распорядилась холера. Прочие отлучились беспашпортно. Так что почитайте их как бы¹²⁵⁶ умершими. Так что¹²⁵⁷ если их вытребовать по судам, так всё имение останется по судам. Потому-то я и прошу всего¹²⁵⁸ только тридцать <пять>¹²⁵⁹ тысяч".

Чичиков стал, разумеется¹²⁶⁰, торговаться.

"Помилуйте, как же тридцать пять¹²⁶¹, за этакое тридцать пять. Ну, возьмите 25 тысяч".

Платонову сделалось совестно. "Покупайте, Павел Иванович", сказал он. "За именьё можно всегда дать эту <цену>¹²⁶². Если вы не дадите за него тридцати <пяти>¹²⁶³ тысяч, мы с братом складаваемся и покупаем".

"Очень хорошо, согласен", сказал Чичиков, испугавшись. "Хорошо, только с тем, чтобы половину денег через год".

"Нет, Павел Иванович, это-то¹²⁶⁴ уж никак не могу. Половину мне дайте теперь же, а остальные через 15 дней. Ведь мне эти же самые деньги выдаст ломбард. Было бы только чем¹²⁶⁵ пьявок кормить".

"Как же, право? я уж не знаю¹²⁶⁶, у меня всего-навсего теперь десять тысяч", сказал Чичиков, – сказал и соврал: всего у него было

---

¹²⁵³ Далее в рукописи слово "нахожу"

¹²⁵⁴ в положении

¹²⁵⁵ Далее в рукописи слова "от вас"

¹²⁵⁶ В рукописи слов "как бы" нет

¹²⁵⁷ В рукописи слов "так что" нет

¹²⁵⁸ с вас

¹²⁵⁹ Слова "пять" в рукописи нет

¹²⁶⁰ В рукописи: "разумеется стал"

¹²⁶¹ В рукописи: "30 тысяч" и далее: "за такое имение "тридцать тысяч"

¹²⁶² В рукописи вместо слов "эту цену" – "это"

¹²⁶³ В рукописи: "пять"

¹²⁶⁴ этого-то

¹²⁶⁵ Далее в рукописи: "пьявок покормить"

¹²⁶⁶ Далее в рукописи слова "сказал Чичиков", далее эти слова в предложении не повторяются

двадцать, включая деньги, занятые у Костанжогло; но как-то жалко¹²⁶⁷ так много дать за одним разом¹²⁶⁸.

"Нет, пожалуйста, Павел Иванович. Я говорю, что¹²⁶⁹ необходимо мне нужны пятнадцать тысяч"¹²⁷⁰.

"Я вам займу 5 тысяч", подхватил <Платонов>.

"Разве эдак"¹²⁷¹, сказал Чичиков и подумал про себя: "А это, однако же, кстати¹²⁷², что он дает займы"¹²⁷³. Из коляски была принесена шкатулка, и тут же было из нее вынуто 10 000¹²⁷⁴ Хлобуеву; остальные же пять тысяч обещано было привезти ему¹²⁷⁵ завтра; то есть, обещано, предполагалось же привезти три, другие¹²⁷⁶ – потом, денька через два или три, а если можно, то и еще несколько просрочить. Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук денег. Если ж настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, он поступал, как все мы. Ведь нам приятно же поводить просителя. Пусть его натрет себе¹²⁷⁷ спину в передней. Будто уж и нельзя подождать ему. Какое нам дело до того, что, может быть, всякой час ему дорог¹²⁷⁸ и терпят от того дела его¹²⁷⁹: приходи, братец, завтра, а сегодня мне как-то некогда.

"Где ж¹²⁸⁰ вы после этого будете жить?" спросил Платонов Хлобуева. "Есть у вас другая деревушка?"¹²⁸¹

"Да в город нужно переезжать: там есть у меня домишка. Это для детей: им нужны будут учителя. Пожалуй, здесь еще можно достать учителя закону божию; музыке, танцеванью ни за какие деньги [нельзя] достать.

---

¹²⁶⁷ Далее в рукописи: "ему было"

¹²⁶⁸ В рукописи: "за один раз"

¹²⁶⁹ В рукописи далее: "мне необходимо"

¹²⁷⁰ Далее в рукописи: "– Да право не знаю сам откуда взять"

¹²⁷¹ этак

¹²⁷² В рукописи: "земеть"

¹²⁷³ В рукописи далее: "ударил по рукам"

¹²⁷⁴ Далее в рукописи: "которые Чичиков и вручил Хлобуеву в виде задатка"

¹²⁷⁵ В рукописи: "ему привезть"

¹²⁷⁶ Вместо слов "три, другие –" в рукописи: "даже другие тысячи"

¹²⁷⁷ Слова "себе" в рукописи нет

¹²⁷⁸ В рукописи: "дорог ему"

¹²⁷⁹ В рукописи знак вопроса

¹²⁸⁰ В рукописи: "чем же"

¹²⁸¹ Далее вместо текста от слов "Да в город..." и до слов "... нельзя достать" в рукописи: "Деревушки нет, а я перееду в город там у меня есть домишко. Все же равно это нужно было сделать для детей. Им надобны будут учителя. Закону божию, музыке, танцеванью. Ведь это в деревне нельзя достать"

"Куска хлеба нет, а детей учит танцованью", подумал Чичиков.

"Странно!" подумал Платонов.

"Однако ж нужно нам чем-нибудь вспрыснуть сделку", сказал Хлобуев. "Ей, Кирюшка, принеси, брат, бутылку шампанского".

"Куска хлеба нет, а шампанское есть", подумал Чичиков.

Платонов не знал, что и думать.

Шампанским <Хлобуев> обзавелся по необходимости. Он послал в город¹²⁸²: что делать? в лавочке не дают квасу в долг без денег, а пить хочется¹²⁸³. А француз, который недавно приехал с винами из Петербурга, всем давал в долг. Нечего делать, нужно было брать бутылку¹²⁸⁴ шампанского.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуев развязался; стал мил и умен, сыпал¹²⁸⁵ остротами и анекдотами. В речах его обнаружилось столько познания¹²⁸⁶ людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи! Так метко и ловко очерчивал¹²⁸⁷ немногими словами соседей-помещиков, так видел ясно недостатки и ошибки всех. Так хорошо знал историю разорившихся бар: и почему, и как, и отчего они разорились; так оригинально и смешно умел передавать малейшие их привычки, – что они оба были совершенно обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека.

"Мне удивительно", сказал Чичиков: "как вы, при таком уме, не найдете средств¹²⁸⁸ и оборотов?"

"Средства-то есть", сказал Хлобуев, и тут¹²⁸⁹ выгрузил им целую кучу прожектов. Все они были до того нелепы, так странны, так мало истекали из познания людей и света, что оставалось пожимать только плечами да говорить: "Господи боже, какое необъятное расстояние¹²⁹⁰ между *знаньем*¹²⁹¹ *света* [и умением¹²⁹² пользоваться этим знанием!¹²⁹³" Всё основывалось на

---

¹²⁸² В рукописи далее: "за квасом, но"

¹²⁸³ Далее в рукописи: "Он к французу за шампанским,"

¹²⁸⁴ В рукописи вместо слов "брать бутылку" – "взять"

¹²⁸⁵ Далее текст в рукописи в такой редакции: "остроты и анекдоты непрерывно"

¹²⁸⁶ познания

¹²⁸⁷ Далее в рукописи: "в немногих словах"

¹²⁸⁸ Далее в рукописи: "оборотиться и выйти из затруднительного положения?"

¹²⁸⁹ В рукописи вместо "тут" – "и вслед за тем"

¹²⁹⁰ расстояние

¹²⁹¹ знанием

¹²⁹² умением

¹²⁹³ знанием

потребности¹²⁹⁴ достать откуда-нибудь вдруг сто или двести тысяч. [Тогда], казалось ему, всё бы устроилось, как следует, и хозяйство бы пошло, и прорехи все бы заплатались¹²⁹⁵, и доходы можно учетверить, и себя привести в возможность выплатить все долги. И¹²⁹⁶ оканчивал он речь свою: "Но что прикажете делать? Нет да и нет такого благодетеля, который бы решился дать двести или хоть сто тысяч взаймы. Видно, уж бог не хочет".

"Еще бы", подумал Чичиков, "этакому дураку послал бог двести тысяч".

"Есть у меня, пожалуй, трехмиллионная тетушка", сказал Хлобуев: "старушка богомольная: на церкви и монастыри дает, но помогать ближнему тугенька¹²⁹⁷. Прежних времен тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней одних канареек сотни четыре. Моськи, приживалки и слуги, каких уж теперь нет. Меньшому из слуг будет лет под 60, хоть она и зовет его: "Эй, малый!"¹²⁹⁸ Если гость как-нибудь себя не так поведет, так она за обедом прикажет обнести его блюдом. И обнесут. Вот какая"¹²⁹⁹.

Платонов усмехнулся.

"А как ее фамилия и где проживает?" спросил Чичиков.

"Живет она у нас же в городе, Александра Ивановна Хансарова"¹³⁰⁰.

"Отчего ж вы не обратитесь к ней?" сказал¹³⁰¹ с участием Платонов. "Мне кажется, если бы она вошла в положенье¹³⁰² вашего семейства, она бы не могла отказать".

"Ну, нет, может. У тетушки натура крепковата. Это старушка-кремень, Платон Михайлович! Да к тому ж есть и без меня угодники, которые около нее увиваются. Там есть один, который метит в губернаторы; приплелся ей в родню¹³⁰³. Сделай мне такое одолжение",

---

¹²⁹⁴ В рукописи вместо слов "все основывалось на потребности" – "все основано на необходимости"

¹²⁹⁵ заплотились

¹²⁹⁶ В рукописи далее: "и так"

¹²⁹⁷ скупенька

¹²⁹⁸ малой

¹²⁹⁹ как!

¹³⁰⁰ Хансарева

¹³⁰¹ спросил

¹³⁰² в положение

¹³⁰³ в родство

сказал он вдруг, обратясь <к Платонову>: "на будущей неделе я даю обед всем сановникам в городе..."¹³⁰⁴

Платонов растопырил глаза. Он еще не знал того, что на Руси, в городах и столицах, водятся такие мудрецы, которых жизнь совершенно¹³⁰⁵ необъяснимая загадка. Всё, кажется, прожил, кругом в долгах, ниоткуда никаких средств, а задает обед; и все обедающие говорят, что это последний¹³⁰⁶, что завтра же хозяина потащут¹³⁰⁷ в тюрьму. Проходит после того 10 лет, мудрец всё еще держится на свете, еще больше прежнего кругом в долгах, и так же задает обед, на котором все обедающие¹³⁰⁸ думают, что он последний, и все уверены¹³⁰⁹, что завтра же потащут¹³¹⁰ хозяина в тюрьму.

Дом <Хлобуева> в городе представлял необыкновенное явление. Сегодня поп в ризах служил там молебен; завтра давали репетицию французские актеры. В иной день ни крошки хлеба нельзя было отыскать; в другой – хлебосольный прием¹³¹¹ всех артистов и художников и великодушная подача всем. Бывали такие подчас¹³¹² тяжелые времена, что другой давно бы на его месте повесился или застрелился; но его спасало религиозное настроение, которое странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью. В эти горькие минуты читал <он> жития страдальцев и тружеников, воспитывавших дух свой быть превыше несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух, и слезами

---

¹³⁰⁴ Вместо текста от слов "Сделай мне такое..." и до слов "... сановникам в городе..." в рукописи: "Бог с ею, может и успеет. Дурак! подумал Чичиков. Да я бы за такой тетушкой ухаживал, как нянька за ребенком.

– Что ж, ведь этак разговаривать сухо? сказал Хлобуев. Эй, Кирюшка! Принеси ка еще другую бутылку шампанского.

– Нет, нет, я больше не буду пить, сказал Платонов.

– Я так же сказал Чичиков и оба отказались они решительно.

– Ну так, по крайней мере, дайте мне слово у меня побывать в городе 8 июня, я даю обед нашим городским сановникам.

– Послушайте, вскрикнул Платонов. В таком случае, разорившись совершенно, а еще обед?

– Что же делать? Нельзя это долг сказал Хлобуев. Они меня так же угощали"

¹³⁰⁵ Слова в рукописи нет

¹³⁰⁶ Далее в рукописи: "раз"

¹³⁰⁷ потащат

¹³⁰⁸ обедают и

¹³⁰⁹ В рукописи вместо слов "он последний, и все уверены" идет текст: "это уже в последний раз и снова все уверены, что"

¹³¹⁰ потащат

¹³¹¹ В рукописи далее: "для"

¹³¹² В рукописи: "подчас такие"

исполнялись глаза его. Он молился, и – странное дело! – почти всегда приходила к нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь из старых друзей его вспоминал о нем и присылал ему деньги; или какая-нибудь проезжая незнакомка, нечаянно услышав о нем историю, с стремительным великодушьем женского сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось где-нибудь в пользу его дело, о котором он никогда и не слышал¹³¹³. Благоговейно признавал он тогда необъятное милосердие провиденья¹³¹⁴, служил благодарственный молебен и вновь начинал беспутную жизнь свою.

"Жалок он мне, право жалок", сказал Чичикову Платонов, когда они, простившись с ним, выехали от него.

"Блудный сын!" сказал Чичиков. "О таких людях и жалеть нечего".

И скоро они оба перестали о нем думать: Платонов – потому, что лениво и полусонно смотрел на положенья¹³¹⁵ людей, так же, как и на всё в мире. Сердце его сострадало¹³¹⁶ и щемило при виде страданий¹³¹⁷ других, но впечатленья¹³¹⁸ как-то не впечатлевались¹³¹⁹ глубоко в его душе¹³²⁰. Чрез несколько минут он¹³²¹ не думал¹³²² о Хлобуеве. Он потому не думал о Хлобуеве, что и о себе самом не думал. Чичиков потому не думал о Хлобуеве, что, в самом деле, его¹³²³ все мысли были заняты не на шутку приобретенною¹³²⁴ покупкою¹³²⁵. "Как <бы> то ни было, но, очутившись вдруг, после

---

¹³¹³ не слышал

¹³¹⁴ В рукописи: "милосердие проведения"

¹³¹⁵ положение

¹³¹⁶ страдало

¹³¹⁷ страдания

¹³¹⁸ впечатления

¹³¹⁹ В рукописи: "не врезывались"

¹³²⁰ В рукописи: "в душе его"

¹³²¹ Далее в рукописи: "уже"

¹³²² Далее в рукописи текста от слов "о Хлобуеве..." и до слов "... о себе самом не думал" нет

¹³²³ В рукописи слова "его" нет

¹³²⁴ Вместо слова "приобретенного" в рукописи: "его"

¹³²⁵ Текст от слов "Как бы то ни было..." до слов "... не заплатив даже Костанжогло" в рукописи дан в такой редакции: "Как ни рассматривал он, на какую сторону не оборачивал, видел, что во всяком случае покупка была выгодная. Можно было поступить и так, чтобы заложить одних только мертвецов и беглых. Можно было поступить и так, чтобы прежде выпродать по частям все лучшие земли, а потом уже заложить в ломбард. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком по образу Костанжогло, пользуясь его

фантастического, настоящим, действительным владельцем уже не фантастического имения, он стал задумчив, и предположенья и мысли стали степенней и давали невольно значительное выражение лицу. "Терпенье! Труд! Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских. Мне они не в новость. Но станет ли теперь, в эти годы, столько терпенья, сколько в молодости?" Как бы то ни было, он думал о том, как последуют посевы, как он бросит все глупые затеи, как будет рано вставать по утрам, как до восхода солнца распорядится, как будет весело глядеть на это возрастанье и процветанье имения; как весело потом глядеть и на детей. "Право, это настоящая жизнь. Прав Костанжогло". И самое лицо Чичикова стало как бы становиться лучше от этих мыслей. Так уже одно помышление о законном облагораживает человека. Но, как всегда бывает с человеком, вдруг вслед за одной мыслию налетела противоположная. "А можно поступить даже и так", подумал <Чичиков>: "что сначала выпродав по частям лучшие земли, заложить потом имение в ломбард вместе с мертвецами. Можно даже и самому улизнуть, не заплатив даже и Костанжогло". Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала, дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза!¹³²⁶ И кто творец этих вдруг набегающих мыслей?¹³²⁷ Словом, во всяком случае покупка <была выгодна>. Он почувствовал удовольствие, – удовольствие¹³²⁸ от того, что стал теперь помещиком, – помещиком¹³²⁹ не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и угодья, и люди. Люди¹³³⁰ не мечтательные¹³³¹, в воображеньи пребываемые¹³³², но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому¹³³³.

советами, как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные руки имение: (разумеется, если не захочется самому хозяйствовать) оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него взаймы"

¹³²⁶ В рукописи: "да" и "кто"

¹³²⁷ Далее в рукописи слов "Словом, во всяком случае покупка была выгодна" нет

¹³²⁸ В рукописи повторения слова "– удовольствие" нет

¹³²⁹ Слова "помещиком" в рукописи нет

¹³³⁰ Слова "люди" в рукописи нет

¹³³¹ Далее в рукописи: "не в"

¹³³² пребывающие

¹³³³ Далее в рукописи идет текст: "и вытрубил на кулак, как бы на трубе какой то марш. И даже выговаривал вслух несколько поощрительных слов и названий себе

"Стой", закричал¹³³⁴ вдруг кучеру его сотоварищ. Слово это заставило его очнуться и осмотреться вокруг себя: они уже давно ехали прекрасною¹³³⁵ рощей¹³³⁶; милостивая березовая ограда тянулась у них справа и слева¹³³⁷. Белые <стволы> лесных берез и осин, блестя [как] снежный частокол, стройно и легко возносились на нежной зелени недавно развившихся листьев. Соловьи взапуски громко щелкали из рощи. Лесные тюльпаны желтели в траве. Он не мог себе дать отчета, как он успел очутиться в этом прекрасном месте, когда еще недавно были открытые поля. Между дерев мелькала белая каменная церковь, а на другой стороне выказалась из рощи решетка. В конце улицы показался господин, шедший к ним навстречу, в картузе, с суковатой палкой¹³³⁸ в руках. Аглицкой пес, на высоких тонких ножках, бежал перед ним.

"А вот и брат", сказал Платонов. "Кучер, стой". И¹³³⁹ вышел из коляски, Чичиков также. Псы уже успели облобызаться. Тонконогой¹³⁴⁰, проворный Азор лизнул проворным языком своим Ярба¹³⁴¹ в морду, потом лизнул Платонову руки¹³⁴², потом вскочил на Чичикова и лизнул его в ухо.

Братья обнялись.

"Помилуй, Платон, что это¹³⁴³ ты со мною делаешь?"¹³⁴⁴ сказал остановившийся брат, которого звали Василием¹³⁴⁵.

"Как что?" равнодушно отвечал Платон.

самому в роде мордашки и каплунчика. Но потом, вспомнив, что он не один притихнул вдруг постарался кое как унять неумеренный порыв восторга и когда Платонов, принявши кое какие из этих звуков на обращенную к нему речь, спросил у него: чего? Он отвечал: ничего"

¹³³⁴ Текст от слов "закричал вдруг кучеру..." и до слов "... вокруг себя: они" в рукописи дан в такой редакции: "закричал кучеру Платонов. Чичиков оглянулся вокруг себя и увидел, что они"

¹³³⁵ прекрасной

¹³³⁶ Вместо двоеточия в рукописи точка

¹³³⁷ В рукописи текста от слов "Белые стволы..." и до слов "... из рощи решетка" нет. Вместо него только слова из этого текста "Между дерев мелькала белая каменная церковь"

¹³³⁸ Далее текст дан в такой редакции: "в руке. Английский пес"

¹³³⁹ В рукописи: "он"

¹³⁴⁰ тонконогий

¹³⁴¹ Ярда

¹³⁴² руку

¹³⁴³ В рукописи слова "это" нет

¹³⁴⁴ В рукописи: "со мной сделал"

¹³⁴⁵ Васильем

"Да как же в самом деле: три дни от тебя ни слуху, ни духу. Конюх от Петуха привел твоего жеребца. "Поехал", говорит, "с каким-то барином". Ну, хоть бы слово сказал: куды, зачем, на сколько времени? Помилуй, братец, как же можно так¹³⁴⁶ поступать? А я бог знает чего не передумал в эти дни".

"Ну, что ж делать? позабыл", сказал Платонов. "Мы заехали к Константину Федоровичу. Он тебе кланяется, сестра также¹³⁴⁷. Павел Иванович, рекомендую вам¹³⁴⁸: брат Василий. Брат Василий, это Павел Иванович Чичиков".

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали друг другу руки и¹³⁴⁹, снявши картузы, поцеловались.

"Кто бы такой был этот Чичиков?" думал брат Василий. "Брат Платон на знакомства неразборчив". И оглянул он Чичикова, насколько позволяло приличие, и увидел, что это был человек, по виду, очень¹³⁵⁰ благонамеренный.

С своей стороны, Чичиков оглянул также, насколько позволяло приличье, брата Василия и увидел, что брат пониже Платона, волосом темней его и лицом далеко не так красив, но в чертах его лица было гораздо больше жизни и одушевления, больше сердечной доброты¹³⁵¹. Но на эту часть Павел Иванович мало обращал вниманья. Видно было, что он меньше дремал.

"Я решился, Вася, проездиться вместе с Павлом Ивановичем по святой Руси. Авось-либо это размычет¹³⁵² хандру мою".

"Как же так вдруг решился..."¹³⁵³ сказал озадаченный брат Василий; и он¹³⁵⁴ чуть было не прибавил: "И еще ехать с человеком, которого видишь в первый раз, который, может быть, и дрянь, и чорт знает что". Полный недоверия, он оглянул¹³⁵⁵ искоса Чичикова и увидел благоприличие изумительное.

---

¹³⁴⁶ так

¹³⁴⁷ тоже

¹³⁴⁸ В рукописи слова "вам" нет

¹³⁴⁹ Далее текст "снявши картузы, поцеловались" дан в рукописи в такой редакции: "сняли картузы"

¹³⁵⁰ В рукописи слова "очень" нет

¹³⁵¹ Текст от слов "но на эту часть..." и до слов "... меньше дремал" в рукописи дан в такой редакции: "Видно было, что он меньше дремал, – но на эту часть Павел Иванович мало обращал внимания"

¹³⁵² разлечит

¹³⁵³ В рукописи вопросительный знак

¹³⁵⁴ Слова "он" в рукописи нет

¹³⁵⁵ В рукописи: "оглянул он"

Они повернули направо в ворота. Двор был старинный¹³⁵⁶; дом тоже старинный, каких теперь не строят¹³⁵⁷, с навесами, под высокой крышей. Две огромные липы, росшие¹³⁵⁸ посреди двора¹³⁵⁹, покрывали¹³⁶⁰ почти половину его своею тенью. Под ними было множество деревянных скамеек. Цветущие сирени и черемухи¹³⁶¹ бисерным ожерельем обходили двор вместе с оградой, совершенно скрывавшейся под их цветами и листьями. Господский дом был совершенно¹³⁶² закрыт, только одни двери и окна милостиво глядели¹³⁶³ сквозь их ветви. Сквозь прямые, как стрелы, лесины деревьев белели¹³⁶⁴, сквозили кухни, кладовые и погребца. Всё было¹³⁶⁵ в роще. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось в душу какое-то безмятежное, приятное чувство. Так и отзывалось всё теми беззаботными временами, когда жилось всем добродушно и всё было просто и¹³⁶⁶ несложно. Брат Василий пригласил Чичикова садиться. Они сели на скамьях¹³⁶⁷ под липами.

Парень, лет 17, в красивой рубашке розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины с разноцветными фруктовыми квасами всех сортов, то густыми, как масло, то шипевшими, как газové лимонады. Поставивши графины, схватил он заступ, стоявший у дерева, и ушел в сад. У братьев Платоновых так же, как и у зятя¹³⁶⁸ Костанжогло¹³⁶⁹, собственно слуг не было: они были все садовники, или, лучше сказать¹³⁷⁰, слуги были, но все дворовые исправляли по очереди эту должность. Брат Василий все утвер-

---

¹³⁵⁶ Далее слов "дом тоже старинный" в рукописи нет

¹³⁵⁷ строят

¹³⁵⁸ В рукописи: "росли"

¹³⁵⁹ Далее в рукописи идет союз "и"

¹³⁶⁰ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "и покрывали его почти свою тенью"

¹³⁶¹ Далее в рукописи текст от слов "бисерным ожерельем..." и до слов "... с оградой" дан в такой редакции: "окружали двор"

¹³⁶² Вместо слова "совершенно" в рукописи: "почти весь"

¹³⁶³ Далее вместо слов "сквозь их ветви" в рукописи: "снизу из под ветвей"

¹³⁶⁴ Слова "белели" нет в рукописи

¹³⁶⁵ В рукописи: "Все были"

¹³⁶⁶ Союза "и" в рукописи нет

¹³⁶⁷ Слов "на скамьях" в рукописи нет

¹³⁶⁸ Далее в рукописи: "их"

¹³⁶⁹ Далее текст от слов "собственно слуг..." и до слов "... слуги были" в рукописи дан в такой редакции: "все слуги были садовники, или лучше сказать слуг не было"

¹³⁷⁰ Далее в рукописи: "слуг не было, но все дворовые по очереди исправляли эту должность"

ждал, что слуги не сословие¹³⁷¹. Подать что-нибудь может всякой¹³⁷², и для этого не стоит заводить особых людей; что будто русской человек потуда хорош и расторопен и не лентяй, покуда он ходит в рубашке и зипуне; но что, как только заберется в немецкой сертук¹³⁷³, станет вдруг неуклюж и нерасторопен, и лентяй, и рубашки не переменяет, и в баню перестает вовсе ходить, и спит в сертуке, и заведутся у него под сертуком немецким и клопы, и блох¹³⁷⁴ несчетное множество. В этом, может быть, он был и прав. В деревне их народ одевался особенно щеголевато: кички у женщин были все в золоте, а рукава на рубахах – точные коймы турецкой шали¹³⁷⁵.

"Это квасы, которыми¹³⁷⁶ издавна славится наш дом", сказал брат Василий.

Чичиков налил стакан из первого графина – точно липец¹³⁷⁷, (*В автографе* – липецк.) который он некогда пивал в Польше; игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятным¹³⁷⁸ крючком¹³⁷⁹ изо рта в нос. "Нектар!" сказал он. Выпил стакан от¹³⁸⁰ другого графина – еще лучше.

"Напиток¹³⁸¹ напитков!" сказал Чичиков. "Могу сказать, что у почтеннейшего вашего зятя, Константина Федоровича, пил первойшую наливку, а у вас первойший квас".

"Да ведь и наливка тоже от нас. Ведь это сестра завела¹³⁸². Мать моя была из Малороссии, из-под Полтавы. Теперь все позабыли хозяйство вести сами. В какую же сторону и в какие места предполагаете¹³⁸³ ехать?" спросил брат Василий.

"Еду я", сказал Чичиков, слегка покачиваясь на лавке и рукой поглаживая себя по колену, "не столько по своей нужде, сколько по нужде другого. Генерал Бетрищев, близкой приятель и, можно

¹³⁷¹ Далее в рукописи: "что без слуг можно даже и обойтись"

¹³⁷² всякий

¹³⁷³ "сюртук", и далее все слова в таком написании

¹³⁷⁴ блохи

¹³⁷⁵ Далее в рукописи: "– Не угодно ли вам прохладиться"

¹³⁷⁶ Слова "которыми" в рукописи нет

¹³⁷⁷ липец

¹³⁷⁸ В рукописи: "приятно"

¹³⁷⁹ Слова "крючком" в рукописи нет

¹³⁸⁰ из

¹³⁸¹ В рукописи далее: "из всех"

¹³⁸² Далее в рукописи: "сказал Платон". Текст от слов "Мать моя..." и до слов "... вести сами" в рукописи отсутствует

¹³⁸³ предполагается

сказать, благотворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя, ибо, не говоря уже о пользе в гемороиальном отношении, видеть свет и коловращенье¹³⁸⁴ людей есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука".

Брат Василий задумался. "Говорит этот человек несколько¹³⁸⁵ витиевато¹³⁸⁶, но в словах его, однако ж, есть правда", подумал <он>. Несколько помолчав, сказал он¹³⁸⁷, обратясь к Платону: "Я¹³⁸⁸ начинаю думать, Платон, что путешествие может, точно, расшевелить тебя. У тебя не что¹³⁸⁹ другое, как душевная спячка. Ты, просто, заснул. И заснул не от пресыщения или усталости, но от недостатка живых впечатлений и ощущений. Вот я совершенно напротив. Я бы очень желал не так живо чувствовать и не так близко принимать к сердцу всё, что ни случается".

"Вольно ж принимать всё близко к сердцу", сказал Платон. "Ты выискиваешь¹³⁹⁰ себе беспокойства и сам сочиняешь себе тревоги".

"Как <сочинять>¹³⁹¹, (*Начало фразы утрачено.*) когда и без того на всяком шагу неприятность?" сказал Василий. "Слышал ты, какую без тебя сыграл с нами штуку Леницын?¹³⁹² – Захватил пустошь¹³⁹³. Во-первых, пустоши этой я ни за какие деньги¹³⁹⁴ (*Не дописано.*) Здесь у меня крестьяне празднуют всякую весну красную горку. С ней связаны воспоминания деревни. А¹³⁹⁵ для меня обычай¹³⁹⁶ – святая вещь и за него готов пожертвовать всем".

"Не знает, потому и захватил", сказал Платон: "человек новый, только что приехал из Петербурга – ему нужно объяснить, растолковать".

"Знает, очень знает. Я посылал ему сказать, но он отвечал грубостью".

---

¹³⁸⁴ коловращение

¹³⁸⁵ Слова "несколько" в рукописи нет

¹³⁸⁶ кудревато

¹³⁸⁷ Слова "он" в рукописи нет

¹³⁸⁸ Слова "я" в рукописи нет

¹³⁸⁹ нечто

¹³⁹⁰ вымышляешь

¹³⁹¹ Вместо слов "как сочинять" в рукописи: "чего наклепать"

¹³⁹² В рукописи: "Лешицын"

¹³⁹³ Далее в рукописи: "где у нас празднуется красная горка"

¹³⁹⁴ Далее в рукописи: "не продам"

¹³⁹⁵ В рукописи вместо точки и "а" – союз "и"

¹³⁹⁶ Далее в рукописи идет слово "немаловажный", а текст от слов "– святая вещь..." и до слов "... пожертвовать всем" отсутствует

"Тебе нужно было съездить самому, растолковать. Переговори с ним сам".

"Ну, нет. Он чересчур уже заважничал. Я к нему не поеду. Изволь, поезжай сам, если хочешь, ты".

"Я бы поехал, но ведь я не мешаюсь¹³⁹⁷. Он может меня и провести, и обмануть".

"Да если угодно, так я поеду", сказал Чичиков¹³⁹⁸: "скажите дельцо".

Василий взглянул¹³⁹⁹ на него и подумал: "Экой охотник ездить".

"Вы мне подайте только понятие, какого рода он человек", сказал Чичиков: "и в чем дело".

"Мне совестно наложить на вас такую неприятную комиссию. Человек он, по-моему, дрянь¹⁴⁰⁰: вы<служился> из простых мелкопоместных дворян нашей губернии¹⁴⁰¹, женившись на чьей-то побочной дочери, и заважничал. Тон задает. Да у нас¹⁴⁰² народ живет не глупый. Мода нам¹⁴⁰³ не указ, а Петербург¹⁴⁰⁴ не церковь".

"Конечно", сказал Чичиков: "а дело в чем?"

"Видите ли? ему, точно, нужна <земля>. Да если бы он не так поступал, я бы с охотой отвел в другом месте даром земли¹⁴⁰⁵, не то что пустошь. А теперь... Занозистый человек подумает..."

"По-моему, лучше переговорить: может быть, дело-то <...>¹⁴⁰⁶. Мне поручали дела и не раскаивались¹⁴⁰⁷. Вот тоже и генерал Бетрищев..."

"Но мне совестно, что вам придется говорить с таким человеком"¹⁴⁰⁸. *(Продолжение в рукописи утрачено.)*

---

¹³⁹⁷ и смешаюсь

¹³⁹⁸ Далее текст "скажите дельцо" в рукописи отсутствует

¹³⁹⁹ взглянув

¹⁴⁰⁰ Далее в рукописи: "из", а слова "выслужился из простых" отсутствуют

¹⁴⁰¹ Далее в рукописи: "выслужился в Петербурге, женившись там"

¹⁴⁰² Далее в рукописи: "слава Богу"

¹⁴⁰³ Слова "нам" в рукописи нет

¹⁴⁰⁴ В рукописи: "Париж"

¹⁴⁰⁵ Слова "земли" в рукописи нет, далее в следующем предложении вместо слова "занозистый" в рукописи: "заносчивый"

¹⁴⁰⁶ Слова "дело-то" в рукописи нет

¹⁴⁰⁷ Текст "поручали дела и не раскаивались" в рукописи дан в такой редакции: "доручите дело и не раскаетесь"

¹⁴⁰⁸ Далее в рукописи сказано в скобках: "Здесь пропуск в котором вероятно содержался рассказ о том, как Чичиков отправился к помещику Лешищину"

"(Начало фразы утрачено.) и наблюдая особенно, чтоб это было втайне", сказал Чичиков: "ибо не столько самое преступление¹⁴⁰⁹, сколько соблазн вредоносен".

"А, это так, это так", сказал Леницын, наклонив совершенно голову на бок.

"Как приятно встретить единомысль!"¹⁴¹⁰ сказал Чичиков. "Есть и у меня дело, и законное, и незаконное вместе: с виду незаконное, в существе¹⁴¹¹ законное. Имея надобность в залогах, никого не хочу вводить в рыск платежом по два¹⁴¹² рубли за живую душу. Ну, случится, лопну, – чего боже сохрани, – неприятно ведь [будет]¹⁴¹³ владельцу, я и решился воспользоваться беглыми и мертвыми¹⁴¹⁴, еще не вычеркнутыми из ревизии¹⁴¹⁵, чтобы за одним разом сделать и христианское дело, и снять с¹⁴¹⁶ бедного владельца тягость уплаты за них податей. Мы только между собой сделаем формальным образом купчую¹⁴¹⁷, как на живые".

"Это, однако же, что-то такое престранное", подумал Леницын и отодвинулся со стулом немного назад. "Да дело-то, однако же¹⁴¹⁸, такого рода..." начал <он>.

"А соблазну не будет, потому что втайне", отвечал Чичиков: "и притом между благонамеренными людьми".

"Да все-таки, однако же, дело¹⁴¹⁹ как-то..."¹⁴²⁰

"А соблазну никакого", отвечал весьма прямо и открыто Чичиков. "Дело такого рода, как сейчас рассуждали: между людьми благонамеренными, благоразумных лет и, кажется, хорошего чину¹⁴²¹, и притом втайне", и говоря это, глядел он открыто и благородно ему в глаза.

---

¹⁴⁰⁹ преступление

¹⁴¹⁰ единомыслие

¹⁴¹¹ в сущности

¹⁴¹² Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "рубля за каждую душу"

¹⁴¹³ Слова "будет" в рукописи нет

¹⁴¹⁴ В рукописи: "и мертвецами"

¹⁴¹⁵ Далее в рукописи: "душами"

¹⁴¹⁶ Далее в рукописи текст идет в редакции: "с бедных владельцев"

¹⁴¹⁷ Далее в рукописи: "как бы"

¹⁴¹⁸ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "какого рода начали? Сказал он вслух"

¹⁴¹⁹ Слова "дело" в рукописи нет

¹⁴²⁰ Далее в рукописи слово "Чисто"

¹⁴²¹ чина

Как ни был изворотлив Леницын¹⁴²², как ни был сведущ вообще в делопроизводствах, но тут он¹⁴²³ как-то совершенно¹⁴²⁴ пришел в недоумение¹⁴²⁵, тем более, что каким-то странным образом он как бы¹⁴²⁶ запутался в собственные сети. Он вовсе не был способен на несправедливости и не хотел бы сделать ничего несправедливого, даже и втайне. "Экая удивительная оказия", думал он про себя. "Прошу входить в тесную дружбу даже с хорошими людьми!¹⁴²⁷ Вот тебе и задача!"

Но судьба и обстоятельства как бы нарочно благоприятствовали Чичикову. Точно за тем, чтобы помочь этому затруднительному делу, вошла в комнату молодая хозяйка, супруга Леницына, бледная, худенькая, низенькая, но одетая по-петербургскому, большая охотница до людей *comme il faut*¹⁴²⁸. За нею был вынесен на руках мамкой ребенок-первенец, плод нежной любви недавно бракосочетавшихся супругов. Ловким подходом с прискачкой и наклоном¹⁴²⁹ головы на бок, Чичиков совершенно обворожил петербургскую даму; а вслед за нею и ребенка. Сначала тот было разревелся, но словами: "Агу, агу, душенька", и прищелкиванием пальцев, и красотой сердоликовой печатки от часов Чичикову удалось его переманить к себе на руки. Потом он начал¹⁴³⁰ его приподнимать к самому потолку и возбудил этим в ребенке приятную усмешку, чрезвычайно обрадовавшую обоих родителей. Но, от внезапного удовольствия или чего-либо другого, ребенок вдруг повел себя нехорошо.

"Ах, боже мой!" вскрикнула жена Леницына: "он вам испортил весь фрак!"

Чичиков посмотрел: рукав новешенького¹⁴³¹ фрака был весь испорчен¹⁴³². "Пострел бы тебя взял, чертенок!" подумал он всердцах.

---

¹⁴²² "Леницын". В тексте рукописи у различных переписчиков эта фамилия пишется по-разному

¹⁴²³ Слова "он" в рукописи нет

¹⁴²⁴ Слова "совершенно" в рукописи нет

¹⁴²⁵ В недоумение

¹⁴²⁶ Далее в рукописи слов "как бы" нет. Далее идут слова: "запутался он в"

¹⁴²⁷ Далее в рукописи слов "Вот тебе и задача" нет

¹⁴²⁸ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "За нею вынесен был мамкой на руках ребенок первенец"

¹⁴²⁹ В рукописи: "пониженьем"

¹⁴³⁰ В рукописи: "начал он его приподнимать"

¹⁴³¹ В рукописи: "новенького"

¹⁴³² В рукописи: "весь был испачкан"

Хозяин, хозяйка, мамка, все побежали за одеколоном: со всех сторон принялись его вытирать.

"Ничего, ничего, совершенно ничего", говорил Чичиков, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выражение. "Может ли что испортить ребенок в это золотое время своего возраста!" повторял он; а в то же время думал: "Да ведь как, бестия, волки б его съели, метко обделал, канальчонок проклятый!"

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина в пользу дела Чичикова. Как отказать такому гостю, который оказал столько невинных ласк малютке и великодушно поплатился за то собственным фракком? Чтобы не подать дурного примера, решились решить¹⁴³³ дело секретно, ибо не столько самое дело, сколько соблазн вредоносен.

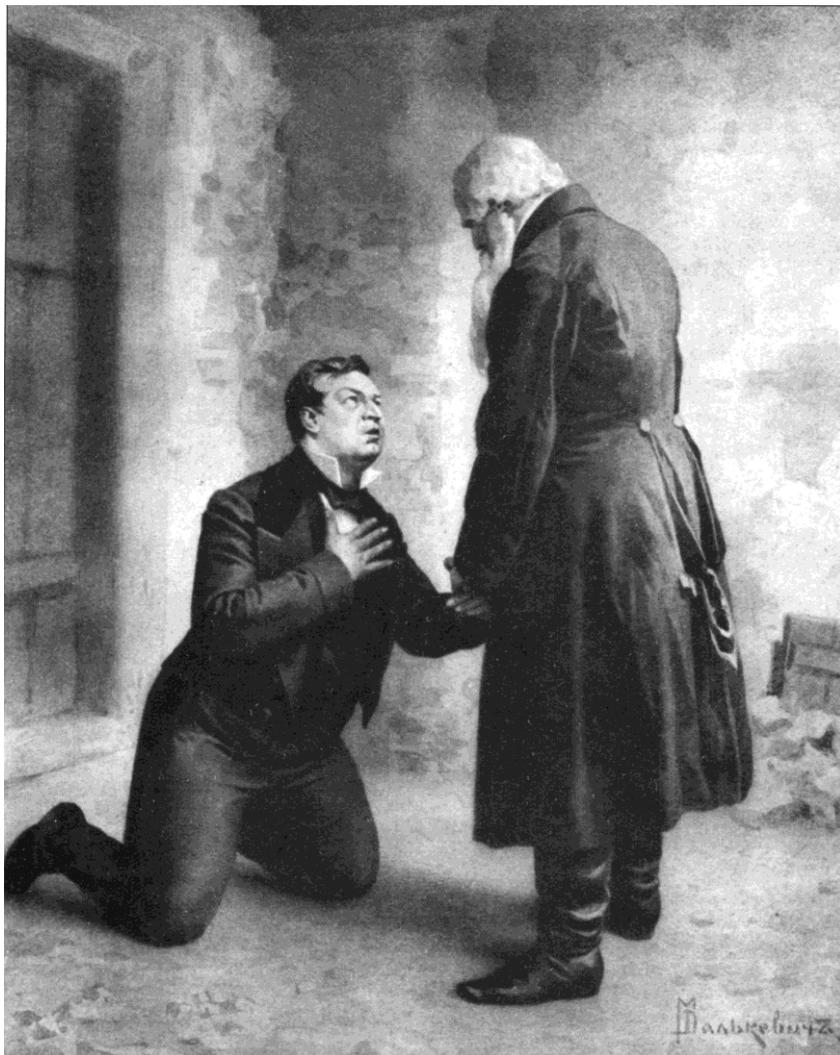
"Позвольте ж и мне, в вознагражденье за услугу, заплатить вам также услугой. Хочу быть посредником вашим по делу с братьями Платоновыми. Вам нужна земля, не так ли?"¹⁴³⁴

---

¹⁴³³ покончить

¹⁴³⁴ Далее в рукописи идет текст: "Здесь пропуск: Чичиков улаживал дела между Леницыным и Платоновыми, потом едет к Хансаревой старухи и составляет фальшивое завещание"

Заключительная глава*

Художник М.М.Далькевич. Издание А.Ф.Маркса. Санкт-Петербург. 1900 г.

---

* Из более ранней, чем остальные главы, редакции.

Всё на свете обделывает свои дела. Что кому тробит, тот то и теребит, говорит пословица. Путешествие по сундукам произведено было с успехом, так что кое-что от этой экспедиции перешло в собственную шкатулку¹⁴³⁵. Словом, благо-разумно было обстроено. Чичиков не то, чтобы украл, но попользовался. Ведь¹⁴³⁶ всякой из нас чем-нибудь попользуется: тот казенным лесом, тот экономическими суммами, тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебели¹⁴³⁷ Гамбса или кареты¹⁴³⁸. Что ж делать, если¹⁴³⁹ завелось так много всяких¹⁴⁴⁰ заманок¹⁴⁴¹ на свете? И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами, и маскарады, и гулянья, плясанья с цыганками¹⁴⁴². Ведь трудно удержаться, если все со всех сторон делают то же, да и мода велит – изволь удержать себя. Ведь нельзя же всегда удерживать¹⁴⁴³ себя¹⁴⁴⁴. Человек не бог. Так и Чичиков, подобно размножившемуся¹⁴⁴⁵ количеству людей, любящих всякой комфорт, поворотил дело в свою пользу. Конечно¹⁴⁴⁶, следовало бы¹⁴⁴⁷ выехать¹⁴⁴⁸ вон из города, но дороги испортились. В городе между тем¹⁴⁴⁹ готова была начаться¹⁴⁵⁰ другая ярмарка – собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотом, сырыми произведениями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же всё, что куплено на Нижегородской ярманке краснопродавцами панских товаров, привезено сюда. Наехали истребители русских кошельков, французы с помадами и

---

¹⁴³⁵ Далее в рукописи слово "Чичикова" и двоеточие

¹⁴³⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "всякий из нас чем нибудь да пользуется"

¹⁴³⁷ мебели

¹⁴³⁸ В рукописи знак точка с запятой

¹⁴³⁹ ежели

¹⁴⁴⁰ Слова "всяких" в рукописи нет

¹⁴⁴¹ приманок

¹⁴⁴² "цыганами". Далее текста от слов "Ведь трудно..." и до слов "... удержать себя" в рукописи нет

¹⁴⁴³ удержать

¹⁴⁴⁴ В рукописи точка с запятой

¹⁴⁴⁵ размножавшемуся

¹⁴⁴⁶ В рукописи вместо слова "конечно" стоит "Чичикову"

¹⁴⁴⁷ Далее в рукописи: "уже и"

¹⁴⁴⁸ Далее слов "вон из города" в рукописи нет

¹⁴⁴⁹ Далее слов "готова была" в рукописи нет

¹⁴⁵⁰ начиналась

французенки с шляпками¹⁴⁵¹, истребители добытых кровью и трудами денег – эта египетская саранча, по выражению Костанжогло, которая, мало того, что всё сожрет, да еще и яиц после себя оставит, зарывши их в землю.

Только неурожай¹⁴⁵² да несчастный в самом <...> (*В автографе пропуск недостающего текста ничем не обозначен.*) удержали¹⁴⁵³ многих помещиков по деревням. Зато чиновники, как¹⁴⁵⁴ не терпящие неурожая, развернулись; жены их, на беду, также. Начитавшись разных книг, распушенных в последнее время с целью внушить всякие новые потребности человечеству, возымели жажду необыкновенную испытать всяких новых наслаждений. Француз открыл новое заведение – какой-то дотоле неслыханный в губернии воксал, с ужином, будто бы по необыкновенно дешевой цене и половину на кредит. Этого было достаточно, чтобы <не только> столоначальники, но даже и все канцелярские¹⁴⁵⁵, в надежде на будущие взятки с просителей (*Фраза не закончена.*) Зародилось¹⁴⁵⁶ желанье пощеголять друг пред другом лошадыми и кучерами¹⁴⁵⁷. Уж это столкновенье¹⁴⁵⁸ сословий для увеселения!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольские коляски пролетали взад и вперед¹⁴⁵⁹. Откуда взялись они, бог весть, но в Петербурге не подгадали бы. Купцы, приказчики, ловко¹⁴⁶⁰ приподымая шляпы, запрашивали барыш. Редко где видны были бородачи¹⁴⁶¹ в меховых¹⁴⁶² горлатных шапках. Всё было европейского вида¹⁴⁶³ с бритыми подбородками, всё исчахл<ое>, и с гнилыми зубами¹⁴⁶⁴.

¹⁴⁵¹ "шляпами". Далее в этом предложении следует читать: "мало то, что все сожрет, да и яиц"

¹⁴⁵² Далее в рукописи слов "да несчастный в самом <...>" нет

¹⁴⁵³ удержал

¹⁴⁵⁴ Слова "как" нет в рукописи

¹⁴⁵⁵ В рукописи: "служители". После слов "взятки с просителей" идет: "развернулся"

¹⁴⁵⁶ Вместо "зародилось" в рукописи: "родилось желание"

¹⁴⁵⁷ Далее в рукописи слово "Беда"

¹⁴⁵⁸ столкновение

¹⁴⁵⁹ В рукописи знак точка с запятой

¹⁴⁶⁰ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "приподнимали свои шляпы и зазывали к себе барынь"

¹⁴⁶¹ Слова "бородачи" в рукописи нет

¹⁴⁶² В рукописи: "мохнатых"

¹⁴⁶³ В рукописи текста от слов "с бритыми подбородками..." и до слов "... зубами" нет. Вместо него далее идет текст: "Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалился на диване, торговался с заезжим контрабандистом, купцем жидовского происхождения и немецкого выговора и перед ним уже

лежала купленная штука первейшего голандского полотна на рубашки и две бумажные коробки с отличнейшим мылом первостатейного свойства; это было мыло то самое, которое он некогда приобретал на радзивиловской таможне. Оно было действительно первое по непостижимому свойству сообщать нежность и белизну щекам изумительную. В то время, когда он, как знаток, покупал эти необходимые для воспитанного человека продукты, раздался гром подъехавшей кареты, отозвавшийся легким дрожанием комнатных окон и стен, и вошел его превосходительство Алексей Иванович Лепицын.

– На суд вашего превосходительства предоставляю: каково полотно? и каково мыло? и какова эта вчерашнего дня купленная вещица?

При этом Чичиков надел на голову ермолку и вышитую золотом и бусами, и очутился как персидский шах, исполненный достоинства и величия.

Но его превосходительство, не отвечая на вопрос, сказал с озабоченным видом: "мне нужно с вами поговорить о деле".

В лице заметны были и озабоченность и расстройство. Почтенный купец немецкого выговора был тот же час выслан, и они остались одни.

– Знаете ли вы, какая неприятность! Отыскалось другое завещание старухи, сделанное назад тому лет пять. Половина имения отдается на монастырь, а другая обеим воспитанницам пополам и ничего более никому.

Чичиков оторопел.

– Но это завещание вздор; оно ничего не значит: оно уничтожено вторым.

– Но ведь этого не сказано в последнем завещании, что им уничтожается первое.

– Это само собою разумеется. Первое уничтожается последним; это вздор. Первое завещанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы, я был при ней. Кто подписал первое завещание? Кто были свидетели?

– Засвидетельствовано оно как следует. Свидетелем были бывший совестный судья Бурмилов и Хованов.

– Худо, подумал Чичиков, Хованов, говорят, честен, Бурмилов старый ханжа читает по праздникам Апостол в церквах"

– Но... вздор, вздор! сказал он вслух и тут же почувствовал решимость на все штуки.

Я знаю это лучше, я присутствовал при последних минутах покойницы; мне это лучше всех известно. Я готов присягнуть самолично.

– Слова эти и решимость на минуту успокоили Лепицына. Он был взволнован и уже начал было подозревать не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикации относительно завещания. Он укорял себя в подозрении; готовность присягнуть была явным доказательством противного. Не знаем мы точно ли достало бы духу у Павла Ивановича присягнуть по святыни, но сказать это достало духу.

– Будьте покойны, я переговорю об этом деле с инспекторами юрисконсультами. С вашей же стороны тут ничего не должно бы прилагать; вы должны быть совершенно в стороне. Я же теперь могу жить в городе, сколько мне угодно.

Чичиков тот же час приказал подать экипаж и отправился к юрисконсульту. Этот юрисконсульт был опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лет как он находился под судом, и так умел распорядиться, что никаким образом нельзя было отрешить его от должности. Все знали что за подвиги его следовало бы давно послать на поселение; кругом и со всех сторон был он в подозрениях, но никак нельзя было вывести явных и доказательных улик.

Тут было действительно что то таинственное и его бы можно было смело признать колдуном, если бы история, нами описанная, принадлежала временам невежества.

Юриисконсуьт поразил холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшего совершенную противоположность с хорошими мебельями красного дерева, с золотыми часами под стеклянным ковпаком с люстрой, сквозившей сквозь кисейный чахол и сохранявший и вообще со всем, что было вокруг него и носило яркую печать европейского просвещения.

Не затрудняясь, однако же, скептической наружностью юриисконсуьта, Чичиков объяснил затруднительные пункты дела и в заманчивой перспективе изобразил необходимо последующую благодарность за добрый совет и участие.

Юриисконсуьт отвечал на это изображением неверности всего земного и дал тоже искусно заметить, что журавль на небе ничего не значит, – а нужно синицу в руки.

Нечего было делать: нужно было дать синицу в руки. Скептическая холодность философа вдруг исчезла. Оказалось, что это был найдобрейший человек, найразговорчивейший и найприятнейший в разговорах, не уступавший ловкостию оборотов самому Чичикову.

– Позвольте вам заметить; вместо того, чтобы заводить длинное дело, вы, верно, нехорошо рассмотрели самое завещание, там, верно, есть какая нибудь приписочка. Вы возьмите его на время к себе. Хотя, конечно, подобные вещи на дом брать запрещено, но если хорошенько попросить некоторых чиновников... я с своей стороны употреблю мое участие.

"Понимаю", – подумал Чичиков и сказал, – в самом деле, я, точно, хорошо помню, есть ли там приписочка, или нет. Точно как будто и не сам писал это завещание.

– Лучше всего вы это посмотрите. Впрочем, во всяком случае, – продолжал он весьма добродушно, будьте совсем покойны и не смущайтесь ничем, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни в чем не отчаивайтесь. Нет дела неисправимого. Смотрите на меня, я всегда покоен, какие бы ни были возведены на меня казусы, спокойствие мое непоколебимо.

Лицо юриисконсуьта-философа пребывало действительно в необыкновенном спокойствии, так что Чичиков немного успокоился.

– Конечно, это первая вещь, – сказал он, но согласитесь, однако ж, что могут быть такие случаи и дела, и такие поклепы со стороны врагов, и такие затруднительные положения, что отнимут всякое спокойствие.

– Поверьте мне, что все это малодушие, отвечал очень спокойно и добродушно философ-юрист. Старайтесь только, чтобы производство дела было всеосновано на бумагах, чтобы на словах ничего не было и как только увидите, что дело идет к развязке и к решению, старайтесь не то чтобы оправдывать и защищать себя, нет, просто спутать новыми вводными и такими посторонними т.е., чтобы опутать, слушать и ничего больше, – продолжал юриисконсуьт-философ, – ввести в это дело другие побочные обстоятельства, которые бы запутали его, да и другим сделать сложным и ничего больше!..

А тот пусть приезжий из Петербурга чиновник разбирает, пусть разбирает... пускай его разбирает! повторил он смотря с необыкновенным удовольствием в глаза Чичикову, как смотрит учитель ученику, когда объясняет ему заманчивые места из русской грамматики.

– Да, хорошо, если подберем такие обстоятельства, которые способны пустить в глаза мглу, сказал Чичиков, смотря тоже с удовольствием в глаза философа, как ученик, который понял заманчивое место объясняемое учителем.

– Подберутся обстоятельства, подберутся, поверьте, от частого упражнения и голова делается находчивей.

Прежде всего помните, что вам будут помогать. В сложности дело выигрыш многим: и чиновников нужно больше и жалованья им больше, словом: втянуть в

"Пожалуйте, пожалуста. Да уж извольте только взойти-с в лавку. Господин, господин!" покрикивали кое-где мальчишки.

дело больше лиц. Нет нужды, что иные напрасно попадут, да ведь им надо же оправдаться или нужно отвечать на бумаге.

Вот им и хлеб!

Так можно спутать, так все перепутать, что никто ничего не поймет...

Я ведь почему спокоен? Потому что знаю, пусть только дела мои пойдут похуже, да я всех впутаю в свое дело: и губернатора и вице-губернатора и полицейстера и казначея, всех запутаю... Я знаю все их обстоятельства и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочет упечь. Так пожалуй пусть их выпутывают! Да куда они выпутаются, другие успеют найтись.

Ведь только в мутной воде и ловятся раки. Юрист-философ посмотрел на Чичикова во все глаза и опять с тем наслаждением с каким учитель объясняет ученику еще заманчивейшее место из русской грамматики...

"Нет этот человек точно мудрец подумал про себя Чичиков и расстался с юрисконсультom в наименее приятнейшем и наилучшем расположении духа. Совершенно успокоившись он с небрежною ловкостью бросился на эластические подушки коляски и приказал Селифану откинуть кузов назад (к юрисконсульту он ехал с поднятым вверх кузовом и даже и застегнутой кожей) и расположился точь в точь как отставной гусарский полковник или сам Вишнепопоров, ловко подвернув одну ножку под другую и обращая с приятностию ко всем встречным лицо сиявшее из под шелковой новой шляпы надвинутой на ухо. Селифану приказал было держать направление к господскому двору. Купцы и проезжие и туземцы стоя у дверей лавок почтительно снимали шляпы и Чичиков не без достоинства приподнимал им свою. Многие из них уже были ему знаком, другие хотя приезжие, но очарованные ловким видом умеющего держать себя господина, приветствовали его, как знакомого. Ярмарка в то время еще не прекращалась, отошла конная, земледельческая, остались с красными товарами для господ просвещения высшего. Купцы приехавшие на колесах располагали назад не иначе возвращаться как на санях.

— Пожалуйте, пожалуйте! говорил у суконной лавки, учтиво рисуясь, с открытой головой немецкий сюртук московского шитья, с шляпою в одной руке на отлет, придерживая двумя пальцами другой, бритый круглый подбородок и выражением тонкого просвещения в лице.

Чичиков вошел в лавку.

— Покажи нам любезнейший суконца.

Благоприятный купец тотчас приподнял вверх открывавшуюся доску у стола и сделавши таким образом себе проход, очутился за доскою спиною к товару, лицом к покупателю и с обнаженной головой и шляпою на отлете еще раз приветствовал Чичикова, потом надел шляпу и приятно нагнувшись, обеими же руками упершись в стол, сказал так:

— Которого рода суконца? Аглицких мануфактур или отечественной фабрикации предпочитаете?

— Отечественной фабрикации, сказал Чичиков, только лучшего сорта, который называется английским.

— Каких цветов пожелаете иметь, спросил купец, все так приятно колеблясь на двух опершихся в стол руках.

¹⁴⁶⁴ Текст от слов "Пожалуйста, пожалуйста..." и до слов "... каких сукон пожелаете" в рукописи отсутствует

Но уж на них с презрением смотрели познакомленные с Европой посред<ники>, изредка только с чувством достоинства произносили: "Штакет", или: "Здесь сукны зибер, клер и черные".

"Есть сукна брусничных цветов с искрой?" спросил Чичиков.

"Отличные сукна", сказал купец, приподнимая одной рукой картуз, а другой указывая на лавку. Чичиков взошел в лавку. Ловко приподнял доску стола и очутился на другой стороне его, спиной к товарам, вознесенным от низу до потолка, штука на штуке, и – лицом к покупателю. Опершись ловко обеими руками и слегка покачиваясь на них всем корпусом, произнес: "Каких сукон пожелаете?"

"С искрой оливковых или бутылочных, приближающихся<ся>, так сказать, к бруснике", сказал Чичиков.

"Могу сказать, что получите первейшего сорта, лучше которого только в просвещенных столицах можно найти. Малый, подай сукно сверху, что за 34 номером. Да не то, братец. Что ты вечно выше своей сферы, точно пролетарий какой!¹⁴⁶⁵ Бросай его сюда. Вот суконцо"¹⁴⁶⁶. И, разворотивши его с другого конца, купец поднес¹⁴⁶⁷ Чичикову к самому носу, так что тот мог не только погладить рукой шелковистый лоск, но даже и понюхать¹⁴⁶⁸.

"Хорошо¹⁴⁶⁹, но всё не то", сказал Чичиков. "Ведь я служил на таможне, так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике чтобы приближалось".

"Понимаю-с, вы истинно¹⁴⁷⁰ желаете такого цвета, какой ноньче в Пе<тербурге>¹⁴⁷¹ входит. Есть у меня сукно отличнейшего свойства. Предупеждаю, что высокой цены, но и высокого¹⁴⁷² достоинства".

Европеец полез. Штука упала. Развернул он ее с искусством прежних времен, даже на время позабыв, что он принадлежит уже к позднему поколению, и поднес к свету, даже вышедши из

---

¹⁴⁶⁵ такой

¹⁴⁶⁶ Далее в рукописи: "извольте"

¹⁴⁶⁷ подал

¹⁴⁶⁸ Далее в рукописи: "хорошо"

¹⁴⁶⁹ Слова в рукописи нет

¹⁴⁷⁰ В рукописи: "именно"

¹⁴⁷¹ В рукописи вместо слов "в Петербурге" – "в моду"

¹⁴⁷² всякого

лавки, и там его показал¹⁴⁷³, прищурясь к свету и сказавши: "Отличный цвет. Сукно наваринского дыму¹⁴⁷⁴ с пламенем".

Сукно понравилось; о цене условились, хотя оно и "с прификсом", как утверждал купец. Тут произведено было ловкое дранье обеими руками. Заворочено¹⁴⁷⁵ оно было в бумагу, по-русски, с быстротой неимоверной¹⁴⁷⁶. Сверток завертелся под легкой бичевкой, охватившей его животрепещущим[?] узлом. Ножницы перерезали бичевку, и всё было уже¹⁴⁷⁷ в коляске¹⁴⁷⁸. Купец приподымал картуз. Приподымающий картуз <1 нрзб.> за причину: он вынул из кармана деньги.

"Покажите черного сукна", раздался голос¹⁴⁷⁹.

"Вот, чорт побери, Хлобуев", сказал про себя Чичиков и поворотился¹⁴⁸⁰, чтобы не видать его, находя неблагоразумным с своей <стороны> заводить с ним какое-либо объяснение насчет наследства. Но <он> уже его увидел.

"Что это, право, Павел Иванович, не с умыслом ли уходите от меня? Я вас нигде не могу найти, а ведь дела такого <рода?>, что нам нужно серьезно переговорить".

"Почтеннейший, почтеннейший", сказал Чичиков, пожимая ему руки¹⁴⁸¹: "поверьте, что всё хочу с вами побеседовать, да времени совсем нет"¹⁴⁸². А сам думал: "Чорт бы тебя побрал". И вдруг увидел входящего Муразова. "Ах, боже¹⁴⁸³, Афанасий Васильевич¹⁴⁸⁴. Как здоровье ваше?"

---

¹⁴⁷³ показывал

¹⁴⁷⁴ дыма

¹⁴⁷⁵ завернуто

¹⁴⁷⁶ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "Легкая бичевка схватила сверток животрепещущим узлом"

¹⁴⁷⁷ В рукописи вместо "уже" – "уложено"

¹⁴⁷⁸ Далее текст от слов "Купец..." и до слов "... из кармана деньги" в рукописи отсутствует

¹⁴⁷⁹ Далее в рукописи слово "в лавке"

¹⁴⁸⁰ Далее в рукописи слово "спиною"

¹⁴⁸¹ руку

¹⁴⁸² В рукописи стоит запятая – тире с союзом "и"

¹⁴⁸³ Боже мой!

¹⁴⁸⁴ В рукописи текст от слов "Как здоровье ваше?.." и до слов "... он вышел из лавки" заменен на следующий: "сказал Чичиков, вот приятное стечение! Внезапно очутившийся тут же в лавке повторил за ним и Вышнепопромов: Афанасий Васильевич! А благовоспитанный купец, отнеся шляпу от головы на столько на столько могла рука и всем тылом надавшись вперед, произнес: "Афанасий Васильевичу наше нижайшее почтение".

"Как вы?" сказал Муразов, снимая шляпу. Купец и Хлобуев сняли шляпу.

"Да вот поясница, да и сон как-то всё не то. Уж от того ли, что мало движения".

Но Муразов, вместо того, <чтобы углубиться> в причину припадков Чичикова, обратился к Хлобуеву: "А я, Семен Семенович, увидавши, что вы вошли в лавку, – за вами. Мне нужно кое-о-чем переговорить, так не хотите ли заехать ко мне?"

"Как же, как же", сказал поспешно Хлобуев и вышел с ним.

"О чем бы у них разговоры?" подумал <Чичиков>.

"Афанасий Васильевич – почтенный и умный человек", сказал купец: "и дело свое знает, но просветительности нет. Ведь купец

На лицах отпечаталась та собачья услужливость какую оказывает ушливый люд миллионщикам. Старик раскланявшись со всеми обратился прямо к Хлобуеву.

– Извините меня, я увидавши издали как вы пошли в лавку, решился вас побеспокоить. Если вам будет свободно и по дороге мимо моего дома, так сделайте милость зайдите на малость времени. Мне с вами нужно будет переговорить.

Хлобуев сказал: очень хорошо, Афанасий Васильевич.

– Какая прекрасная погода у нас Афанасий Васильевич, сказал Чичиков.

– Неправда ли Афанасий Васильевич подхватил Вышнепопрамов. Ведь это необыкновенно.

– Дас благодаря Бога недурно. Но нужно бы дождика для посева.

– Очень, очень бы нужно сказал Вышнепопрамов, даже и для охоты хорошо.

– Да дождика очень бы не мешало, сказал Чичиков которому совсем не нужно было дождика, но как-то уже приятно согласиться с тем у кого миллионы.

– У меня просто голова кружится, сказал Чичиков по выходе Муразова, как подумаете что у этого человека 10 миллионов, это просто даже невероятно.

– Противозаконная однако ж вещь сказал Вышнепопрамов, капиталы недолжно быть в одних руках. Это теперь предмет трактатов во всей Европе. Имеешь деньги... ну сообщай другим: угощай, давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам...

– Этого я не могу понять, сказал Чичиков. 10 миллионов, и живет как простой мужик. Ведь это с 10 миллионами чорт знает что можно сделать, ведь это можно так завести, что и общества другого у тебя не будет как генералы и князья.

– Да-с, прибавил купец у Афанасия Васильевича, при всех почтенных качествах непросветительности много. Если из нас для примера купец почетный, так он уже не купец, он некоторым образом есть уже негодичант. Я уже должен тогда взять и ложу в театре, а дочь уже я за простого полковника, нет-с не выдам: я за генерала ее выдам. Что мне полковник? Обед мне уже должна поставлять не кухарка, а кондитер.

– Да что говорить, помилуйте, сказал Вышнепопромов с десятью миллионами чего не сделаешь? Дайте мне 10 миллионов, я бы точно кое что сделал.

– Нет если бы мне теперь после этих страшных опытов! 10 миллионов, подумал Хлобуев. Опытном узнаем цену всякой копейки... Э! теперь бы я не так... и потом минуту подумавши спросил себя внутренне "точно бы теперь умней распорядился? И махнувши рукой прибавил: кой чорт! Я думаю так же бы растратил, как и прежде и вышел из лавки, сгорая желанием знать, что объявит ему Муразов"

есть негоциант, а не то, что купец. Тут с этим соединено и бюджет, и реакция, а иначе выйдет паувпуризм". Чичиков махнул рукой.

"Павел Иванович, я вас ищу везде", раздался позади голос Леницына. Купец почтительно снял шляпу.

"Ах, Федор Федорыч".

"Ради бога, едемте ко мне. Мне нужно переговорить", сказал <он>. Чичиков взглянул – на нем не было лица. Расплатившись с купцом, он вышел из лавки.

"Вас жду, <Семен Семенович>", сказал Муразов, увидевши¹⁴⁸⁵ входящего Хлобуева: "Пожалуйте ко мне в комнатку", и он повел Хлобуева в комнатку¹⁴⁸⁶, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья.

"Скажите, ведь теперь, я полагаю¹⁴⁸⁷, обстоятельства ваши получше? После тетушки все-таки вам досталось кое-что"¹⁴⁸⁸.

"Да как вам сказать, Афанасий Васильевич¹⁴⁸⁹. Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мне досталось всего пятьдесят душ крестьян и¹⁴⁹⁰ тридцать тысяч денег, которыми я должен был расплатиться с частью моих долгов, и у меня вновь ровно ничего. А главное дело¹⁴⁹¹, что дело по этому завещанью самое нечистое. Тут, Афанасий Васильевич, завелись такие мошенничества. Я вам сейчас расскажу, и вы подивитесь, что такое делается. Этот Чичиков..."

"Позвольте, <Семен Семенович>, прежде чем говорить об этом Чичикове¹⁴⁹², позвольте поговорить собственно о вас. Скажите мне¹⁴⁹³, сколько, по вашему заключению, было <бы> для вас удовлетворительно и достаточно затем¹⁴⁹⁴, чтобы совершенно выпутаться из обстоятельств?"

"Мои обстоятельства трудные", сказал Хлобуев. "Да чтобы выпутаться из обстоятельств, расплатиться совсем и быть в

---

¹⁴⁸⁵ увидавши

¹⁴⁸⁶ "в комнату". Далее в тексте все эти слова, а также "квартира", а не "квартирка" пишутся в таком написании

¹⁴⁸⁷ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "ваши обстоятельства получше"

¹⁴⁸⁸ В рукописи вопросительный знак

¹⁴⁸⁹ В рукописи восклицательный знак

¹⁴⁹⁰ да

¹⁴⁹¹ Слова "дело" в рукописи нет

¹⁴⁹² В рукописи: "человеке"

¹⁴⁹³ Слова "мне" в рукописи нет

¹⁴⁹⁴ В рукописи: "для того"

возможности жить самым умеренным образом, мне нужно, по крайней мере, 100 тысяч, если не больше¹⁴⁹⁵, словом, мне это невозможно".

"Ну, если бы это у вас было, как бы вы тогда повели жизнь свою?"

"Ну, я бы тогда нанял себе квартиру, занялся бы воспитанием детей, о себе нечего уже думать, карьер мой кончен¹⁴⁹⁶, я уж никуда не похужу".

"И все-таки жизнь останется праздная, а в праздности приходят искушения, о которых бы и не подумал человек, занявшись работою".

"Не могу, никуда не похужу: осовел, болит поясница".

"Да как же жить без работы? Как быть на свете без должности, без места? Помилуйте. Взгляните на всякое творенье¹⁴⁹⁷ божье: всякое чему-нибудь да служит, имеет свое отправление. Даже камень, и тот затем, чтобы употреблять¹⁴⁹⁸ на дело, а человек, разумнейшее существо, чтобы оставался без пользы. Статочное ли это дело?"

"Ну, да я все-таки не без дела. Я могу заняться воспитанием детей".

"Нет, Семен Семеныч, нет, это всего труднее. Как воспитать¹⁴⁹⁹ тому детей, кто сам себя не воспитал? Детей ведь только можно воспитать примером собственной жизни. А ваша жизнь годится им в пример? Чтобы выучиться разве тому, как <в> праздности проводить время да играть в карты? Нет, Семен Семеныч¹⁵⁰⁰, отдайте детей мне: вы их испортите. Подумайте не шутя: вас сгубила праздность¹⁵⁰¹. Вам нужно от ней бежать. Как жить на свете неприкрепленну¹⁵⁰² ни к чему? Какой-нибудь да должен исполнять долг. Поденщик, ведь и тот служит. Он ест грошовый хлеб, да ведь он его добывает и чувствует интерес своего занятия".

---

¹⁴⁹⁵ Далее текст "словом, мне это невозможно" в рукописи отсутствует

¹⁴⁹⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "на службу уж я никуда не похужу"

¹⁴⁹⁷ творение

¹⁴⁹⁸ В рукописи: "употребляли его"

¹⁴⁹⁹ В рукописи: "воспитывать детей тому"

¹⁵⁰⁰ Семенович

¹⁵⁰¹ В рукописи запятая

¹⁵⁰² неприкрепленному

"Ей-богу, пробовал, Афанасий Васильч¹⁵⁰³, старался преодолеть. Что ж делать, остарел¹⁵⁰⁴, сделался неспособен. Ну, как мне поступить? Неужели¹⁵⁰⁵ определить<ся> мне в службе? Ну, как же мне, в сорок пять лет, сесть за один стол с начинающими канцелярскими чиновниками? Притом я неспособен к взяткам, и себе помешаю, и другим поврежу. Там уж у них и касты свои образовались. Нет, Афанасий Васильч, думал¹⁵⁰⁶, пробовал, перебирал все места, везде буду неспособен. Только разве в богадельню..."¹⁵⁰⁷

"Богадельня <тем>, которые трудились; а тем, которые веселились всё время в молодости, отвечают, как муравей стрекозе: "Поди, попляши". Да и в богадельне сидя, тоже трудятся и работают, в вист не играют. Семен Семенович"¹⁵⁰⁸, говорил <Муразов>, смотря ему в лицо пристально "вы обманываете и себя и меня"¹⁵⁰⁹.

Муразов¹⁵¹⁰ глядел пристально ему в лицо, но бедный Хлобуев ничего не мог отвечать. Муразову стало его жалко.

"Послушайте <Семен Семенович>, но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вам хоть и не хочется рано вставать, но ведь вы встаете и идете, идете в четыре часа утра, когда никто не подымается".

"Это другое дело, Афанасий Васильевич. Я знаю, что это я делаю не для человека, но для того, кто приказал нам быть всем на свете. Что ж делать? Я верю, что он милостив ко мне, что как я ни мерзок, ни гадок, но он меня может простить и принять, тогда как люди оттолкнут ногою и наилучший из друзей продаст меня, да еще и скажет потом, что он продал из благой цели".

Огорченное чувство выразилось в лице <Хлобуева>¹⁵¹¹. Старик прослезился, но ничего не <1 нрзб.>

---

¹⁵⁰³ "Васильевич", и далее в рукописи в таком же написании

¹⁵⁰⁴ постарел

¹⁵⁰⁵ Далее: "мне определиться в службу"

¹⁵⁰⁶ Слова "думал" в рукописи нет

¹⁵⁰⁷ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "В богадельню?! Да ведь туда можно тем, которые"

¹⁵⁰⁸ Далее текста от слов "говорил Муразов..." и до слов "... пристально" в рукописи нет

¹⁵⁰⁹ "и семью". Далее в рукописи идут слова: "Говоря это, Муразов"

¹⁵¹⁰ Далее: "пристально глядел"

¹⁵¹¹ Далее в рукописи вместо слов: "Старик прослезился, но ничего не..." идет текст: "Муразов минуту помолчал как бы с тем, чтобы дать ему придти в себя, а сам прослезился и сказал: – Зачем же не возьмете вы должность не для человека и не для угождения обществу?" Далее слова "так" в рукописи нет

"Так послушайте же тому, который так милостив. Ему так же угоден труд, как и молитва. Возьмите какое ни есть¹⁵¹² занятие, но возьмите как бы вы делали для него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките¹⁵¹³ в ступе, но помышляйте только, что вы делаете для него. Уж этим¹⁵¹⁴ будет выгода, что для дурного не останется времени: для проигрыша в карты, для пирушки с объедалами, для светской¹⁵¹⁵ жизни. Эх, Семен Семенович! Знаете вы Ивана Потапыча?"

"Знаю и очень уважаю".

"Ведь хороший был торговец: полмиллиона было. Да как увидел во всем прибыток¹⁵¹⁶ – и распустился, пока он и изде<ржал> свое <2 нрзб.>. Сына по-французски стал учить, дочь за генерала. И уже не в лавке или в биржевой улице, а всё как бы встретить приятеля да затащить в трактир пить чай. Пил целые дни чай, ну и обанкрутился. А тут бог несчастье сыну пос<лал?> Теперь он, видите ли, приказчиком у меня. Начал сызнова¹⁵¹⁷. Дела-то поправились его. Он мог бы опять торговать на пятьсот тысяч. "Приказчиком был, приказчиком хочу и умереть¹⁵¹⁸. Теперь", говорит, "я стал здоров и свеж, а тогда у меня брюхо-де заводилось¹⁵¹⁹, да и водяная началась. Нет"¹⁵²⁰, говорит. И чаю он теперь в рот не берет. Щи да кашу, и больше ничего, да-с. А уж молится¹⁵²¹ он так, как никто из нас не молится. А уж помогает он бедным так, как никто из нас не помогает; а другой рад бы помочь, да деньги свои прожил"

Бедный Хлобуев задумался.

---

¹⁵¹²нибудь

¹⁵¹³толочь

¹⁵¹⁴тем

¹⁵¹⁵сидячей

¹⁵¹⁶ Текст от слов "прибыток..." до слов "... сыну послал?" в рукописи дан в такой редакции: "прибыль и развернулся. Все подавай ему на манер знатных, сына по-французски стал учить, дочь выдал за генерала, являлся в лавке или в биржевой улице, всё как бы встретить приятеля да затащит в трактир, пировал по целым дням, да и обанкрутился. А тут бог несчастье послал: сына не стало"

¹⁵¹⁷ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "Дело его поправилось"

¹⁵¹⁸ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "Говорит он теперь"

¹⁵¹⁹завалилось

¹⁵²⁰ Далее текст "говорит. И чаю он" в рукописи дан в такой редакции: "говорил, ничего он теперь"

¹⁵²¹ Далее текст от слов "он так..." и до слов "... нас не помогает" в рукописи дан в такой редакции: "а уж помагает он бедным как никто из нас не помогает". Далее слов "а другой рад бы помочь, да деньги свои прожил" в рукописи нет

Старик взял его за обе руки. "Семен Семенович! Если бы вы знали, как мне вас жалко. Я об вас всё время думал. И вот послушайте. Вы знаете, что в монастыре есть затворник, который никого не видит. Человек этот большого ума – такого ума, что я не знаю. Но уж если даст совет...¹⁵²² Я начал ему говорить, что вот¹⁵²³ у меня есть этакой приятель, но имени не сказал, что болеет он вот чем. Он начал слушать да вдруг прервал словами: "Прежде божье дело, чем свое. Церковь строят, а денег нет: собирать нужно на церковь". Да и захлопнул дверь. Я думал, что ж это значит? Не хочет, видно, дать совета. Да и зашел к нашему архимандриту. Только что я в дверь, а он мне с первых же слов¹⁵²⁴: не знаю ли я такого человека, которому бы можно было поручить сбор на церковь, который бы был или из дворян, или купцов, повоспитанней других, смотрел бы на¹⁵²⁵ <то>, как на спасение свое? Я так с первого же разу и остановился: "Ах, боже мой. Да ведь это схимник назначает эту должность Семену Семеновичу". Дорога для его болезни хороша. Переходя с книгой от помещика к крестьянину и от крестьянина к мещанину, он узнает и то, как кто живет и кто в чем нуждается. – Так что воротится потом, обошедши несколько губерний¹⁵²⁶, так узнает местность и край получше всех тех людей, которые живут в городах... А эдакие¹⁵²⁷ люди теперь нужны". Вот мне князь сказывал, что он много бы дал, чтобы достать такого чиновника¹⁵²⁸, который бы знал не по бумагам дело, а¹⁵²⁹ так, как они сейчас, на деле, потому что из бумаг, говорят, ничего уж не видать, так все запуталось".

"Вы меня совершенно смутили, сбили, Афанасий Васильевич", сказал Хлобуев¹⁵³⁰, в изумлении смотря <на него>. "Я даже не верю

---

¹⁵²² Далее "так совет"

¹⁵²³ Текст от слов "у меня есть..." до слов "... а денег нет" дан в рукописи в такой редакции: "есть у меня этакой приятель, по имени нечего называть, что он болеет, что он вот так и так он начал слушать, да вдруг прервал словами "прежде Божье дело, чем св.церковь строить, а денег нет, собирать"

¹⁵²⁴ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "не знаете ли такого человека, которому бы можно поручить сбор на церковь, который был бы из дворян, или купцов"

¹⁵²⁵ В рукописи далее: "это дело"

¹⁵²⁶ Далее слов "так" и "край" в рукописи нет

¹⁵²⁷ такие

¹⁵²⁸ человека

¹⁵²⁹ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "точно так как оно на самом деле"

¹⁵³⁰ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "смотря на него в изумлении"

тому, что вы точно¹⁵³¹ мне это говорите¹⁵³², для этого нужен неутомимый, деятельный человек. Притом как же мне бросить жену, детей¹⁵³³, которым есть нечего?"

"О супруге и детях не заботьтесь. Я возьму их на свое попечение, и учителя будут у детей¹⁵³⁴. Чем вам ходить с котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднее и лучше просить для бога. Я вам дам простую <кибитку>, тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дам вам на дорогу денег, чтобы вы могли мимоходом дать тем, которые посильнее других нуждаются. Вы здесь можете много добрых дел сделать. Вы уж не ошибетесь, а кому дадите, тот точно будет стоять. Эдаким образом ездя, вы точно узнаете всех¹⁵³⁵, кто и как. Это не то, что иной чиновник, которого все боятся¹⁵³⁶ и от которого <таятся>; а с вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговаряются".

"Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень <желал> исполнить хоть часть¹⁵³⁷; но, право, мне кажется, это свыше сил"¹⁵³⁸.

"Да что же по нашим силам?" сказал Муразов. "Ведь ничего нет по нашим силам. Всё свыше наших сил. Без помощи свыше ничего нельзя. Но¹⁵³⁹ молитва собирает силы. Перекрестясь, говорит человек: "Господи, помилуй", гребет и доплывает до берега. Об этом не нужно¹⁵⁴⁰ и помышлять долго; это нужно просто принять за повеленье божие. Кибитка будет вам сейчас готова; а вы забежите к отцу архимандриту за книгой и за благословеньем да и в дорогу".

"Повинуюсь вам и принимаю не иначе, как за указание божие". "Господи, благослови", сказал он внутренно и почувствовал, что бодрость и сила¹⁵⁴¹ стала проникать к нему в душу. Самый ум его

---

¹⁵³¹ Слова "точно" в рукописи нет

¹⁵³² В рукописи стоит знак точка

¹⁵³³ Далее в рукописи стоит многоточие и слов "которым есть нечего?" нет

¹⁵³⁴ у них

¹⁵³⁵ Далее в рукописи: "кто как живет"

¹⁵³⁶ В рукописи слов "и от которого <таятся>" нет

¹⁵³⁷ Далее: "ее"

¹⁵³⁸ Далее: "моих"

¹⁵³⁹ В рукописи "но" нет

¹⁵⁴⁰ Далее текст "и помышлять долго" идет в такой редакции: "долго думать"

¹⁵⁴¹ Вместо слов "стала проникать" в рукописи: "проникли"

как бы стал¹⁵⁴² пробуждаться надеждой на исход из своего печально неисходного положенья. Свет стал мерцать вдали...¹⁵⁴³

¹⁵⁴² Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "стал пробужден на исход из своего печально не сходного поведения. Свет начал ему мерцать в дали"

¹⁵⁴³ Далее в рукописи в скобках дана приписка: "(Тот же самый рассказ, но в виде более пространном. Предыдущий как видно был сокращением последующего). И далее идет этот текст: "Иван Потапыч был миллионщик, выдал дочерей своих за чиновников, жил как царь, а как обанкрутился, что ж делать? пошел в приказчики. Не весело было ему с серебряного блюда за простую миску. Казалось, что и руки ни к чему не поднимутся. Теперь Иван Потапыч мог бы опять хлестать из серебряного блюда, да уж не хочет. У него уже набралось бы опять пол миллиона, да он говорит: "Нет, Афанасий Васильевич служу я уже теперь не себе и не для себя, а потому что Бог так велел. Я о своей воле не хочу слушаться, так как бог иначе не говорит как устами лучших людей. Вы умнее меня, а потому не я отвечаю, а Вы... Вот что говорит Иван Потапыч, а он если сказать правду в несколько раз умнее меня.

– Афанасий Васильевич, вашу власть и я готов над собою принять, ваш слуга, что хотите отдаюсь Вам, но не давайте работы свыше сил. Я не Потапыч, я говорю Вам, ни на что доброе не гожусь.

– Не я-с, Семен Семенович наложу на Вас труд, а так как Вы хотели бы послужить так вот Вам богоугодное дело: строится в одном месте церковь доброхотным дательством благочестивых людей. Денег не достает, нужны сборы. Наденьте простую сибирку, ведь вы теперь простой человек, разорившийся дворянин и тот же нищий, что ж тут чиниться? Да с книгой в руках на простой тележке и отправляйтесь по городам и деревням. От архиерея вы получите благословение и шнурую книгу, да и с богом.

– Семен Семенович был изумлен этой совершенно новой деятельности. Гму ему все таки дворянину и некогда древнего рода отправляться с книгой в руках просить на церковь? Ему свхворостью трястись на телеге!? А между тем вывернуться и отклониться нельзя, дело богоугодное.

– Призадумался, сказал Муразов, Вы здесь две службы сослужите, одну службу Богу, а другую мне.

Какую же вам?

А вот какую, как вы отправитесь по тем местам где я еще не был, Вы узнаете на месте все, как там живут мужички, где побогаче, где терпят нужду и в каком состоянии все? Раскольники там и всякие-с бродяги смущают их против властей и порядков их восстанавливают. Вы человек умный, узнаете все это где от других смущение, а где от собственного беспокойного нрава, да и расскажете потом все мне. Я вам на всякий случай небольшую сумму дам на раздачу тем, которые уже и действительно терпят безвинно. С вашей стороны так же будет полезно утешать их словом и получше истолковать же то, что бог велит переносить безропотно и молиться в это время когда несчастливы, а не буйствовать и расправляться самим. Словом, говорите им, никого не возбуждая ни против кого а всех примиряя. Если Вы увидите в ком против кого бы то ни было ненависть употребите все усилия ее уничтожить.

– Афанасий Васильевич, дело, которое Вы мне поручаете, сказал Хлобуев, – святое дело, но вы вспомните кому Вы его поручаете. Поручить его можно человеку почти святой жизни, который бы и сам умел прощать другим.

– Да я и не говорю, чтобы Вы все это вы исполнили, а по возможности, что можно. Дело то в том, что все таки приедете с познанием тех мест и будете иметь понятие

Но, оставивши Хлобуева, обратимся к Чичикову¹⁵⁴⁴.

А между тем в самом деле по судам¹⁵⁴⁵ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которых и не слышал никто. Как птицы слетаются на мертвечину, так всё налетело на несметное имущество, оставшееся¹⁵⁴⁶ после старухи¹⁵⁴⁷: доносы на Чичикова, на подложность последнего завещания, доносы на подложность и первого завещания, улики в покраже и в утаении сумм. Явились даже улики на Чичикова в покупке мертвых душ, в провозе контрабанды во время бытности его еще при таможене. Выкопали всё, разузнали его прежнюю историю. Бог весть, откуда¹⁵⁴⁸ всё это пронюхали и знали¹⁵⁴⁹. Только были улики даже и в таких делах, об которых, думал Чичиков, кроме его и четырех стен, никто не знал.

в каком положении находится тот край. Чиновник не имеет возможности, да и мужик то с ним не будет откровенен. А вы прося на церковь вельнете ко всякому и к мещанину и к купцу и будете иметь случай расспросить всякого. Говорю Вам, что генерал-губернатор особенно теперь нуждается в таких людях и вестимо всяких канцелярских повышений, получить такое место, где не бесполезна будет ваша жизнь.

– Попробую, приложу старание, сколько хватит сил, сказал Хлобуев, и в голосе его было заметно ободрение, спина выпрямилась и слева приподнялась, как у человека, которому светит надежда.

– Вижу что вас бог наградил разумением и Вы знаете их же лучше нас близоруких людей. Теперь позвольте Вас спросить сказал Муразов, – что ж Чичиков и какого он рода?

– Про Чичикова я вам расскажу вещи не слыханные, делает он такие дела Знаете ли Афанасий Васильевич, что завещание ведь ложное, отыскалось настоящее, по которому все имение принадлежит воспитанницам.

– Что вы говорите? Да ложное-то завещание кто же смастерил?

– В том-то и дело, что премерзетнее дело – говорят Чичиков и что подписано завещание уже после смерти. Нарядили какую-то бабу на место покойницы и она уже подписала. Словом дело соблазнительнейшее. Тысячи просьб поступило со всех сторон. К Марье Еремеевне теперь подъезжают женихи, двое уж чиновных лиц и за ее дерутся. Вот какого рода дело, Афанасий Васильевич!

– Насильно. А я об этом негде, а дело точно не без греха. Павел Иванович Чичиков признаюсь для меня презагадочный сказал Муразов.

Я подал также просьбу от себя затем, чтобы напомнить, что существует ближайший наследник. А мне пусть их все передерутся, думал Хлобуев, выходя. Афанасий Васильевич не глуп: он даже мне это поручение верно обдумывал. Он стал думать о дороге на дороге в то время, когда Муразов все еще повторял себе: презагадочный для меня человек Павел Иванович Чичиков! Ведь если бы с этойкой волей и настойчивостью, да на доброе дело!"

¹⁵⁴⁴ В рукописи предложения от слов "Но, оставивши..." и до слов "... Чичикову" нет

¹⁵⁴⁵ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "шла просьба за просьбою"

¹⁵⁴⁶ Далее в рукописи: "по смерти старухи"

¹⁵⁴⁷ В рукописи знак точка

¹⁵⁴⁸ как

¹⁵⁴⁹ вызнали

Покамест всё это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя верная записка юрисконсульта, которую он вскоре получил, несколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткого содержания: "Спешу вас уведомить, что по делу будет возня, но помните, что тревожиться никак не следует. Главное дело – спокойствие. Обделаем всё". Записка¹⁵⁵⁰ эта успокоила совершенно его. "[Этот человек] точно гений", сказал Чичиков. В довершение хорошего, портной в это время принес платье. <Чичиков>¹⁵⁵¹ получил желанье сильное посмотреть на самого себя в новом фраке наваринского пламени с дымом¹⁵⁵². Натянул штаны, которые обхватили его чудесным образом со всех сторон¹⁵⁵³, так что хоть рисуй. Ляжки так славно обтянуло, икры тоже, сукно обхватило все малос<ти>, сообща им еще большую упругость. Как затянул он позади себя пряжку, живот стал точно барабан. Он ударил по нем тут щеткой, прибавив: "Ведь какой дурак, а в целом он составляет картину!" Фрак, казалось, был сшит еще лучше штанов: ни морщинки, все бока обтянул¹⁵⁵⁴, выгнулся на перехвате, показавши весь его перегиб. На замечанье¹⁵⁵⁵ Чичикова, <что> под правой мышкой немного жало, портной только улыбался: [от] этого еще лучше прихватывало по талии. "Будьте покойны, будьте покойны насчет работы", повторял он с нескрытым¹⁵⁵⁶ торжеством. "Кроме Петербурга, нигде так не сошьют". Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: *Иностранец из Лондона и Парижа*. Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, а пусть себе пишет из какого-нибудь¹⁵⁵⁷ Карлсеру или Копенгара.

Чичиков великодушно расплатился с портным и, оставшись один, стал рассматривать себя на досуге в зеркале, как артист с эстетическим чувством и *con amore*. (с любовью (итал.)) Оказалось,

---

¹⁵⁵⁰ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "Записка эта его совершенно успокоила. Точно гений сказал Чичиков. К довершению хорошего"

¹⁵⁵¹ В рукописи: "Он получил желание"

¹⁵⁵² В рукописи: "дыма с пламенем"

¹⁵⁵³ Далее текст в рукописи дан в такой редакции: "так хоть рисуй. Ляжки и икры тоже славно обтянули сукно, обхватило всю массу, сообща ей большую упругость, как затянул"

¹⁵⁵⁴ обтянуты

¹⁵⁵⁵ замечание

¹⁵⁵⁶ с каким то

¹⁵⁵⁷ Далее в рукописи: "Карисару и Копсигора"

что всё¹⁵⁵⁸ как-то было еще лучше, чем прежде: щечки интереснее, подбородок заманчивей, белые воротнички давали тон щеке, атласный синий галстук давал тон воротничкам. Новомодные складки манишки давали тон галстуку, богатый бархатный [жилет] давал [тон] манишке, а фрак наваринского дыма с пламенем¹⁵⁵⁹, блистая, как шелк, давал тон всему. Поворотился направо – хорошо!¹⁵⁶⁰ Поворотился налево – еще лучше! Перегиб такой, как у камергера или у такого господина, который так <и> чешет¹⁵⁶¹ по-французски, который, даже и рассердясь¹⁵⁶², выбраться не умеет на русском языке, а распечат французским диалектом. Деликатность такая! Он попробовал, склоня голову несколько на бок, принять позу, как бы адресовался к даме средних лет и последнего просвещения¹⁵⁶³: выходила, просто, картина¹⁵⁶⁴. Художник, бери кисть и пиши. В удовольствии, он совершил тут же легкой прыжок, вроде антраша. Вздрогнул комод и шлепнула¹⁵⁶⁵ на землю склянка с одеколоном; но это не причинило никакого помешательства; он назвал, как и следовало, глупую склянку душой и подумал: "К кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше..." Как вдруг в передней¹⁵⁶⁶ вроде некоторого бряканья сапогов со шпорами, и жандарм¹⁵⁶⁷ в полном вооружении, как <будто> в лице его было целое войско: "Приказано сей же час явиться к генерал-губернатору". Чичиков так и обомлел. Перед ним торчало страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, крупнейший палаш привешен к боку. Ему показалось¹⁵⁶⁸, что при другом боку висело и ружье, и чорт знает что. Целое войско в одном¹⁵⁶⁹ только. Он начал было возражать¹⁵⁷⁰, [страшило] грубо заговорил:

¹⁵⁵⁸ Далее в рукописи: "было как то лучше чем"

¹⁵⁵⁹ Далее в рукописи слов "блистая, как шелк" нет

¹⁵⁶⁰ В рукописи стоит запятая

¹⁵⁶¹ В рукописи: "режет"

¹⁵⁶² Далее текст "выбраться не умеет на русском языке, а распечат" в рукописи дан в такой редакции: "нестрашит себя непристойным словом на русском языке а распечат"

¹⁵⁶³ В рукописи знаки запятая и тире

¹⁵⁶⁴ В рукописи знак двоеточие

¹⁵⁶⁵ шлепнулась

¹⁵⁶⁶ Далее в рукописи: "послышалось"

¹⁵⁶⁷ Далее в рукописи: "вошел"

¹⁵⁶⁸ казалось

¹⁵⁶⁹ Далее в рукописи: "лице, да и только!"

¹⁵⁷⁰ Далее в рукописи: "но грубо говорил страшилище"

"Приказано сей же час"¹⁵⁷¹. Сквозь дверь в переднюю он увидел, что там мелькало и другое страшило¹⁵⁷²; взглянул в окошко¹⁵⁷³, и экипаж. Что тут делать? Так, как был во фраке наваринского плаени с дымом¹⁵⁷⁴, должен был сесть и, дрожа всем телом, отправился к генерал-губернатору, и жандарм с ним. В передней не дали даже и опомнить<ся> ему. "Ступайте¹⁵⁷⁵, вас князь уже ждет", сказал дежурный чиновник. Перед ним, как в тумане, мелькнула передняя с курьерами, принимавшими пакеты, потом зала¹⁵⁷⁶, через которую он прошел, думая только: "вот как схватит, да без суда, без всего, прямо в Сибирь". Сердце его забилося с такой силою, с какой не бьется даже у наиревнивейшего¹⁵⁷⁷ любовника. Наконец, растворилась роковая¹⁵⁷⁸ дверь, предстал кабинет с портфелями, шкафами и книгами, и князь, гневный, как сам гнев.

"Губитель, губитель!" сказал¹⁵⁷⁹ Чичиков¹⁵⁸⁰: "Погубит он мою душу. Зарежет, как волк агнца".

"Я вас пощадил, я позволил вам остаться в городе, тогда как вам следовало¹⁵⁸¹ бы в острог. А вы запятнали себя вновь¹⁵⁸² бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо запятнал себя человек". Губы князя дрожали от гнева.

"Каким же, ваше сиятельство, бесчестнейшим поступком и мошенничеством?" спросил Чичиков, дрожа всем телом.

"Женщина", произнес князь, подступая несколько ближе и смотря прямо в глаза Чичикову: "женщина, которая подписывала по вашей диктовке завещание, схвачена и станет с вами на очную ставку".

Свет помутился в очах¹⁵⁸³ Чичикова¹⁵⁸⁴.

---

¹⁵⁷¹ Далее текст в рукописи от слов "сквозь дверь..." и до слов "... страшило" дан в такой редакции: "он выглянул сквозь дверь в переднюю и увидел"

¹⁵⁷² страшилище

¹⁵⁷³ Далее в рукописи: "на дворе экипаж"

¹⁵⁷⁴ дыма с пламенем

¹⁵⁷⁵ Далее в рукописи слово "же"

¹⁵⁷⁶ В рукописи нет слов "потом зала"

¹⁵⁷⁷ найпреревнейшего

¹⁵⁷⁸ В рукописи вместо слова "роковая" – "перед ним"

¹⁵⁷⁹ подумал

¹⁵⁸⁰ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "Он меня задушит как волк ягненка"

¹⁵⁸¹ Далее в рукописи: "быть в остроге"

¹⁵⁸² Слова "вновь" в рукописи нет

¹⁵⁸³ в глазах

¹⁵⁸⁴ Далее в рукописи: "бледного как полотно"

"Ваше сиятельство, скажу всю истину дела. Я виноват; точно, виноват, но не так виноват: меня обнесли враги".

"Вас не может никто обнесть, потому что в вас мерзостей в несколько раз больше того, что может <выдумать> последний лжец. Вы во всю жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела. Всякая копейка, добытая вами, добыта бесчестнейшим образом, есть воровство и бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь. Нет, теперь полно. С сей же минуты будешь отведен в острог и там, нарядом¹⁵⁸⁵ с последними мерзавцами и разбойниками, ты должен <ждать> разрешенья участи своей. И это милостиво¹⁵⁸⁶ еще, потому¹⁵⁸⁷ что <ты> хуже их в несколько <раз>: они в армяке и тулупе, а ты..." Он взглянул на фрак наваринского пламени с дымом и, взявшись за шнурок, позвонил.

"Ваше сиятельство", вскрикнул Чичиков: "умилосердитесь. Вы¹⁵⁸⁸ отец семейства. Не меня пощадите, старуха-мать".

"Врешь", вскрикнул гневно князь. "Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь матью".

"Ваше сиятельство, я мерзавец и последний негодяй", сказал Чичиков голосом¹⁵⁸⁹ (*Не дописано.*) "Я действительно лгал, я не имел ни детей, ни семейства; но, вот бог свидетель, я всегда хотел иметь жену, исполнить долг человека и гражданина, чтобы действительно потом¹⁵⁹⁰ заслужить уважение граждан и начальства. Но что за бедственные стечения обстоятельств. Кровью¹⁵⁹¹, ваше сиятельство, кровью нужно было добывать насущное существование. На всяком шагу соблазны и искушение...¹⁵⁹² враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн, по воле ветров. Я человек, ваше сиятельство".

---

¹⁵⁸⁵ Слова "нарядом" в рукописи нет

¹⁵⁸⁶ мало

¹⁵⁸⁷ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "что хуже ты в несколько раз, чем те, что в армяках и тулупах, а ведь ты... Он взглянул на фрак наваринского дыма с пламенем"

¹⁵⁸⁸ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "хоть над семейством. Не меня пощадите, старуху-мать"

¹⁵⁸⁹ Слов "голосом (*Не дописано.*)" в рукописи нет

¹⁵⁹⁰ Слов "чтобы действительно потом" в рукописи нет

¹⁵⁹¹ В рукописи слова "кровью" нет

¹⁵⁹² "искушения". В рукописи многоточия здесь нет, они идут после слова "похитители"

Слезы вдруг хлынули ручьями из глаз его. Он повалился в ноги князю, так, как был: во фраке наваринского пламени с дымом¹⁵⁹³, в бархатном жилете, атласном галстуке, чудесно сшитых штанах и головной прическе, изливавшей ток сладкого дыханья первейшего одеколона.

"Поди прочь от меня. Позвать¹⁵⁹⁴, чтобы его взяли, солдат", сказал князь взошедшим.

"Ваше сиятельство", кричал <Чичиков> и обхватил¹⁵⁹⁵ обеими руками сапог князя¹⁵⁹⁶.

Чувство содроганья пробежало по всем¹⁵⁹⁷ жилам <князя>. "Подите прочь, говорю вам", сказал он, усиливаясь вырвать свою ногу из объятия¹⁵⁹⁸ Чичикова.

"Ваше сиятельство, не сойду с места, покуда не получу милости", говорил <Чичиков>, не выпуская¹⁵⁹⁹, сжимая сапог князя к груди и проехавшись, вместе с ногой, по полу во фраке наваринского пламени и дыма¹⁶⁰⁰.

"Подите, говорю вам", говорил он¹⁶⁰¹ с тем неизъяснимым чувством отвращения¹⁶⁰², какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духу¹⁶⁰³ раздавить ногой. Он встряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок, но не выпустил сапога и¹⁶⁰⁴ еще <с> большей силой держал <его>¹⁶⁰⁵ в своих объятиях. Два дюжих жандарма в силах¹⁶⁰⁶ оттащили его и, взявши под руки, повели через все комнаты. Он был бледный, убитый, в том бесчувственно-страш-

---

¹⁵⁹³ "дыма с пламенем". Далее текст идет в такой редакции: "в бархатном желете, в атласном галстуке, в чудесно сшитых штанах и ударился лбом головной прической, изливавший ток"

¹⁵⁹⁴ Далее текст в рукописи идет в такой редакции: "позвать солдат, чтобы его взяли", сказал князь взошедшему"

¹⁵⁹⁵ обхватив

¹⁵⁹⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "чувства содрагания пробежали по всем его жилам"

¹⁵⁹⁷ Далее текст дан в такой редакции: "его жилам. – Подите прочь, говорю вам, сказал князь"

¹⁵⁹⁸ из объятий

¹⁵⁹⁹ и прижимая

¹⁶⁰⁰ дыма с пламенем

¹⁶⁰¹ князь

¹⁶⁰² отвращения

¹⁶⁰³ духа

¹⁶⁰⁴ а

¹⁶⁰⁵ ногу

¹⁶⁰⁶ на силу

ном состоянии, в каком бывает человек, видящий перед собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему. В самых дверях на лестницу¹⁶⁰⁷ навстречу Муразов. Луч надежды вдруг скользнул. В один миг, с силой неестественной вырвался он из рук обоих жандармов и бросился в ноги изумленному старику.

"Батюшка, Павел Иванович, что с вами?"

"Спасите, ведут в острог, на смерть". Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать¹⁶⁰⁸.

Промозглый, сырой чулан, с запахом сапогов и онуч¹⁶⁰⁹ гарнизонных солдат, некрашенный стол, два скверных стула, с железной решеткой окно, дряхлая¹⁶¹⁰ печь, сквозь щели которой только¹⁶¹¹ дымил, а тепла не давало, вот обиталище, где помещен был наш <герой>¹⁶¹², уже было¹⁶¹³ начинавший вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественников, в тонком новом фраке наваринского пламени и дыма¹⁶¹⁴. Не дали даже ему распорядиться взять с собой необходимые вещи, взять шкатулку, где были деньги¹⁶¹⁵, быть может, достаточные¹⁶¹⁶. Бумаги, крепости на мертвые <души>, всё было теперь у чиновников. Он повалился на землю, и безнадежная грусть плотоядным червем обвилась около его сердца. С возрастающей быстротой стала¹⁶¹⁷ точить она это сердце, ничем не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свете. Но и над Чичиковым не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Час спустя двери тюрьмы растворились¹⁶¹⁸; взошел старик Муразов.

Если бы терзаемому¹⁶¹⁹ палящей жадой, покрытому прахом и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влил кто в

¹⁶⁰⁷ на лестнице встретил его

¹⁶⁰⁸ дослышать

¹⁶⁰⁹ В рукописи слово "онуч" заменено другим, но его прочесть трудно

¹⁶¹⁰ Слова "дряхлая" в рукописи нет

¹⁶¹¹ Слова "только" в рукописи нет

¹⁶¹² Вместо слов "наш герой" – "Чичиков"

¹⁶¹³ Слова "было" в рукописи нет

¹⁶¹⁴ дыма с пламенем

¹⁶¹⁵ Далее в рукописи слов "быть может достаточные" нет

¹⁶¹⁶ После запятой слово "бумаги" с маленькой буквы

¹⁶¹⁷ Далее в рукописи: "стала она точить это ничем не защищенное сердце. Еще день такой грусти и не"

¹⁶¹⁸ Далее слова "и взошел"

¹⁶¹⁹ Слова "истерзанному" нет

засохнувшее горло струю ключевой воды¹⁶²⁰, – не так бы ею он¹⁶²¹ освежился¹⁶²², не так оживился, как оживился бедный [Чичиков].

"Спаситель мой!" сказал Чичиков¹⁶²³, вдруг схватившись¹⁶²⁴ с полу, на который бросился в разрывающей его печали, вдруг¹⁶²⁵ его руку быстро поцеловал¹⁶²⁶ и прижал к груди. "Бог да наградит вас за то, что посетили несчастного". Он залился слезами.

Старик глядел на него скорбно-болезненным взором и говорил только: "Ах, Павел¹⁶²⁷, Павел Иванович, Павел Иванович, что вы сделали?"

"Что ж делать! Сгубила¹⁶²⁸ проклятая! Не знал меры; не сумел во-время остановиться. Сатана проклятый дале обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил¹⁶²⁹. Но только как же можно этак поступить? Дворянина, дворянина, без суда, без следствия, бросить¹⁶³⁰ в тюрьму. Дворянина, Афанасий Васильевич. Да ведь как же не дать время¹⁶³¹ зайти к себе, распорядиться с вещами? Ведь там у меня всё осталось теперь без присмотра. Шкатулка, Афанасий Васильевич, шкатулка, ведь там всё имущество. Потом приобрел, кровью, летами трудов, лишений... Шкатулка, Афанасий Васильевич. Ведь всё украдут, разнесут... О, боже!"

И, не в силах будучи удержать порыва вновь подступившей к сердцу грусти, он громко зарыдал голосом, проникнувшим толщу¹⁶³² стен острога и глухо отозвавшимся в отдалении, сорвал с себя атласный галстук и, схвативши рукою около воротника, разорвал на себе фрак наваринского¹⁶³³ пламени с дымом.

---

¹⁶²⁰ Далее вместо слов "не так бы ею он освежился" в рукописи: "потоки бы его освежил"

¹⁶²¹ Далее в рукописи: "... его и подкрепил"

¹⁶²² В рукописи слов "не так оживился" нет

¹⁶²³ он

¹⁶²⁴ вскочивши

¹⁶²⁵ Вместо слова "вдруг" – "схватив"

¹⁶²⁶ Далее в рукописи слово "ее"

¹⁶²⁷ В рукописи слова "Павел" нет

¹⁶²⁸ Далее в рукописи: "проклятое незнание меры"

¹⁶²⁹ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "– но только как же можно этак поступить? Дворянину! Дворянину!"

¹⁶³⁰ Далее в рукописи: "в тюрьму дворянина, Афанасий Васильевич!"

¹⁶³¹ времени

¹⁶³² толщину

¹⁶³³ Далее в рукописи: "дыма с пламенем"

"Ах, Павел Иванович, как вас ослепило это имущество. Из-за него вы не видали страшного своего положения".

"Благодетель, спасите, спасите", отчаянно закричал бедный¹⁶³⁴ Павел Иванович, повалившись к нему в ноги. "Князь вас любит, для вас всё сделает".

"Нет, Павел Иванович, не могу, как бы ни хотел, как бы ни желал. Вы подпали под неумолимый закон, а не под власть какого человека".

"Искусил¹⁶³⁵ шельма сатана, изверг человеческого рода!"¹⁶³⁶

Ударился головою в стену, а рукой хватил по столу так, что разбил в кровь кулак, но ни боли в голове, ни жесткости удара не почувствовал.

"Павел Иванович, успокойтесь, подумайте, как бы примириться с богом, а не с людьми; о бедной душе своей помыслите".

"Но ведь судьба какая, Афанасий Васильевич. Досталась ли хоть одному человеку такая судьба? Ведь с терпением¹⁶³⁷, можно сказать, кровавым добывал копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбил или казну обворовал, как делают¹⁶³⁸. Зачем добывал копейку? Затем, чтобы [в довольстве остаток дней прожить; оставить что-нибудь детям, которых намеревался приобрести для блага, для службы отечеству]. Вот для чего хотел приобрести. Покривил, не спорю, покривил¹⁶³⁹. Что ж делать? Но ведь покривил только тогда, когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь¹⁶⁴⁰ и что косой дорогой больше напрямик. Но ведь я трудился, я изощрялся. Если брал, так с богатых. А эти мерзавцы, которые по судам берут тысячи с казны, не богатых людей грабят, последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего¹⁶⁴¹. Что ж за несчастье такое,

---

¹⁶³⁴ Слова "бедный" в рукописи нет

¹⁶³⁵ В рукописи: "Сам искусил"

¹⁶³⁶ Далее в рукописи: "сказав это, он"

¹⁶³⁷ терпением

¹⁶³⁸ Далее текст от слов "Зачем добывали..." и до слов "... детям, которых" в рукописи дан в такой редакции: "добывал копейку за тем, чтобы в довольстве пожить, оставить жене, детям"

¹⁶³⁹ Слова "покривил" в рукописи нет

¹⁶⁴⁰ Далее в рукописи слов "и что комой дорогой больше напрямик" нет

¹⁶⁴¹ Далее текст от слов "Что ж за..." до слов "... среди волн" в рукописи дан в такой редакции: "Что за несчастье такое? Скажите, всякий раз как только начинаешь достигать плодов и, так сказать уже коснешься рукой, вдруг буря, подводный камень, сокрушение в щепки всего корабля... Вот тысяч тридцать было капитала, трехэтажный дом два раза был уже, уже деревню покупал... Ах Афанасий

скажите, – всякой раз, что как только начинаешь достигать плодов и, так сказать, уже касаться рукой... вдруг буря, подводный камень, сокрушение в щепки всего корабля. Вот по<д> три<ста> тысяч было капиталу. Трехэтажный дом был уже. Два раза уже деревню покупал. Ах, Афанасий Васильевич, за что ж такая <судьба>? За что ж такие удары? Разве и без того жизнь моя не была как судно среди волн? Где справедливость небес? Где награда за терпенье¹⁶⁴², за постоянство беспримерное? А ведь я три раза сызнова начинал; всё потерявши, начинал вновь с копейки, тогда как иной давно бы с отчаянья запил и сгнил в кабаке. Ведь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Ведь всякая <копейка> выработана, так сказать, всеми силами души... Положим, другим доставалось легко, но ведь для меня была всякая копейка, как говорит пословица, алтынным гвоздем прибита, и эту алтынным гвоздем прибитую копейку я доставал, видит бог, с этакой железной неумоимостью"¹⁶⁴³.

Он не договорил, зарыдал громко от нестерпимой боли сердца, упал на стул и оторвал совсем висевшую разорванную полу фрака, и швырнул ее прочь от себя, и, запустивши обе руки себе в волосы, об укрепленьи которых прежде старался, безжалостно рвал их, услаждаясь болью, которою хотел заглушить ничем неугасимую боль сердца.

Долго сидел молча пред ним Муразов, глядя на это необыкновенное <страдание>¹⁶⁴⁴, в первый раз им виданное. А несчастный ожесточенный человек, еще недавно порхавший вокруг с развязной ловкостью светского или военного человека, метался теперь в растрепанном, непристойном <виде>, в разорванном фраке и

Васильевич, за что такие удары? Разве без того жизнь моя не была как судно среди волн!"

¹⁶⁴² терпение

¹⁶⁴³ Далее текст от слов "Он не договорил..." и до слов "... об укрепленьи" дан в рукописи в такой редакции: "Неумоимостию... (он не договорил). Громко от нестерпимой боли сердца он зарыдал и упал на стул и оторвал совсем висевшую полу фрака и швырнул ее прочь от себя и запустивши обе руки себе в волосы, об укреплении"

¹⁶⁴⁴ Слова "страдание" в рукописи нет. Далее текст от слов "в первый раз..." и до слов "... с окровавленным" в рукописи дан в такой редакции: "в первый раз им увиденное неистовство ожесточенного человека. Еще недавно порхавший вокруг с развязною ловкостью светского или военного человека метался теперь в растрепанном, непристойном, разорванном фраке и расстегнутых шароварах с окровавленным"

расстегнутых шароварах, <с> окровавленным разбитым кулаком, изливая хулу на враждебные силы, перечащие человеку.

"Ах, Павел Иванович, Павел <Иванович>. Я думаю о том¹⁶⁴⁵, какой бы из вас был человек, если бы¹⁶⁴⁶ так же, и силою и терпением, да подвизались бы на¹⁶⁴⁷ добрый труд, имея лучшую цель. Боже мой, сколько бы вы наделали добра! Если бы хоть кто-нибудь¹⁶⁴⁸ из тех людей, которые любят добро, да употребили бы столько усилий для него, как вы для добыванья своей копейки, да сумели бы так пожертвовать для добра и собственным самолюбием, и честолубием, не жалея себя¹⁶⁴⁹, как вы не жалели для добыванья своей копейки, боже мой, как процветала¹⁶⁵⁰ <бы> наша земля! Павел Иванович¹⁶⁵¹, Павел Иванович! Не то жаль, что виноваты вы стали пред другими, а то жаль, что пред собой стали виноваты – перед богатыми силами и дарами¹⁶⁵², которые достались в удел¹⁶⁵³ вам. Назначенье ваше – быть великим человеком, а вы себя запропастили и погубили"¹⁶⁵⁴.

Есть¹⁶⁵⁵ тайны души. Как бы ни далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твердо в своей совращенной жизни; но если попрекнешь его им же, его же достоинствами, им опозоренными, в нем <всё> поколеблется неволью, и весь он потрясется.

"Афанасий Васильевич", сказал бедный Чичиков и схватил¹⁶⁵⁶ его обеими руками за руки: "О, если бы удалось мне освобо-

---

¹⁶⁴⁵ Слов "Я думаю о том" в рукописи нет

¹⁶⁴⁶ Далее в рукописи: "с такою же силою"

¹⁶⁴⁷ Далее в рукописи: "на добром пути"

¹⁶⁴⁸ что-нибудь

¹⁶⁴⁹ В рукописи слов "как вы не жалели" нет

¹⁶⁵⁰ процвела

¹⁶⁵¹ В рукописи обращение "Павел Иванович" дано один раз

¹⁶⁵² ударами

¹⁶⁵³ В рукописи слов "в удел" нет

¹⁶⁵⁴ загубили

¹⁶⁵⁵ Далее текст от слов "есть тайны души..." и до слов "... он потрясется" в рукописи дан в такой редакции: "Есть тайна души: как бы не далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твердел в своей совращенной жизни, и если попрекнуть его им же, его же достоинствами им опозоренными в нем пробудится душа неволью и весь он потеряется"

¹⁶⁵⁶ схватил его

даться¹⁶⁵⁷, возратить мое имущество. Клянусь вам, повел бы отныне совсем другую жизнь. Спасите, благодетель, спасите!"

"Что ж могу я сделать? Я должен воевать с законом. Положим, если бы я даже и решился на это, но ведь князь справедлив, – он ни за что не отступит".

"Благодетель, вы всё можете сделать. Не закон меня утратит¹⁶⁵⁸, я перед законом найду средства, но то, что неповинно¹⁶⁵⁹ я брошен в тюрьму, что я пропаду здесь, как собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите". Он обнял ноги старика, облил их слезами.

"Ах, Павел Иванович, Павел Иванович", говорил старик Муразов, качая <головой>: "как вас ослепило это имущество. Из-за него вы и бедной души своей не слышите".

"Подумаю и о душе, но спасите".

"Павел Иванович", сказал старик Муразов и остановился... "Спаси вас не в моей власти, вы сами видите. Но приложу старанье, какое¹⁶⁶⁰ могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сделать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павел Иванович, я попрошу у вас награды¹⁶⁶¹ за труды: бросьте все эти поползновенья¹⁶⁶² на эти приобретения. Говорю вам по чести забудут¹⁶⁶³, что если бы я и всего лишился моего имущества, а у меня его больше, чем у вас, я бы не заплакал. Ей, ей, <дело> не в этом имуществе, которое могут у меня конфисковать, а в том, которого никто не может украсть и отнять. Вы уж пожили на свете довольно. Вы сами называете жизнь свою судном среди волн. У вас есть уже чем прожить остаток дней. Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям, или, если знобит сильное желанье оставить по себе потомков, женитесь на небогатой, доброй девушке, привыкшей к умеренности и простому хозяйству. Забудьте этот шумный мир и все его обольстит<ельные> прихоти. Пусть и он вас позабудет. В

---

¹⁶⁵⁷ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "возратить бы мое имущество, клянусь"

¹⁶⁵⁸ утратает

¹⁶⁵⁹ В рукописи слова "неповинно" нет

¹⁶⁶⁰ старание как

¹⁶⁶¹ награду

¹⁶⁶² поползновения

¹⁶⁶³ Слова "будут" в рукописи нет

нем нет успокоенья¹⁶⁶⁴. Вы видите: всё в нем¹⁶⁶⁵ враг, искуситель или предатель".

"Непременно, непременно. Я уже хотел, уже намеревался повести жизнь, как следует, думал¹⁶⁶⁶ заняться хозяйством, умерить жизнь¹⁶⁶⁷. Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, чорт, исчадьё".

Какие-то неведомые дотолё¹⁶⁶⁸, незнакомые чувства, ему необъяснимые, пришли к нему. Как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то далеко, что-то заранее подавленное из детства суровым, мертвым поученьем, бесприветностью скучного детства, пустынностью родного жилища, бессемейным одиночеством, нищетой и бедностью первоначальных впечатлений, и как будто то, что <было подавлено> суровым взглядом судьбы, взглянувший на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимней вьюгой [окно, хотело вырваться на волю]. Стенанье изнеслось из уст его, и, наложив¹⁶⁶⁹ обе ладони на лицо свое, скорбным голосом произнес он: "Правда, правда".

"И познание¹⁶⁷⁰ людей, и опытность не помогли на незаконном основаньи. А если бы к этому да основанье¹⁶⁷¹ законное... Эх, Павел Иванович¹⁶⁷², зачем вы себя погубили?¹⁶⁷³ Проснитесь: еще не поздно. Есть еще время".

"Нет, поздно, поздно"¹⁶⁷⁴, застонал он голосом, от которого у Муразова чуть не разорвалось сердце. "Начинаю чувствовать, слышу, что не так, не так¹⁶⁷⁵ иду, и что далеко¹⁶⁷⁶ отступился от пря-

---

¹⁶⁶⁴ успокоения

¹⁶⁶⁵ В рукописи вместо слов "все в нем" – "всюду"

¹⁶⁶⁶ душе

¹⁶⁶⁷ Далее в рукописи слов "Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, чорт, исчадьё" нет

¹⁶⁶⁸ Далее текст от слов "незнакомые чувства..." в и до слов "...стенанье" в рукописи дан в такой редакции: "необыкновенные чувства явились в нем как будто ожило в нем что-то далекое, что-то прежде созданное, что-то подавленное из детства суровым мертвым поучением, бесприветливостию скучного детства виде пустынностию родного жилища, безуспешным одиночеством, нищетой и бедностию первоначальных впечатлений, суровым взглядом судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное стекло, занесенное зимней вьюгой. Стенание"

¹⁶⁶⁹ положив

¹⁶⁷⁰ познание

¹⁶⁷¹ основание

¹⁶⁷² Восклицательный знак

¹⁶⁷³ Восклицательный знак

¹⁶⁷⁴ Восклицательный знак

¹⁶⁷⁵ В рукописи повторения слов "не так" нет

мого <пути>, но уже не могу. Нет, не так воспитан¹⁶⁷⁷. Отец мне твердил нравоченья, бил, заставлял переписывать с нравственных правил, а сам крал передо мною у соседей лес и меня еще заставлял помогать ему. Завязал при мне неправую тяжбу; развернул сиротку, которой он был опекуном. Пример сильнее¹⁶⁷⁸ правил. Вижу, чувствую, Афанасий Васильевич, что жизнь веду не такую, но нет большого отвращенья¹⁶⁷⁹ от порока: огрубела натура, нет любви к добру¹⁶⁸⁰, этой прекрасной склонности к делам богоугодным¹⁶⁸¹, обращающейся в натуру¹⁶⁸², в привычку. Нет такой охоты подвизаться для добра, какова¹⁶⁸³ есть для полученья¹⁶⁸⁴ имущества. Говорю правду – что ж делать¹⁶⁸⁵.

Сильно вздохнул старик.

"Павел Иванович, у вас столько воли, столько терпенья. Лекарство горько, но ведь больной принимает же его, зная, что иначе не выздоровеет. У вас нет любви к добру, – делайте добро насильно, без любви к нему. Вам это зачтется еще в большую заслугу, чем тому, кто делает добро по любви к нему. Заставьте <себя>¹⁶⁸⁶ только несколько раз, – потом получите и любовь. Поверьте, всё делается. Царство нудится, сказано нам. Только насильно пробираясь к нему, насильно нужно пробираться, брать его насильно, Эх, Павел Иванович, ведь <у> вас есть эта сила, которой нет у других, это железное терпенье – и вам ли не одолеть? Да вы, мне кажется, были бы богатырь. Ведь теперь люди без воли все, слабые".

Заметно было, что слова эти вонзились¹⁶⁸⁷ в самую душу Чичикову и задели что-то славлюбивое¹⁶⁸⁸ на дне ее. Если не решимость, то что-то крепкое и на нее похожее блеснуло в глазах его.

---

¹⁶⁷⁶ недалеко

¹⁶⁷⁷ воспитался

¹⁶⁷⁸ сильнее

¹⁶⁷⁹ отвращения

¹⁶⁸⁰ В рукописи далее идет слово "нет"

¹⁶⁸¹ благородным

¹⁶⁸² В рукописи слов "в натуру" нет

¹⁶⁸³ какая

¹⁶⁸⁴ получения

¹⁶⁸⁵ В рукописи далее текст идет в такой редакции: "Сильно вздрогнул старик. "Павел Иванович, у вас столько воли, терпения"

¹⁶⁸⁶ Далее текст в рукописи идет в такой редакции: "несколько раз только сделать добро, потом получите и любовь, поверьте все так делается... Царство даст, сказано нам, только насильно пробираясь к нему... Да насильно нужно пробираться, брать его насильно"

¹⁶⁸⁷ въелись

¹⁶⁸⁸ самолюбивое

"Афанасий Васильевич", сказал он твердо: "если только вымолите мне избавление и средства уехать отсюда с каким-нибудь имуществом, я даю вам слово начать другую <жизнь>: куплю деревеньку, сделаюсь хозяином, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другим, буду делать добро, сколько будет сил. Позабуду себя и всякие городские объеденья и пиршества, поведу простую, трезвую¹⁶⁸⁹ жизнь".

"Бог вас да подкрепит в этом намерении", сказал образованный старик. "Буду стараться изо всех сил, чтобы вымолить у князя ваше освобождение. Удастся или не удастся, это бог <знает>. Во всяком случае, участь ваша, верно, смягчится. Ах, боже мой! обнимите же¹⁶⁹⁰, позвольте мне вас обнять. Как вы меня, право¹⁶⁹¹, обрадовали! Ну, с богом, сейчас же иду к князю".

Чичиков остался <один>.

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердейший из металлов, всех долее¹⁶⁹² противящийся огню: когда усилит<ся>¹⁶⁹³ в горниле огонь, дуют мехи¹⁶⁹⁴ и восходит¹⁶⁹⁵ нестерпимый жар огня до<верху>¹⁶⁹⁶ – белеет упорный металл¹⁶⁹⁷ и превращается также в жидкость; подается и крепчайший¹⁶⁹⁸ муж в горниле несчастий, когда, усиливаясь, они нестерпимым огнем своим жгут отверделую природу.

"Сам не умею¹⁶⁹⁹ и не чувствую, но все силы употреблю, чтобы¹⁷⁰⁰ другим дать почувствовать; сам дурной и ничего не умею¹⁷⁰¹, но все силы употреблю, чтобы других настроить¹⁷⁰²; сам дурной христианин, но все силы <употреблю>, чтобы не подать¹⁷⁰³

---

¹⁶⁸⁹ "твердую". Далее в рукописи слово "обрадованный" идет в написании "обрадовавшись"

¹⁶⁹⁰ В рукописи вместо "же" слово "меня..."

¹⁶⁹¹ В рукописи слова "право" нет

¹⁶⁹² более

¹⁶⁹³ усиливать

¹⁶⁹⁴ мехами

¹⁶⁹⁵ выходит

¹⁶⁹⁶ В рукописи вместо слова "доверху – " дано "тогда"

¹⁶⁹⁷ упорнейший из металлов

¹⁶⁹⁸ В рукописи вместо слов "крепчайший муж в горниле несчастный" дано: "крепчайший из людей от внутренней муки несчастий, когда"

¹⁶⁹⁹ В рукописи далее идет слово "чувств"

¹⁷⁰⁰ дабы

¹⁷⁰¹ В рукописи вместо слов "ничего не умею" – "нестоящий"

¹⁷⁰² исправить

¹⁷⁰³ не дать

соблазна. Буду трудиться, буду работать в поте лица¹⁷⁰⁴ в деревне и займусь честно, так чтобы иметь доброе влияние и на других. Что ж, в самом деле, будто я уже совсем негодный. Есть способности к хозяйству; я имею качества бережливости, расторопности и благоразумия, даже постоянства. Стоит только решиться".

Так думал Чичиков и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязал. Казалось, природа его темным чутьем стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, который можно исполнять¹⁷⁰⁵ всюду, на всяком угле¹⁷⁰⁶, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движенья, летающие вокруг человека¹⁷⁰⁷. И трудолюбивая жизнь, удаленная от шума городов и тех обольщений, которые от праздности выдумал¹⁷⁰⁸, позабывши труд, человек, так сильно стала перед ним рисоваться, что он уже почти позабыл¹⁷⁰⁹ всю неприятность своего положения и, может быть, готов был даже возблагодарить провиденье за этот тяжелый <урок>, если только выпустят его и отдадут хотя часть... Но... одностворчатая дверь его нечистого чулана растворилась, вошла чиновная особа – Самосви<с>тов, эпикуреец, собой¹⁷¹⁰ лихач, в плечах аршин, ноги стройные¹⁷¹¹, отличный товарищ, кутила и продувная бестия, как выражались о нем сами товарищи. В военное время человек этот наделал бы чудес. Его¹⁷¹² бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимые, опасные места, украсть перед носом у самого неприятеля пушку, – это его бы дело. Но за неимением¹⁷¹³ военного поприща, на котором бы, может быть, его сделали бы честным человеком, он пакостил от¹⁷¹⁴

---

¹⁷⁰⁴ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "В деревне займусь честно, так чтобы иметь доброе влияние и на других... Что ж в самом деле, будто уже я совсем негодный?.. Есть способность к хозяйству; я имею качества и бережливости, и расторопности и благоразумия, даже постоянство"

¹⁷⁰⁵ исполнить

¹⁷⁰⁶ во всяком углу

¹⁷⁰⁷ Далее в рукописи идут слова: "на всяком месте, на котором он поставлен. И трудолюбивая"

¹⁷⁰⁸ Далее в рукописи вместо слов "позабывши труд человек" – "человек, забывши о труде своем так сильно"

¹⁷⁰⁹ Далее в рукописи слова даны в такой редакции: "все неприятное свое положение и, может быть, даже готов был возблагодарить провидение за этот тяжелый удар, если только выпустят"

¹⁷¹⁰ Слова "собой" в рукописи нет

¹⁷¹¹ страшные

¹⁷¹² В рукописи вместо "его" – "если" с маленькой буквы после запятой

¹⁷¹³ неимением

¹⁷¹⁴ из

всех сил. Непостижимое дело! странные он имел убеждения и правила: с товарищами он был хорош, никого не продавал и, давши слово, держал. Но высшее над собою начальство он считал чем-то вроде неприятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться¹⁷¹⁵, пользуясь всяким слабым местом, проломом или упущением...

"Знаем всё об вашем положении, всё услышали", сказал он, когда увидел, что дверь¹⁷¹⁶ за ним плотно затворилась. "Ничего, ничего. Не робейте: всё будет поправлено¹⁷¹⁷. Все станем¹⁷¹⁸ работать за вас и¹⁷¹⁹ – ваши слуги. Тридцать тысяч на всех – и ничего больше".

"Будто", вскрикнул Чичиков: "и я буду совершенно¹⁷²⁰ оправдан?"

"Кругом!¹⁷²¹ еще и вознаграждение получите за убытки".

"И за труд..."

"Тридцать тысяч. Тут уже всё вместе – и нашим, и генерал-губернаторским, и секретарю".

"Но, позвольте, как же я могу? Мои все вещи, шкатулка, всё это теперь запечатано, под присмотром".

"Через час получите всё. По рукам, что ли?"

Чичиков дал руку. Сердце его билось, и он не доверял, чтобы это было возможно.

"Пока прощайте. Поручил вам <сказать> наш общий приятель, что главное дело – спокойствие и присутствие духа".

"Гм", подумал Чичиков: "понимаю – юрисконсульт!"

Самосвистов скрылся... Чичиков, оставшись, всё еще не доверял словам, как не прошло часа после этого разговора, как была принесена шкатулка, бумаги¹⁷²², деньги – всё в наилучшем порядке. Самосви<с>тов явился¹⁷²³ в качестве распорядителя, выбранил

---

¹⁷¹⁵ пробраться

¹⁷¹⁶ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "дверь плотно за ним притворилась"

¹⁷¹⁷ исправлено

¹⁷¹⁸ стали

¹⁷¹⁹ В рукописи нет "и –"

¹⁷²⁰ Слова "совершенно" в рукописи нет

¹⁷²¹ Далее в рукописи: "еще вознаграждение будет"

¹⁷²² В рукописи вместо слов "деньги –" – "так же"

¹⁷²³ Далее в рукописи: "в квартиру Чичикова"

поставленных часовых за то, что¹⁷²⁴ небдительно смотрели, потребовал еще лишних солдат для усиления присмотра, взял не только шкатулку, но отобрал¹⁷²⁵ даже все такие бумаги, которые могли бы чем-нибудь компрометировать Чичикова; связал всё это вместе, запечатал и повелел самому¹⁷²⁶ солдату отнести немедленно к самому Чичикову, в виде необходимых ночных и спальных вещей. Так что Чичиков, вместе с бумагами, получил даже и всё теплое, что нужно было для покрытия брэнного его тела. Это скорое доставление обрадовало его несказанно. Он возымел сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которую он волочился. Деревня и тишина стали казаться бледней, город и шум – опять ярче, ясней. О, жизнь!

А между тем завязалось дело размера¹⁷²⁷ беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов и, понюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художники, крючко<ва>той строкой. Юрисконсульт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом. Всех опутал решительно, прежде, чем кто успел осмотреться. Путаница увеличилась. Самосвистов превзошел самого себя отважностью и дерзостью¹⁷²⁸ неслыханною. Узнавши, где караулилась схваченная женщина¹⁷²⁹, он явился прямо и вошел таким молодцом и начальником, что часовой сделал ему честь и вытянулся в струнку. "Давно ты здесь стоишь?" – "С утра, ваше благородие". – "Долго до смены?" – "Три часа, ваше благородие". – "Ты мне будешь нужен. Я скажу офицеру, чтобы на место тебя отрядил другого". – "Слушаю, ваше благородие"¹⁷³⁰. И, уехав домой¹⁷³¹, чтобы не замешивать никого и все концы в воду, сам нарядился жандармом, оказался в усах и бакенбардах, сам чорт бы не узнал¹⁷³². Явился в доме, где был¹⁷³³ Чичиков, и схватил¹⁷³⁴

---

¹⁷²⁴ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "небдительно, осмотрел, приказал потребовать еще"

¹⁷²⁵ призабрал

¹⁷²⁶ В рукописи слова "самому" нет

¹⁷²⁷ объема

¹⁷²⁸ отважностью и дерзостию

¹⁷²⁹ мещанка

¹⁷³⁰ Далее в рукописи: "до моей смены три часа ваше благородие"

¹⁷³¹ Далее в рукописи: "уехал домой на минуту"

¹⁷³² не узнал бы его

¹⁷³³ жил

¹⁷³⁴ схватив

первую бабу, какая попалась, и сдал ее двум чиновным молодцам, докам¹⁷³⁵ тоже, а сам прямо явился, в усах и с ружьем, как следует, к часовым¹⁷³⁶: "Ступай, <1 нрзб.> меня прислал командир выстоять, наместо тебя, смену". Обменялся и стал сам с ружьем. Только этого было и нужно. В это время наместо прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куды-то¹⁷³⁷ так, что и потом не узнали, куда она делась. В то время, когда Самосвистов подвизался в лице воина, юрисконсульт произвел чудеса на гражданском поприще: губернатору дал знать стороною, что прокурор на него пишет донос¹⁷³⁸; жандармскому чиновнику дал знать, <что> секретно проживающий чиновник пишет на него доносы; секретно проживавшего¹⁷³⁹ чиновника уверил, что есть еще секретнейший чиновник, который на него доносит, и всех привел в такое положение, что к нему должны все были обратиться за советами. Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых¹⁷⁴⁰ и солнце не видывало, и даже такие, которых и не было. Всё пошло в работу и в дело: и кто незаконнорожденный сын, и какого рода и званья, у кого любовница, и чья жена за кем волочится. Скандалы, соблазны и всё так замешалось и сплелось вместе с историей Чичикова, с мертвыми душами, что никоим¹⁷⁴¹ образом нельзя было понять, которое из этих дел было¹⁷⁴² главнейшая чепуха: оба казались равного достоинства. Когда стали, наконец¹⁷⁴³, поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный князь ничего не мог понять. Весьма умный и расторопный чиновник, которому поручено было сделать экстракт, чуть не сошел с ума. Никаким образом нельзя было поймать нити дела. Князь был в это время озабочен множеством других дел, одно другого неприятнейших. В одной части губернии оказался голод. Чиновники, посланные раздать хлеб, как-то не так распорядились, как следовало. В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился

¹⁷³⁵ докать

¹⁷³⁶ к часовому

¹⁷³⁷ куда-то

¹⁷³⁸ донесение

¹⁷³⁹ проживающего

¹⁷⁴⁰ Далее в рукописи вместо слов "и солнце не видывало" текст дан в такой редакции: "на лице не видно"

¹⁷⁴¹ никаким

¹⁷⁴² Далее в рукописи: "главнейшею чепухою"

¹⁷⁴³ :В рукописи: "наконец стали"

антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души. Каялись и грешили и, под видом¹⁷⁴⁴ изловить антихриста, уколошили не-антихристов¹⁷⁴⁵. В другом месте мужики взбунтовались против помещиков и капитан-исправников. Какие-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны <быть> помещики¹⁷⁴⁶ и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут¹⁷⁴⁷ мужики, и целая волость, не размыслив того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников¹⁷⁴⁸, отказалась платить¹⁷⁴⁹ всякую подать. Нужно было прибегнуть к насильственным мерам. Бедный князь был в самом расстроенном состоянии духа. В это время доложили ему, что пришел откупщик. "Пусть войдет", сказал князь. Старик вошел.

"Вот вам Чичиков. Вы стояли за него и защищали. Теперь он попался в таком деле, на какое последний вор не решится".

"Позвольте вам доложить, ваше сиятельство, что я не очень понимаю это дело".

"Подлог завещания, и еще какой... Публичное наказание плетью за это дело".

"Ваше сиятельство, скажу не с тем, чтобы защищать Чичикова. Но ведь это дело не доказанное. Следствие еще не сделано".

"Улика. Женщина, которая была наряжена на место умершей, схвачена. Я ее хочу расспросить нарочно при вас". Князь позвонил и дал приказ позвать ту женщину.

Муразов замолчал.

"Бесчестнейшее дело, и, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор. Он не должен быть там, где воры и бездельники", сказал князь с жаром.

"Ведь губернатор – наследник; он имеет право на притязания; а что другие-то со всех сторон прицепились, так это-с¹⁷⁵⁰, ваше сиятельство, человеческое дело. Умерла-с богатая, распоряженья¹⁷⁵¹

---

¹⁷⁴⁴ Далее в рукописи: "как бы"

¹⁷⁴⁵ уколошили не антихриста

¹⁷⁴⁶ В рукописи союза "и" нет

¹⁷⁴⁷ быть мужиками

¹⁷⁴⁸ В рукописи слов "и капитан-исправников" нет

¹⁷⁴⁹ Далее в рукописи: "капитан-исправником"

¹⁷⁵⁰ что же-с

¹⁷⁵¹ распоряжения

умного и справедливого не сделала. Слетелись со всех сторон охотники¹⁷⁵² поживиться – человеческое дело..."

"Но ведь мерзости зачем же делать? Подлецы!" сказал князь с чувством негодования¹⁷⁵³. "Ни одного чиновника нет у меня хорошего: все мерзавцы".

"Ваше сиятельство, да кто ж из нас, как следует, хорош? Все чиновники нашего города – люди, имеют достоинства и многие очень знающие в деле, а от греха¹⁷⁵⁴ всяк близок".

"Послушайте, Афанасий Васильевич, скажите мне, я вас одного знаю за честного человека, что у вас за страсть защищать всякого рода мерзавцев?"

"Ваше сиятельство", сказал Муразов: "кто бы ни был человек, которого вы называете мерзавцем, но ведь он человек. Как же не защищать человека, когда знаешь¹⁷⁵⁵, что он половину зол делает от грубости и неведения?¹⁷⁵⁶ Ведь мы делаем несправедливости на всяком шагу¹⁷⁵⁷ даже и не с дурным намереньем и всякую минуту бываем причиной несчастья другого¹⁷⁵⁸. Ведь ваше сиятельство сделали также большую несправедливость".

"Как!" воскликнул в изумлении князь, совершенно пораженный таким неожиданным оборотом речи.

Муразов остановился, помолчал, как бы соображая что-то, и, наконец, сказал: "Да вот хоть бы по делу Дерпенникова".

"Афанасий Васильевич, преступление против коренных¹⁷⁵⁹ государственных законов, равное измене земле своей¹⁷⁶⁰".

"Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, был обольщен и сманен другими, осудить¹⁷⁶¹ так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла ровная и Дерпенникова¹⁷⁶², и какого-нибудь Вороного-Дрянного¹⁷⁶³, а ведь преступленья¹⁷⁶⁴ их не равны".

---

¹⁷⁵² В рукописи слова "охотники" нет

¹⁷⁵³ негодования

¹⁷⁵⁴ В рукописи вместо текста "в деле, а от греха" – "а к греху"

¹⁷⁵⁵ знаю

¹⁷⁵⁶ неведения

¹⁷⁵⁷ Далее в рукописи слов "даже и не с дурным намереньем" нет

¹⁷⁵⁸ Далее в рукописи: "даже и не с дурным намерением"

¹⁷⁵⁹ казенных

¹⁷⁶⁰ В рукописи вместо слов "измене земле своей" – "Государственной измене"

¹⁷⁶¹ осудят

¹⁷⁶² Дерпенликова

¹⁷⁶³ Воронова, дрянного

¹⁷⁶⁴ преступления

"Ради бога", сказал князь с заметным волнением: "вы что-нибудь знаете об этом? Скажите. Я именно недавно послал¹⁷⁶⁵ еще прямо в Петербург об смягчении его участи".

"Нет, ваше сиятельство, я не¹⁷⁶⁶ насчет того говорю, чтобы я знал что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило в его пользу, да он сам не согласится, потому <что> через это пострадал бы другой. А я думаю только то, что не изволили <ли> вы тогда слишком поспешить? Извините, ваше сиятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы несколько раз приказывали мне откровенно говорить. У меня-с, когда я еще был начальником, много было всяких работников, и дурных и хороших¹⁷⁶⁷. [Следовало бы тоже принять во внимание] и прежнюю жизнь человека, потому что¹⁷⁶⁸, если¹⁷⁶⁹ не рассмотришь всё хладнокровно, а накричишь с первого раза, запугаешь¹⁷⁷⁰ только его, да и признанья¹⁷⁷¹ настоящего не добьешься; а как с участием его расспросишь, как брат брата, сам всё выскажет и даже не просит о смягчении¹⁷⁷², и ожесточения ни против кого нет, потому что ясно видит¹⁷⁷³, что не я его наказываю, а закон".

Князь задумался. В это время вошел молодой чиновник¹⁷⁷⁴ и почтительно остановился с портфелем. Забота, труд выражались на его¹⁷⁷⁵ молодом и еще свежем лице. Видно было, что он не даром служил по особым поручениям¹⁷⁷⁶. Это был один из числа тех немногих, который занимался¹⁷⁷⁷ делопроизводством *con amore*. (любовью (итал.).)

Не сгорая ни честолюбьем, ни желаньем¹⁷⁷⁸ прибытков, ни подражаньем¹⁷⁷⁹ другим, он занимался только¹⁷⁸⁰ потому, что был

---

¹⁷⁶⁵ В рукописи вместо слов "недавно послал" – "писал"

¹⁷⁶⁶ В рукописи дописано карандашом слово "не"

¹⁷⁶⁷ В рукописи вместо слов "следовало бы тоже принять внимание" – "Так если не примет во внимание"

¹⁷⁶⁸ В рукописи слов "потому что" нет

¹⁷⁶⁹ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "если не расспросить обо всем" ¹⁷⁷⁰ напугаешь

¹⁷⁷¹ признания

¹⁷⁷² смягчении

¹⁷⁷³ видишь

¹⁷⁷⁴ человек

¹⁷⁷⁵ В рукописи далее: "лице". В конце предложения этого слова нет

¹⁷⁷⁶ поручениям

¹⁷⁷⁷ которые занимались

¹⁷⁷⁸ честолюбием, ни желанием

¹⁷⁷⁹ подражанием

¹⁷⁸⁰ В рукописи слова "только" нет

убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что для этого дана ему жизнь. Следить, разобрать по частям и, поймавши все нити запутаннейшего дела, разъяснить его, это было его дело¹⁷⁸¹. И труды, и старания, и бессонные ночи вознаграждались ему изобильно, если дело¹⁷⁸², наконец, начинало пред ним объясняться, сокровенные причины обнаруживаться, и он чувствовал, что может передать его всё¹⁷⁸³ в немногих словах, отчетливо и ясно, так что всякому будет очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученик, когда пред ним раскрывалась какая-нибудь труднейшая фраза и обнаруживался (*В автографе* – обнаруживается) настоящий смысл мысли великого писателя, как радовался он, когда пред ним распутывалось запутаннейшее дело¹⁷⁸⁴. Зато¹⁷⁸⁵ (*Фраза не дописана, и далее в рукописи пробел.*) "(Текст начинается с новой страницы, и начало фразы в рукописи отсутствует.) хлебом¹⁷⁸⁶ в местах, где голод, я эту часть получше знаю чиновников: рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сиятельство, так я поговорю и с раскольниками. Они-то с нашим братом, с простым человеком, охотнее разговорятся¹⁷⁸⁷. Так, бог весть, может быть, помогу уладить с ними миролюбно. А чиновники не сладят: завяжется об этом переписка, да притом они так уж запутались в бумагах, что уж дела из-за б<умаг>¹⁷⁸⁸ и не видят. А денег-то от вас я не возьму, потому что, ей-богу, стыдно в такое время думать о своей прибыли, когда умирают с голода. У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь, и к будущему лету вновь подвезут".

"Вас может только наградить один бог за такую службу, Афанасий Васильевич. А я вам не скажу ни одного слова, потому что, вы сами можете чувствовать, всякое слово тут бессильно... Но позвольте мне одно сказать насчет той просьбы. Скажите сами, имею ли я право оставить это дело без внимания, и справедливо ли, честно ли с моей стороны будет простить мерзавцев?"

¹⁷⁸¹ занятие

¹⁷⁸² Далее: "начинало наконец"

¹⁷⁸³ Слова "все" в рукописи нет

¹⁷⁸⁴ В рукописи после многоточий записано в скобках: "Здесь находится пропуск"

¹⁷⁸⁵ Слова "зато" в рукописи нет

¹⁷⁸⁶ В рукописи предложение начинается словами "Касательно хлеба"

¹⁷⁸⁷ Далее в рукописи предложение идет в такой редакции: "Так авось Бог поможет уладить с ними миролюбиво, а чиновники не сладят. Завяжется об этом переписка. Да притом"

¹⁷⁸⁸ В рукописи слова "из-за бумаг" заменены на "из них"

"Ваше сиятельство, ей-богу, этак нельзя назвать, тем более, что из <них> есть многие весьма достойные. Затруднительны положения человека, ваше сиятельство, очень, очень затруднительны. Бывает так, что кажется кругом виноват человек, а как войдешь – даже и не он".

"Но что скажут они сами, если оставлю? Ведь есть из них, которые после этого еще больше подымут нос¹⁷⁸⁹ и будут даже говорить, что они напугали. Они первые будут не¹⁷⁹⁰ уважать".

"Ваше сиятельство, позвольте мне вам дать¹⁷⁹¹ свое мнение: соберите их всех, дайте им знать, что вам всё известно, и представьте им ваше собственное положение точно таким самым образом, как вы его¹⁷⁹² изволили изобразить сейчас передо мной¹⁷⁹³, и спросите у них совета: что <бы> из них каждый сделал на¹⁷⁹⁴ вашем положении?"

"Да вы думаете, им будут доступны движенья¹⁷⁹⁵ благороднейшие, чем каверзничать и наживаться? Поверьте, они надо мной посмеются".

"Не думаю-с, ваше сиятельство. У [русского]¹⁷⁹⁶ человека, даже и у того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве¹⁷⁹⁷ жид какой-нибудь, а не русской¹⁷⁹⁸. Нет, ваше сиятельство, вам нечего скрываться. Скажите так точно, как изволили передо <мною>¹⁷⁹⁹. Ведь они вас поносят, как человека честолюбивого, гордого, который и слышать ничего не хочет, уверен в себе, так пусть же увидят всё, как оно есть. Что ж¹⁸⁰⁰ вам? Ведь ваше дело правое. Скажите им так, как бы вы не пред¹⁸⁰¹ ними, а пред самим богом принесли свою исповедь".

"Афанасий Васильевич", сказал князь в раздумьи: "я об этом подумаю, а куда благодарю вас очень за совет".

---

¹⁷⁸⁹ В рукописи вместо слов "подымут нос" – "поднимут нас на смех"

¹⁷⁹⁰ не будут

¹⁷⁹¹ сказать

¹⁷⁹² В рукописи слова "его" нет

¹⁷⁹³ предо мною

¹⁷⁹⁴ в

¹⁷⁹⁵ движения

¹⁷⁹⁶ В рукописи слова "русского" нет

¹⁷⁹⁷ Далее в рукописи слово "уж"

¹⁷⁹⁸ русский

¹⁷⁹⁹ мною

¹⁸⁰⁰ В рукописи "ж" нет

¹⁸⁰¹ перед

"А Чичикова, ваше сиятельство, прикажите отпустить".

"Скажите этому Чичикову, чтобы он убирался отсюда как можно поскорей¹⁸⁰², и чем дальше¹⁸⁰³, тем лучше. Его-то уже я бы никогда не простил".

Муразов поклонился и прямо от князя отправился к Чичикову. Он нашел Чичикова уже в духе, весьма покойно занимавшегося довольно порядочным обедом, который был ему принесен в фаянсовых судках из какой-то весьма порядочной кухни. По первым фразам разговора старик заметил тотчас, что Чичиков уже успел переговорить кое с кем из чиновников-казусников. Он даже понял, что сюда вмешалось невидимое участие знатока-юриста.

"Послушайте-с, Павел Иванович", сказал он: "я привез вам свободу на таком условии, чтобы сейчас вас не было в городе. Собирайте все пожитки свои, да и с богом, не откладывая ни минуты¹⁸⁰⁴, потому что дело еще хуже. Я знаю-с, вас тут один человек настраивает; так объявляю вам по секрету, что такое еще дело одно открывается, что уж никакие силы не спасут этого¹⁸⁰⁵. Он, конечно, рад других топить, чтобы¹⁸⁰⁶ нескучно, да дело к разделке. Я вас оставил в расположеньи¹⁸⁰⁷ хорошем, лучшем, нежели в каком теперь. Советую вам-с¹⁸⁰⁸ не в шутку. Ей<-ей>, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди и режут друг друга. Точно как¹⁸⁰⁹ можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши¹⁸¹⁰ о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, брося¹⁸¹¹ всё, из-за чего грызут и едят друг друга на земле¹⁸¹², не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всем народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно. Что ни говорите, ведь от души зависит тело¹⁸¹³. Как же хотеть, чтобы <шло> как следует. Подумайте не о

---

¹⁸⁰² поскорее

¹⁸⁰³ В рукописи далее идет слово "отсюда"

¹⁸⁰⁴ ни минуты

¹⁸⁰⁵ его

¹⁸⁰⁶ Далее в рукописи вместо слова "нескучно" – "одному ему не скучно было"

¹⁸⁰⁷ в расположении

¹⁸⁰⁸ В рукописи вместо слова "вам-с" – "вам со всем"

¹⁸⁰⁹ Далее в рукописи слова "как будто можно было"

¹⁸¹⁰ не помышляя

¹⁸¹¹ не бросят

¹⁸¹² Далее в рукописи: "и не"

¹⁸¹³ Далее в рукописи: "когда же хотите"

мертвых душах, а <о> своей живой душе, да и с богом на другую дорогу. Я тож¹⁸¹⁴ выезжаю завтрашний день. Поторопитесь!¹⁸¹⁵ Не то без меня беда будет".

Сказавши это, старик вышел. Чичиков задумался. Значенье жизни¹⁸¹⁶ опять показалось¹⁸¹⁷ немаловажным. "Муразов прав!" сказал он: "пора на другую дорогу". Сказавши это, он вышел из тюрьмы. Часовой потащил за ним шкатулку¹⁸¹⁸, другой – тюфяк, белье. Селифан и Петрушка обрадовались, как бог знает чему, освобожденью¹⁸¹⁹ барина. "Ну, любезные", сказал Чичиков, обратившись милостиво¹⁸²⁰: "нужно укладываться да ехать".

"Покатим, Павел Иванович", сказал Селифан. "Дорога, должно быть, установилась: снегу выпало довольно. Пора уж, право, выбраться из города. Надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы".

"Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозки"¹⁸²¹, сказал Чичиков, а сам пошел в город, но ни <к> кому не хотел заходить¹⁸²² отдавать прощальных визитов¹⁸²³. После всего этого события было и неловко, тем более, что о нем множество ходило в городе самых неблагоприятных историй. Он избегал всяких <встреч> и зашел потихоньку только к тому купцу, у которого купил сукно наваринского пламени с дымом¹⁸²⁴, взял вновь четыре аршина на фрак и на штаны и отправился сам к тому же портному. За двойную <цену> мастер решил усилить рвение и засадил всю ночь работать при свечах портное народонаселение иглами, утюгами и зубами, и¹⁸²⁵ фрак на другой день был готов, хотя и немножко поздно. Лошади все¹⁸²⁶ были запряжены. Чичиков, однако ж, фрак примерил. Он был хорош, точь-в-точь как прежний. Но, увы, он заметил, что в голове уже белело что-то гладкое, и примолвил

---

¹⁸¹⁴ тоже

¹⁸¹⁵ В рукописи слово исправлено карандашом

¹⁸¹⁶ В рукописи: "души"

¹⁸¹⁷ Далее в рукописи слово "ему"

¹⁸¹⁸ Далее в рукописи слов "другой – тюфяк <?>, белье" нет

¹⁸¹⁹ освобождению

¹⁸²⁰ Далее в рукописи идут слова "к ним"

¹⁸²¹ полозья

¹⁸²² зайти

¹⁸²³ Далее текст идет в такой редакции: "После этого события было неловко, тем более, что о нем много ходило в городе самых неблагоприятных историй"

¹⁸²⁴ дыма с пламенем

¹⁸²⁵ В рукописи вместо союза "и" стоит "так точно"

¹⁸²⁶ В рукописи слова "все" нет

грустно: "И¹⁸²⁷ зачем было предаваться так сильно сокрушению?¹⁸²⁸ А рвать волос¹⁸²⁹ не следовало бы и подавно". Расплатившись с портным, он выехал наконец из города в каком-то странном положении. Это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно было¹⁸³⁰ сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строением¹⁸³¹, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришел¹⁸³² от архитектора определительный план, и работники остались в недоумении¹⁸³³. Часом прежде его отправился старик Муразов, в рогоженной кибитке, вместе с Потапычем, а часом после отъезда Чичикова пошло¹⁸³⁴ приказание, что князь, по случаю отъезда в Петербург¹⁸³⁵, желает видеть всех чиновников до едина.

В большом зале генерал-губернаторского дома собралось всё чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: правители канцелярий и дел, советники, ассессоры, Кислоедов, Краснонос, Самосвистов, не бравшие, бравшие, кривившие душой, полукривившие и вовсе не кривившие¹⁸³⁶, — все не без волнения и беспокойства ожидали выхода генерал-губернатора. Князь вышел ни мрачный, ни ясный: взор его был тверд так же, как и шаг. Всё чиновное собрание поклонилось, многие в пояс. Ответив легким поклоном, князь начал:

"Уезжая в Петербург, я почел приличным повидаться с вами со всеми и даже объяснить вам отчасти причину. У нас завязалось дело очень соблазнительное. Я полагаю, что многие из предстоящих знают, о каком деле я говорю. Дело это повело за собою открытие и других, не менее бесчестных дел, в которых замешались даже¹⁸³⁷, наконец, и такие люди, которых я доселе¹⁸³⁸ почи-

¹⁸²⁷ В рукописи союза "и" нет

¹⁸²⁸ сокрушению

¹⁸²⁹ волосы

¹⁸³⁰ Далее в рукописи текст от слов "было сравнить..." до слов "... души" идет в такой редакции: "было бы его внутреннее состояние души сравнить"

¹⁸³¹ строением

¹⁸³² Далее в рукописи идет текст в такой редакции: "еще от архитектора определенный план"

¹⁸³³ в недоумении

¹⁸³⁴ В рукописи вместо слова "пошло" — "объявлено"

¹⁸³⁵ "в С.-Петербург". Последнее слово в предложении: "до единого"

¹⁸³⁶ Далее в рукописи после точки: "Все не без волнения и беспокойствия"

¹⁸³⁷ Далее идет слово "замешались"

¹⁸³⁸ даже

тал честными¹⁸³⁹. Известна¹⁸⁴⁰ мне даже и сокровенная цель спутать таким образом всё, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным порядком¹⁸⁴¹. Знаю даже, и кто главная [пружина] и чьим сокровенным (*Не дописано.*) хотя он и очень искусно скрыл свое участие. Но дело в том, что я намерен это следить¹⁸⁴² не формальным следованьем¹⁸⁴³ по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное <время>, и надеюсь, что государь мне даст¹⁸⁴⁴ это право, когда я изложу все это дело. В таком случае, когда нет возможности произвести дело¹⁸⁴⁵ гражданским образом, когда горят шкафы с <бумагами> и, наконец, излишеством лживых посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того довольно¹⁸⁴⁶ темное дело, я полагаю военный суд единственным средством и желаю знать мнение ваше!"

Князь остановился, как <бы> ожидая ответа. Всё стояло, птупив глаза в землю. Многие были бледны.

"Известно мне также еще одно дело, хотя производившие его в полной уверенности, что оно никому не может быть известно. Производство его уже пойдет¹⁸⁴⁷ не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представлю очевидные доказательства".

Кто-то вздрогнул среди чиновного собрания, некоторые из боязливейших тоже смутились.

"Само по себе, что главным зачинщикам должно последовать лишение¹⁸⁴⁸ чинов и имущества, прочим отрешенье¹⁸⁴⁹ от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадает и множество невинных. Что ж делать? дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что на место выгнанных явятся другие, и те самые, которые дотоле были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые

---

¹⁸³⁹ честнейшими

¹⁸⁴⁰ известно

¹⁸⁴¹ Далее в рукописи идет текст в такой редакции: "Знаю и кто главный и чье тут сокровенное действие, хотя он"

¹⁸⁴² В рукописи вместо слов "это следить" идет "судить"

¹⁸⁴³ следованием

¹⁸⁴⁴ даст мне

¹⁸⁴⁵ Вместо слова "дело" в рукописи: "это"

¹⁸⁴⁶ В рукописи слова "довольно" нет

¹⁸⁴⁷ пойдет уже

¹⁸⁴⁸ лишение

¹⁸⁴⁹ отрешение

удостоены будут доверенности, обманут и продадут, несмотря на всё это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудье. Знаю, что будут меня обвинять в суровой жестокости, но знаю, что те будут еще¹⁸⁵⁰ (*Край листа оторван и утрачены середина и окончание фразы.*) те же обвинят (*Край листа оторван и утрачены середина и окончание фразы.*)

Я должен обратиться таки<м образом> только в одно бесчувственное орудие правосудия, в топор, который должен упасть на головы <виновных>".

Содроганье невольно пробежало по всем лицам.

Князь был спокоен. Ни гнева, ни возмущенья душевного не выражало его лицо.

"Теперь тот самый, у которого в руках участь многих и которого никакие просьбы не в силах были умолишь, тот самый¹⁸⁵¹ [бросается] теперь к ногам [вашим], вас всех просит. Всё будет позабыто, изглажено, прощено; я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями¹⁸⁵² нельзя искоренить неправды, она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью¹⁸⁵³ и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти¹⁸⁵⁴ невозможно многим идти противу всеобщего течения¹⁸⁵⁵. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякой¹⁸⁵⁶ гражданин несет всё и жертвует всем, я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и <которым>¹⁸⁵⁷ понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Что тут говорить о том, кто более из нас виноват. Я, может быть¹⁸⁵⁸, больше всех виноват; я, может быть, слишком сурово вас принял вначале;

---

¹⁸⁵⁰ Далее в рукописи текст идет в такой редакции: "еще более обвинят меня, для которых я должен обратиться только в одно безчувственное орудие правосудия долженствующее упасть на их головы"

¹⁸⁵¹ Далее в рукописи текста "бросается теперь к ногам вашим" нет

¹⁸⁵² наказаниями

¹⁸⁵³ необходимостью и потребностью

¹⁸⁵⁴ даже

¹⁸⁵⁵ против всеобщего течения

¹⁸⁵⁶ всякий

¹⁸⁵⁷ В рукописи слова "которым" нет

¹⁸⁵⁸ Далее в рукописи слов "больше всех виноват; я, может быть" нет

может быть, излишней¹⁸⁵⁹ подозрительностью¹⁸⁶⁰ я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными¹⁸⁶¹, хотя и я с своей стороны мог бы так же сделать. Если они уже¹⁸⁶² действительно любили справедливость и добро своей земли, не следовало бы им оскорбиться ни надменностью¹⁸⁶³ моего обращения, следовало бы им подавить в себе¹⁸⁶⁴ собственное честолюбие и пожертвовать своею личностью¹⁸⁶⁵. Не может быть, чтобы я не заметил их самоотверженья¹⁸⁶⁶ и высокой любви к добру и не принял бы, наконец, от них полезных и умных советов. Все-таки скорей¹⁸⁶⁷ подчиненному следует применяться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчиненного. Это законней¹⁸⁶⁸, по крайней мере, и легче, потому что у подчиненных¹⁸⁶⁹ один начальник, а у начальника сотня¹⁸⁷⁰ подчиненных. Но оставим теперь в сторону¹⁸⁷¹, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришло¹⁸⁷² нам спасти нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнеее всякого законного. Установились свои условия, всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как <ни> ограничивай он в действиях¹⁸⁷³ дурных чиновников приставленьем¹⁸⁷⁴ в надзиратели¹⁸⁷⁵ других чиновников. Всё будет безуспешно, покуда не почувствовал¹⁸⁷⁶ из нас

---

¹⁸⁵⁹ излишнею

¹⁸⁶⁰ подозрительностию

¹⁸⁶¹ быть полезными

¹⁸⁶² уже они

¹⁸⁶³ В рукописи это слово исправлено карандашом на "надменностию"

¹⁸⁶⁴ В рукописи слова "в себе" нет

¹⁸⁶⁵ В рукописи слова "своею личностью" заменены одним словом "личностию"

¹⁸⁶⁶ самоотвержения и высшей

¹⁸⁶⁷ скорее

¹⁸⁶⁸ законнее

¹⁸⁶⁹ у подчиненного

¹⁸⁷⁰ сотни

¹⁸⁷¹ в стороне

¹⁸⁷² пришлось

¹⁸⁷³ Слово сочетание "в действиях" в рукописи заменено на "действия"

¹⁸⁷⁴ представлением

¹⁸⁷⁵ Далее в рукописи: "к ним"

¹⁸⁷⁶ не почувствует

всяк, что он так же, как в эпоху¹⁸⁷⁷ восстанья народ вооружался против <врагов?>, так должен восстать против неправды. Как русской¹⁸⁷⁸, как связанный с вами единокровным родством¹⁸⁷⁹, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь <к> вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва (*Не окончено.*)

---

¹⁸⁷⁷ Далее в рукописи текст дан в такой редакции: "восстания народов на нас, вооружаясь, должен восстать теперь против неправды"

¹⁸⁷⁸ русский

¹⁸⁷⁹ В рукописи последняя страница утеряна

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СПИСКИ ВТОРОГО ТОМА "МЕРТВЫХ ДУШ" Н.ГОГОЛЯ КАК НАУЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ.....	3
РАЗДЕЛ II. НЕЖИНСКИЙ СПИСОК ВТОРОГО ТОМА "МЕРТВЫХ ДУШ".....	33
Глава 1	34
Глава 2	61
Глава 3	71
Глава 4	101
Глава 5	119
РАЗДЕЛ III. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЖИНСКОГО СПИСКА ВТОРОГО ТОМА "МЕРТВЫХ ДУШ" ГОГОЛЯ	155
РАЗДЕЛ IV. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКАДЕМИЧЕСКОГО И НЕЖИНСКОГО СПИСКОВ ВТОРОГО ТОМА "МЕРТВЫХ ДУШ"	185
Глава 1	186
Глава 2	228
Глава 3	241
Глава 4	286
Заключительная глава.....	313

Наукове видання

Самойленко Григорій Васильович

НІЖИНСЬКИЙ СПИСОК ДРУГОГО ТОМУ "МЕРТВИХ ДУШ"
М.ГОГОЛЯ

Російською мовою

Технічний редактор – В. П. Сливко
Верстка, макетування – Н. О. Приходько
Літературний редактор – О. М. Лісовець
Коректор – О. М. Лісовець
Дизайн обкладинки – А. В. Новгородська

Підписано до друку
Гарнітура Computer Modern
Замовлення №

Формат 60x84/16
Обл.-вид. арк. 18,14
Ум. друк. арк. 20,92

Папір офсетний.
Тираж 130 пр.

Ніжинський державний університет
імені Миколи Гоголя.
м. Ніжин, вул. Воздвиженська, 3/4
(04631)7–19–72
E-mail: vidavn_ndu@mail.ru
www.ndu.edu.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 2137 від 29.03.05 р.